

А.Н.Гумилев

В ПОИСКАХ
ВЫМЫШЛЕННОГО
ЦАРСТВА

Книга, предлагаемая вниманию читателей, не укладывается ни в один из принятых в современной научной литературе жанров. Ее нельзя назвать научно-популярным очерком в полном смысле слова, несмотря на то, что она написана в популярной форме и рассчитана на широкий круг читателей. Она популяризирует, однако, не результаты сугубо научных, академических исследований, написанных для узкого круга специалистов, а совершенно новое исследование, которое содержится в ней самой <...> ... популярная форма, а главное – метод исследования автора коренным образом отличаются от формы и метода монографий. Книгу Л. Н. Гумилева скорее всего можно назвать научным трактатом в средневековом смысле слова.

Можно ли считать такой давно вышедший из употребления жанр подходящим для современного научного исследования? Ответ на этот вопрос дает сама книга.

Лев Николаевич Гумилев

В поисках вымышленного царства

Предисловие

Книга, предлагаемая вниманию читателей, не укладывается ни в один из принятых в современной научной литературе жанров. Ее нельзя назвать научно-популярным очерком в полном смысле слова, несмотря на то, что она написана в популярной форме и рассчитана на широкий круг читателей. Она популяризирует, однако, не результаты сугубо научных, академических исследований, написанных для узкого круга специалистов, а совершенно новое исследование, которое содержится в ней самой и которое публикуется впервые. Казалось бы, это обстоятельство роднит ее с монографией, поскольку изложение материала в ней подчинено одной теме – теме исследования. Но популярная форма, а главное – метод исследования автора коренным образом отличаются от формы и метода монографий. Книгу Л. Н. Гумилева скорее всего можно назвать научным трактатом в средневековом смысле слова.

Можно ли считать такой давно вышедший из употребления жанр подходящим для современного научного исследования? Ответ на этот вопрос дает сама книга.

За последние полтора столетия развитие научной мысли шло по пути дифференциации наук. Единые прежде отрасли научных знаний дробились, и их части все дальше и дальше отходили друг от друга. Так, история отделилась от географии и филологии. Затем она распалась на ряд специальностей, связанных с определенными ареалами территории и хронологическими отрезками времени. От нее отпочковались источниковедение, история религии, история культуры, этнография и целый ряд других дисциплин, имеющих тенденцию стать самостоятельными отраслями знания. То же самое происходит и с другими науками.

Такой процесс развития науки вполне закономерен. Он принес свои плоды. Но теперь все более и более дает себя знать необходимость научного синтеза, необходимость использования достижений самых различных научных дисциплин. Новые научные открытия в наше время все чаще и чаще делаются не в какой-либо определенной отрасли знания, а на стыке наук. Автор данной книги как раз и столкнулся с необходимостью использовать при исследовании данные различных разделов истории, источниковедения, физической географии, климатологии и криминалистики. Каждая из этих наук имеет свои собственные методы исследования, отличные друг от друга, так что форма монографии оказалась для избранной автором темы непригодной. Но зато трактат позволил вместить и синтезировать весь необходимый материал.

Своеобразие темы сказалось и на композиции книги. Автор сознательно отказался от принятого в научных исследованиях порядка начинать работу с обзора и критики источников. Для того чтобы подвергнуть критике источники по данной теме, необходимо, чтобы читатель был знаком в общих чертах с историей описываемой эпохи, чтобы он сам почувствовал, где в этой общей картине исследователь сталкивается с «белыми пятнами» и противоречивыми сведениями. Без таких предварительных знаний нельзя дать настоящую и полноценную критику важнейших источников. Более того, без этого в них вообще нельзя разобраться. Поэтому Л. Н. Гумилев берется за источниковедческий анализ лишь во второй части книги, чтобы затем снова вернуться к общей картине и заполнить те «белые пятна», которые были обнаружены при изложении ее в первой части книги. Следует признать, что такой ход исследования, несмотря на его необычность, является не только вполне оправданным, но и единственно возможным.

В книге много места уделено разбору целого ряда религиозных систем, с которыми автору пришлось столкнуться в ходе исследования. Такое внимание к религиозной истории тоже связано со своеобразием темы. Автор разбирает религиозные системы не с догматической и не с социально-экономической сторон. Он связывает их с этнографией народов Великой степи и использует как индикатор тех глубинных подспудных процессов исторического развития,

которые выступали на поверхности истории в религиозной оболочке.

Книга носит заглавие «Поиски вымышленного царства». На первый взгляд речь идет о разборе исторического курьеза, каковым и было царство пресвитера Иоанна. Но за этим курьезом скрывалась целая эпоха в истории кочевых народов Центральной Азии, полная важных и драматических событий, результаты которых оказали огромное влияние на весь ход всемирной истории. Эти события породили легенду о пресвитере Иоанне и его царстве; они и являются объектом исследования. Речь идет об истории Великой степи от распада Тюркского каганата в VIII в. до образования монгольской империи в первой половине XIII в.

Перу Л. Н. Гумилева принадлежат книги «Хунну» и «Древние тюрки», в которых систематически и подробно изложена история центральноазиатских кочевников с древнейших времен, доступных исследованию, до IX в. Настоящая книга является прямым продолжением этих работ. В ней освещается самый темный и малоизученный отрезок истории кочевых народов, вскрываются процессы, приведшие к возникновению монгольской империи, и история появления самого «потрясателя вселенной» Чингисхана.

В исторической литературе принято считать Великую степь чем-то единым, а всех кочевников изображать на одно лицо. Трактат Л. Н. Гумилева, как и его предшествующие работы, упомянутые выше, кладут конец подобным представлениям. Степь имела свою историю, не менее напряженную и полнокровную, чем история, скажем, Европы или Ближнего Востока. Кочевые народы в ходе своего развития создали оригинальный тип общества и культуры, которые отнюдь не являются ни застойными, ни примитивными. Каждый кочевой народ имел свое неповторимое лицо, свои индивидуальные черты, которые автору удалось показать на страницах настоящей книги.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о методе исследования Л. Н. Гумилева. В смысле быстроты получения надежного результата он относится к существующим методам, как алгебра к арифметике. Для того чтобы обычными методами достичь того, что сделано в данной книге, пришлось бы написать минимум четыре монографии, доступные только узкому кругу специалистов, и затратить на это всю жизнь. Метод Л. Н. Гумилева позволил избежать такой траты сил, которая привела бы примерно к тому же результату. Он вкратце может быть охарактеризован как применение исторической дедукции к накопленному материалу в отличие от общепринятого индуктивного метода.

Последний метод, безусловно, необходим и хорош, когда речь идет о накоплении материала. Но он оказывается бессильным при создании обобщенной исторической картины, особенно тогда, когда имеющиеся в распоряжении науки источники немногочисленны и разрозненны. В таких случаях индуктивным путем просто невозможно решить задачу.

Л. Н. Гумилев не случайно избрал для своего исследования жанр трактата. Этот жанр позволил ему применить методику и достижения целого ряда наук для решения поставленной задачи. Используя стереоскопический метод исследования, образно названный им взглядом из мышиной норы, с высоты кургана и с высоты птичьего полета, а также широкую историческую панораму от берегов Атлантики до волн Тихого океана, он получил данные, которые имеют значение не только для истории, но и для этнографии, археологии, физической географии, почвоведения, климатологии.

Эта методология применяется автором не впервые. Именно благодаря ей автору удалось открыть Хазарию и выяснить климатическую историю зоны степей Евразии. Поэтому настоящую книгу уже нельзя назвать только историческим исследованием. Она содержит в себе синтез данных целого ряда наук, являясь необходимой ступенью к созданию синтетической науки, которую можно назвать этнологией.

Трилистник письменного стола

Братскому монгольскому народу посвящаю.

Автор

Глава I. Преодоление филологии

О чтении книг

Когда возникает интерес к какому-либо предмету, когда хочется узнать о нем все: и то, что он собой представляет, и как он связан со своим окружением, и какое он имеет значение для меня и моих современников, – то прежде всего ищешь книгу, желательно одну, где бы все это было описано. Надеешься, что, прочтя ее, обретишь покой и сможешь перейти к очередным делам, до тех пор пока демон любознательности не вцепится снова в сердце.

И вот, признаюсь, мне безумно захотелось узнать, как в пустынных степях Монголии внезапно возникла могучая империя Чингисхана, которая через 100 лет так же быстро развалилась. Конечно, я тут же бросился искать книгу, но каково же было мое разочарование: книг оказалось больше, чем я мог бы за всю жизнь прочесть, а ответа на вопрос так-таки и не было.

Мне могут возразить, что я не имею права на такое утверждение, поскольку признаюсь сам, что всех книг не прочел. Но, к счастью, нам осталось наследство от средневековой схоластики – система сносок и ссылок. Читая обзорную работу, по ссылкам легко установить, что откуда переписано. Авторы обзорных работ – люди дотошные. Уж если бы они могли откуда-нибудь списать такое ценное сведение, которое проливайте бы свет на причину образования мировой империи, так и списали бы его. Но, к сожалению, его нет! И мне пришлось копаться в текстах самому.

Но и тут меня подстерегали огорчения. Авторы одних источников сообщали о том, что в Азии было большое христианское царство еще до возникновения монгольской империи, а авторы других источников того же времени об этом умалчивали. Я окончательно растерялся. Чтобы удовлетворить свое страстное любопытство, мне пришлось заниматься историей кочевников всерьез, отодвинув на задний план все другие дела.^[1]

Но история – дело тонкое. Если просто собрать сведения из разных источников, то они чаще всего противоречат друг другу. Если же отобрать только те, которые между собой согласуются, то они рассыпаются, как стальные шарики, сложенные в виде пирамиды. Надо бы их скрепить, сцементировать, да нечем! И тут я подумал: возьму-ка заведомо правильное суждение, что Чингисхан был и его империя существовала, и заведомо сомнительное, что пресвитер Иоанн царствовал в «Трех Индиях», и сопоставлю их на авось. Вдруг от такого сочетания сама собой получится органическая концепция, поскольку у меня уже появятся положительные и отрицательные величины. Так я и поступил. А теперь пусть судит читатель, насколько удачной оказалась моя попытка.

Аутентичная ложь

В 1145 г. в Западной, романо-германской, феодальной и католической Европе распространился слух, потрясший воображение королей и прелатов, рыцарей и купцов, благородных дам и прекрасных куртизанок, грубых провинциальных баронов и моряков средиземноморских флотов Генуи, Венеции и Пизы – словом, всех, имевших хотя бы косвенное отношение к подготавливавшемуся тогда второму крестовому походу.^[2]

Выдающийся германский историк, автор всемирной хроники «Книги о двух государствах» и исторического труда «Деяния императора Фридриха» (Барбароссы), Оттон Фрейзингенский оставил следующую запись: «...Мы повстречали также недавно рукоположенного в сан

епископа Габульского из Сирии... Он рассказал, что несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующего христианство, хотя и несторианского толка, пошел войной на двух братьев Самиардов, царей Мидии и Персии, и завоевал их столицу Экбатану (?!)... Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви. Однако когда он достиг Тигра и за неимением корабля не смог переправиться через него, пошел к северу, где, как он узнал, река эта зимой замерзает. Но, проведя там напрасно несколько лет, он не дождался мороза и, не достигнув из-за теплой погоды своей цели, был вынужден вернуться на родину, тем более что из-за нездорового климата он потерял многих своих воинов... Кроме того, рассказывают, что он ведет свой род от древних волхвов»^[1] (т.е. евангельских волхвов, якобы наблюдавших вспышку Вифлеемской звезды и принесших дары новорожденному Иисусу).

Аналогичные сообщения появились и в других германских хрониках^[2]. По-видимому, сообщения о царе-первосвященнике начали рассматривать как реальность^[3]. На легенду наросли новые подробности: появилось письмо пресвитера Иоанна византийскому императору Мануилу Комнину, написанное будто бы на арабском языке и затем переведенное на латинский для папы и императора Фридриха Барбароссы. Арабский оригинал не сохранился, а в дошедшей до нас версии текст письма таков (в сокращении):

«Пресвитер Иоанн, всемогуществом Божиим и властью Господина нашего Иисуса Христа царь царей, повелитель повелителей, желает другу своему Мануилу, князю Константинопольскому, здравствовать и благоденствовать по милости Божией...»^[3]

Уже одно это обращение могло бы насторожить читателя, хотя бы чуть-чуть способного к критике. Иоанн называет своих вассалов царями, а суверенного государя Мануила Комнина – князем Константинопольским. Такое явное неуважение, причем ничем не вызванное, должно было бы иметь последствием не союз и дружбу, а разрыв дипломатических отношений. Но фальсификатор, автор письма, знал свою аудиторию. На католическом Западе унижение византийского православного царя, пусть мнимое, было воспринято как нечто подразумевающееся и не повлекло за собой недоверия к тексту, что пошло бы только на пользу делу^[4].

Далее, пресвитер Иоанн описывает свою державу, которую называет «Три Индии», причем местом своей столицы называет Сузы^[5]. Только совершенно не сведущий в античной географической литературе читатель мог не заметить, что сам автор письма ничего не понимает в географии.

Понятно, что в Константинополе на эти рассказы не обратили ни малейшего внимания, а западноевропейскому читателю XII в. даже в голову не пришло, что его просто морочат.

Весьма примечательно, что «пресвитер Иоанн» счел долгом описать все живое своего царства, начиная со зверей наиболее экзотичных, с точки зрения европейца: «Слоны, дромадеры, верблюды, Meta collinarum (?), Cametennus (?), Tinsere (?), пантеры, лесные ослы, белые и красные львы, белые медведи, белые мерланы(?), цикады, орлиные грифоны, ... рогатые люди, одноглазые, люди с глазами спереди и сзади, кентавры, фавны, сатиры, пигмеи, гиганты, циклопы, птица феникс и почти все обитающие на земле породы животных...»^[4].

Откуда автор письма взял этот список? Только из средневековой фантастики, так как этот жанр никогда не умирал^[6]. Кажется совершенно удивительным, что в такую чепуху поверили и верили еще свыше 500 лет, но такова сила слова, заключенного в «аутентичный источник», а письмо именно таким и было^[7]. И поэтому-то папа Александр III 27 сентября 1177 г. выдал длинное послание лейб-медику магистру Филиппу для «царя-первосвященника Иоанна». Посол вместе с письмом был отправлен из Венеции тогда же. Но куда? Место обширного и великого

христианского царства на Дальнем Востоке было неизвестно, и все попытки отыскать его не имели успеха. Да иначе и быть не могло – царства восточных христиан не существовало!

Долго не хотели европейцы примириться с разочарованием, но пришлось. Ни в Индии, ни в Абиссинии, ни в Китае не нашлось ничего похожего на столь подробно описанное царство Иоанна. В XIX в. историкам осталось лишь объяснять причины фальсификации и легковерия предков. Но ведь методика исторической критики и сейчас не всегда принципиально отличается от средневековой, а кроме того, как истина, так и ложь всегда смешаны между собою, хотя и в разных пропорциях.

Дыма без огня не бывает, и теперь уже нет никаких сомнений в том, что причиной слуха было действительное событие: разгром войск сельджукского султана Санджара ополчением центральноазиатских племен, объединенных киданьским гурханом Елюем Даши на Катванской равнине в 1141 г. ^[5]. Вероятно, несториане были и среди кочевников, но сам Елюй Даши если и имел определенные религиозные симпатии, то только к буддизму. До Тигра его войска не доходили, да и не стремились дойти, царство его было небольшим, охватывавшим только Семиречье, часть Джунгарии и южные склоны Алтая; имени Иоанн среди киданьских владений не зафиксировано, и ничего похожего на пышный вымысел средневековых европейцев ^[6] в Азии не обнаружено. И тут встают сразу две большие проблемы: 1) что же было на самом деле? 2) поскольку аутентичный источник дает заведомо ложные сведения, то имеем ли мы право вообще доверять источникам, а если нет, то как нам добыть сведения достоверные? Вот на эти два вопроса мы и постараемся ответить нашей книгой.

Возникающие трудности

На наше счастье, история средних веков неплохо разработана нашими предшественниками. Это надо понимать в том смысле, что установлена последовательность большинства событий политической истории, датированы войны, договоры, дипломатические и династические союзы, законодательные акты и социальные реформы. Иными словами, уже имеется канва, на которую можно нанести тот или иной узор и воспользоваться ею для того, чтобы опровергнуть или поставить под сомнение сведения, нелепость которых бросается в глаза; в том числе и рассказ о «первосвященнике-царе Иоанне».

Но вместе с тем событий так много, что охватить их взглядом или запомнить и удержать в памяти невозможно. Обычно здесь принято идти путем узкой специализации – изучения страны в одну, сравнительно короткую эпоху. Ведь именно этот путь привел средневековых летописцев к принятию абсурдного сведения о Иоанне, сведения, которое не удержалось в арсенале византийской и древнерусской науки, потому что греки и русские, находясь территориально ближе к Азии, знали ее лучше, чем современные им немцы или французы. Следовательно, путь сужения специализации ведет к тому, что на глаза исследователя надеваются шоры и отсутствие перспективы приводит к не меньшим ошибкам, чем недостаточная углубленность.

Затем для нашей темы необходимо самое широкое рассмотрение истории тех стран, где несторианство возникло, развилось и погисло, т.е. почти тысячелетний период истории Азии от Мраморного до Желтого моря ^[8]. Удержать же в памяти все события, связанные с интересующей нас темой, возможно только путем помещения их в какую-то систему, специально для этой темы приспособленную. А поскольку такой системы нет, то надо ее изобрести, помня одновременно, что назначение ее чисто вспомогательное. Нужный для вывода материал можно получить двумя путями: 1) непосредственно из источников, т.е. сочинений современников событий, и 2) из сводной исторической литературы XIX–XX вв. Второй способ имеет ряд преимуществ: он менее

трудоемок; критика средневековых текстов и версий уже произведена, и повторять ее без достаточных оснований не имеет смысла; события сведены в причинно-следственные ряды, что облегчает нашу задачу – интерпретацию, и, наконец, читатель без затруднения может проверить ход нашей мысли и правильность выводов. Но, увы, ограничиваться этим путем нельзя, ибо если бы в историографии все обстояло так благополучно, то не возникало бы проблем, подобных тем, с которыми мы уже столкнулись и столкнемся еще не раз. Поэтому нам придется снова и снова обращаться к источникам не в плане текстологическом или литературоведческом, а на предмет проверки достоверности тех или иных сведений, возбуждающих сомнения или недоверие. Источниковед-филолог стремится ответить на вопрос: что говорит изучаемый автор? А источниковеда-историка интересует: что из сообщаемого автором – правда, что им опущено и как было на самом деле? Разница в аспекте очевидна.

Весьма распространено мнение, что ошибочность или недостаточность вывода объясняется поверхностным изучением источника. Молчаливо предполагается, что имеющиеся в научном обороте источники содержат все, что нужно для совершенного знания предмета. Достаточно лишь предельно точно перевести сочинение средневекового автора и пересказать его своими словами, чтобы любая проблема, связанная с данным сочинением, была решена. Это мнение нигде специально не сформулировано, но бытует как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее пересмотру. При этом упускается из виду, что, слепо следуя источникам, историк только воспроизводит точку зрения древнего автора, а никак не истинное положение дела, которое самому старинному автору бывало зачастую неясно. Критика источников при таком подходе сводится к установлению их аутентичности, а противоречия нескольких, несомненно подлинных, источников составляют барьер, не всегда преодолимый. Да и как его перепрыгнуть, если для этого рекомендуется, допустим в нашем случае, опровергнуть все новые, да и старые исследования по истории Монголии^[9], заново перевести источники с арабского, персидского, греческого, китайского, монгольского, латинского, грузинского и армянского языков, да так, чтобы не повторить ни одного из предшественников и в конце концов выдвинуть еще одну гипотезу, отнюдь не имея уверенности, что она лучше прежних.

Этот путь меня не манил прежде всего потому, что никак не мог набраться смелости заявить, что мои переводы (если бы я их сделал) будут лучше и точнее, чем те, которые были выполнены блестящими и учеными филологами. Наоборот, историк, имея собственную точку зрения, всегда будет подгонять перевод под подтверждение ее. И совершенно безразлично, сознательно ли он выбирает удобные для него варианты или искренне верит, что так оно и есть. Даже стремление к повышению степени буквальности нецелесообразно, потому что буквальный перевод далеко не всегда самый точный, так как тут опускаются смысловые и интонационные нюансы, значащие в литературном произведении куда больше, чем формы глаголов или синтаксические обороты.

Но самым главным пороком этого метода является то, что исследование предмета подменяется изучением текстов, упоминающих о нем. Ведь нас интересует сама несторианская проблема, а не то, что о ней рассказывали современники.

Факты, отслоенные от источника критикой, редко позволяют уяснить ход событий, потому что всегда многие важные события в источниках бывают опущены, а незначительные выпячены. Примером может служить Ветхий завет Библии. Читая только его, невозможно усомниться в том, что вся история Ближнего Востока в первом тысячелетии до нашей эры вращалась вокруг Израиля и Иудеи. На самом же деле, как мы теперь хорошо знаем, Израиль и Иудея были захолустьями ближневосточного мира, исторические судьбы которого в эпоху определялись совсем другими народами и государствами.

Точно так же из «Песни о Роланде» вытекает, что главным событием первого похода Карла

Великого в Испанию в 778 г. были геройская смерть Роланда в неравном бою с маврами. Но, как известно, такого боя вообще не было и Роланд на самом деле был убит в Ронсевальском ущелье басками, а не маврами. Однако такое явное искажение событий не мешает «Песне о Роланде» оставаться первоклассным историческим источником, как не мешает оно оставаться таковым же и «Слову о полку Игореве», хотя описанный в нем поход князя Игоря на половцев в 1185 г. проходил совсем не так, как изложено в «эпосе»^{[7][10]}.

Поэтому необходим анализ, который целесообразно проводить путем синхронистического подбора фактов, благодаря чему легко обнаружить преувеличения и недомолвки источников, а также «белые пятна» в общей картине. Заполнение последних возможно только путем интерполяций, восполняющих на основе причинно-следственных связей первоначальную канву событий, полученную из источников^[8]. Степень точности при интерполяциях, естественно, снижается, но допуск невелик и общая закономерность не нарушается, зато в противном случае она теряется вообще. Следующая операция – синтез: сравнение полученной исторической канвы с аналогичными рядами фактов, установленных таким же образом в смежных науках. Синтез – констатация схождения и расхождений и объяснение того и другого, что и является целью исследования.

Итак, методическая цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? и что к чему? – завершённый продукт производства.

Спешу договорить, дабы предупредить возможную – нет, неизбежную – критику, основанную на неполном понимании моего подхода. Я не против повторения переводов старинных текстов, даже больше – я за него, но считаю непозволительной роскошью не отдавать себе отчета в том, что именно может принести такая, очень большая и сложная работа. В разных случаях разное. Для изящной словесности повторные и параллельные переводы крайне желательны. Каждый переводчик передает подмеченные им нюансы эстетические, стилистические и смысловые. Тут не может возникнуть дублирования, потому что художественный перевод всегда отличается от подлинника и от аналогичного перевода, особенно сделанного на несколько поколений раньше. Тут и язык – как система ассоциаций и рефлексов – имеет значение, а мы знаем, что наши деды говорили, пусть чуть-чуть, но иначе, чем мы.

Другое дело деловой перевод. Там, где дело не касается терминологии, стилистика не меняет ни смысла, ни значения. В каких бы выражениях ни было сказано о поражении, допустим, русских на реке Калке – факт не изменится и убитые князья не воскреснут. Для нашего анализа достаточно такого перевода и даже следует ограничиться именно им, чтобы иметь возможность взвесить все *pro et contra* беспристрастно.

Что же касается терминов (названий чинов, родов войск, топонимов, этнонимов и т.п.), то в раскрытии их филолог ничем не сможет помочь историку, если тот не разберется сам, опираясь не на этимологию отдельных слов, а на комплекс событий, в описаниях которых эти трудные слова встречаются в разных сочетаниях. Вот поэтому мы и будем рассматривать проблему «попа Иоанна» не как проблему текстов, а как проблему исторической действительности XII в., для которой вопрос о восточном христианстве, как это ни странно, является ключевым вопросом.

Поиски путей исследования

Вопрос о том, как писать «историю», не решен, да и никогда не будет решен. Больше того, в решении его нет необходимости, потому что рецепты здесь идут скорее во вред делу, чем ему на пользу. Совершенно невозможно представить, чтобы два исследователя-современника, занимающиеся одним периодом, даже при полном согласии в трактовке событий и оценке

явлений, изложили предмет одинаково, так как каждый из них уделит большее внимание сюжетам, соответствующим его научным интересам. Именно это разнообразие способствует объективному познанию исторического процесса, который предстает перед читателем в разных аспектах и, значит, наиболее полно.

Жанр, стиль и язык исторического повествования определяются тем, к кому обращается автор: к группе ученых-специалистов или к широкому читателю, интересующемуся темой исследования. В первом случае обязателен крайне обстоятельный анализ сложных проблем, решение которых предлагается автором; сокращенное до минимума изложение хода событий, потому что специалистам оно известно; и сухой, деловой язык, ибо центр тяжести перенесен на доказательство и историю вопроса. По существу, такая книга не что иное, как большая статья.

Во втором случае автор уделяет больше внимания историческому синтезу, опираясь на результаты аналитических работ через отсылочные сноски. Повторять аргументацию цитируемых статей нецелесообразно, так как это лишит читателя возможности следить за ходом мысли автора. Изложение развития событий приобретает решающее значение, потому что в нем, как в фокусе телескопа, сосредоточивается осмысление эпохи в целом. Язык допустим образный, подчас эмоциональный.

Наконец, возможен и третий подход – справочный. Далеко не все разделы истории одинаково хорошо известны читателям, в том числе самим историкам. Историческая наука в XX в. так расползлась вширь и вглубь, что историк, скажем, итальянского Возрождения оказывается по отношению к истории Индии или Китая просто квалифицированным читателем. Это особенно болезненно отражается при постановке сюжетов, подобных нашему. По кочевниковедению есть огромная специальная литература на многих языках, но нет общих, облегченных сводок, из которых можно без труда извлекать нужные сведения. А ведь это самое главное – легкость получения положительных знаний, позволяющая сосредоточить экономящиеся силы на обдумывание предмета.

Еще за тысячу лет до нас проблема избыточной информации занимала лучшие умы историков, в ряде случаев непревзойденных. Константин Багрянородный ^[11], столкнувшись с этой трудностью, писал: «Материал истории дорос до пределов необъятных и неодолимых; поэтому цель работы – соединить выдержки из писателей старых и новых». Этим он хотел сказать, что важным для него является, во-первых, установление факта, причем безразлично, из какого источника автор его почерпнул, и, во-вторых, обнаружение связей данного факта с другими, т.е. нахождение его места в цепи событий. Именно это считал он наукой – историей, а прочее, т.е. историографию, рассматривал как подсобное и не всегда нужное занятие.

Но прежде чем излагать историю страны или народа, надо увидеть ее самому, а смотреть тоже можно по-разному: с птичьего полета, с вершины холма, из мышиной норы. В каждом случае мы что-то заметим, а что-то упустим, но совместить все три уровня рассмотрения невозможно. Следовательно, приходится выбирать тот, который нам нужен в данный момент.

Итак, при историческом анализе лучше всего применять все три метода, так как ни один из них не заслуживает предпочтения, а просто отвечает на разные вопросы. Предлагаемый здесь подход не что иное, как анализ, т.е. «расчленение», необходимое для того, чтобы распутать неясные места в истории и потом перейти к синтезу, когда учитываются результаты разных методик исследования. Только таким путем можно вырваться из прокрустова ложа заданной схемы, не впадая в мелочеведение, при котором теряется сам предмет исследования – ритмы Всемирной истории.

Звездное небо наблюдают в телескоп; женский профиль – простым глазом; насекомое – в лупу; каплю воды – в микроскоп. А как мы наблюдаем историю? Горько сказать, но большая часть бесплодных споров происходила оттого, что исторические процессы хотели видеть одним глазом с уменьшением, допустим, в 1000 раз, а другим – с увеличением примерно в 850 раз, простодушно полагая, что таким образом будет достигнуто какое-то среднее искомое приближение. Не отсюда ли многовековой спор между методиками, школами, подходами и т.д.? Представим себе, что в нашем распоряжении есть исторископ, прибор с масштабной шкалой, содержащей градацию степени приближения. Попробуем поставить окуляр на приближение – № 1 (самое общее).

Мы увидим огромную спираль – путь исторического развития. Нижний ее конец теряется в густых лесах, окаймлявших языки наплывавшего ледника, в пещерах, где высокие смуглые люди делили тушу мамонта, разрезая мясо кремневыми ножами. Ниже витки спирали расплываются и просматриваются только отдельные ее отрезки со смутными абрисами гоминидов: неандертальца, синантропа и других порождений природы. Верхний конец уходит в будущее, которое представляется нам как полное торжество человека над природой, но описывать его я не берусь, предоставляя это занятие авторам научно-фантастических романов. Наша письменная история – всего один виток этой гигантской спирали.

В первом приближении мы наблюдаем три нити закономерности общечеловеческого развития: демографический взрыв, технический прогресс и смену социально-экономических формаций. Рост населения за последнюю тысячу лет идет по восходящей кривой. У рубежа нашей эры население Земли насчитывало от 250 до 350 млн. человек; в 1650 г. – около 545 млн.; в 1800 г. – приблизительно 906 млн.; в 1900 г. – 1, 6 млрд.; в 1950 г. – 2, 517 млрд. и к 2000 г. должно достигнуть 6 млрд. человек. При этом замечено, что прирост населения особенно велик не в странах изобилия плодов земных, а там, где ощущается их недостаток ^[9]. Очевидно, здесь не функция роста цивилизации, а имманентный закон, присущий человечеству как виду.

Технический прогресс на таких отрезках времени несомненен. Он перерастает рамки социальных отношений и становится фактором антропогенного преобразования ландшафтов земной поверхности. Исчезли и исчезают целые виды животных, распространяются виды культурных растений, например пшеница, картофель, кофе, вытесняя естественные геобиоценозы. Загрязняются промышленными отходами пресные воды, и даже начинает изменяться состав атмосферы. Прогресс – как огонь: он и греет и сжигает. Социальное развитие описано достаточно подробно, и нет надобности повторяться. Изучение этих ритмов – достояние всемирно-исторической методики. Культурно-историческая школа по отношению к этим закономерностям бессильна. Она просто их не замечает, так как ее диапазон узок.

Сдвинем наш окуляр на приближение № 2. Сразу пропадет спираль и останется только один ее виток длиной около 5 тыс. лет, который будет восприниматься как прямая линия. Но эта линия прерывиста, как будто она состоит из переплетения разноцветных нитей, концы которых заходят друг за друга. Это те самые исторические культуры, которые то и дело сменяют друг друга, веками сосуществуя на поверхности планеты Земля. Так, заря Эллады, когда базилевсы с дружинами разоряли Трою, – XII в. до н.э. – по времени совпала с закатом Египта и началом упадка могущества Ассирийского царства и Вавилонии. Так, при агонии золотой Византии – XIII в. н.э. – возносились знамена франкских рыцарей и бунчуки монгольских богатырей. А когда изнемогал от внутреннего кризиса средневековый Китай – XVII в., – тут же поднялся трон маньчжурского богдыхана, вокруг которого объединилась Восточная Азия. И каждый из этих подъемов был связан с явлениями этногенеза – появлением новых народов путем коренного преобразования прежних. Тут уж нельзя говорить об одном процессе. Наоборот, наблюдается переплетение разных процессов с инерционной кривой развития: быстрый подъем, короткая

стабилизация в зените и постепенный упадок, за которым иногда следует полное исчезновение данного этноса. Именно об этих явлениях говорили Ибн Халдун и Джан Баттиста Вико^[12].

Сдвинем рычаг историоскопа на приближение № 3 и увидим только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость. Перед нами предстанет картина социальной борьбы. В древнем Риме шла борьба патрициев и плебеев, затем – оптиматов и популяров, потом – Сената и легионеров^[13]. В Италии это будет борьба лангобардов с местным населением, переоформившаяся затем в борьбу гибеллинов и гвельфов и, наконец, в войны итальянских городов между собою. В Монголии будет война дружинников Чингисхана против племенных вождей кераитов, меркитов и найманов. В Арабском халифате соперничество кайситов и кельбитов сменилось войной Аббасидов против Омейядов, потом карматов против мусульман и в конце концов турок против всех остальных. Но каждая культура будет видна отдельно, все остальные окажутся для нее только фоном, объясняющим отдельные события политической истории, но не собственные ее ритмы.

При приближении № 4 мы увидим уже не всю историю культуры как целого, а только отдельную эпоху. Социальные противоречия станут расплывчаты, а отчетливы и выпуклы характеры и судьбы отдельных людей. Тогда историк будет говорить о необузданности Мария, железной воле Суллы, легкомыслии Помпея, предусмотрительности Цезаря, влюбчивости Антония и расчетливости Октавиана. История будет казаться поприщем для соперничества великих людей, хотя известно, что сама идея обманчива. Фоном станет эпоха, которую рассматривали в предыдущем приближении как основную и конечную цель изучения. Но это еще не предел.

Возможно еще приближение № 5, при котором в поле зрения оказывается один человек. Как ни странно, это приближение используется очень часто. Если этот человек Пушкин – возникнет пушкиноведение, если Шекспир – шекспириология, Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. Шкала историоскопа исчерпана.

Вот к какому решению привел анализ всемирно-исторического материала для ответа на вопрос, поставленный в начале сочинения: как понять историю царства пресвитера Иоанна на фоне Всемирной истории? Какое приближение отвечает нашим задачам и как его следует применить к делу?

Приближение № 1 явно не может быть использовано, потому что интересующее нас столетие будет казаться точкой на бесконечно длинной кривой. А, как известно, описать точку невозможно, потому что она имеет место в пространстве, но не имеет формы. Кроме того, методы, применимые при первом приближении, как-то: образование рас первого порядка (негроидов, европеоидов и монголоидов), открытие добывания огня, изобретение письма, применение металла и т.п., образуют такие эпохи, для которых появление ложного слуха, вроде того, какой интересуется нас, явление отнюдь не соразмерное.

Перейдем к приближению № 2. Здесь уже есть на что обратить внимание. В XII в. наблюдается причудливое переплетение различных культур, непохожих друг на друга и избегающих сходств, даже в виде заимствований. Западная Европа, разъединенная политически, воспринимает себя как единство, целостность, называя себя «христианским миром», куда не включает схизматиков: греков и русских. Та же картина в странах ислама: политическая раздробленность ничуть не мешают культурному единству, противопоставляющему себя и «франкам», и грекам, и «неверным туркам», под которыми понимались все кочевники Евразии, включая венгров и монголов. Китай был в XII в. централизован, но рассматривал как свою периферию царства тангутов – Си Ся и киданей – Ляо. Это была явная натяжка, потому что тангуты больше тяготели к тибетской культуре, а кидани хранили многие традиции кочевого быта, но таково было мироощущение китайцев, уверенность в своем превосходстве над всеми

народами всего мира. А сами кочевники? Там, где они не окитаились, или не перешли в ислам, или не стали феодально-католическим королевством, как, например, в Венгрии, они оставались сами собой и, подобно всем перечисленным культурам, ощущали свое единство на фоне политического и бытового разнообразия. Для нашей темы это фон; но что это за картина, если в ней нет второго плана и глубины?

При приближении № 3 мы уже подходим к предмету вплотную. Судьба несторианства как особой ветви культуры, которую можно условно назвать «византийской» (ибо само слово «Византия» – термин условный, потому что средневековые константинопольские греки именовали себя ромеями, т.е. римлянами), будучи прослежена от начала до конца, многое объяснила бы нам, и наша тема оказалась бы лишь ее составной частью. Но тогда нам пришлось бы заодно поднять такие вопросы, которые отвлекли бы нас от нашей проблемы, и поэтому целесообразно перейти к приближению № 4 и рассмотреть только одну эпоху – с 1141 по 1218 г., когда несторианские ханства были завоеваны монголами Чингисхана^[14].

Казалось бы, решение найдено, но, к сожалению, на нашем пути лежит камень преткновения: источники по истории несторианских ханств XII в. слишком скудны. Сохранилось только несколько случайных упоминаний, по которым восстановить ход событий и дать объяснение их невозможно. Поэтому-то эта проблема осталась не освещенной в исторической науке, но мы попытаемся найти выход из положения, кажущегося безнадежным.

Применим «панорамную» методику. Соберем и систематизируем все, что происходило до, после и вокруг «белого пятна», т.е. примем как вспомогательный прием приближения 3, 5; затем, на базе установленных фактов, рассмотрим стимулы поведения отдельных людей, принимавших участие в событиях; это будут приближения 4, 5. Если и таким способом, до сих пор не применявшимся, но мы не получим результатов – тогда опустим руки. Но пока есть надежда на успех – начнем исследование.

Глава II. Выход в географию

Страна и народ

Широкая степь, ограниченная с севера и северо-востока сибирской тайгой, а с юга китайской стеной и горными кряжами Алашаня, Бэйшаня, Куньлуня и Памира, издавна имела постоянное население. Однако государства на указанной территории стали возникать относительно поздно, не раньше IV–III вв. до н.э. Непроходимая каменистая пустыня Гоби отделяла северную часть степи от южной; сношения между ними были немыслимы до тех пор, пока полное освоение лошади не превратило оседлых охотников и скотоводов в кочевых скотоводов-воинов.

До появления кочевого скотоводства культуры возникали по углам степи, там, где сочетание различных ландшафтов давало простор хозяйственной деятельности человека. На всем Саяно-алтайском нагорье преобладает лесостепной пейзаж, причем то лес глубоко врежется в степь, как, например, знаменитая Утукенская чернь на склонах Хангая, то степь углубляется на север, как хакасские степи в верхнем течении Енисея или широкая Забайкальская степь. Изобилие зверя на лесных опушках, рыбы в широких реках и залежей меди и железа в горах позволило древнему обитателю Южной Сибири получить тот избыточный продукт, который необходим для роста культуры. Развитие скотоводства и, главное, коневодства тянуло человека в степь, где широкая практика облавных охот компенсировала его за потерю некоторых навыков трапперства и борьбы с комарами. Северный скотовод тянулся к югу^[15].

На юге-востоке положение было несколько иным. Из большого количества разнообразных племенных групп, обитавших в бассейне Хуанхэ^[16] (жуны, ди, и, ху), особенно усилились китайцы. Они постепенно подчинили и отчасти истребили окружающие их племена, за исключением тех, которые успели освоить кочевое скотоводство и благодаря этому отступить в степь. Таковыми оказались предки монголов дун-ху, тюркоязычные хунны и «западные цяны», предки тибетцев^[10].

В жестокой борьбе с растущим Китаем монголы, тюрки и тибетцы сумели отстоять свою свободу и создать культуру, приспособленную к их быту, в то время как «южные варвары» – лесные и горные племена Сычуани, Юннани и Восточного Китая – были почти полностью истреблены или окитаены. Та же участь грозила тюркам и монголам, но они, овладев техникой конного боя и длинных перекочевов, нашли способ избегать губительных китайских вторжений, скрываясь за Гоби и отдыхая в травянистых степях Халхи или Барги, чтобы с новыми силами бросаться в смертную борьбу с китайцами за обладание своей родиной – Ордосом и предгорьями Алашаня или Хингана.

Вековая борьба закалила кочевников и позволила им стать ведущей силой на всей территории Внутренней Азии^[17] в интересующий нас период истории. Поэтому главным предметом нашего исследования будут основанные ими государства и их строй жизни, неповторимый в своем своеобразии.

На юго-западе, на склонах Тянь-Шаня, мы наблюдаем ситуацию, отличную от обеих предыдущих. Пустыня Такла-Макан, занимающая огромную территорию, совершенно непригодна для жизни. Центральная часть Джунгарии покрыта сыпучими песками. Регрессия Балхаша привела к постепенному иссушению прилегающей степи и сокращению пастбищ. Жизнь на этой территории сосредоточивается главным образом в оазисах, тянувшихся несколькими цепочками от древнего города Шаша (Ташкент) до оазиса Хами^[18]. Однако в распоряжении кочевников оставалось немало земель, так как им всегда принадлежали горные и

предгорные пастбища Тянь-Шаня, долины рек Или, Чу, Черного Иртыша, Тарима и холмистая возвышенность Тарбагатая.

Здесь отношения складывались гораздо более благоприятно для кочевников, чем на востоке. Разобщенные оазисы не составляли единого государства и становились легкой добычей кочевников. Больше того, правители оазисов искали помощи у них против угрожавших им китайцев и арабов. Таким образом, на западе имелись условия для организации наступлений кочевников, но не для развития их на месте. Действительно, племена, оттесненные сюда с востока или возникшие автохтонно, в результате этногенеза, стремились развить широкое наступление на юг, причем объектами нападений становятся попеременно Индия и Персия. Отсюда вышли саки, кушаны, туркмены-сельджуки, карлуки, кыпчаки. Но государства, основанные этими завоевателями, связаны больше с теми странами Южной Азии, которые подпадали под их власть, чем со степью, из которой они вышли.

Хозяевами степей Внутренней Азии были тюрки и монголы. Обе эти – вначале этнические, а потом лингвистические – группы, включавшие в себя много самостоятельных народов, настолько приспособились к степным ландшафтам, их хозяйственная деятельность так тесно сомкнулась с процессами, происходившими в природе, что они стали в известном смысле как бы частью освоенного ими ландшафта, или верхним, завершающим звеном биоценоза степей. Их стада вытесняли диких копытных, лишая их пастбищ и воды из немногочисленных источников. Степные собаки и прирученные орлы истребляли волков, благодаря чему интенсивно размножались овцы – основной скот кочевников в евразийской степи. Таким образом, человек заменил собой крупного хищника, регулирующего обычно в естественных условиях прирост травоядных животных.

Но кочевник не только не потерял способности к коллективным формам общежития, к восприятию чужой и созданию своей культуры и сложных форм организации – родовой, военно-демократической и государственной, но развил эти способности настолько, что на протяжении 2 тыс. лет успешно вел борьбу со своими оседлыми соседями. Соотношение сил неоднократно менялось. Кочевники то ослабевали и попадали под власть оседлых соседей, то набирали силу и в свою очередь покоряли соседние государства и народы. Наблюдалось политическое равновесие между кочевниками и оседлыми народами.

Очевидно, причина здесь, как впрочем, и везде, кроется в экономике. Но экстенсивное кочевое хозяйство зависит только от природных условий, которые на протяжении двух тысячелетий отнюдь не оставались неизменными.

Вода и воздух

Вопрос об усыхании степей Центральной Азии вызвал острую полемику^[19]. За усыхание в исторический период высказались Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. В. Павлов, В. А. Смирнов, В. М. Сеницын и А. В. Шнитников, против – Л. С. Берг, К. Н. Марков и др.^[11]

Доводы сторонников теории усыхания не были достаточно убедительно опровергнуты Л. С. Бергом, но Э. М. Мурзаев привел некоторые интереснейшие указания, позволяющие по-иному поставить и решить этот вопрос. Он отмечал: «Недавние исследования Чжоу Кэ-чжэна, извлекая метеорологические записи из китайских летописей за последние 2000 лет, показали, что можно говорить только о пульсации климата Китая, но никак не о его тенденции к ариднему типу»^[12]. И. А. Ефремов, занимавшийся изучением палеонтологии Гоби, пишет: «Нужно отметить признаки более сложного хода процесса опустынивания Гобийских районов, чем это предполагалось до сих пор. Наступление аридного климата представляется нам

совершившимся недавно. Этот процесс, нужно думать, происходил двумя этапами, с промежутком сравнительного увлажнения между ними»^[13].

Необходимо отметить, что все перечисленные нами исследователи, говоря об усыхании степей, не учитывали несовпадения увлажнения аридной и гумидной зон и потому не достигли окончательных результатов. Введение принципа гетерохронности увлажнения с добавочным коррективом на возможное перемещение путей циклонов в арктическую зону позволяло на историко-археологическом материале проследить климатические колебания с гораздо большей точностью.

Главное воздействие на климат северного полушария, в частности Старого Света, оказывают две воздушные башни. Одна из них стоит над северным полюсом – это полярный барический максимум. Вторая воздушная башня, затропический максимум, высится над Сахарой и Аравией. Она образуется чисто механическим путем за счет вращения Земли, и ее основание постоянно размывается снизу из-за нагревания поверхности пустыни. Если полярный максимум в целом остается неподвижным, то башня затропического максимума постоянно передвигается то к северу, то к югу, в связи с чем изменяется и область низкого давления, представляющая своего рода ложбину, по которой влажный воздух Атлантического океана в виде циклонов течет на континент Евразии. Эти циклоны и являются причиной выпадения осадков на этой территории.

Направление циклонов зависит от степени активности затропического максимума, которая прямо пропорциональна колебаниям солнечной активности, потому что солнечные лучи со всей силой упирают именно в тропические зоны земного шара. Напротив, на полярный максимум колебания солнечной активности почти не влияют, поскольку солнечные лучи лишь скользят по поверхности полярных областей.

В годы спокойного солнца, т.е. при малой солнечной активности, путь циклонов проходит через Средиземное и Черное моря. Северный Кавказ и Казахстан вплоть до горных кряжей Алтая и Тянь-Шаня. Здесь они задерживаются, влага, которую они несут с просторов Атлантики, выпадает дождями. В это время происходит увлажнение степи. Пустыни зарастают травой. Степные реки, текущие со склонов Алтая, Тарбагатая. Тянь-Шаня и Памира, становятся многоводными. Балхаш и Аральское море наполняются водой и увеличиваются в размерах. Напротив, Каспийское море, получающее 81% воды из Волги, бассейн которой занимает среднюю полосу Европейской России, усыхает, сокращается в размерах. Количество осадков в бассейне Волги, как и во всей средней полосе, сильно сокращается. Здесь мелеют и исчезают реки, озера превращаются в болота и торфяники, стоят малоснежные суровые зимы, сменяющиеся сухим знойным летом. Далее к северу, в полярной зоне. Белое и Баренцево моря покрываются льдом, вечная мерзлота продвигается на юг, поднимая уровень озер в тундре.

С усилением солнечной активности затропический максимум начинает сдвигаться к северу, сдвигая в этом же направлении путь атлантических циклонов. Циклоны несутся над средней полосой Европы и Сибирью. Количество осадков в зоне степей сильно падает. Степь начинает усыхать. Балхаш и Аральское море мелеют и сокращаются. Наоборот, Волга становится широкой и многоводной, Каспийское море увеличивается в размерах, наполняясь водой.

Зима в лесной полосе становится многоснежной, мягкой, с частыми оттепелями, а лето – прохладным, дождливым.

В периоды наивысшей солнечной активности циклоны смещаются еще далее на север. Они проходят над Шотландией и Скандинавией к Белому и Карскому морям. Степь превращается в пустыни и полупустыни, граница ее лесной зоной продвигается на север. Волга мелеет, Каспийское море сокращается. Климат полярной зоны становится более теплым и влажным. Таковы три основных варианта пути атлантических циклонов, от которых прямо и

непосредственно зависит история Великой степи. Изменения в направлении циклонов происходят постоянно, и мы теперь имеем возможность хронологически датировать периоды увлажнения и усыхания степей Евразии^[20].

Оставим в стороне глубокую древность и посмотрим, как изменялся климат степной зоны на протяжении интересующего нас периода. В IV–III вв. до н.э., к которым восходят древнейшие более или менее подробные письменные известия о народах Центральной Азии, был период увлажнения степи, связанный с южным вариантом прохождения циклонов. В это время уровень Каспийского моря был на 8 м ниже современного, хотя Узбой нес в него избыток вод Амударьи, не вмещавшийся в Аральское море. Затем постепенно количество осадков в степи стало падать: циклоны стали перемещаться в лесную зону. На I–III вв. н.э. падает эпоха усыхания степи. Балхаш и Аральское море сильно сократились, а уровень Каспия поднялся на 4 м.

В IV в. циклоны снова сместились на юг – и степь опять зацвела. Так продолжалось до XIII в. с небольшим периодом усыхания в IX в. С середины XIII в. путь циклонов передвинулся в среднюю полосу. К началу XIV в. Каспийское море поднялось на 8 м выше современного уровня. Великая степь вступила в период засушливого климата.

Циклоны на протяжении последующих столетий переместились в полярную зону, затем, в XVIII–XIX вв., вернулись в среднюю полосу, а в XX в., буквально на наших глазах, снова ушли на север^[14].

Нетрудно понять, какую огромную роль в истории кочевников Евразии играли подобные изменения климата степей. Скот не может жить без травы, трава – расти без воды, а кочевники – существовать без скота. Следовательно, все они составляют единую систему, в которой ключевым звеном является вода. При долговременной засухе пустыня Гоби наползает на степи, расширяется и становится труднопроходимым барьером между равнинами Ордоса и долинами Орхона, Онона и Селенги. При повышенном увлажнении переходит в наступление растительность. Она движется на пустыню и с юга и с севера, а вслед за травой идут дикие копытные, затем овцы, коровы и лошади, несущие всадников. А эти последние создают воинственные орды и могучие кочевые державы.

Дорога к истине

Вековые засухи степной зоны имели место в III в. и в X в. Последняя особенно важна для нашей темы, и о ней мы будем говорить ниже. Сейчас же нас интересует методический вопрос исторической науки: не потому ли эпоха между IX и XIII вв. осталась «темными веками», что не были замечены и учтены явления природы, которых авторы средневековых источников не могли заметить и описать, а также потому, что те же источники не содержат сведений о кочевниках Великой степи за этот период?

Да иначе и не могло быть! Периодические колебания увлажнения и иссушения степи происходят в течение веков и не могут быть замечены на протяжении жизни одного-трех поколений. Поэтому древние авторы писали о явлениях природы либо вскользь, либо исходя из представлений современной им науки. В обоих случаях сообщаемые ими сведения нельзя принимать без исторической критики, которая редко может быть достаточной в силу отрывочности сведений и изолированности источников друг от друга.

Разгадка здесь не в истории народов, а в историографии. Только немногие, наиболее талантливые книги по истории переписывались в большом количестве экземпляров, но и они не все дошли до нас. Эпоха VI–VIII вв. была в Китае расцветом летописания. Борьбе с монгольским игмом тоже посвящены яркие сочинения, которые многократно переписывались и бережно хранились.

А в промежутке, после кровавого спазма периода «Пяти династий», во время расцвета китайского искусства и филологии при династии Сун^[21] вся энергия способных писателей эпохи была пущена на сюжеты, далекие от истории и географии. Деятели направления, которое академик Н. И. Конрад^[22] нарек «китайским Ренессансом», предались изучению классических книг Конфуция и творений его современников. Они писали каллиграфическим почерком многочисленные комментарии и изложения, в том числе и на хроники минувших династий, хорошо сдавали экзамены на чин и не менее удачно подводили под суд или опалу своих коллег. И никому в голову не приходило, что политическая география и история с этнографическим уклоном – это условие понимания реального положения государства, окруженного соседями с иным бытом и культурой.

Поэтому, как ни плохо справлялась империя Тан с задачами, которые ставила перед ней суровая действительность, но она удержалась в границах Китая, используя войска, на вербованные среди дружественных кочевников. За это китайские интеллигенты X–XIII вв. и обзывали танских императоров варварами, организующими суеверное поклонение кости Будды, якобы соучастнице его мышления, хотя одновременно они восторгались и победами их над тюрками. А при династии Сун дипломаты и полководцы, изучившие комментарии к Конфуцию и трактаты о Мэн-цзы^[23], становились в тупик, сталкиваясь с застенными варварами: тибетцами, тюрками, монголоязычными киданями и тунгусоидными чжурчжэнями. Они бодро совершали ошибку за ошибкой, выходили сухими из воды за счет высоких связей и предоставляли стране и народу расплачиваться за все слезами и кровью. Они умудрялись проигрывать войны при огромном численном перевесе, советовать правительству отдавать территории с населением слабому врагу, только чтобы экономить время и силы для гарема, и если писали историю, то только историю своего начальства, с целью получить от него солидную мзду.

Трижды прав был И. Н. Болтин^[24], еще в XVIII в. писавший: «При всяком шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание»^[15]. Исторические трактаты этого периода неполноценны. Впрочем, указанные недостатки метода характерны для многих исторических школ, пренебрегающих исследованием природы и характерных особенностей народов, населяющих те или иные страны и применяющихся к их ландшафтам и климату. За невежество в естественных науках всегда приходится дорого платить.

Но знание географии не означает признания концепции географического детерминизма, сформулированного Ш. Монтескье и несколькими авторами^[16]. Тезис, положенный нами в основу географического анализа, совсем иной, а именно: историческая судьба народности (этнуса), являющаяся результатом ее (народности) хозяйственной деятельности, не определяется, но связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта^[17]. Это не географический детерминизм, а историческая география, необходимая нам не для философских построений, а, с одной стороны, для того, чтобы восполнять пробелы аутентичных источников, а с другой – чтобы уличать их во лжи, в той самой лжи, из которой мы надеемся отжать правду.

Хотя Китай вступил в соприкосновение с кочевыми народами, обитавшими севернее Хуанхэ, в глубокой древности, проследить характер этих взаимоотношений мы можем только с III в. до н.э. В эту эпоху произошло объединение Китая императором Цинь Ши-Хуан-ди (221 г. до н.э.) и сложение кочевой державы Хунну (209 г. до н.э.). Тогда же была построена китайская стена, разграничившая Китай и Великую степь. Стена была проведена не только по географической, но и по этнографической границе Китая; население, жившее к северу от стены, считалось китайцами «варварским», чужим как по происхождению, так и по образу жизни, а в политическом отношении враждебным, к чему были весьма веские основания. Именно там сложилась держава Хунну.

Территория, населенная хуннами. – современная Внутренняя и Внешняя Монголия, Джунгария и Южная Сибирь – была крайне удобна для кочевого скотоводства, так как при уровне техники того времени не могла быть использована для земледелия. Поэтому хозяйство хуннов было специализировано: они имели в избытке мясо, кожи и меха, но, как все кочевники, нуждались в хлебе и тканях. Легче всего было получать эти продукты из Китая путем меновой торговли, на что очень охотно шло китайское население, но между народами встало имперское правительство и его советники. Императорам династий Цинь и Хань требовались средства на содержание армии солдат и чиновников, и они взяли торговлю с хуннами в свои руки, вследствие чего хунны стали получать значительно меньше тканей и хлеба, чем им это было нужно^[18]. Хунны на это ответили войной и к 152 г. до н.э. добились открытия рынков меновой торговли. В 133 г. китайцы возобновили войну и, пользуясь численным перевесом, оттеснили хуннов на север Гобийской пустыни. Однако попытка покорить хуннов закончилась в 90 г. до н.э. полным разгромом китайской экспедиционной армии^[19].

Новое наступление Китая на Хунну, начавшееся в 72 г. до н.э., проводилось путем дипломатии: китайцы сумели внести раскол в кочевые племена и поднять против Хунну их соседей: джунгарских усуней, саянских динлинов и хинганских ухуаней. Межродовая война, вспыхнувшая среди самих хуннов в 58 г. до н.э., облегчила победу Китая. Один из претендентов на престол вступил в союз с Китаем, а прочие погибли. Хунны в 52 г. до н.э. признали верховную власть Китая.

До тех пор пока китайская власть в степи была номинальной, мир сохранялся, но как только узурпатор Ван Ман в 9 г. н.э. попытался вмешаться во внутренние дела хуннов, они восстали и, сковав правительственные войска на границе, поддержали восстание «краснобровых» – китайских крестьян, жестоко угнетавшихся Ван Маном. Династия Младшая Хань, пришедшая к власти в 25 г., опять оказалась перед «хуннской проблемой». Только распадение державы Хунну на Северное и Южное, а также союз с сяньбийскими (древнемонгольскими) племенами, обитавшими в Маньчжурии и Восточном Забайкалье до III в. н.э., позволили китайцам создать коалицию, разгромившую Северное Хунну в 93 г. Но степь опять-таки не досталась китайцам. Вождь сяньбийцев, Таншихай, одержал ряд побед над китайскими войсками и даже перенес военные действия на южную сторону китайской стены. Все китайские завоевания к 177 г. были потеряны.

Естественно, что за истекшее время китайская политическая мысль была прикована к «хуннскому вопросу». Решений проблемы было предложено два! Историки Сыма Цянь и Бань Гу^[25] были противниками расширения агрессии в северном направлении. Сыма Цянь считал

покорение страны, имеющей совершенно иной климат и рельеф, нежели тот, в котором привыкли жить китайцы, неосуществимым; Бань Гу находил включение в состав империи народа, чуждого по культуре, вредным, а ассимиляцию кочевников ненужной для обеих сторон^[20]. Но с мнением ученых императорское правительство не посчиталось, и они были арестованы; Сыма Цяня изуродовали, но освободили, а Бань Гу умер в тюрьме.

Возобладала вторая концепция, последовательно проводившаяся императорами династии Хань, начиная с У-ди (140–87 до н.э.).

Это было стремление создать мировую империю путем завоевания соседних народов и насаждения в их среде китайской культуры в ее конфуцианском варианте. Во исполнение этой программы были покорены Чаосянь (Северная Корея), Юе – северное и южное (в Гуандуне и Индокитае) – и кочевые тибетские племена около озера Кукунор. Однако война на севере не только оказалась неудачной, но и повлекла за собой полное экономическое истощение Китая. Великолепно экипированные армии, укомплектованные отборными воинами, руководимые часто очень способными полководцами, либо терпели поражения, либо не могли закрепить с трудом достигнутый успех. Ханьский Китай во II в. н.э. вступил в полосу жесточайшего социально-экономического и политического кризиса и не мог успешно бороться с кочевниками.

Расходы на войну усиливали налоговый гнет на крестьян, которые, наконец, ответили восстанием «желтых повязок», подорвавшим силу династии Хань (184 г.). Разложившиеся ханьские войска не могли справиться с повстанцами. Инициативу взяли на себя аристократы, члены «сильных домов». Победив крестьян, они разделились и, встав во главе отдельных армий, вступили в борьбу друг с другом и большей частью погибли в междоусобной войне. Трое уцелевших основали три царства, на севере, юго-востоке и юго-западе, на полвека разорвав Китай (220–280).

Так пала империя Хань, одна из четырех мировых империй (наряду с Римом, Парфией и Кушанской империей) древности^[26].

Для Китая это была настоящая катастрофа. Достаточно сказать, что его население с 221 по 280 г. уменьшилось с 50 млн. налогоплательщиков до 7, 5 млн^[21]. Города лежали в развалинах. При государственном перевороте Сыма Яня к власти пришли вместо землевладельцев и ученых-конфуцианцев безграмотные, морально разложившиеся солдаты, еще меньше понимавшие задачи своей страны^[22]. Застенные земли перешли снова в руки кочевников, а кровавые распри между дворцовыми кликами поставили Китай на грань новой катастрофы.

Но, может быть, не Китай, а именно хунны были причиной жестокой войны, способствовавшей гибели империи Хань? Весьма распространено предвзятое мнение, что хунны были дикими разбойниками, обижавшими своих тихих, трудолюбивых соседей. Это представление зиждется на том, что в Европе хунны возглавили многочисленные племена угров, аланов, антов и германцев и положили начало «Великому переселению народов», во время которого пала Западная Римская империя. Впрочем, и здесь римляне отнюдь не были овечками, страдавшими от злодеев гуннов и других варваров. Варварам было за что мстить Риму^[27].

Обстановка в Азии была несколько иной. Прежде всего отметим, что хунны стремились не к территориальным захватам, а к организации обменной торговли на паритетных началах. В 200 г. до н.э. они, окружив у деревни Байдын (в Шаньси)^[28] отряд, сопровождавший китайского императора, выпустили последнего, заключив с ним договор «мира и родства» без каких-либо территориальных уступок. Хунны основывались на том, что, захватив китайские земли, они не смогли бы на них жить^[23]. Так же равнодушно восприняли они отложение усуней, переселившихся в Семиречье и Западный Тянь-Шань^[24]. Но свои земли они защищали отчаянно и, потеряв Иньшань^[29], «плакали, проезжая мимо него»^[25]. Их войны с Китаем были не

наступательными, а оборонительными.

Кроме того, хунны сумели создать в степи условия жизни значительно более легкие, нежели те, которые имели место в древнем Китае. В докладе чиновника Хоу Ина (I в. до н.э.) указано, что пограничные жители, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать в степи, говоря, что «у хуннов весело жить»^[26]. Такого разнородного населения в державе хуннов скопилось так много, что они образовали самостоятельную этническую единицу, которую китайские историки считали племенем «цзылу»^[27]. Ассимиляции с коренным хуннским населением произойти не могло, так как пришельцы не входили в хуннскую родо-племенную систему, но они жили в мире и дружбе, помогая друг другу в хозяйственной деятельности и обороне своей страны.

Неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие предметы, которые ныне вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое от человека. Такой вид одежды, как штаны, без которых современному европейцу невозможно представить себе мужской пол, изобретены кочевниками еще в глубокой древности. Стремя впервые появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг.^[28]. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках сменилась сначала коляской на высоких колесах^[29], а потом вьюком, что позволили кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты^[30]. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая тяжелый прямой меч, и усовершенствованный длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 м. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища^[30].

Не только в материальной культуре, но также и в духовной кочевники не отставали от оседлых соседей, хотя литература их была устной. Конечно, было бы нелепо искать у хуннов научные теории: их даже греки заимствовали у древних египтян и вавилонян. Кочевники создали два жанра сказаний: богатырскую сказку и демонологическую новеллу. И то и другое было ближе к мифологии, нежели к литературе в нашем смысле слова, но они этим способом воспринимали действительность и выражали свои чувства. Иными словами: мифология несла у них те же функции, что у нас – литература.

Подобным образом, т.е. непохоже на нас, кочевники воспринимали и историю. Она представлялась им в виде развернутой генеалогии рода; эталоном было не событие или институт, а мертвый предок. Для европейцев такой счет поколений кажется бессмысленным, но ведь он тоже отражает течение времени, как и любая принятая в науке система отсчета. Просто он приспособлен к другим целям и потребностям, которые вполне удовлетворяет. При этом надо помнить, что данные о фольклоре и истории древних кочевников получены нами за счет этнографических аналогий, фрагментарных сведений и т.п. и, следовательно, очень приблизительны. Зато произведения изобразительного искусства дошли до нас в оригиналах и дают несравненно более полное представление о том, что было в древних степях на самом деле. Раскопками П. К. Козлова, С. В. Киселева и С. П. Руденко вскрыты великолепные памятники искусства, так называемый «звериный стиль», позволившие констатировать культурную близость хуннов с народами Сибири и Средней Азии^{[31][31]}. В курганах часто встречаются и китайские вещи: шелковые ткани, бронзовые навершия и лаковые чашечки. Это были предметы повседневного обихода, попадавшие к хуннам как добыча или дань, а также выделявшиеся китайцами, перебежавшими к хуннам (цзылу). Однако такие вещи отнюдь не определяют направления развития культуры^[32].

Мы так подробно остановились на этой теме, чтобы отвергнуть обывательское мнение о пресловутой неполноценности кочевых народов Центральной Азии, якобы являвшейся

китайской периферией^[33]. На самом деле эти народы развивались самостоятельно и интенсивно и только китайская агрессия I в. оборвала их существование, что было, как мы уже видели, одинаково трагично для Хунну и для Китая. Но историческое возмездие не заставило себя ждать.

В 304 г. старейшины южных хуннов, попавшие в подданство к Китаю, приняли решение оружием вернуть утраченные права. Пользуясь беспорядочным управлением династии Цзинь, они быстро овладели обеими китайскими столицами – Лояном и Чанъанью – и всем Северным Китаем. Вслед за хуннами в Китай проникли тибетцы, сяньбийцы – муюны и табгачи (тоба)^[34]. После кровавой борьбы между собою и с китайцами, оттесненными в бассейн Янцзы, тоба одержали верх и основали могущественную империю, официально принявшую китайское название – Вэй. Это государство в глазах кочевого населения степей было китайским, а в глазах китайцев – варварским. По существу же оно открыло особый ряд пограничных образований, которые нельзя относить ни к той, ни к другой культуре, хотя все они^[35] состояли из сочетания китайских и кочевнических элементов. Но это была уже не родо-племенная держава, а феодальная империя с условным землевладением, закрепощением свободного населения и раздачей областей за службу.

С 495 г. в государстве Вэй китайский язык заменил тобаский в управлении, а сяньбийская одежда и прическа были официально запрещены. Однако все эти меры не примирили покоренное силой оружия китайское население с чужеземной властью. Будучи слишком слабыми для организации восстания, китайцы проникли в администрацию и войско. Постепенно фактическая власть сосредоточилась в руках воевод китайского происхождения, и в 550 г. они упразднили династию Вэй, члены которой, включая грудных детей, были изрублены на мелкие кусочки и брошены в Желтую реку. Китай опять стал китайским, но потомки табгачей, уже забывшие родной язык, продолжали жить вдоль китайской стены, на границе со степью.

А в степи в это время возникла новая держава, значительно более могущественная, чем Хунну. Великий тюркский каганат за короткое время, с 550 по 569 г., объединил степи от Желтого моря до Черного и присоединил к ним Среднюю Азию, впрочем, с согласия населявших ее согдийцев. Согдийцы богатели за счет караванной торговли шелком, который они переправляли из Китая в Европу. Как только тюркские ханы прекратили внутренние войны и грабежи в степи, согдийцы стали их искренними друзьями и помощниками^[32].

Но совершенно иначе отнеслись к образованию тюркского каганата в Китае, где в 581 г. власть досталась клике шэньсийских магнатов-землевладельцев, вождем которых был Ян Цзянь, основатель династии Суй^[33]. Программой этой династии стало восстановление былой мощи империи Хань, а следовательно, и война с тюрками. Словом, повторилась коллизия I в., с той лишь разницей, что вместо межплеменных усобиц китайские лазутчики (Чжан-сунь Шэн, Фэй Гю) разжигали распри между удельными князьями тюркского правящего рода.

Следующие три века были наполнены событиями, главным содержанием которых являлась борьба свободолюбивых кочевников против китайской агрессии. Тюрки общались с многими народами, но ни Византия, ни Иран, ни тем более сибирские угры^[34] не пытались подчинить их себе, ограничиваясь установлением дипломатических связей и охраной собственных границ. В свою очередь тюрки, вступая в вооруженные столкновения с персами или греками, преследовали экономические и политические цели, связанные с караванной торговлей. Эти столкновения были исторически неизбежны, потому что, объединив Великую степь, тюрки приняли на себя политические задачи народов, вошедших в Великий каганат^[36].

Совершенно иначе сложились отношения тюрков и Китая, где антитюркские настроения

стали с VI в. доминирующей внешнеполитической тенденцией. Основной задачей китайских феодалов и чиновников стало установление власти над Азией, что некогда было целью династии Хань. Они не искали компромиссных решений и не хотели их. Даже крах династии Суй и бедствия, перенесенные их страной и народом^[37], не заставили китайских феодалов отказаться от этой безумной затеи. Побежденные в гражданской войне собственными пограничными войсками, потомками табгачей, установившими приемлемый на первых порах и для тюрков и для китайского народа режим династии Тан, они путем интриг и заговоров повернули политику в привычное русло, чем вызвали восстания Кутлуга Эльтерес-хана^[38] и Ань Лушаня^[39], снова залившие кровью Китай. В последующем веке (764–861 гг.) китайцы тщетно пытались удержать ключевые позиции в Великой степи и снова добиться гегемонии. Уйгуры отстаивали независимость своей родины, а тибетцы, взяв китайские крепости в Шэньси, уничтожили самую возможность реванша. И хотя ни уйгурское ханство, ни тибетская монархия не пережили династии Тан, китайская агрессия была остановлена.

В этой жестокой борьбе – объяснение мнимой застойности народов Срединной Азии. Они не уступали европейцам ни в талантах, ни в мужестве, ни в уме, но силы, которые другие народы употребляли на развитие культуры, тюрки и уйгуры тратили на защиту своей независимости от многочисленного, хитрого и жестокого врага. За 300 лет они не имели ни минуты покоя, но вышли из войны победителями, отстояв родную землю для своих потомков.

Не менее примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры. Тюрки имели свою собственную идеологическую систему, которую они отчетливо противопоставляли китайской. После падения Второго каганата в Азии наступила эпоха смены веры. Тогда уйгуры приняли манихейство, карлуки – ислам, басмалы и онгуты – несторианство, тибетцы – буддизм в его индийской форме, а китайская идеология не перешагнула через Великую стену.

Степное византийство

Когда мы произносим слово «Византия» без каких бы то ни было пояснений и добавлений, то содержание понятия бывает различным. Может оказаться, что Византия – это Восточная Римская империя, реликт былого величия, на протяжении тысячи лет катившийся к упадку. Так понимали термин «Византия» и Гиббон и Лебо^[35], называвший это государство Bas-Empire, а также Владимир Соловьев. Может быть, под этим термином подразумевается греческое царство, возникшее как антитеза выродившейся античности, имевшее свои собственные ритмы развития, свои светлые и темные стороны. Такой видели Византию Успенский, Кулаковский и Шарль Диль^[36].

А может быть, Византия просто огромный город, средоточие торговли и образованности, воздвигшийся на берегах голубого моря и окруженный выжженными горами, где полудикое население веками пасло коз и снимало оливки и виноград? Это тоже закономерное понимание термина, но мы в нашей работе хотим использовать его четвертое значение: Византия – культура, неповторимая и многообразная, выплеснувшаяся далеко за государственные границы константинопольской империи. Брызги ее золотого сияния застыли на зеленых равнинах Ирландии (Иоанн Скотт Эригена), в дремучих лесах Заволжья (Нил Сорский и нестяжатели)^[37], в тропических нагорьях вокруг озера Цана (Аксум)^[38] и в Великой Евразийской степи, о которой и пойдет речь.

В таком понимании термина «Византия» не только город Константинополь и подвластная ему страна, и даже не только халкедонское исповедание, но целостность, включающая в себя

равно православных и еретиков: монофизитов и несториан, христиан и гностиков (маркионитов и манихеев, о которых тоже будет упомянуто). То, что перечисленные течения мысли боролись между собою, не противоречит предложенному значению термина, ибо идейная, да и политическая борьба – тоже вид связи, форма развития.

Христианская религиозная мысль с самого момента своего возникновения растеклась на множество струй, из которых большая часть высохла, а некоторые превратились в мощные потоки. Небольшая группа иудео-христиан, т.е. евреев, признавших пришествие Мессии, исчезла без следа. Зато проповедь апостола Павла, обращенная к просвещенным язычникам, обрела многих неофитов. Эллинов особенно поразила идея, дотоле им чуждая, о существовании стихии зла, и они начали трактовать ее по-разному: наиболее образованные и умеющие мыслить последовательно возложили ответственность за все несправедливости и несчастья мира на особу, его сотворившую, и с раздражением называли ее «демиургом», т.е. ремесленником. Они считали, что демиург – не очень крупный демон, сотворивший мир и человека (Адама) для того, чтобы Адам жил в неведении и был для него, демиурга, игрушкой. Но мудрый змей просветил Адама и помог ему добиться свободы, за что демиург мучит потомков Адама и Евы.

Это течение мысли положило начало гностицизму, религиозно-философской концепции, рассчитанной на людей мудрых и образованных (гносис – знание). Можно опустить описание трех главных направлений гностицизма: египетского, сирийского и маркионитского (от имени христианского гностика Маркиона) – и остановиться только на изящной концепции персидского мыслителя Мани (III в. н.э.), объединившего идеи христианские, зороастрийские и даже индийские. Мани учил, что существует «беснующийся мрак» – пространство вечной тьмы, имеющей сгустки еще более темные, чем вмещающая их среда. Эти скопления мрака движутся беспорядочно, как молекулы в броуновском движении, но однажды они случайно приблизились к краю своего пространства, к границе «вечного Света» и попытались проникнуть туда, чтобы омрачить «царство Света». Против них вышел сражаться носитель светлого начала, которого Мани называет «Первочеловек» и придает ему качество Ормузда. Силы мрака победили, растерзали «Первочеловека» и облекли тьмой частицы Света, которые теперь томятся в плену. На выручку этим частицам, т.е. душам, приходил Христос, а вслед за ним он, Мани, воплощение Святого Духа, Параклета-Утешителя. Цель их прихода – освобождение душ от материи – кристаллизованной тьмы; отсюда вытекает, что все материальное, все, что привязывает человека к миру и жизни, – греховно.

С этой концепцией боролись христиане, утверждавшие, что создатель мира благ, а мир, созданный им, прекрасен. В противовес возникли монистические мысли: неоплатонизм, утверждавший, что материя – ничто (мэон), а мир – это истечение из божественной Плеромы – полноты всего сущего, и христианский монизм в учении Оригена, проповедовавшего, что после светопреставления и Страшного суда по милосердию божьему дьявол будет прощен.

Православная мысль к IV в., усвоив отдельные элементы всех перечисленных концепций, выкристаллизовывалась в особую философему. Но тогда начались новые затруднения, уже чисто богословского, а не философского характера, отразившиеся в жестокой борьбе на вселенских соборах.

Появились четыре направления христианской мысли: арианское – распространившееся среди германских племен, несторианское – наиболее важное для нашей темы, монофизитское – возникшее как антитеза несторианству, и халкедонитское^[39] (от места, где происходил IV собор) – ставшее господствующим исповеданием Византийской империи.

Вулканом вольномыслия в первые века нашей эры был Передний Восток. В начале IV в. александриец пресвитер Арий выступил с проповедью, что Христос-Логос меньше своего отца, ибо он сын и, значит, рожден. Архиепископ Александр и его диакон Афанасий возражали Арию,

указывая, что слово «рожден» к божественной сущности неприменимо, и обвинили его в ереси Павла Самосатского, учившего, что Христос был человек, осененный божественной мудростью. Спор быстро перерос в гражданскую войну, причем одни императоры поддерживали ариан, а другие – православных. Одновременно проповедовали свои учения гностики, неоплатоники, митраисты, и все боролись против всех.

Не следует думать, что представители этих учений были неискренни в своих привязанностях к исповеданиям веры. В те времена потребность в логически-последовательном мировоззрении была очень острой^[40].

Конечно, не случайно, что наиболее рационалистические и буквалистские толкования догмы религии были связаны с антиохийской школой, философские – с александрийской, а эмоционально-эстетические – с константинопольской, где эллинский элемент среди населения был преобладающим. Но нам нет необходимости далее останавливаться на перипетиях религиозной борьбы в Римской империи, а можно сосредоточить внимание на проникновении этой бурлящей, раскаленной мысли на Дальний Восток и в бескрайние пространства Великой степи^[41].

После того как в 277 г. в Гундишапуре, резиденции персидского шаха, принял мученический венец мыслитель и писатель Мани, объявивший себя наследником Христа и Параклетом, замученный мобедами, зороастрийским духовенством, его последователи вынуждены были бежать из Персии, но на западе манихейство подвергалось постоянному гонению и ушло в подполье^[42]. На востоке манихеи нашли приют в Трансоксании^[40] и в оазисах вдоль великого караванного пути^[43].

В 431 г. на вселенском соборе в Ефесе был предан анафеме константинопольский патриарх Несторий, неосторожно заявивший, что «у Бога нет матери». Его победители немедленно вступили в борьбу между собою, но как монофизиты, так и православные халкедониты были единодушно нетерпимы к несторианству. Особенно обострилась вражда после 484 г., когда на соборе в Бит-Запате несторианство было признано господствующим исповеданием персидских христиан, в том числе и прихожан Мервской митрополии^[41]. Поддержка персидского шаха для византийских несториан оказалась роковой. В 489 г. император Зенон подтвердил осуждение несториан и закрыл эдесскую школу, где несториане преподавали свое учение. Школа переехала в Персию, в Низиб, а в 499 г. в Ктезифоне^[42] возникла несторианская патриархия, расцветшая в VI в.^[44]

Из Персии несториане широко распространились по Восточной Азии. В VI в. христиане проповедовали свою веру среди кочевых тюрок не без успеха. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балярате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста и объяснили, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы^[45]. Этот факт отнюдь не говорит о распространении христианства среди кочевых тюрок VI в., но позволяет констатировать нахождение христиан в степи.

В 635 г. несторианство проникло в Китай и было встречено правительством весьма благожелательно^[46]. Первые императоры династии Тан, Тай-цзун и Гао-цзун, покровительствовали христианам и позволяли им строить церкви. Во время узурпации престола императрицей У Цзэ-тянь, связанной с буддистами, на христиан началось гонение, но узурпаторша была быстро лишена власти сторонниками династии Тан. В 714 г. в империи Тан император Сюань-цзун указом запретил буддизм, а в 745 г. разрешил проповедь христианства^[47]. С этого времени несторианство начало распространяться в Джунгарии, находившейся под контролем империи Тан, и обретать неофитов среди кочевников, главным образом басмалов, но довольно долго его успехи были незначительны.

Распространяющееся несторианство встречало сопротивление не со стороны местных религий, пришедших в упадок после падения Тюркского каганата, а от подобных ему прозелитических религий: буддизма, ислама, манихейства и бона. Первые две религии долгое время не находили последователей в степи. Тоньюкук воспрепятствовал пропаганде буддизма на том основании, что «Учение Будды делает людей слабыми и человеколюбивыми»^[48], а тюркешский хан Суду ответил послу халифа Хишама (724–743) так: «Среди моих воинов нет ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни»^[49]. Ислам представлялся кочевникам исключительно городской религией, и они относились к нему так же, как и бедуины Аравии век назад. Зато манихеи, изгнанные в 732 г. из китайских владений императором Сюань-цзуном^[50], нашли сторонников среди уйгуров и поддержали хана Моянчура в тяжелой внутренней войне^[51].

Поскольку христиане оказались противниками уйгурского хана, то после победы он склонился на сторону манихеев, которые его поддержали. Вскоре Уйгурия^[43] быстро превратилась в теократическую державу, где правила манихейская община^[52]. Хану оставили только военные дела.

Манихеи, оказавшись у власти, проявили такую религиозную нетерпимость^[53], что рассорились со всеми соседями: тибетскими буддистами и последователями религии бон, сибирскими шаманистами, мусульманами, китайцами и, уж конечно, несторианами. Здесь мы не будем проследивать политическую историю Уйгурии, отметим лишь, что, когда эта страна была сокрушена в 840–847 гг. кыргызами^[44], вместе с ней погибла и манихейская община^[54]. Опустевшие после ухода уйгуров на юг степи постепенно заселились монголоязычными племенами. Культурная традиция на время оборвалась, но как только восстановился кое-какой порядок, несторианство буквально затопило Центральную Азию.

Зато в Китае, где несторианство было терпимо с 635 г.^[55], в 945 г. специальным указом Танского правительства оно было объявлено вне закона вместе с буддизмом и манихейством. Это событие совпало с разгромом Уйгурии, в которой до сих пор Китай нуждался как в союзнике и которая охраняла интересы и жизнь кочевников, обитавших в пределах Срединной империи^[56]. Последовавшим за указом гонениям христиане оказали куда более сильное сопротивление, чем буддисты и манихеи. Но позиции христианства в Китае были сильно подорваны. В 987 г. христианский монах, вернувшийся в Константинополь с Дальнего Востока, рассказал, что «христиане в Китае исчезли и уничтожены по разным причинам и что только он один убежал»^[57]. Можно быть уверенным, что здесь имеется некоторое преувеличение и что осколки несторианства оставались на северной границе Китая вплоть до начала XI в., когда развернулась интересующая нас вторая волна христианской экспансии на Дальнем Востоке.

Буддизм выдержал натиск куда более успешно, чем христианство. И даже манихейство не было полностью подавлено, хотя для того, чтобы удержаться, оно прибегло к обману. Манихеи начали притворяться буддистами. Сначала это была сознательная мимикрия: нельзя же было, в самом деле, каждому неофиту объяснять, что он вступает в запрещенную правительством общину, которая маскируется под буддийскую, будучи в действительности манихейской! Такими разъяснениями можно было только оттолкнуть неофитов, да еще и нарваться на предателей. Поэтому, выдавая себя за буддистов и соблюдая соответствующий декорум, китайские манихеи постепенно слились с буддистами, и даже такие ученые, как Бируни^[45], перестали различать их^[58]. Особенно интенсивным было это смешение в тех областях, где позже возникло Тангутское царство: манихейские божества светил в буддийском облике обнаружены на иконах Хара-хото^[59].

Итак, в аспекте борьбы мировоззрений влияние китайской и мусульманской культур в степи было ограничено и остановлено византийской культурой, понимаемой в самом широком смысле. И самое любопытное в этом явлении было то, что успех «степного византийства», т.е. проникновение христианства и манихейства в степь, нельзя подвести под рубрику «культурных влияний». Всякое влияние предполагает какую-нибудь форму принуждения, хотя бы моральную, интеллектуальную, эмоциональную. А кочевники были всегда очень чувствительны к любым формам принуждения и умели весьма успешно отбиваться от них. Но Византийская империя, находясь далеко от степей Центральной Азии, не давила и не могла давить на кочевников. К тому же проповедь христианства среди кочевников вели те, кого в самой Византии считали еретиками. Поэтому распространение христианства в степи было не «культурным влиянием», а пересадкой идейных ценностей^[46].

Универсализм христианства, в котором «несть ни варвар, ни скиф, ни еллин, ни иудей», привился в кочевом мире, потому что он не третировал кочевников как неполноценных людей и не вел к подчинению чужому хану, будь то «Сын Неба» или «Наместник пророка». Напротив же, победа «китайского гуманизма»^[60], т.е. стремление избавиться от чужеродных элементов в своей, культуре, свелась к расправе над беззащитными подданными и потому не перехлестнула китайскую стену.

К 1000 г. несторианство в Китае исчезло^[61]. Сунское правительство объявило войну религии как таковой и победило. Но кого? Кучку монахов и немногих пограничных метисов, искавших утешения и покоя! Уцелевшие китайские несториане бежали в степь, и с этого момента несторианство стало антикитайской силой, во много раз более мощной, чем до гонений. А теперь поставим острый вопрос: так ли уж нам надо разбираться в судьбах вероисповеданий и мнений? Какое это имеет значение для судеб гибнувшего Китая, поднимавшейся Западной Маньчжурии, покинутой народом Уйгурии, наполнявшегося людьми Тангутского царства? Что нам даст изучение религиозных движений вместо разбора социально-экономических отношений, о которых в этой работе говорится только мимоходом? Даст много, ибо идеологические системы не что иное, как индикатор глубинных процессов – экономических, социальных и этногенетических. Фантастическое мифологема – пена на воде, но по пене мы определяем глубину реки и скорость течения. Конечно, это окольный путь. А что делать, если прямой непроходим из-за отсутствия сведений? Период X–XI вв. недаром называется «темным»: он весь прошел под знаком молчания летописцев. До этого мы ставили вопрос о преодолении лжи источников, что, конечно, очень нелегко сделать. Но как разорвать пелену безмолвия? Как найти опорные точки для исследования при полном отсутствии прямой информации? Вот задача, непосильная для индуктивного метода.

И тут приходит очередь дедукции. Если собрать крупинки информации и расположить их в пространстве и во времени, т.е. на исторической карте и синхронистической таблице, то контуры «белых пятен» сузятся и появится возможность их приблизительного заполнения. Но именно для этой цели необходимо наблюдение за индикатором, т.е. колебанием успехов религиозной проповеди враждебных систем мысли и мироощущения.

Затем поставим вторую, вспомогательную, проблему: кто виноват в заговоре молчания – сама историческая действительность, не породившая событий, достойных описания, или летописцы, пренебрегшие своими обязанностями? Ответ на это был дан китайскими историками еще в 874 г. «В сие время Китай начал колебаться от безначалия (имеются в виду смуты, повлекшие за собой падение династии Тан. – Л. Г.) и мало имел времени заниматься внешними сношениями с смежными народами (намек на то, что географическая наука, находившаяся в эпоху Тан в расцвете, благодаря активной поддержке правительства, претендовавшего на гегемонию в Азии, пала, как только эти претензии оказались

неосуществленными. – Л. Г.), почему и сведения китайцев о восстановлении Дома Хойху (Уйгурии) кратки и прерывисты»^[62]. Впрочем, и после восстановления в Китае порядка и централизации – 960 г. – сведения о кочевниках столь же скудны, вплоть до эпохи Чингисхана. Выбранный нами окольный путь дает возможность отчасти заполнить купюру в истории. И вот каким способом!

В это чуть ли не самое жестокое для классового общества Китая столетие (860–960) нередко были случаи, когда социальное положение каждого отдельного человека менялось иногда по несколько раз в течение его жизни. Разжалованный полководец становился нищим батраком, удачливый разбойник становился князем, слуга за своевременный донос превращаются в крупного феодала, а при смене власти делался крестьянином.

С другой стороны, каждый отдельный человек, будучи одиноким, чувствовал себя беззащитным. Поскольку в эту эпоху уже не играла роли принадлежность ни к семье или определенному кругу, ни даже к политической группировке, потому что предательство стало заурядным явлением, поскольку каждый человек вынужден был искать людей, близких себе хотя бы по духу. Входя в ту или иную религиозную общину, он попадал в среду людей, которым мог доверять, потому что общину он выбирал согласно своим вкусам и наклонностям. Часто такие общины совпадали с определенными территориально-политическими образованиями. Например, буддистов тянуло в Тангут или в Кидань, а христиан – к уйгурам или шато. С течением времени инкорпорация изменила состав этнической группы до неузнаваемости. Потому-то, когда мы сравниваем этнографическую карту Азии IX в. с картой XIII в., то первое, что бросается в глаза, – это их несходство. Конечно; за истекшие 300 лет имели место и переселения племен, но это касалось только северных окраин Великой степи, а этническая трансформация ее массива произошла за счет исторической судьбы, т.е. закономерного изменения, механизм которого в общих чертах обрисован нами.

Но этот же самый механизм порождал религиозную нетерпимость. Она стимулировалась не догматами сложных и разработанных теодицей, а простой неприязнью к другой группе людей, личными отношениями и затем распространялась на всю систему религиозных воззрений. Особенно активно в этом отношении действовали китайский националисты, поборники конфуцианства и враги любого мистицизма, в том числе и своего – даосского. Посмотрим, чего они добились.

Трилистник птичьего полета

История Срединной Азии ясна и понятна только до 861 г.^[63] Тогда в результате жестокой войны все государства и державы Восточной Азии оказались вынужденными ограничиться собственными территориями. Тибетцы вернулись на свое плоскогорье; китайцы отошли за свою стену, уйгуры укрепились в оазисах Западного края^{[64][48]}, кидани^{[65][49]} обеспечили независимость своего восьмиплеменного союза в Западной Маньчжурии, а остатки тюркютов засели в Горном Алтае. Великая степь пришла в запустение, так как в течение полувека она была театром войны между уйгурами и енисейскими кыргызами, не сумевшими в ней закрепиться. Впрочем, по-видимому, они не очень к этому стремились. Привыкшие к оседлому быту в благодатной Минусинской котловине, кыргызы видели в монгольских степях только поприще для боевых подвигов, целью которых была военная добыча. Когда же между киргизскими войсками и становищами уйгуров легла пустыня, а уйгурские женщины и дети попрятались в крепостях, унаследованных ими от китайских военнопоселенцев, война стала невыгодной для кыргызов и постепенно затухла, хотя официально и не прекращалась.

Уйгуры довольно быстро освоились на своей новой родине, где они смешались с местным населением богатых оазисов Турфана, Карашара и Кучи^[50] и передали потомству свое славное имя. С конца IX в. уйгурами стали называться именно оседлые обитатели предгорий Тянь-Шаня, в сущности новый народ, состоявший из купцов, ремесленников и садоводов, ничем не напоминавший воинственных кочевников, имя которых он приобрел и носил. В 874 г. новое государство было официально признано Китаем^[66], несмотря на поражение, понесенное уйгурами от тангутов.

Притяньшаньская Уйгурия^[67] простиралась на юг до Лобнора, на запад до реки Манас и оазиса Кучи^[51].

Юридические документы уйгуров, изданные С. Е. Маловым^[52], указывают, что в X–XIII вв. в Турфане существовали аренда, кредит, работоторговля и долговое рабство, подати и повинности, ростовщичество и проценты, юридически оформленные сделки и заверенные подписи^[68]. Уйгурская литература этого периода богата только переводами. Уйгуры переводили с сирийского, персидского, санскрита, китайского и тибетского языков, но сами почти ничего не оставили. Очевидно, смешение было настолько велико, что в Турфане образовалась гибридная форма культуры. Историческая традиция древней Уйгурии оказалась прерванной.

Политическая история уйгуров в конце IX и начале X в. темна и неизвестна. Есть смутное упоминание о том, что уйгуры отняли у карлуков города Аксу и Барсхан; причем в последнем владетель был из карлуков, но жители перешли на сторону токуз-огузов^[69], т.е. уйгуров. Однако вскоре городом Аксу овладели кыргызы – надо полагать, в порядке продолжения войны с уйгурами, и агрессия уйгуров на запад прекратилась.

Вероятно, была попытка расшириться и на восток, так как в 924 г. Ганьчжоу опять принадлежало уйгурам.

Короче говоря, уйгуры унаследовали китайские владения Западного края и превратили форпост китайского проникновения на запад в оплот Срединной Азии и против мусульман и против китайцев, причем те и другие неуклонно слабели.

Разгром тибетской армии в 861 г. был последним триумфом империи Тан^[70]. С тех пор она разваливалась более или менее быстро, но неуклонно. Табгачи, воинственные пограничные

помещики, посадившие на престол своего ставленника в 618 г., за 300 лет растворились в массе народа, а исконные китайцы никогда не симпатизировали династии Тан, несмотря на заигрывание ее со всеми классами населения. Немалую роль тут играла просто этнопсихология. Поскольку крушение династии анализировалось неоднократно и подробно ^[71], мы позволим себе остановиться только на этнопсихологическом моменте, отмеченном только одним автором, Н. И. Конрадом, который назвал это явление «китайским Возрождением» или «гуманизмом» ^[72].

Вспомним, что танские императоры, стремясь к созданию общеазиатской империи, охотно поддерживали религии, приходящие с запада: буддизм, христианство и иногда даже манихейство. При дворе в императорском театре пользовались успехом индийские и согдийские танцовщицы, плясавшие полуобнаженными, что казалось истинным китайцам чудовищно неприличным. Казалось бы, какое это могло иметь значение для чиновников, получивших конфуцианское образование, если двор в свободное от дел время увлекался идейной и эстетической экзотикой, но вспомним хотя бы наших старообрядцев в XVIII в. и их отношение к декольтированным платьям. В разные эпохи чувствуют и ведут себя по-разному, и императорские капризы шокировали даже лояльных чиновников, толкая их на оппозиционные акции. Приведем для примера только один случай ^[73]: в 819 г. в пышную столицу Китая Чанъань была привезена из Индии якобы кость пальца Будды. Император сам участвовал в торжественной церемонии встречи реликвии, и философ-конфуцианец Хань Юй подал докладную записку, где писал: «Ведь он, Будда, мертв, и уже давно. Это же только сгнившая кость. Как же можно помещать ее во дворце! Как может Сын Неба поклоняться праху!» Философ попал в немилость, но он писал, зная, на что идет. Импульс этнического самоопределения, своего рода средневековый шовинизм, оказался сильнее рассудка и желания карьеры.

На более же широкие слои населения производили впечатление не философия и балет, а военная реформа. В армии вводились тюркские одежда и оружие, а следовательно, менялась и тренировка воина, т.е. ломался и перестраивался весь его бытовой уклад. Для войны и политики это было полезно и даже необходимо, но для китайского народа, от простого крестьянина до вельможного чиновника, чуждо и противно. Все «варварское» было настолько одиозно для ультрапатриотов, что даже даосизм и электическое конфуцианство, проявлявшие терпимость и какой-то интерес к окружающему Китай миру, также оказались для них неприемлемыми. Например, основатель «китайского гуманизма» Хань Юй пишет: «Что же нам делать? Отвечаю: Если не положить конец учениям Лао-цзы и Будды, нам ничего не осуществить. Если обратить их монахов в мирян, если сжечь их книги, если превратить их храмы и кумирни в жилища, если разъяснить Путь древних царей и тем самым повести людей за собой, если заботиться об одиноких вдовцах, одиноких вдовах, о детях-сиротах, о неизлечимо больных и калеках – это и будет близко к тому, что нужно» ^[74].

Хань Юй в своем трактате горько жалуется, что он «только профессор» ^[75] и к власти его не пускают. Однако он не совсем прав. Ему удалось выучить целое поколение чиновников, которые после его смерти применили его принципы на практике ^[76]. Результаты не заставили себя ждать. Как только императорское правительство пошло навстречу этому направлению, оно оказалось в таких страшных тисках, из которых уже не вырвалось. На место боевых генералов пришли чиновники-евнухи и сосредоточили в своих руках всю административную власть в столице, а также огромные богатства. В провинциях военные губернаторы добивались права передавать должности по наследству, что делало их независимыми от центральной власти. Чиновники получали должность после сдачи экзаменов, но сдать их без взятки или влиятельной поддержки было невозможно. Образовались партии, боровшиеся друг с другом, а с крестьян взимали налоги

на оплату всех этих незаконных действий. Недовольны стали все... и потекла кровь.

В 859–860 гг. в провинции Чжэцзян измученные поборами и экзекуциями крестьяне подняли восстание, в котором участвовало до 30 тыс. человек. Подавить его удалось лишь благодаря тому, что в правительственные войска были мобилизованы уйгуры и тибетцы, искавшие в Китае убежища от своих степных врагов. В 868 г. возмутились солдаты в Гуйчжоу, к ним примкнуло множество крестьян, и повстанцы овладели частью провинции Аньхой. Правительство вызвало войска племен шато и тогонов... и снова одержало победу. В 874 г. новое восстание захлестнуло весь Китай. Вождь его, Хуан Чао, происходил из семьи солеторговца, недостаточно богатого, чтобы обеспечить сыну сдачу экзамена на чин. Подробности этого восстания всецело относятся к истории Китая, но для нашей темы важно, что в 881 г. Хуан Чао взял Чанъань и провозгласил себя императором. Вместе с титулом он принял тяжелое наследство – глубокое моральное разложение чиновничества, ограниченность бедных крестьян, вероломство полководцев. В 882 г. один из его сподвижников, Чжу Вэнь, изменил делу восстания и принял из рук танского императора чин цзедуши – военного губернатора, что дало правительственным войскам передышку, за время которой произошел перелом: в войну вступили кочевники.

Тюрки-шато, последние потомки хуннов, долгое время жили в Джунгарии, участвуя в тибето-уйгурских войнах, пока из-за раздоров с тибетцами не перешли во владения Срединной империи. С 878 г. они поселились в Ордосе. Не слишком разбираясь в глубинных причинах перерождения империи Тан, они помнили, что в течение трех веков именно эта династия вопреки воле своих чиновников относилась к степнякам благожелательно и видела в них людей, а не диких животных^[77].

Поэтому в критический момент они не задумываясь пришли к ней на помощь. Точно так же поступили тангуты, о которых речь впереди.

Юный предводитель шатосцев^[78] Ли Кэюн, показал себя талантливым полководцем. Весной 883 г. его войска при поддержке тангутов разгромили повстанцев у реки Вэй, вытеснили их из столицы и преследовали, рубя бегущих. 17 тыс. шатосцев оказалось достаточно, чтобы сломить основные силы Хуан Чао. В 884 г. он покончил самоубийством, а его войско было рассеяно и превратилось в партизанские отряды, сопротивлявшиеся правительственным войскам до 901 г. Но сила и обаяние династии Тан не воскресли. Как только чиновники-евнухи попытались возобновить старый порядок, два военных губернатора произвели переворот. В 907 г. последний танский монарх, малолетний Ай-ди, был низложен, евнухи перебиты, а власть взял в свои руки дважды предатель Чжу Вэнь, объявивший себя императором новой династии – Поздней Лян. С этого момента начался новый период истории Китая, носящий название «Пять династий и десять царств».

Новые ритмы

Характеризуя начавшуюся в 907 г. эпоху, историк Анри Кордье^[53] пишет: «Приходится признать, что этот период истории Китая имеет лишь посредственный интерес. Эти вожди, которые жаждали императорского титула, не имея на него других прав, кроме захвата земель у своих соседей, движимые только гордостью, выгодой и боевой доблестью, без общей идеи; люди грубые, невоспитанные, суеверные, не боящиеся ничего, кроме колдовства и волшебства, напоминают баронов нашего феодализма, настоящих хищников, выслеживавших жертву, чтобы броситься на нее в удобный момент, грабивших города и деревни ради добычи, которую они накапливали в своих замках. Ни одной общественной идеи, ни одной моральной, ничего

благородного, только грубая сила была средством их действий, а грабеж и убийство – целью. А если они и воздерживались от жестокостей, то не под влиянием истинных религиозных чувств, но из страха перед сверхъестественными силами, которых они не понимали, но воздействия коих весьма опасались»^[79].

В этой характеристике кое-что схвачено верно, а кое-что не замечено автором, смотревшим на события слишком близко, для того чтобы уловить общие закономерности. Вряд ли целесообразно наблюдать звездное небо в микроскоп. Поэтому мы сознательно опустим целый ряд деталей, заслоняющих перспективу, и сосредоточим внимание на переплетающихся нитях исторических судеб, сочетание которых обрекло Китай на небывалое унижение, а Великую степь на запустение и превращение в пустыню, в то время как на ее восточных и западных окраинах выросли государства, грозные, но эфемерные, ибо именно это распределение сил было характерно для «темного» периода истории Азии.

Начиная с 90-х годов XI в. области бассейна реки Янцзы начали отпадать от центрального правительства, а когда сменилась династия, то весь Южный Китай отказал новой власти в покорности. На юге образовалось девять суверенных государств, ибо правители девяти областей присвоили себе титулы «ванов» (королей) и «ди» (императоров). Зато на севере новый император импонировал многим влиятельным лицам. Вероломный и развратный, лишенный как высокого ума, так и таланта управления, трусливый на поле брани, он вполне устраивал своих сподвижников, ничем не отличавшихся от него и надеявшихся, что при таком правителе они тоже могут дать выход своим гнусным инстинктам. Поэтому никто не вступился за династию Тан, кроме племени шато, вождь которого, «одноглазый дракон» Ли Кэюн, объявил войну узурпатору.

Ли Кэюн надеялся на помощь киданьского вождя, Елюя Амбаганя (кит. Абаоцзи), с которым он в 905 г. заключил союз, но тот его предал и предложил союз Чжу Вэню, от которого император гордо отказался, решив, что он и без помощи дикаря подавит мятежника. Вслед за тем он двинул на маленький Ордос две огромные армии, которые тут же были разбиты Ли Кэюном. Шато перешли в наступление и, несмотря на смерть своего вождя, в следующем, 908 г. снова одержали победу. Сын «одноглазого дракона» Ли Цунь-суй, доблестью не уступавший своему отцу, к 923 г. закончил войну полной победой и восстановил империю Тан. Но поскольку он сам сел на престол, то династия получила название «Поздняя Тан»^[80].

Снова мы видим, что не только честолубие и алчность полководцев были причиной войн и разрушений Китая. Нет, продолжалась борьба между китайскими националистами, поддерживавшими династию Лян, и окитаившимися, хотя и не до конца, кочевниками, идущими в бой за идею династии Тан.

Эта линия борьбы красной нитью проходит через всю историю Китая «эпохи пяти династий».

Только этим и можно объяснить то ожесточение, которое проявилось во время войны и даже в последние ее дни. Один из лянских военачальников, раненный и взятый в плен, отверг предложение победителя о пощаде и высоком чине при условии перехода на сторону Поздней Тан. Он предпочел казнь^[81]. Вряд ли можно такое поведение объяснить эгоизмом – очевидно, китайцам было против чего биться, но в другом прав А. Кордье: нужно также, чтобы было за что сражаться, а в этом-то и был недостаток. В то время «солдаты, словно из баловства, убивали одного военачальника и выдвигали другого»^[82]. Положительная программа китайских шовинистов была утопией учеников «гуманиста» Хань Юя, а у шато хотя и было литературно оформленных трактатов, но были кочевые традиции, унаследованные еще от хуннов. Кроме того, еще не потеряв связей со степью, они привлекали под свои знамена татабов, киданей, татар и

тогонцев»^[83]. Все эти племена были в свое время обижены китайцами. Они пленных не брали и сами в плен не сдавались. Потому-то они и побеждали.

Даже киданьская диверсия, предпринятая узурпатором Елюем Амбаганем в 921 г., не смогла изменить положение на фронте. Амбагань был разбит наголову и еле-еле отстоял собственные владения, тем более что далеко не все его соплеменники ему сочувствовали. Конечно, и тут мы видим властолюбие и алчность, упорство и тщеславие, но эти чувства, подмеченные А. Кордые, находили свое выражение в Китае, Маньчжурии, Ордосе и Тибете несколько по-разному. Люди не пешки на шахматной доске, они воюют то лучше, то хуже в зависимости от каких-то нюансов, неуловимых для них самих, но историк не имеет права их не видеть. Неукротимость стала знаменем эпохи, и потому война продолжалась.

Третья сила

Кидани были народом воинственным, но немногочисленным. Они принадлежали к юго-восточной ветви монголоязычных племен – потомков сяньби и населяли степную часть Западной Маньчжурии от реки Нонни на севере до реки Ляохэ на юге. Вначале они были охотниками и рыболовами, но в VII–IX вв. усвоили от тюрков навыки скотоводства, а от китайцев переняли навыки земледелия. Не имея сил для самостоятельной политики, они то подчинялись тюркам и уйгурам, то переходили под власть империи Тан только для того, чтобы через несколько лет снова отложиться. Но во второй половине IX в., когда пала степная Уйгурия и вслед за тем восстание Хуан Чао обескровило Танскую державу, кидани оказались наиболее сильным и сплоченным народом Восточной Азии. Киданьская держава представляла союз восьми племен, управлявшихся общим вождем, избираемым на три года. Фактически история показывает, что на практике этот срок не соблюдался: энергичные вожди либо погибали раньше него, либо воевали после него. Тем не менее в принципе такой закон существовал.

На севере с киданями граничили многочисленные охотничьи племена шивэй – предки татар. На западе, на окраине степей современной Монголии до озера Далай-Нур, жили татабы, которых китайцы называли кумохи или хи (кит. си). Шивэй и татабы были монголоязычными народами и вместе с киданями составляли единый этнический массив. На востоке от киданей обитали охотничьи племена чжурчжэней (маньчжуров). Здесь же находилось царство Бохай^[54], включавшее в себя смесь разных корейских и маньчжурских племен, цементированных цивилизацией корейского^[84] образца. На юге Кидань граничила с Китаем и вела с переменным успехом постоянную кровопролитную малую войну с китайскими пограничниками.

В начале X в. особенно энергично действовал один из восьми вождей, Елюй Амбагань. Став в порядке очереди главным вождем, он в 903 г. совершил удачные набеги на чжурчжэней и на северо-восточную границу Китая, усилив свое войско примкнувшими к нему татабами. В 904 г. он повторил набег на Китай, на область Ю в Хэбэе, и на приамурских шивэйцев. С 905 г. Елюй Амбагань, подкупленный Чжу Вэнем, ввязался в китайскую гражданскую войну, сперва на стороне тюрков-шато, потом, в 907 г., на стороне династии Лян.

Однако, взяв роскошные подарки, Амбагань не спешил на помощь к своему союзнику. Он предпочел более легкую войну со своими маньчжурскими соседями: татабами и чжурчжэнями. В 906 г. он нанес им сильные удары, заодно ограбив китайскую область Ю. Благодаря этому он завоевал популярность в войске и получил возможность осуществить в 907 г. государственный переворот, который за метод одобрил бы сам Макиавелли. Дело в том, что согласно обычаю Елюй Амбагань пробыл вождем киданей уже три года и должен был смениться.

Тогда он собрал прочих вождей на сейм и отрубил им головы, которые потом выставил на

границе. Себя он объявил «Небесным императором», свою жену – «Земной императрицей»^[85] и продолжил свои завоевания, подчинив племена шивэй и увань в Северной Маньчжурии и чжурчжэней в Приморье.

Дальнейшие действия Амбаганя сводились к подчинению соседних племен. Татабы покорились в 911 г., приамурское племя уги – в 915 г., но окончательная победа над лесовиками была достигнута только в конце 919 г. В 912 г. Елюй Амбагань попытался овладеть Хэбэем, где полководец Лю Шоу-гуань вздумал объявить себя императором. Эта попытка не имела успеха только из-за того, что против Амбаганя восстали его родные братья. Год спустя они были схвачены, но поход не удался, а за это время шатосский претендент Ли Цунь-суй завоевал Хэбэй и поймал узурпатора Лю Шоу-гуаня.

Собравшись с силами, Елюй Амбагань в 916 г. предпринял попытку замирить запад – тюрок (шато), Духунь (видимо, уйгурское племя хунь, осевшее после разгрома Уйгурии в китайских владениях) и дансянов (о них будет длинный разговор ниже). Согласно придворной киданьской истории «Ляо-ши», это ему удалось, но на самом деле он потерпел поражение от шатосцев и быстро убрался в Маньчжурию^[86]. После этого кидани активно вели войну против шато, но несколько странным образом: они грабили и угоняли в рабство население Хэбэя, состоявшее не из шато, а из китайцев. Шато же, выступая против киданей, становились в позу защитника китайских крестьян от жестоких варваров. Таким образом Амбагань, сам того не желая, способствовал победе шатосских войск и восстановлению империи Тан в виде Поздней Тан, что и произошло в 923 г.

Потерпев неудачу на юге, Амбагань решил компенсировать себя в степи. В 924 г. он с сильным войском выступил на запад – против тогонов, дансянов и цзубу^[87]. Можно думать, что он стремился охватить с севера владения своего соперника – империи Поздней Тан – и прижать шатосцев к собственно китайским территориям. Описание похода в истории династии Ляо весьма невразумительно. Сообщается, что был бой у горы Су-кум, но где эта гора и с кем был бой – неясно, на цзубу был послан отдельный отряд под командованием принца крови.

Принц и его войско разграбили всю область, населенную цзубу, и покорили племена на хребтах Хомушэ (?!) и Феотутшань^[88].

Если гипотетически допустить, что Хомушэ – это Хамар-дабан^[55], то получится, что киданьские войска опустошили всю Восточную Монголию, прежде чем дошли до развалин уйгурской столицы Карабалгасуна. Елюй Амбагань приказал выбить там на камне надпись в ознаменование своего подвига и вернулся, не оставив даже гарнизона в опустевшей степи. Не от кого было ее охранять, да и незачем. Желающих на нее не было. Так войска Амбаганя проникли на юг степи до Ганьчжоу, где захватили в плен тутука (чиновника) этого города, уйгура Бильгэ. Пленника отпустили к уйгурскому идыкуту (титул правителя) с письмом, в котором Амбагань предложил уйгурам вернуться на свою родину, т.е. в долину Орхона, так как ему безразлично, будут ли эти земли принадлежать киданям или уйгурам. Правитель Уйгурии отказался, сославшись на то, что его народ привык к новой родине и доволен тем, что имеет^[89]. Равным образом не претендовали на степь и кыргызы. Они давно покинули ее и ушли в благодатную Минусинскую котловину, где они могли жить оседло, заниматься земледелием и скотоводством, а не кочевать.

Не странно ли, что степь, до IX в. представлявшая яблоко раздора между могучими народами, вдруг в X в. перестала интересовать соседние державы? Этот вопрос столь важен, что мы уделим ему особое внимание^[90].

Последним успехом Елюя Амбаганя было завоевание царства Бохай^[91]. В начале 926 г. сдалось на милость победителя правительство, а осенью было подавлено восстание населения.

Кидани истребили царский род, увели аристократию в свою столицу, а простых людей массами ссылали в пустующие области, отрывая их от родной почвы. В начале 927 г. Елюй Амбагань умер, оставив наследнику Дэгуану уже не призрачную власть вождя над племенным союзом, а престол большого царства, которое с 916 г. стало именовать себя империей. У этой новорожденной империи было много сил и немало врагов.

Наиболее опасными противниками киданей были все-таки шато. После разгрома династии Лян все южнокитайские правители областей принесли покорность обновленной династии Тан, за исключением царства Шу (в Сычуани). В Шу было 30 тыс. воинов, но когда в 925 г. туда прибыли танские войска, они сдались без боя. Южные китайцы разучились воевать. Но они не разучились клеветать, и по наветам приближенных танский император Ли Цунь-сюй казнил своих самых верных соратников. Уцелел только полководец Ли Сы-юань. Он поднял восстание против придворных евнухов и фаворитов. В 926 г. войска перешли на сторону полководца, а императора убили его же любимцы, которых Ли Сы-юань по вступлении в столицу пересажал, наведя тем самым порядок. Амбагань хотел было воспользоваться беспорядками у соседа и задержал шатосского посла, требуя от империи Поздней Тан уступки Хэбэя, но получил отказ^[92]. С этого времени стало ясно, что столкновение двух китаизированных варварских империй неизбежно, но смерть Амбагана отсрочила конфликт.

Теперь, оглядевшись по сторонам, мы имеем право поставить важный вопрос: как рассматривать киданьское государство (в полном смысле этого слова) – как наследника кочевых держав Центральной Азии или как периферийный вариант китайской империи? Сами китайцы считали киданей варварами. Виттфогель^[56] в уже цитированной книге считает их настолько китаизированными, что объединяет их в один культурный круг с Китаем как провинциальную империю, которых в тот век было десять. Единственным отличием киданьской империи, получившей китайское наименование Ляо, было то, что она до конца осталась независимым государством, тогда как все прочие были поглощены национально-китайской империей Сун во второй половине X в. Так ли это?

Прежде всего нужно отказаться от мысли, что киданьское царство продолжало или стремилось продолжать традиции каганатов. Из примитивного племенного союза Кидань стала не военно-демократическим элем^[93], а феодальной империей. Основным занятием населения сделалось не скотоводство, а земледелие. Письменность была заимствована из Китая, т.е. иероглифика была приспособлена к агглютинативному монгольскому языку^[94]. Традиционному неприятию китайской идеологии и системы образования, характерному для всех степняков, Кидань противопоставила усвоение китайской культуры, привлечение на службу ученых-китайцев и усилила этот процесс путем присоединения к себе Бохая и части Северного Китая (Ючжоу. совр. Пекин). Как будто К. Виттфогель прав. Но это еще не все,

Киданьское правительство проводило политику насильственной китаизации киданей, стремясь уничтожить у них пережитки родо-племенного строя и сломить засилье племенной знати.

Этой политике противились широкие слои киданьского общества – аристократия, народ и включенные в государство племена. Они либо восставали с оружием в руках, либо просто отказывались надевать одежду китайского покроя и зубрить китайскую грамоту. Дошло до того, что рядом с китаизированным императорским дворцом существовал двор императрицы, где соблюдались киданьские обычаи^[95]. В Кидани возник разрыв между властью и народом. Власть сохранила инициативу в политике, а народ добился того, чтобы остаться самим собой. Киданьскому народу были равно чужды и китайцы и степные тюрки.

Влажный, но холодный климат Маньчжурии и Приморья определил возникновение в этих

странах особого ландшафта, известного читателю по прекрасным описаниям В. К. Арсеньева^[57]. Монголо-маньчжурские и корейские племена великолепно приспособились к своим влажным лесам и многоводным рекам, а также к долинам между гор и сопок, которые давали людям средства для жизни. В X в. хозяйство дальневосточных народов – так мы их будем называть в отличие от китайцев и степняков – было на подъеме. И тогда возникла возможность для завоеваний, ибо остававшиеся дома легко кормили тех, кто служил в войсках.

А воевать было с кем и за что! Срединная империя Тан захватила Ляодун и Корею и простирала свои замыслы дальше, на Центральную Маньчжурию. Всем племенам от Сунгари до Амура грозило порабощение, которое можно было предотвратить только объединением. Елюй Амбагань просто угадал или, может быть, понял, куда идут события, и перехватил инициативу.

Итак, по нашему мнению, киданьское царство было авангардом особого дальневосточного этнокультурного комплекса^[58]. В нем причудливо переплетались традиции различных племен и народов: земледельческих (Бохай), охотничьих (чжурчжэни и шивэй), скотоводческих (татабы) и рыболовецких (уги), более или менее подвергшихся влиянию китайцев и кочевников-тюрок. Но рассматривать этот комплекс следует не как периферию Китая или Великой степи, а как «третью силу», впервые выступившую на арену мировой истории в X в. Китай сопротивлялся киданям сколько было сил, а Великая степь молчала. Почему?

В историю вмешиваются дожди

Предваряя исследование, мы уже дали краткое географическое описание той территории, которая лежит между китайской стеной и огромным зеленым заслоном сибирской тайги, ограничивающей полосу степей с севера. В интересующую нас «темную» эпоху обе эти стены были прорваны. С одной стороны центральноазиатские кочевники – кидани, проникли в Китай и поселились в нем, покинув родные степи, а с другой – предки якутов, курыканы, двинулись в Сибирь.

Если переселение киданей не вызывает немедленного вопроса: зачем? (ведь большинство историков не ведает очарования степей), то переход в Сибирь требовал объяснения. Кажется на первый взгляд, что здесь нарушение этно-географического принципа, согласно которому народ ищет для поселения ландшафт, сходный с тем, в котором он сложился. Но нет, переселения курыкан совершались по великой реке Лене на плотках, влекомых течением, и оседали курыканы на прибрежных лугах и долинах, окаймляющих прозрачные озера. Однако все красоты северной природы не восполняли потери душистых степей Прибайкалья, уступленных курыканами бурятам, в свою очередь покинувшим еще более сухое Забайкалье^[96].

Вспомним, что тогда же приаральские степи покинули печенеги, а прибалхашские – карлуки. Похоже, что здесь не простое совпадение событий, а какое-то явление общей закономерности, характерной для Центральной Азии в X в.

Итак, нам известны следствия, но причины неясны. Конечно, проще всего заявить, что шло развитие и народы начали вести себя по-иному. Но ведь точно и бесспорно, что социальное развитие зависит от прогресса хозяйственной деятельности, от технических усовершенствований, а какие могут быть усовершенствования при пастушеском хозяйстве? Форму кнута или аркана менять незачем, Так что же – застой?

И тем не менее изменения происходили, и масштаб их был не меньше, а больше, чем в оседлых, земледельческих странах, если, конечно, мы будем сравнивать равные отрезки времени: например, век с веком. Так принято в естественных науках при сопоставлении функциональных зависимостей, и нет никаких причин отказываться от этого плодотворного

метода по отношению к рядам исторических событий, объединенных причинно-следственной связью. Вот на этой базе мы и попробуем решить поставленную проблему.

Аналогом атлантических циклонов в Восточной Азии являются тихоокеанские муссоны, точно так же меняющие пути прохождения. Иногда они несут влагу в Монголию, и тогда сужается Гоби, зарастают лесом склоны Хэнтэя и наполняется водой Байкал. Иногда, сдвигаясь к северу, они изливаются на склонах Яблоневого хребта и стекают обратно через Амур, а в третьем случае – орошают Камчатку. Эпохи прохождения муссонов хронологически совпадают с прохождениями циклонов через западные степи. Доказательством этого служит уровень Байкала, на 50% наполняющегося через Селенгу из степной зоны. Он находится в оппозиции к Каспию и совпадает с Аралом и Балхашем^[97]. Несмотря на то что археологические работы вокруг Байкала не ставили себе целью установить исторические колебания его уровня, мы тем не менее можем уточнить эпохи усыхания степей, исходя из того, что нам хорошо известна история Каспия. Благодаря подмеченной закономерности нетрудно сделать вывод, что эпоха повышенного увлажнения степей в IX в. сменилась засухой, закончившейся в начале XI в. За это время произошло выселение из степей на ее окраины тюркских народов и обратное заселение степи приамурскими народами, предками монголов и монголоязычных татар, которые освоив новый богатый район, размножились и усилились.

Рассмотрение исторических фактов в указанном аспекте показывает, что географическая среда, определяющая естественную обстановку, играла колоссальную роль в ходе исторического развития народов лесостепной зоны Евразийского континента и иногда являлась решающим фактором в судьбе могущественных государств. Иной раз таланты и подвиги правителей не могли спасти от гибели их народы, а в других случаях заурядные ханы оказывались в силах поддерживать могущество своих орд. Конечно, таланты и мужество вождей при прочих равных условиях имели большое значение, но судьбы народов лесостепной зоны Евразии решали дожди и зеленая трава.

Кроме отмеченного сходства географических условий западной и восточной окраин евразийской степи между ними наблюдается существенное различие, для нашей темы кардинальное: сезонность увлажнения.

На западе, вплоть до Алтая и Тянь-Шаня, характерно почти полное отсутствие осадков летом и влияние атлантических циклонов зимой. Это значит, что летом степь выгорает, а зимой покрывается настолько толстым слоем снега, что скот не может его разгрести. При этом с циклонами связаны частые оттепели, при которых возникает гололедица, и тогда животные гибнут массами. Поэтому кочевники используют степи под весенний выпас, а на лето угоняют скот в горы, где находятся роскошные альпийские луга в долинах между хребтами. На зиму же они заготавливают сено^[59].

Каждая из горных долин принадлежит особому роду, и, следовательно, здешние кочевники большую часть года проводят в своем кругу. Поэтому у них не возникает привычки к широкому социальному общению^[60]. Они всегда уклонялись от объединения в большие орды, предпочитая им союзы племен или родов, и соответственно их роль в мировой истории сводилась к защите от внешних врагов, обороне, которая редко бывает успешной^[98].

К тому же наличие гор, кое-где увенчанных ледниками, склонов, то поросших густым лесом, то выжженных горячим солнцем (в зависимости от того, куда повернут склон, к югу или к северу), множество ключей и ручьев создали для саяно-алтайского и тянь-шаньского кочевника исключительно благоприятные условия существования сравнительно с резко континентальным климатом Монголии. Однако пульс истории бился не здесь, а на востоке

В Монголию муссоны приносят влагу летом, а зимой над степью располагается центр огромного антициклона. Зимой стоят ясные солнечные дни и тихая безветренная погода. Слабые

ветры наблюдаются только по окраинам антициклона. Снега выпадает столь мало, что скот может круглый год находиться на подножном корму, причем на окраине Гоби выпавший за ночь снег не тает, а испаряется (вследствие инсоляции) на рассвете.

Летом Центральная Азия раскаляется солнцем, и в ней образуется континентальный тропический воздух, но дождей хватает на поддержание растительного покрова, и скот находит себе достаточно пищи даже на равнинах. Стада и пастухи находятся на пастбищах круглый год, встречаясь между собой. Поэтому у восточных кочевников возникает привычка к постоянному общению друг с другом в широких масштабах, и это дает им возможность объединяться и активно отражать натиск оседлых соседей, самым опасным из которых была Китайская империя. Силы Китая превышали силы хуннов в 20 раз, а силы тюрков – в 50 раз, но спаянность и способность к организации кочевников, воспитанные повседневной жизнью, давали им победу над страшным врагом.

Но если так, то отсутствие в степи крупной военной державы означало либо полное отсутствие населения, либо крайнюю его разреженность. Как было показано выше, количество людей в степи лимитируется количеством воды. Значит, то, что в X в. письменные источники не упоминают никакого государства на территории Монголии, свидетельствует о возникновении здесь пустыни, а как только муссоны вернулись на свое южное направление, в степи начали возникать новые народы и новые державы, история которых была немедленно ^[99] зафиксирована соседями. Это случилось в XI в.

Мы замкнули цепь анализа, проделав его двумя путями, и получили единый вывод. Значит, он верен. Теперь наша задача в том, чтобы показать, для чего этот вывод может быть использован.

Соперники

Если до X в. ключом к пониманию истории Центральной Азии была прослеженная выше борьба Китая с Великой степью, то теперь положение изменилось радикально. Китайское общество стало жертвой социального кризиса и деморализовалось настолько, что не смогло отразить нападения немногочисленного племени шато, чуждого китайцам по крови, языку и культуре. Великая степь превратилась в пустыню. Южные кочевники умножили войска шатосского князя, северные ютились на окраине сибирской тайги, а на бывших тюркских и хуннских кочевьях теперь паслись дикие верблюды и лошади Пржевальского, умеющие пробегать сотни километров только для того, чтобы утолить жажду из еще не пересохших источников.

На этом фоне проявилась сила народов Маньчжурии, для которых уменьшение осадков было скорее благом, так как климат ее достаточно влажен и сокращение паводков и буйной растительности шло только на пользу сельскому хозяйству. Это усиление нельзя рассматривать как абсолютное. Нет, сила маньчжурских племен, объединенных киданьской империей, осталась прежней, а ослабели соперники и враги, благодаря чему Кидань получила возможность претендовать на гегемонию в Восточной Азии.

Наибольшей помехой для киданьской империи было собственное непреодоленное прошлое – племенной быт. Не только приамурские и приморские племена охотников и рыболовов (шивэй, тилэ, уги, чжурчжэни), не только земледельческое население Центральной Маньчжурии (Бохай), но и многие члены киданьского восьмиплеменного союза не понимали необходимости жертвовать жизнью и свободой ради величия династии Елюев. Да и в самой царской фамилии не было единства. После смерти Амбаганя императрица, используя свое влияние на войско (женщины у киданей занимали чрезвычайно высокое положение и имели решающий голос во

всех делах, кроме военных), возвела на престол своего любимца – младшего сына Дэгуана^[100], а старший, законный наследник, Дуюй вынужден был бежать к шато, в империю Позднюю Тан, т.е. искать помощи у врага своей страны. Но что ему оставалось делать? Дать себя убить, что ли?

Совсем иное дело сложилось у тюрков-шато. Они одержали блестящую победу в 923 г., использовав последние силы кочевников усыхающей Великой степи. Но на этом степные резервы иссякли, и для того чтобы держать в покорности многомиллионный народ, приходилось привлекать к делам правления собственно китайцев. Мы уже видели, что основатель династии Ли Цун-суй заплатил жизнью за пристрастие к китайскому театру (актеры становились фаворитами императора и получали государственные должности) и доверие к евнухам-чиновникам. Новый император. Ли Сы-юань, неграмотный, но храбрый, умный и благородный по характеру тюрк, столкнулся не только с той же проблемой, но и с новой, еще более сложной, даже неразрешимой. шатосские офицеры, назначаемые правителями южных областей, волей-неволей оказывались в китайском окружении и незаметно, мало-помалу начинали себя вести как китайские чиновники, с той лишь разницей, что они не знали даже простой грамоты. Одержатъ победу было легче, чем ее реализовать.

Господство центральной власти над Южным Китаем было чисто номинальным, но даже таковое было невозможно осуществить. Так, в 927 г. инспектор, посланный для ревизии в Шу (Сычуань), был казнен правителем области, и вслед за тем началось приобретение областных правлений путем применения военной силы, как при феодализме. Воспользовавшись смутой, правитель У (Юго-Восточный Китай) объявил себя императором. Еще опаснее было восстание на северо-востоке, где правитель Ван Ду, страшась отставки, отложился и призвал на помощь киданей, что вызвало открытую войну между шато и киданями, или между империями Поздняя Тан и Ляо.

Шато победили. Мятежник и его союзники были осаждены в крепости Динчжоу. Кто-то из горожан открыл ворота, и крепость пала. Ван Ду сгорел в своем доме, подожженном победителями, а киданьский предводитель сдался, был привезен в цепях в столицу и казнен.

В 929 г. кидани ответили на поражение вторжением в Шаньси, но, потеряв много людей убитыми и пленными, отступили. Шато не могли развить успех, так как снова отпала Шу, где восстали офицеры их собственной армии. Попытка усмирить их окончилась поражением правительственных войск, и война угасла только в 931 г., когда причина восстания – неугодный войскам министр был казнен.

У шато было достаточно денег и людей для обороны, но не для наступления, и они искали мира с киданями. Поэтому в 931 г. они вернули им всех пленных, удержав лишь наиболее доблестного офицера по имени Чже Ла. Но кидани, придравшись к случаю, разгромили северо-восточные области Китая. Тогда император назначил правителем Хэдуна (территории к востоку от излучины Хуанхэ) самого способного шатосского полководца Ши Цзинь-тана, но это обеспокоило губернатора города Ю (Пекин), и он передался вместе с городом и областью киданям в 932 г.

В 933 г. произошло два несчастья: снова отпала Шу, а правитель ее провозгласил себя императором, и умер правитель города Сячжоу^[61] в Ганьсу, оставив малолетнего сына. Император хотел назначить в Сячжоу нового правителя, но город его не принял и выдержал осаду регулярной армии. На помощь к мятежникам из степи пришло 10 тыс. дансянов^[101], которые страшно опустошили страну, разбили танское войско и гнали его, рубя бегущих, до полного истребления. Император вынужден был признать мятежника правителем. Трудно сказать, во что мог вылиться такой невероятный разгром, если бы кидани, видимо обеспокоенные усилением дансянов, не послали против них сильную армию^[102], которая хотя и не достигла ощутимых результатов, но оттянула войска дансянов в степь для защиты своих

поселений. Империя Поздняя Тан была спасена, но, увы, своим смертельным врагом.

Тут даже железное здоровье Ли Сы-юаня не выдержало, но как только он заболел, его старший сын ввел во дворец войско, чтобы обеспечить себе престол. На защиту больного выступил его внук Ли Цун-хоу и с помощью верных войск выгнал мятежника из дворца. Во время схватки мятежный принц был убит, а император скончался.

Ли Цун-хоу, вступив на престол, попытался упорядочить управление и для этого перевести некоторых губернаторов на другие посты. Но те привыкли к насиженным местам и отказались повиноваться. Восстание возглавил приемный сын Покойного императора, китаец по имени Ван, получивший при усыновлении имя Ли Цун-кэ. Он имел правление на западной границе, где стояло много войск, обороняясь от набегов дансянов и тибетцев. С этими войсками Ли Цун-кэ двинулся на Лоян, не встречая сопротивления. Как это могло случиться?

Прямого ответа или анализа этих событий в истории Китая нет, но вспомним, что лучшие, шатосские, войска были сосредоточены на северо-восточной границе под командованием шатосца Ши Цзинь-тана, удерживавшего натиск киданей. А китайские войска видели в претенденте своего земляка. Вот и все!

В 934 г. законный император был взят в плен и удушен, а повстанец Ван сел на престол. Во главе китайской империи наконец оказался китаец, и вся страна покорила ему, включая Ши Цзинь-тана и его шатосские войска.

Первое, что сделал новый император, – это было установление слежки за правителями областей. Китайские губернаторы с этими порядками мирились, так как каждый из них знал, что, будь он императором, он поступил бы так же. Но для тюрка такая система казалась противоестественной и невыносимой. Ши Цзинь-тан уведомил Вана, что не считает усыновление действительным родством, и предложил передать власть законному наследнику, сыну удушенного Ли Цун-хоу. Ван в ответ на ультиматум казнил двух сыновей Ши Цзинь-тана, находившихся при дворе, и двинул войска на Хэдун. Тогда Ши Цзинь-тан открыл границу и пригласил на помощь киданей, признав киданьского императора «отцом», что по терминологии того времени, означало отношение подданного к государю. 150 тыс. киданей прошли через укрепленный проход Яймынь, не выпустив ни одной стрелы, и в 936 г. на равнинах Шаньси обратили в бегство китайское войско.

После этого Дэгуан отрезал от Китая 16 округов, в том числе Ю (Пекин), оставил Ши Цзинь-тану 5 тыс. всадников и предоставил ему закончить войну, что тот и сделал. Шато и кидани обложили Лоян, где укрылся узурпатор. Этот последний, чтобы не достаться в руки врагу, сжег себя вместе со своей семьей в своем доме, на чем война и кончилась.

Новая династия получила название Поздней Цзинь, по имени первого княжества, основанного шатосцами после разгрома восстания Хуан Чао. Князьями Цзинь были знаменитый «Одноглазый дракон» Ли Кэюн и его сын Ли Цунь-сюй, пока он не стал, на свою беду, императором. Выбор названия говорит о возвращении к тюркским традициям, в числе коих был союз с киданями против Китая. И тем не менее это не была тюркская империя. Большая часть неокитаенных тюрков-шато продолжала кочевать севернее китайской стены, и подавляющее большинство подданных империи Поздней Цзинь были китайцы. А не считаться с собственными подданными можно, только имея большую силу. Ее-то Ши Цзинь-тан обрел в союзе с киданями, вассалом которых стала его империя.

Таким образом, Кидань стала гегемоном Восточной Азии, но не столько благодаря своей доблести, сколько за счет деморализации южных соседей, оскудения западных и дезорганизованности северо-восточных. Но самым значительным событием этого периода было то, что часть исконных китайских земель, пусть незначительная, попала под власть иноземцев. Это определило ход истории на много веков вперед.

Переходом на сторону врага Ши Цзинь-тан спас свою жизнь, но не более. По отношению к киданьскому Дэгуану он был вассалом, несмотря на приобретенный им пышный императорский титул. Часть правителей областей отказала ему в повиновении, другая, сохраняя внешнюю покорность, плела сети заговоров. Население городов, переданных киданям, возмутилось, но было жестоко усмирено. Однако это восстание предрешало грядущие смуты. В 937 г. Юго-Восточный Китай отложился и его правитель принял титул императора Южной Тан. Теперь уже китайцы воспользовались этим славным именем как знаменем.

В империи Поздней Цзинь царил полный разброд, который был полезен только киданям, занявшим в 937 г. Ляодун и давшим десять лет спустя своей империи китайское название (Железная) Ляо^[103].

Это была поистине железная империя, настолько безжалостная к покоренным народам, что кочевники и китайцы объединились для борьбы с угнетателями. В 941 г. несколько пограничных племен^[104] предложили Ши Цзинь-тану выставить 100 тыс. войска, чтобы напасть на киданей, но получили отказ. Это деморализовало повстанцев, некоторые племена разбежались, а оставшиеся потерпели поражение в 942 г. Однако волна негодования продолжала расти, и после смерти Ши Цзинь-тана вопреки его завещанию его сын был отстранен от престола, на который вступил его племянник Ши Чжун-гуй^[105], немедленно попытавшийся освободить свою страну. Он арестовал киданьского чиновника и киданьских купцов и конфисковал их товары. Это означало войну.

Первое наступление киданей в 944 г. было отражено, но в 946 г. Дэгуан, используя продажность китайских военачальников, взял столицу Китая – Кайфын^[62] и захватил в плен императора. Недолго думая, он сам взошел на престол, и все губернаторы, за исключением двух, выразили ему покорность. Возвращаясь домой в 947 г., он увел огромное количество китайских пленных, позднее осевших в Маньчжурии и смешавшихся с киданями. Шаванн^[63] и Виттфогель утверждают, что «этот монарх основал династию Ляо, поистине китайскую^[106]». По дороге домой он скончался.

Да, с этого времени династия стала как бы китайской. Дэгуан переменял свой костюм на китайское парадное облачение, окружил себя китайскими чиновниками^[107], установил в своей стране порядки, больше похожие на ранний феодализм, чем на старый племенной строй^[108], и еще до победы, в 944 г., отказал уйгурскому Арслан-хану в династическом союзе. Как это не похоже на то время, когда основатель империи, Амбагань, объявив в 916 г. благоволение к буддизму, мотивировал это для своих соплеменников так: «Буддизм – не китайская религия»^[109]. Прошло 30 лет – и Кидань выпала из кочевого мира, больше того – она стала ему враждебна.

Но пошло ли это на пользу империи Ляо, не говоря уже о киданьском народе? Как только труп завоевателя был отвезен в Маньчжурию, Китай восстал. На этот раз шато и китайцы объединились, и наместник Хэдуна, Ли Чжи-юань, при активной помощи населения, перебившего киданьских чиновников, разосланных в китайские города, выгнал иноземцев и основал новую династию – Позднюю Хань. Но союз тюрок с китайцами оказался непрочным. В 951 г. китаец Го Вэй низверг сына освободителя, начавшего казнить генералов своего отца, и основал чисто китайскую империю – Позднюю Чжоу, резко враждебную всему иноземному. Остатки шато попытались организовать сопротивление в Шаньси, где создали царство Северное Хань, которое благодаря союзу с киданями продержалось до 979 г., но эта эпопея, равно как и войны между империями Ляо и Сун, сменившей Чжоу в 960 г., относятся к истории Китая, тогда как наша тема будет связана с историей кочевого мира, независимого от китайских влияний.

Отметим некоторые черточки, важные для нашей темы. Во-первых – перестановку сил. В начале X в. китайцы были против традиций Тан, которые защищали тюрки-шато. Тогда они победили, но четверть века спустя к власти пришли китайцы, потомки Хуан Чао, а шато вернулись в свои старые земли. Вектор истории повернулся на 180 градусов.

Во-вторых – резкое ослабление сил шато и даже их вырождение за два поколения. Пока это было тюркское племя, с боевой выучкой степняков – оно побеждало. Перемешавшись с китайцами, оно не слилось с ними. Императоры из шато принуждены были пополнять свои войска и администрацию представителями местного населения, и в результате образовался конгломерат людей, где немногие тюрки правили, а метисированная прослойка управляла китайским населением. Племенные традиции, конечно, исчезли, и народность, рассредоточившись, превратилась в прокочевническую партию, разумеется, непопулярную в массах народа, но уже малобоеспособную.

И третье, самое важное – китайская реакция на иноземное засилье. Приведем несколько характерных фактов. Го Вэй, несмотря на бурное время, покровительствовал изучению классической литературы, хотя сам был неграмотен. И он же осквернил и разграбил 18 гробниц императоров Тан^[110]. Направление политики ясно. Преемник Го Вэя, Чай Жун, закрыл 30 тыс. буддийских монастырей, оставив только 2694. для престарелых монахов и монахинь^[111], а бронзовые статуи будд переплавил в монеты^[112]. Типичная секуляризация, которой добивался основатель «китайского гуманизма» Хань Юй^[113]! А потом, при династии Сун, эти традиции окрепли и выжали из Китая всю мировую культуру, воспринятую при династии Тан^[114]. И тогда, в конце X в., буддисты нашли приют в оазисах предгорий Наньшаня и на берегах Ляохэ, а несториане – в Великой степи. Сердца изгнанников ожесточились. Вместо вольнодумных, мечтательных подданных Китай получил неутомимых и непримиримых врагов. Такова была плата исторической судьбы за осуществление единомыслия.

Кушанье с приправой

Наше краткое изложение событий имело только одну цель – проследить механизм раскола между китайцами, киданями и тюрками-шато. Но теперь мы можем вернуться к главной линии исследования и посмотреть, как выглядит этот эпизод в подаче китайского историка XX в. Победа киданей, разумеется, приписывается измене полководца, к сожалению, не тюрка-шато, а китайца, который, «бесстыдно обманув солдат, заставил их разоружиться. Скорбные возгласы солдат потрясли всю равнину»^[115]. Так, но что же это за армия, которая будто бы хочет воевать, а потом, плача, сдается малочисленному врагу?

Ну хорошо, дальше еще крепче: «Мощное движение народных масс (которые убивали одиноких чиновников. – Л. Г.) породило страх и смятение в душе Елюя Дэгуана, который, обращаясь к свите, сказал: «Я не знал, что будет так трудно подчинить людей Китая!» В панике он бежал на север, угнав с собой большое количество населения и захватив много имущества...» Начать с того, что спутана хронология событий. Сначала Дэгуан уехал домой и умер по дороге, а потом вспыхнуло восстание, и именно тогда, когда киданьских войск осталось мало^[116]. Затем, что за «паника», когда победитель возвращается с огромной добычей? Да он только для того и воевал, чтобы ее получить. И наконец, почему он «бежал», когда на самом деле он оставил в Кайфыне наместника? И именно наместника выгнал шатосец Ли Чжи-юань, подлинный спаситель китайского народа, но о нем только сказано: «в это время бывший цзедуши (военный губернатор) Хэдуна провозгласил себя императором в Тайюане». Ну и отплатили же китайцы своему защитнику! Го Вэй, выходец из солдат, ставший генералом, предал и убил сына Ли Чжи-

юаня, но о нем сказано, что он «был хорошо знаком со страданиями народа», и дальше панегирик его добродетелям. А то, что он толкнул тюрок-шато в объятия киданей, благодаря чему Китаю пришлось воевать 30 лет, только чтобы вернуть Шаньси, – об этом читатель, может быть, догадается, хотя автором сделано все, чтобы запутать сюжет. А ведь весь текст построен на цитатах из источников. Ну как? Неплохо, не правда ли?

А вот и другая крайность – сухая выжимка сведений из тех же источников. Таковы книги А. Кордые и Р. Груссе ^[64]. Как справочник они полезны, но для того, чтобы возникла потребность в справках, необходим интерес к предмету, а он тонет в калейдоскопе имен, дат и фактов. Просто читать эти книги так же трудно, как технический справочник Хютте ^[65], да и незачем. Эстетического наслаждения не возникает, память бесплодно утомляется и выкидывает сведения, не нанизанные на какой-либо стержень. Но стоит ему появиться – и сведения становятся в красивые ряды.

Под стержнем я понимаю аспект. Историю героического племени шато можно рассматривать под разными углами зрения. История их побед и гибели – это проблема неслияния разных культур в аспекте гуманитарном, проблема вынужденной смены ландшафта этносом и невозможность вторичной адаптации в аспекте исторической географии, проблема метисации при несходстве психического склада в аспекте биологическом и, наконец, проблема регресса в аспекте философии истории. В любом случае это выход к стыку наук. Но есть и чисто исторический аспект – логика самих событий – например, вторжение врага вызывает сопротивление или бегство, угроза жизни наместника – восстание или измену, ограбление народа – нищету государства, покровительство чужим – недовольство своих и т.д. Исследуемые нами здесь события IX–X вв. были бедствием той разновидности причинной связи, которую в начале XIX в. именовали «силой вещей» (А. С. Пушкин), а теперь предлагают назвать «цепной реакцией» (Б. Ф. Поршнев) ^[66]. Это – закономерность второго порядка. Накладываясь на закономерность первого порядка – развитие производительных сил и производственных отношений – и суммируясь, эти закономерности образуют ту канву событий, которая является исходным пунктом исторического анализа. Ведь на поверхности явления видны только последствия глубоко скрытых причин. Войны и договоры, законы и реформы, сведенные в синхроническую таблицу, позволяют историку путем сложного анализа сначала вскрыть мотивы событий, а затем синтезировать ход процесса, что будет венцом исторического исследования.

Опыт пространственного анализа

Приведенная краткая справка о шато и киданях может показаться лишней, потому что специалисты по истории Дальнего Востока знают и даже просто держат в памяти гораздо большее количество информации, но ведь другие специалисты, историки Ближнего Востока, археологи, тюркологи и даже историки Средней Азии, в отношении истории Дальнего Востока являются, как правило, образованными читателями, и только, как, впрочем, и наоборот. При осмыслении истории Азии и Европы как единого целого полезнее отобрать и привести нужные данные, чем адресовать читателя к редким, толстым книгам, которые он не всегда может найти и прочесть. Равно не следует заставлять его самого делать выборку из калейдоскопа событий, потому что для этого нужны профессиональные навыки, а они у разных специалистов различны. Поэтому хотя краткий очерк образования киданьской империи сам по себе не является исследованием, но в общем плане нашей темы это один из краеугольных камней воздвигаемого здания.

Вторая необходимая опора – это западная граница кочевого мира ^[67]. Но здесь наша задача

проще, ибо читатель будет встречать знакомые имена, привычные места и события, о которых он не мог не слышать с детства. Нам остается только напомнить о них да расположить их в нужном порядке для того, чтобы «белое пятно» истории сузилось до предела. Для начала напомним, что главным врагом кочевников был так называемый «мир ислама», невольным союзником – Византия, а объектом их вторжений – латино-германская Западная Европа, и особое место занимала языческая Русь. Попробуем разобраться в этом калейдоскопе путем применения панорамного метода.

В то время когда Хуан Чао потрясал устои династии Тан, а дансяны, шато и кидани еще робко ютились по границам некогда грозной империи, рухнула мощь Аббасидского халифата. Турецкие гвардейцы в Багдаде меняли халифов по своему произволу, атаман разбойничьей шайки Якуб ибн-Саффар захватил восточные области Ирана и диктовал условия наместнику пророка, в низовьях Междуречья восстали рабы, привезенные с невольничьих базаров Занзибара (зинджи), а греки перешли от обороны к наступлению и отняли у мусульман Малую Азию. Тогда же двинулись из Семиречья на юг карлуки и в 861 г. взяли Кашгар. А на западе развалилась империя Карда Великого, сначала на три королевства: Францию, Лотарингию и Германию, а затем на десять и продолжала дробиться. И на фоне этого распада выросла папская власть, противопоставив себя византийскому императору: папа Николай I отлучил от церкви патриарха Фотия, чем положил начало расколу между Западом и христианским Востоком.

Прошло 20 лет. Империя Тан пала, а восемь киданьских племен объединились. В это время на Ближнем Востоке зинджи были уже перебиты, но против халифата выступили бедуины Бахрейна – карматы, взявшие под свой контроль всю Аравию и Сирию. А в Средней Азии вместо разбойников Саффаридов создавалась мощная держава Исмаила Самани, лояльная халифу, но по существу независимая^[68]. Она сумела остановить натиск «неверных тюрок» на Среднюю Азию, но этого не смогли сделать европейцы. Магьяры проникли в Паннонию (895) и вскоре превратили ее в Венгрию. Печенеги, проиграв войну с гузами, пробрались в причерноморские степи (889) и дошли до устьев Дуная (900). Византия героически отражала натиск болгар, а Западная Европа стала объектом набегов норманнов и венгров, причем последние дважды доходили до Испании. Тогда лишены были власти бездарные Каролинги и за дело обороны взялись феодалы, которым показал пример Эд, граф Парижа, отстоявший город от норманнов (886).

А в те годы, когда киданьский Дэгуан создал империю Ляо и посадил на престол Китая своего клеврета (936), на западной окраине степи, вокруг Черного моря, развернулась жестокая война развалившегося халифата и окрепнувшей Византии. Греки вели планомерное наступление на арабов и отобрали у них Самосату, Малатию и западную Армению. Но мусульмане сумели ответить ударом на удар: они обрели новых союзников. Обращенные в ислам волжские болгары^[69] (922) и иудейское правительство Хазарии, связанное с Передним Востоком торговыми узами, обеспечили мусульманам приток доходов в виде ценных мехов из лесов Биармии, или Великой Перми. Около 932 г. Хазария вступила в войну, принудив алан отречься от православной веры. В ответ на это византийский император Роман Лекапин начал преследование евреев в Византии, и они массами выселились в ту же Хазарию. Русь, где княжил в 912 г. Игорь, выступила на стороне Византии, но уже в 915 г. хазары натравили на Русь печенегов, а около 940 г. русский воевода Хельгу, пытавшийся захватить крепость Самкерц (Тамань), был принужден капитулировать перед превосходящими силами хазарского правителя Песаха^[70]. Русские были отпущены при условии заключения военного союза против греков^[117], к этому же хазары принудили и печенегов. Однако в 941 г. поход Игоря на Константинополь кончился полным поражением, а второй, несмотря на печенежскую помощь, захлебнулся.

Можно думать, что на Руси тогда не было единого мнения по поводу внешней политики,

потому что одновременно с походами Игоря какая-то русская дружина проникла по Волге через Хазарию и разграбила город Бердаа в Азербайджане. Этот поход тоже не принес русским ни богатства, ни славы. Эпидемии унесли много жертв, а уцелевшие были вытеснены мусульманскими войсками. Однако пройти в Каспий русские могли только с позволения хазар. Поэтому следует признать, что в 40-е годы X в. гегемония в Восточной Европе принадлежала правительству Хазарии.

Предполагаемая нами интерпретация событий расходится с общепринятой, сформулированной С. М. Соловьевым, опиравшимся на умолчание летописца о столкновениях Хазарского каганата и русского княжества Олега. Чуткий историк обратил на этот пробел в цепи событий специальное внимание, но, не имея достаточно фактических данных, предположил, что печенежская угроза связала силы Хазарии^[118]. Теперь, при наличии сводной работы М. И. Артамонова, стало ясно, что первую войну с хазарами русские проиграли^[119]. Вот потому-то дружинники Игоря стали жаловаться князю на свою бедность и вынудили его на самоубийственный поход в древлянскую землю в 946 г.

Тяжелое положение молодого Киевского княжества выправилось только к 957 г., когда Ольга восстановила союз с Византией, приняв крещение и став крестницей самого императора Константина Багрянородного. После этого в византийской армии появились русские отряды, сражавшиеся в 960–962 гг. на Крите и в Сирии, а сама Русь собралась с силами для борьбы с Хазарским каганатом. Но удача улыбнулась русским воинам в 60-х годах X в., а до этого был нелегкий период, о котором летописец предпочитал говорить уклончиво.

Расстановка сил менялась во всем мире. Началось усиление Европы. Германский король Оттон I разбил на Лехе венгров (955), после чего началось наступление европейцев на мир.

А кочевники? Они по-прежнему стремились к окраинам степи, чего бы это им ни стоило, ибо степь иссыхала. Не будучи в силах прорвать оборонительные линии, сооруженные Саманидами в Средней Азии, они начали принимать ислам, чтобы быть допущенными в области, где еще была вода. Сначала это были туркмены-сельджуки, затем карлуки (960) и, наконец, племя ягма (около 1000). Точно так же рвались печенеги к великим рекам Днепру и Дунаю, потому что за их спинами ширилось великое безмолвие пустыни, поглощавшей степные травы и засыпавшей песком ручьи.

Вот почему молчат летописцы X в. о событиях в центре континента. Там долгое время не происходило событий, а когда они начали совершаться снова, то немедленно попали в хроники и географические трактаты. Но это уже новая эпоха, и о ней речь впереди.

Вокруг китайской стены

В предыдущей главе мы предложили понимание истории «Пяти династий» как борьбу космополитических традиций империи Тан и китайского национализма, к 960 г. одержавшего победу. Остаток тюркок-шато, сражавшихся за танские традиции, благодаря которым они могли существовать на территории Китая, держался на севере Шаньси, но, несмотря на помощь киданей, это царство (Бэй-Хань) было уничтожено в 976 г.

Окитаенные степняки оказались в отчаянном положении, так как оккупация их земель войсками Сун не сулила им ничего хорошего, а отступать на север они не могли, ибо уже утратили традиции кочевого быта. Поэтому им пришлось организовать сопротивление и подыскать для достижения успеха подходящую форму идеологии и, как требовала традиция средневекового Китая, установить преемственность с одной из династий прошлого. Инициативу организации сопротивления взяли на себя тангуты – смешанное из осколков многих пограничных племен население Ордоса и Алашаня. Во время подавления восстания Хуан Чао тангуты выступили на защиту династии Тан и вместе с тюрками-шато одержали победу. Вождями их были князья, носившие фамилию Тоба. Они возводили свой род к династии Вэй, правившей Северным Китаем с 386 по 557 г. ^[120]. Была ли эта генеалогия вымышленной ^[121] или действительной ^[122], она сыграла свою роль ^[123]. Тибетоязычные племена минягов, известных у китайцев под именем «дансянов», а у монголов и тюркок – «тангутов», выселились из долины Таохэ и Вэйшуй в Ордос и Алашань в середине VII в. Здесь они размножились и разбогатели, обзавелись скотом, но не объединились в единое государство. Северо-восточные племена, жившие в Чахаре ^[71], были покорены киданями; западные, населявшие Ганьсу, держались союза с Китаем, и только центральная группа их проявила стремление к самостоятельности. В 873 г. эти тангуты овладели городом Сячжоу и в 884 г. за помощь династии Тан против Хуан Чао были признаны как автономное вассальное княжество. Впоследствии они входили в империю Поздняя Тан, но чисто номинально, управляясь собственными князьями, для проформы получавшими китайские чины. В войне между шато и китайцами тангуты участия не принимали и благодаря такой изоляции окрепли и усилились.

Объединение всего Китая династией Сун поставило перед тангутскими старейшинами дилемму: вернуться под протекторат Китая или добиваться независимости. Сторонник первого решения Тоба Цзи-пэн явился в Кайфын с предложением покорности, но его родственник Тоба Цзи-цян возглавил восстание против китайцев, введших войска в тангутские земли, т.е. в Ордос, в 982 г. Сначала его преследовали неудачи и ему пришлось спасаться бегством от китайских войск. Но «жители запада, облагодетельствованные родом Тоба, во множестве приходили к нему» ^[124], и китайцы стали терпеть поражения. В 985 г. против тангутов была брошена сильная армия, нанеся им немалый урон, но разгромленная в том же году. Тогда тангуты заключили союз с киданями и снова разбили китайцев в 987 г. Последующие военные действия тангутов были столь удачны, что император повелел разрушить крепость Сячжоу, уступив тем самым тангутам Западное Ганьсу и Ордос. В 990 г. новое тангутское государство было признано империей Ляо, и с этой даты отсчитывается его самостоятельное существование ^[72].

Мы не будем проследивать перипетии непрекращавшейся войны Тангута с Китаем, так как это нарушило бы принятые нами масштаб и степень приближения. Но роль тангута-китайской войны в общеисторическом процессе оттенить необходимо. Сами тангуты считали себя

наследниками полуинородческих династий Бэй-Вэй и Тан, а также шатосских династий Поздняя (Хоу) Тан и платформу – право некитайцев жить на территориях, некогда захваченных Китаем, сохранять свои исторически сложившиеся традиции управляться вождями из своей среды, а не китайскими чиновниками. Однако собственно тибетские племена в Ганьсу и Амдо оказались их врагами. Во время войны с ганьсуйскими тибетцами Тоба Цзи-цян был тяжело ранен стрелой в лицо и год спустя, в 1004 г., скончался. Его сын, Тоба Дэ-мин, вступил в переговоры с империей Сун и добился в 1006 г. мира, по которому ему были пожалованы чины военного губернатора и великого князя, а также дары деньгами, материями и чаем только за то, что он согласился не числить себя суверенным государем^[125].

Передышку тангуты использовали для обеспечения своей западной границы. Сын Дэ-мина, Юань-хао, талантливый полководец, выбил уйгуров из Ганьжоу в 1028 г. и захватил Дуньхуан в 1035 г. Бои были крайне ожесточенными, потому что между уйгурами и тангутами была кровная вражда^[126], ощущавшаяся степными народами более четко, чем политическое, экономическое или религиозное соперничество. В плен не брали; «кровь лилась, как журчащий поток»^[127]. Но успешное проникновение тангутов на запад было сорвано также тибетцами, находившимися с тангутами в кровной вражде. Разбитые в предгорьях Наньшаня, тибетские племена объединились в горах Амдо и на берегах озера Кукунор в царство Тубот.

Потомок древних тибетских царей Госрай (Го-сы-ло) возглавил объединение племен и выступил против тангутского царства «в ожидании наград и почестей от китайского двора»^[128]. Может быть, не только поэтому, хотя, бесспорно, союз с Китаем был ему на руку, ибо «враги наших врагов – наша дружба». Нападение Юань-хао на Госрая в 1035 г. кончилось для тангутов неудачей. Госрай отбил, и после победы к нему стали стекаться ганьсуйские тибетцы и уйгуры, которым под властью тангутов было не сладко. В 1041 г. ганьсуйские уйгуры, бежавшие во время наступления тангутов в Турфан, попытались освободить свою родину от завоевателей. Они напали на оазис Шачжоу и осадили крепость, где располагался тангутский гарнизон. Но тангуты бросили на запад свою латную конницу, чем застали уйгуров снять осаду и вернуться в Турфан^[129], где их защищали от тангутских копий безмолвные барханы и сыпучие пески пустыни. Благодаря этой диверсии уцелело эфемерное царство Тубот, но Госрай даже при наличии пополнений и союзников не мог тягаться с организованной армией Юань-хао. Он был вынужден ограничиться обороной своих горных крепостей да грабительскими набегами на тангутское царство.^[130]

Думается, что сила Тангута определялась двумя взаимосвязанными обстоятельствами: наличием позитивной политической программы и составом людей, этой программой очарованных. Царевич Юань-хао побуждал своего миролюбивого отца Дэ-мина к войне с Китаем, который оплачивал мир шелком, говоря: «Одеваться кожей и волною (овечьей шерстью. – Л. Г.), заниматься скотоводством – вот что сродни кочевым. Родившись героем, должно господствовать над другими; к чему шелковые ткани». И еще четче программа культурного самоопределения^[131] выражена в сравнении тангутов с киданями, как губка впитывавшими в себя китайскую цивилизацию: «Яньцы (т.е. кидани, поселившиеся около Пекина. – Л. Г.) в одежде, питье и пище подражают китайцам. Тангуты не любят Китай и пользуются такими нравами и обычаями) какими им заблагорассудится»^[131].

Эта патетическая декламация была произнесена не впустую. Здесь со всей очевидностью было заявлено, что не жизненное благополучие и не блаженный покой являются целью жизни, а борьба против вечного врага кочевников, против врага предков, т.е. Тоба-Вэйской династии, некогда пришедшей из степей Забайкалья, захватившей пол-Китая и ставшей жертвой своих подданных. Это была еще более крайняя программа, нежели у тюрок-шато, да и проводилась она

более последовательно. Вместо компромисса с китайской культурой Юань-хао провел ряд реформ, которыми уничтожил все заимствования из Китая: сменил китайское летосчисление на свое, тут же изобретенное; отказался от пожалованной ему китайской фамилии; создал тангутский штат чиновников, тангутскую армию и тангутскую письменность, хотя и иероглифическую, но отличную от китайской. Наконец, он рискнул и в конце 1038 г. объявил себя «Сыном Неба» и назвал свое царство империей Западная Ся, ссылаясь на происхождение от дома Тоба-Вэй. Это означало войну с Китаем, где не могли потерпеть, чтобы на земле существовала еще одна империя, кроме Срединной. Война длилась до 1044 г. и закончилась тем, что Юань-хао отказался от пышного титула. Законы экономики оказались сильнее идей войны и победы. Народ роптал, потому что не стало чая и шелковых одежд. Пришлось помириться и уступить, впрочем, только в формальных обращениях при дипломатической переписке^[132].

Ну что могли противопоставить этому подъему страстей полудикие тибетские горцы, мечтавшие только о получении «даров» от «Сына Неба», т.е. чая, материй и шелка для своих жен. По физической храбрости и выносливости они не уступали тангутам, но у них не было того подъема, того творческого накала, который позволил маленькому тангутскому княжеству победить китайские полчища и создать культуру, не уступающую китайской. Конечно, это не могло быть достигнуто силами одних степняков и горцев. На помощь тангутам пришел сам же Китай, изгнавший из своих пределов всех инакомыслящих, в первую очередь буддистов и христиан. Буддисты нашли в тангутских юртах хороший прием. Для тангутских царей они рисовали картины, отливали статуи, сочиняли стихи и трактаты, а когда бывало нужно, давали добрые советы по дипломатическим и административным вопросам.

Будучи нетерпимыми к обидевшим их китайцам, буддисты не мешали тангутам почитать «духов-ясновидцев» и умерших предков. Кроме буддистов в Тангут бежали из Китая и даосы, и там не были запрещены конфуцианские трактаты. Терпимость дала тангутам такую силу, что они остановили китайскую агрессию, прикрыв собой беззащитную Великую степь, благодаря чему в тылу у них беспрепятственно сформировались ханства черных татар (см. ниже).

Юань-хао погиб в 1048 г. Он был убит собственным сыном, у которого он отнял невесту. Наступило смутное время господства знатного рода Лян, непопулярного в войсках. В 1082 г. китайцы отняли у тангутов крепость Ляньчжоу и возвели на престол старую династию, которая успешно закончила войну с Китаем миром 1106 г., чему весьма способствовала ссора китайцев с амдоскими тибетцами и развал царства Госрая. При схватке один на один Тангут по силе оказался равным Китаю.

Запад

После падения Западнотюркютского каганата^[74] поселения карлуков обходили озеро Иссык-Куль с юга; на востоке доходили до реки Тарима. В конце IX в. пограничными городами были Касан^[75], на берегу Касансая, правого притока Сырдарьи, и Исфиджаб, в долине реки Арысь^[133], а в начале X в. «тюрки-карлуки облегают Мавераннагр от Исфиджаба до отдаленнейших городов Ферганы»^[134]. Это была их южная граница. На севере они продолжали удерживать Семиречье, верховья Иртыша и гегемонию в восточной части современного Казахстана. Из подчиненных им племен известны аргу (аргыны, потомки басмалов^[135]) и тухси, остаток тюргешей в юго-западном Семиречье. Это были наиболее цивилизованные тюркские племена, отчасти перешедшие к оседлости.

Однако правитель карлуков титуловался не «хан», а «джабгу», что дает основание думать, что карлукская держава была не особенно могущественна.

Действительно, в начале X в. на южной границе карлукских земель появляются новые племена: чигили и ягма. Чигили кочуют вокруг озера Иссык-Куль и на северо-восток от него, а ягма – в окрестностях Кашгара. Очевидно, потеря карлуками этих территорий связана со столкновением с уйгурами, временно захватившими Аксу и Барсхан, и с вмешательством кыргызов, выбивших оттуда уйгуров.

В борьбе с мусульманами карлуки также терпели поражение. В 840 г. Нух ибн Асад завоевал Исфиджаб и построил стену, защищавшую земледельческие районы от кочевников. В 893 г. Исмаил Самани овладел Таласом. На западе саманидское правительство подняло против карлуков гузов – предков туркмен, носивших в то время название «огузы», что просто означает «роды».

В начале X в. эти потомки парфян^[76] локализовались в низовьях Сырдарьи и на берегах Аральского моря. В тюркютскую эпоху они сменили свой язык – по-видимому, один из диалектов пехлеви – на тюркский, но продолжали чувствовать свою связь с Восточным Ираном и, вступив в союз с Саманидами, стеснили карлуков. Они рано приняли ислам и вынудили карлуков сделать то же самое в 960 г. Карлуки утратили гегемонию в степи, и она перешла к воинственным скотоводам – ягма.

По-видимому, отюречивание Западного края началось еще во время владычества там западнотюркских ханов. На китайской карте эпохи Тан, составленной в конце VII в., наряду со старым названием – Сулэ появляется новое – Каша, т.е. Кашгар. Надо полагать, что в тревожную эпоху крушения Западнотюркютского каганата побережья Кашгар-дарьи заселились тюркоязычными кочевниками нушиби, распространявшимися с Тянь-Шаня на юг^[136]. Пришельцы ужились с немногочисленным оседлым населением оазиса, перемешались и составили новое племя – ягма, ставшее известным в начале X в. О наличии двух расовых компонентов в этом племени отчетливо говорит противоречие в описаниях их внешнего облика. Арабский путешественник Абу-Дулеф пишет, что ягма были высокорослым бородатым народом с голубыми глазами^[137], а Утби, историк XI в., пишет, что под Балхом в 1008 г. потерпели поражение турки (это были ягма) «с широкими лицами, маленькими глазами, плоскими носами, малым количеством волос на бороде, с железными мечами, в черных одеждах»^[138].

Это разногласие вполне объяснимо, если учесть, что Абу-Дулеф был в самом городе Кашгаре и видел потомков древнего европеоидного населения оазиса, а Утби видел рядовых воинов, набранных из числа обитателей окрестностей города.

Ягма приняли ислам еще раньше карлуков – в 900 г. и тем самым связали себя с западной половиной Средней Азии. Правитель их назывался Богра-ханом, а народ ягма носил название «бограч»^[139]. Современники не смешивали этот народ ни с карлуками, ни с уйгурами. Поэма Кудатку-билик, сочиненная Юсуфом Баласагунским в 1069 г., была, по мнению С. Е. Малова, написана сначала арабскими буквами, а затем переписывалась уйгурским шрифтом^[140]. Язык поэмы отличается от уйгурского и называется бограханским^[141]. Итак, к началу X в. не только Турфан и Карашар, но и Кашгар и Яркенд отюречились. Западный край превратился в Восточный Туркестан.

Северо-Запад^[77]

Не менее, чем на юге, изменилось распределение сил и территорий в Арало-Каспийском бассейне.

Исчезновение железной руки западнотюркских ханов позволило несильным, но воинственным кочевым племенам проявить свои нерастраченные силы. Кенгересы, называемые

русскими печенегами, начали войну против угров, обитавших на Урале, и в начале IX в. вынудили их отступить на запад, под покровительство хазарского царства.

В IX в. воинственная печенежская орда удерживала господство в бассейне Яика, но на юго-востоке им приходилось вести непрекращающуюся войну с гузами, а на западе – с хазарами.

Во второй половине IX в. хазары и гузы заключили союз и так стеснили печенегов, что часть их, обитавшая в Устюрте, покорностью купила себе покой, а другая часть прорвалась в причерноморские степи и около 890 г. достигла нижнего Дуная, а в 915 г. вошла в соприкосновение с Русью, Византией и Болгарией. Азиатские земли печенегов достались гузам (они же узы, торки, туркмены; последнее название получает твердое значение этнонима лишь с XI в.).

К востоку от гузов, в лесостепной полосе от Иртыша до Тобола, обитали кимаки. Восточные авторы, как мусульманские, так и китайские, именуют их кыпчаками. Они были многочисленны и имели свою родовую организацию: во главе их стоял хакан, имевший 11 подручных сборщиков податей. Летняя ставка его находилась в городе Камания, местонахождение которого неизвестно; видимо, это был город из войлочных юрт. Когда кимаки в середине XI в. проникли в Приднепровье, русские называли их «половцами» за светлый цвет волос (полова – рубленая солома), но в западноевропейских языках за ними сохранился этноним – команы^[78]. Это был смешанный народ, сложившийся из потомков среднеазиатских хуннов – чумугунь, кыпчаков и канглов^[142]. Канглы – остатки населения древнего Кангюя, а кыпчаки – западная отрасль динлинов, европеоидного народа, жившего в Минусинской котловине еще до нашей эры^[143]. За 200 лет подчинения тюркютам и те и другие стали тюркоязычными (впрочем, я полагаю, что кыпчаки всегда таковыми были) и слились в один народ, который, по словам Шихаб ад-дина Яхьи, географа XIV в., отличался «от других тюрков своей религиозностью, храбростью, быстротой движений, красотой фигуры, правильностью черт лица и благородством»^[144].

Впоследствии они оттеснили гузов на юг, печенегов на запад, карлуков на юго-восток, а угров на север, в глухую тайгу, и стали хозяевами территории древнего Кангюя, с этого времени превратившейся в Дешт-и-Кыпчак, Кыпчакскую степь. В середине XI в. они столкнулись с русскими князьями и нанесли им несколько тяжелых поражений, однако, разбитые Владимиром Мономахом в 1115 г., перестали представлять реальную угрозу для русской земли.

Северный оазис

В эпохи усыхания степей, даже кратковременные, естественно, вырастала роль оазисов, где условия микроклимата позволяли населению сохранить свое хозяйство и даже развить его, потому что постоянная угроза со стороны степи ослабевала вместе с оскудением хозяйства кочевников. Именно благодаря такому сочетанию обстоятельств в X в. усилились государства уйгурских идыкутов и среднеазиатских эмиров – Саманидов.

На северной окраине степи в столь же выгодных условиях оказались два народа: кыпчаки на южных склонах Алтая и, что особенно важно, обитатели долины среднего Онона. Большую часть Восточного Забайкалья и прилегающей к нему Восточной Монголии занимают степные просторы, а Ононский сосновый бор^[145] площадью около тысячи квадратных километров^[79] – это только остров леса, сохранившегося в аридном климате благодаря тому, что в неогене здесь располагался огромный пресный водоем. Древние речные и озерные отложения имеют водно-физические свойства, позволяющие произрастать деревьям, в свою очередь моделирующим микроклимат и растительный покров. Под защитой песчаных дюн растут черемуха, шиповник, смородина, боярышник, тополь, береза, ильм, дикая яблоня, сибирский абрикос, в низинах

расположены луга и тростниковые болота, а на горных склонах – заросли ивняка. Даже в самые засушливые годы, когда степи вокруг выгорают, а земля трескается от жара, в Ононском бору травяная растительность не исчезает, так как ее питают грунтовые воды и защищают от суховеев расчлененные среднегорья с перепадом высот в 300–500 м. Не страшны здесь и стойкие холодные степные ветры, которые весной и осенью переходят в пыльные бури. Действие их ослабляется в глубине боров, смягчающих суточные колебания температуры на 2–6 градусов.

Обилен здесь и мир животных, особенно птиц. Глухари и дрофы, зайцы и косули наполняют сосновый бор, а из Монголии сюда ежегодно приходят стада антилоп-дзеренов. Короче говоря, даже по условиям XX в. Ононский бор – это курорт.

Исходя из сделанного описания понятно, что, во-первых, население среднего Онона по типу хозяйства, а следовательно, и культуры, должно было отличаться от окружающих его степняков; а во-вторых, засуха, поразившая в IX–X вв. степи, отразилась на жителях ПриОнонья минимально. Поэтому живший там народ сохранил многие старые традиции и выработал оригинальную культуру, в какой-то мере сходную со степной, но со своими локальными отличиями. Этот народ назывался монголами.

Монголы, самостоятельный этнос^[146], жили с I в. н.э. в современном Забайкалье и Северо-Восточной Монголии, севернее реки Керулен, которая отграничивала их от татар. Племенное название «монгол» очень давнего происхождения, но упоминания о монголах в китайских источниках редки, потому что Сибирь была вне поля зрения древнекитайских географов. Впервые монголы упомянуты как соседи сушеней, предков чжурчженей, и Хоу Хань шу^[147].

Согласно монгольской легенде, предками ядра монгольского народа были Бортэ-чино (Сивый волк) и Гоамарал (Прекрасная лань), которые, переплыв Тенгис (внутреннее море^[148]), поселились в долине Онона. Двенадцать поколений их потомков не оставили после себя ничего, кроме имен; так, сын родоначальников звался Бату-Чиган (Несокрушимый Белый). Трудно сказать, были ли имена Волк и Лань следом древней зоолатрии^[149], наследием тотемизма или это были охранительные имена, дававшиеся для того, чтобы духи смерти не унесли детские души. Злые духи, по мнению монголов, имеют узкую специализацию: одни уносят мальчиков, другие – девочек, третьи – животных и т.д. Поэтому дух, слыша звериное имя, не трогал ребенка, а другой дух, специализировавшийся по волкам, видя, что перед ним человек, оставлял его в покое. Но так или иначе выбор звериного имени не был случайностью, так же как у древних тюрков, где звериные имена были в употреблении, хотя никто не считал их носителей животными. Однако в характере носителей звериных имен усматривались черты, роднившие их с волками или барсами, но это нюанс примитивного мышления^[150], который может увести нас в сторону от темы.

На двенадцатом поколении произошло событие, отмеченное народной памятью и источником. К становищам предков монголов прикочевало племя хори-тумат, и один из старейшин монголов, Добун-Мэрган женился на красавице хори-туматке – Алан-гоа. Но племя не одобрило этого брака, и дети Добун-Мэргана вынуждены были отделиться.

После смерти мужа Алан-гоа родила трех сыновей, по ее словам, от светло-русого человека, приходившего к ней через дымник юрты и испускавшего свет, от которого она беременела^[151]. Эта легенда, с одной стороны, перекликается с шаманским догматом сексуального избранничества духом женщины, которую он наделял своей силой^[152], а с другой – отмечена в источнике, чтобы объяснить, почему древние монголы были так непохожи на все окружающие их народы^[153].

Согласно свидетельствам современников, монголы в отличие от татар были народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым. Современный облик обрели их

потомки путем смешанных браков с соседними многочисленными низкорослыми, черноволосыми и черноглазыми племенами. Однако и сами древние монголы ничего общего не имели с блондинами, населявшими Европу. Европейские путешественники XIII в. никакого сходства между монголами и собою не обнаружили.

Европеоидная антропологическая раса первого порядка прослеживается в Центральной Азии и Сибири с верхнего палеолита и генетически восходит к кроманьонскому типу, являясь особой ветвью, развивавшейся параллельно с расами Европы и Ближнего Востока^[154]. На фоне подчеркнуто монголоидных народов Амурского бассейна даже слабо выраженные европеоидные черты казались средневековым наблюдателям выпуклыми и заслуживающими того, чтобы быть отмеченными. Но тем не менее эти черты не могли возникнуть самостоятельно; они должны были быть принесены из того места, где европеоидность была нормой, а не исключением. Ближе всех к монголам располагались европеоидные енисейские кыргызы, но монголы их своими родственниками не считали, хотя хорошо знали их как современников и соседей. Значит, самое легкое решение приходится отбросить и искать другое.

Заглянем в древнюю историю. В 67 г. н.э. хунны и китайцы вели ожесточенную войну за так называемый Западный край, т.е. оазисы бассейна Тарима. Китайцы и их союзники, одержав временную победу, разорили союзное с хуннами княжество Чеши (в Турфанском оазисе). Хуннский шаньюй собрал остаток чешского народа и переселил их на восточную окраину своей державы^[155], т.е. в Забайкалье.

Чешисцы принадлежали к восточной ветви индоевропейцев, видимо близких к восточным иранцам^[156]. На своей родине они никого не шокировали своим обликом. Попав в совершенно иную страну, они должны были приспособиться к ней и в какой-то мере смешаться с местным населением. В VII или VIII в. это маленькое племя было подчинено тюрками^[157]. Во время господства уйгуров оно ничем не обнаружило своего существования, и только в конце X в. родился основатель монгольского величия предок Чингисхана в девятом колене, сын Алан-гоа и светло-русого светоносного духа – Бодончар. Дату его рождения монгольский историк Х. Пэрлээ приурочил к 970 г.^[158] Придя в возраст, Бодончар, во-первых, освоил охоту с соколом, во-вторых, подчинил какое-то небольшое местное племя и, наконец, дал начало основным монгольским родам. Бодончара еще трудно считать исторической личностью, но он действительно жил, и с этого времени мифологический период монгольской истории можно считать законченным.

Степняки-кочевники

Если монголам удалось благодаря оптимальным ландшафтным условиям пережить жестокую засуху начала X в., то их степным соседям повезло в другом. Как только муссоны вернулись в прежнее воздушное русло и степи опять зазеленели, кочевники получили огромные перспективы для развития скотоводства и роста народонаселения. С конца X в. степь заселяется снова, но на этот раз с Дальнего Востока, точнее – с Приамурья. Эмиграция была вызвана не климатическими изменениями, а тем жестоким и враждебным племенному строю режимом, который установило и последовательно проводило киданьское правительство, изо всех сил стремившееся создать на месте своего ханства империю с китайским названием Ляо.

Имя обязывает. Политика насильственной китаизации вызывала протест и многих киданей и, главное, покоренных ими племен. Те, кто мог, ушли в степь, только для того, чтобы бороться против ненавистного режима. Это была группа бывших шивэй, которая известна под именем татар. Они еще в начале XI в. передвинулись на юг, к горам Иньшаня, а как только стало

возможно, распространились на запад, до Керулена, и в 966 г. заключили союз с империей Сун^[159], направленный против киданей. Кидани, конечно, были гораздо сильнее татар, которым китайцы не могли оказать никакой поддержки, даже моральной, но восстание всех приамурских племен в 965–967 гг. сковало силы киданьской армии. Вслед за тем. в 973 г., восстали чжурчжэни Приморья, и киданям пришлось отбивать их натиск, а за это время пала империя Бэй Хань, последний оплот шато и союзник Ляо (979)^[160].

В напряженной войне на два фронта кидани сумели добиться победы. Китайская армия после нескольких успехов была разбита и отброшена на свою территорию в 979 г. В 984–985 гг. были разгромлены чжурчжэни, и одновременно киданьская армия, посланная на запад, разгромила кочевое объединение, названное в Ляо ши – цзубу, причем погиб вождь кочевников, носивший титул далай-хан^[161].

Что значит это странное, явно неэтническое название цзубу? Ответа на этот вопрос искали многие китайские историки. Фэн Шэн-шун считает слово цзубу коллективным названием для многих срединноазиатских народов; восточные цзубу, по его мнению, – это джелаиры и татары, западные – найманы, северные – кераиты, но кто такие северо-западные – он не знает^[162].

Ван Го-вэй считает, что цзубу – киданьское наименование татар, потому что это название исчезает вместе с киданями, а на той же самой территории живут кераиты, найманы, меркиты, «словно они внезапно обрели историческое значение»^[163]. Л. Л. Викторова полагает, что цзубу – самостоятельный тюркский народ, потомки хуннов^[164]. Но это мнение, пожалуй, можно даже не рассматривать, потому что не учтен тысячелетний хронологический разрыв. Первые же два мнения можно принять с оговорками. Совершенно необязательно скидывать со счетов явление этногенеза. Такие племена, как найманы и меркиты, действительно появились поздно, не раньше XII в., и, видимо, тогда они и образовались. Но ограничивать понятие цзубу только татарами нельзя. В объединении участвовали многие степные племена, за исключением монголов. Ван Го-вэй отмечает, что слово татар в эпоху Сун в Китае считалось уничижительным и потому в империи Ляо не употреблялось. Вместо этнонима применяли описательный термин тибетского происхождения сог-по – пастухи или кочевники. Этому непонятному для киданей слову соответствовал принятый у них термин, передававшийся, по мнению Виттфогеля, китайскими иероглифами как цзубу,

Тюркоязычные соседи (голубые тюрки и уйгуры) называли их татарами, мусульманские авторы фигурально именовали их тюрками Китая (Туркон-и-Чин)^[165], а кидани, сознавая этническое родство и культурную разницу, числили их в своих книгах как кочевников, тогда как их соплеменники, оставшиеся на берегах Амура, продолжали называться шивэй. Но ведь и сами кидани были третьей ветвью этого же народа, передвинувшейся на юг и воспринявшей изрядную долю культуры Срединной империи, которую мы стали называть именем ее врагов – Китай.

Обманчивость слов

Но если в привычном нам названии такой хорошо известной страны, как Китай, скрывается имя их злейших противников, то какой же камуфляж скрыт в этнониме татар? В VIII в. этот термин употреблялся однозначно как самоназвание небольшого народа, родственного киданям и татабам, но отличного от них. В XII в., после того как татары на некоторое время захватили политическую гегемонию в степях, татарами стали называть все степное население от китайской стены до сибирской тайги. Но в степи кроме татар в узком смысле слова жили другие племена, часть которых нам известна, а от многих остались только названия в китайских, точнее киданьских, источниках. Увы, эти названия невозможно отождествить. Из числа знаменитых

кочевников прежде всего надо упомянуть кераитов, зафиксированных уже в начале XI в. Найманов нет, на месте их будущих кочевий обитал народ тикин ^[166], видимо, потомки древних тюрок, укрывавшихся в горах Алтая ^[167]. Воинственные меркиты и ойраты еще сидели в горной тайге Саянского хребта, но басмалы в Джунгарии опять стали набирать силу, и вместе с ними племя далиди, о котором ничего не известно, кроме того, что оно погибло. Уцелевшие от резни шато укрылись в степях Чахара; дансяны. не вошедшие в царство Тангут, – севернее Ордоса. И всех их кидани называли цзубу, а китайцы – да-дань, т.е. татары.

В Центральной Азии этническое название имеет двойной смысл: 1) непосредственное наименование этнической группы (племени или народа) и 2) собирательное, для группы племен, составляющих определенный культурный или политический комплекс, даже если входящие в него племена разного происхождения. Это отметил еще Рашид ад-дин: «Многие роды поставляли величие и достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны под их именем, подобно тому как найманы, джалаиры, онгуты, кераиты и другие племена, которые имели каждое свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было» ^[168].

До XII в. гегемония среди племен Восточной Монголии принадлежала татарам, и поэтому китайские историки рассматривали монголов как часть татар в собирательном смысле термина. В XIII в. положение изменилось, и татар стали рассматривать как часть монголов в том же широком смысле слова, причем название татар в Азии исчезло и перешло на поволжских тюрок, подданных Золотой Орды, где с течением времени превратилось в этноним. В начале XIII в. названия монгол и татар были синонимами, потому что, во-первых, название татар было привычно и общеизвестно, а слово монгол ново, а во-вторых, потому что многочисленные татары (в узком смысле слова) составляли передовые отряды монгольского войска, так как их не жалели и ставили в самые опасные места. Там сталкивались с ними их противники и путались в названиях – например, армянские историки называли их мунгал-татарами, а новгородский летописец под 6742 (1234) г. пишет: «Том же лете, по грехам нашим придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть: кто суть и откеле изыдоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; а зовут я татары...» ^[169]. Это была монгольская армия.

Исходя из собирательного значения термина татар, средневековые китайские историки делили восточные кочевые народы на три раздела: белые, черные и дикие татары ^[170].

Белыми татарами назывались кочевники, жившие южнее пустыни Гоби, вдоль китайской стены. Большую часть их составляли тюркоязычные онгуты (потомки шато). От своих повелителей, киданей, и от соседей, китайцев, эти кочевники усвоили элементы цивилизации взамен утраченной самостоятельности. Они одевались в шелковые одежды, ели из фарфоровой и серебряной посуды, имели наследственных вождей, обучавшихся китайской грамоте и конфуцианской философии.

Черные татары, в том числе кераиты, жили в степи вдали от культурных центров. Кочевое скотоводство обеспечивало им достаток, но не роскошь, а подчинение «природным ханам» – независимость, но не безопасность. Война в степи не прекращалась и вынуждала черных татар жить кучно, огораживаясь на ночь кольцом из телег (курень), вокруг которых выставлялась стража. Однако черные татары презирали и жалели белых, потому что те за шелковые тряпки продали свою свободу чужеземцам и покупали плоды цивилизации унижительным, на их взгляд, рабством.

Дикие татары Южной Сибири промышляли охотой и рыбной ловлей, они не знали даже ханской власти и управлялись старейшинами, подчиняясь им добровольно. Их постоянно

подстерегали голод и нужда, но они соболезнавали черным татарам, вынужденным ухаживать за стадами, слушаться ханов и считаться с многочисленными родственниками. Выдать дочь замуж за черного татарина считалось жестоким наказанием для девушки, и те иногда предпочитали самоубийство необходимости доить овец и сбивать войлок. Монголы жили на границе между черными и дикими татарами – как переходное звено между теми и другими.

К числу «диких» племен, т.е. охотников и рыболовов, относились древние урянхай^[80], жившие в Восточной Сибири, и народ уги – на Амуре^[171], а также многочисленные и разрозненные племена, обитавшие севернее Саянского хребта, – лесные народы. Эти последние в понятие цзубу, по-видимому, не входили, но все прочие перечисленные, безусловно, считались цзубу-кочевниками и как таковые несли ответственность за политику, проводимую их вождями. Во что это для них вылилось, мы сейчас увидим.

Война за свободу

Как только кидани оправились от внутренних потрясений, они взялись за кочевников всерьез. В 1000 г. был пойман и казнен кочевой вождь Хунянь. Его преемник привел племена к покорности империи Ляо, и в 1003 г. кидани соорудили на берегу Орхона крепость Хотунь^[81], для наблюдения за кочевниками. В 1005 г. токуз-татары прислали киданям дань, а в 1007 г. киданьский карательный отряд обратил в бегство степных кочевников (цзубу), напал на уйгурские поселения в современном Ганьсу, но свирепость киданей вызвала поголовное восстание всех кочевых племен в тылу у карателей. В начале 1013 г. восстали татары и дансяны, но, не достигнув реальных успехов, ушли в глубь степей, снова став независимыми.

Однако угроза киданьской агрессии была столь ощутима, что кочевники постарались податься на запад и в конце 1013 – начале 1014 г. напали на Яркенд. Здесь их встретили карлуки, уже ставшие мусульманами, и после четырехлетней войны оттеснили их обратно в степи^[172]. Кочевников спасло от киданьской мести и расправы только очередное восстание приамурских племен, продолжавшееся два года (1014–1015), и конфликт киданей с корейцами, причем последние одержали полную и блестящую победу.

На фоне этой жестокой войны, когда буддисты империи Ляо, конфуцианцы империи Сун и мусульмане Средней Азии стали врагами кочевников, те обрели идейное знамя и способ для преодоления племенной розни в проповеди монахов, незадолго перед тем изгнанных из Китая и не находивших пристанища.

В 1009 г. приняли крещение от несторианских проповедников кераиты^[82]. Это был самый крупный и самый культурный из монголоязычных народов Центральной Азии, обитавший на берегах Орхона, Толы и Онгина, на том самом месте, где некогда утверждали свои державы хунны, тюрки и уйгуры. Численность взрослых кераитов определена для начала XI в. в 200 тыс. человек, которые, согласно легенде, приняли христианство^[173]. Следовательно, с учетом детей и стариков их было вдвое больше. Согласно легенде, обращение кераитов произошло вследствие того, что кераитскому хану, заблудившемуся в пустыне, явился св. Сергей и указал путь домой. Хан крестился со всем своим народом и получил имя Маргуз (Марк). Об этом событии был немедленно уведомлен мервский митрополит, к которому поступил запрос: как соблюдать посты кочевникам, не имеющим растительной пищи вообще. Митрополит запросил об этом важном каноническом казусе несторианского патриарха в Багдаде – Иоанна VI (умер в 1011 г.) и переслал кераитам разъяснение, что в пост надо воздерживаться только от мяса, а молочные продукты можно употреблять в пищу.

Примерно в это же время приняли христианство тюркоязычные онгуты, потомки

воинственных тюрок-шато^[174] – последнего осколка хуннов. Онгуты обитали вдоль китайской стены, в горах Инышаня, и служили маньчжурским императорам династии Кинь (Цзинь) в качестве пограничной стражи. Подобно многим другим кочевым племенам, онгуты охотно заимствовали материальные блага китайской цивилизации, но категорически не принимали китайскую духовную культуру и идеологию. Поэтому несторианство нашло в них верных и ревностных прозелитов. В это время были крещены гузы и отчасти чигили^[175]. У уцелевшей части уйгуров, обосновавшихся в Турфане, Карашаре и Куче, христианство вытеснило остатки манихейства. Даже среди самих киданей и подчиненных им племен Западной Маньчжурии оказался «некоторый христианский элемент», что и дало повод для возникновения в средневековой Европе легенды о первосвященнике Иоанне^[176]. Весьма интересно, что даже в долине Ангары, на берегу извилистой Унги с солоноватой водой, экспедицией А. П. Окладникова открыты несторианские погребения среднеазиатского, европеоидного антропологического типа^[177]. В XI–XII вв. здесь была область вольнолюбивых меркитов. Вне восточнохристианского единства остались только монголы, населявшие междуречье Онона и Керулена.

Известно, что русская православная миссионерская деятельность в Сибири, несмотря на мощную поддержку правительства, имела чрезвычайно малый успех. Тем более удивительны результаты, достигнутые несторианами, действовавшими только на свой страх и риск. Очевидно, они преодолели наибольшую трудность общения между разноязычными народами, т.е. нашли в языке местного населения слова, передававшие адекватно сложные христианские понятия^[178]. Благодаря этому они стали для южносибирских скотоводов своими, близкими, а их учение было усвоено органически, без применения насильственных мер, для которых у несторианских миссионеров не имелось никаких возможностей.

Затруднения, постигшие империю Ляо в 1014 г.^[179], и консолидация кочевников, несомненно имевшая место после принятия христианства, как и у всех других народов (русских, франков, англосаксов)^[180], заставили киданьское правительство умерить свои аппетиты и пожаловать вождю кочевников (цзубу) Уба^[181] титул царя. После этого шага воцарился мир, нарушенный через двенадцать лет опять киданями. Заключив в 1020 г. мир с Кореей и установив границу с ней по реке Яду, кидани снова заинтересовались западом. На этот раз они обратили внимание на усиление Тангута, но решили не давать повода к ссоре, до тех пор пока они не окружают его своими владениями^[182]. С этой целью они пытались снестись с Махмудом Газневи, но, убедившись в бессмысленности этой затеи, двинули свои войска на уйгуров и захватили город Ганьчжоу в 1020 г. Тангуты пришли на выручку и отразили киданьское войско, после чего сами взяли Ганьчжоу и присоединили его к своим владениям^[183]. Но пока киданьское войско двигалось из Маньчжурии в Ганьсу через степи, оно, очевидно, грабило местное население, и потому объединенные кочевники напали на отступавших киданей и нанесли им значительный урон^[184]. Ободренные успехом, они попытались вторгнуться в исконные киданьские земли, но тут были обращены в бегство регулярными войсками (1027). После этого мир был восстановлен, и надолго, потому что силы киданей были брошены на подавление восстания в Бохае (1029–1030)^[185].

Кочевники отнюдь не стремились к войне и в очередном конфликте киданей с тангутами в 1049 г. сами пригнали киданям коней для ремонта кавалерии. В это время у кочевников был уже «великий царь»^[186], т.е. объединение степи было закончено.

Весьма любопытно, что мусульманские авторы, сообщая о переходе в ислам десяти тысяч шатров тюрок, кочевавших в современном Казахстане, отмечают, что «неверными остались только татары и хатаи (кидани)»^[187], подтверждая тем самым тождество цзубу и татар.

Очевидно, в понятие татар входили кераиты и басмалы, которые в отличие от карлуков не стали мусульманами. Это значит, что этноним татар уже получил собирательное значение.

Следующее восстание кочевников, по терминологии «Ляо ши», а точнее – война их с империей Ляо, вспыхнуло в 1069 г. [\[188\]](#). Но киданям удалось поймать вождя кочевников и доставить его для наказания в свое северо-западное управление.

Однако война не прекращалась до 1086 г., пока киданьский принц Елюй Жень-сянь, командовавший западной армией, не получил распоряжения «относиться по-дружески к вождю цзубу», после чего последний заключил с империей Ляо мир [\[189\]](#).

Последний этап войны начался в 1092 г., когда киданьский принц Елюй Алусаогу неизвестно по какой причине напал на северных цзубу (кераитов). Могусы, вождь всех племен кочевников, принявший власть в 1089 г., ответил на удар ударом. Он призвал из Джунгарии басмалов, поднял приамурское племя уги, а один из его помощников отогнал киданьский скот и табуны, пасшиеся на западной границе (1094 г.). Но несмотря на эти энергичные действия, он не смог предотвратить вторжения киданьской армии в пределы степи, где кидани полонили много женщин и детей, а тангуты, ударив в тыл кочевников, победили и вывели из войны басмалов, закончив эту операцию в 1099 г. [\[190\]](#).

Регулярная, хорошо обученная армия всегда сильнее ополчений, даже укомплектованных природными стрелками и наездниками. В военном деле, как и всюду, профессионализм мощнее дилетантизма. Поэтому не мудрено, что в 1097 г. вожди разных кочевых племен, находившихся в пределах досягаемости войск Елюя Алусаогу, просили мира и возвращения территории, захваченной киданями. В начале 1100 г. Могусы, покинутый своим народом, был захвачен в плен, отвезен в Среднюю столицу империи Ляо и там, на рыночной площади, при скоплении народа, праздновавшего победу, разрублен на куски.

И эту кровавую эпоху китайский источник характеризует так: «Этот период пользуется славой спокойствия. Как на севере, так и на юге забыты были брани; все заботились только о сохранении своей власти внутри и об уничтожении раздоров, происходящих от разделения; старались выказать свои доблести в привлечении иностранцев ласками и в подражании качествам предков, которых ставят в разряд мудрых. Можно сказать, что в то время кидани достигли известного совершенства» [\[191\]](#).

Нет, здесь нет сознательного обмана! Хронист именно так воспринимал эпоху, а что касалось кочевников, тоскующих в плену, умирающих от ран в степях, их семей, лишенных стад и юрт, и вождя, замученного на глазах у всех, так ведь в каждом из нас достаточно сил, чтобы перенести страдания ближнего [\[83\]](#). Историк, воспитанный на китайской классической историографии, искренне рассматривал войну с кераитами как охоту на диких зверей. Но мы-то видим в них людей и поэтому можем констатировать, что в окитаенной империи Ляо сила права уступила место праву силы. Кидани наконец одержали победу, но она досталась им слишком дорого. Упадок династии, проводившей политику китаизации страны и подавления местных традиций, стал очевидным. Объединение кочевых племен распалось, но малая война продолжалась до 1119 г., т.е. после того, как империя Ляо зашаталась под ударами чжурчжэней, восставших в 1114 г.

Перипетии этой войны не относятся к нашей теме и описаны А. П. Окладниковым обстоятельно и живо [\[192\]](#), поэтому ограничимся краткой, но патетичной цитатой из источника по истории династии Ляо, содержащей ретроспективный анализ происшедших событий: «Как сильны были кидани, когда они владели всей провинцией Янь и когда им покорствовали все иностранцы! Как слабы оказались они при малолетнем и безумном государе Тянь-цзо (1101–1125), когда нючжисцы (чжурчжэни, – Л. Г.) свободно проникли внутрь их владений и от одного

их крика распалось здание их монархии! Не забудем однако же, что война есть злополучное орудие и что промыслом неба, видно, назначено, чтобы все переходило из одного состояния в другое; а когда дойдут до совершенного благополучия, то начинается период умаления; это общий закон для всех. Таким образом, сколь громко было возвышение киданей, столь же внезапно совершалось и их падение. Как это жалко!»^[193]

Действительно, расшатанная внутренними смутами империя Ляо, династия которой оторвалась от традиций своего народа, оказала чжурчжэням слабое сопротивление и пала в 1125 г., поставив уже разрозненных кочевников перед лицом нового, сильного врага.

Прообраз Иоаннова царства

Мы проследили историю кочевого объединения цзубу, или татар, не зря. Ведь это было именно то зерно, из которого выросла легенда о царе-первосвященнике Иоанне. Все совпадает – и ничто не похоже: вместо могучей империи, грозной для всех врагов христианской веры, – кучка кочевников, героически отстаивающая свободу и свой образ жизни; вместо изобилия даров природы – окраина пустыни; и самое главное: никому из европейцев от таких единоверцев никакого проку. Вот ответ на вопрос: почему до середины XII в. в Европе, как католической, так и православной, не возникло никакого интереса к Дальнему Востоку? А ведь получить исчерпывающие сведения было нетрудно. Караваны из Китая до Багдада и оттуда до Константинополя ходили регулярно. Мусульманские купцы добирались до Сибири, несторианские – держали в своих руках торговлю Средней Азии с Китаем. Обмен сведениями был возможен, но интереса к ним у практичных и сметливых европейцев не возникало. Им хватало по горло собственных неурядиц.

На Западе норманны захватили часть Франции, потом Англию и Южную Италию. В Священной Римской империи император то ходил в Каноссу на поклон к папе, то выгонял папу из Вечного города и заменял его своим ставленником, которого не хотели признавать феодалы – обладатели фактической власти. Византия одерживала победу за победой. Она справилась с Болгарией при помощи Руси, с Русью – при содействии печенегов. Присоединила к себе Сербию, Армению и Грузию, увенчав военные успехи крещением Руси, чем положила предел распространению латинства на восток и приобщила творческую, расцветающую страну к своему культурному облику. Идеологическое проникновение оказалось гораздо дешевле и куда эффективнее военных захватов.

В XI в. православие проникло в Среднюю Азию: в Мерве находился православный митрополит, а неподалеку, в Самарканде, сидел митрополит несторианский. По-видимому, какое-то количество православных появилось и в Хорезме, потому что там 4 июня в церковь приносили розы в память того, что Мария поднесла в этот день розу матери Иоанна Крестителя^[194]. Между православными и несторианами, видимо, шла холодная война. В 1142 г. яковиты примкнули к несторианам, причем единственным моментом, объединявшим эти два исповедания, была ненависть к византийской ортодоксии.

Арабы, естественно, приняли сторону несториан, католикос которых с 987 г. утверждался халифом. В 1062–1072 гг. халиф постановил, чтобы настоятели монастырей яковитов (монофизитов) и мелькитов (православных) подчинялись несторианскому католикосу. При войне с греками арабы рассматривали несториан как своих союзников и требовали, чтобы те возносили молитвы за их победу^[195]. Долгое время европейцы не считали азиатских христиан за серьезную силу. О несторианах знали только, что они пособники арабов в войне против христиан, но маломощные и не заслуживающие внимания.

Однако несторианство распространялось, и к началу XII в. оно составляло уже культурный массив, хотя и разрозненный политически. Победа чжурчжэней и образование империи Кинь (совр. чтение Цзинь) были для кочевников тяжелым ударом, но главные силы их врагов оттянул Китай, и в начале XII в. чжурчжэни вели себя по отношению к степи довольно пассивно. Только в 1135 г. они объявили войну кочевникам, которых на этот раз возглавили монголы. В 1139 г. они нанесли чжурчжэням поражение у горы Хайлинь, чем заставили последних прекратить наступление в Китае и перебросить часть войск на северную границу. Впрочем, это не спасло империю Сун, которая в 1141 г. признала себя вассалом империи Кинь. После победы над китайцами чжурчжэни возобновили войну с монголами, длившуюся до 1147 г. и закончившуюся победой монголов, отстоявших Великую степь, в которой расцвела и укрепилась несторианская церковь.

Опыт этнологического обобщения

А теперь бросим взгляд на события, протекавшие за тот же период в Европе. Это будет именно взгляд с птичьего полета, потому что для нашей темы важно уловить генеральное направление разворота событий, т.е. принять ту степень приближения, при которой детали взаимно компенсируются. При этом нас интересует только одно явление: этно-культурная дивергенция европейского этнического массива, выразившаяся в расколе церкви и в появлении новой суперэтнической целостности с романо-германским наполнением.

Мы покинули Восточную Европу в момент торжество иудейской Хазарии, захватившей там гегемонию. Русь тяготилась сложившейся ситуацией, искала союзников, и в 961 г. в Киев прибыл посол Оттона I, епископ Адальберт^[196]. Он был принят княгиней Ольгой, но его проповедь не имела успеха. Русь осталась в русле византийской политики, тем более что интересы Киева и Константинополя совпадали.

Одним походом 965 г. Святослав покончил с существованием иудейского правительства Хазарии, верного союзника мусульманского Востока. Но удержаться на завоеванных землях русский князь не мог: низовья Волги были захвачены хорезмийцами^[197], водораздельные степи – гузами, а хазары, избавленные русскими от непопулярного правительства, сохранили за собой речные долины Дона и Терека^[198]. Лишенная объединяющего начала, степь перестала угрожать самостоятельности русского государства, что позволило Святославу выполнить второе задание Византии – разгромить Болгарию. Но увлекшись успехами, он вошел в конфликт с Иоанном Цимисхием, потерпел поражение и погиб в 972 г. от руки печенегов при возвращении в Киев. Для русской земли в этом поражении не было ущерба, потому что отказ от авантюристической политики на Балканах позволил Владимиру Красное Солнышко основательно укрепить границы Руси и обеспечить ее экономический и культурный рост.

И последнюю, наиболее блестящую победу одержала Византия в 988–989 гг., не пролив ни капли крови. Великий князь киевский Владимир принял крещение и связанную с ним культуру из рук греческих монахов. Но позиции в Западной Европе Византия потеряла.

В 962 г. немецкий король Оттон I короновался в Риме императорской короной. Этим не столько фактом, сколько символом романо-германская Европа снова, после Карла Великого, заявила о своей самостоятельности и равенстве с Византией. Коронация Оттона I не начало и не конец, а переломный пункт процесса обособления западного культурного мира. Этот разрыв подготовлялся на протяжении всего X в. Бритые патеры в белых сутанах оспаривали у бородатых монахов в черных рясах души язычников, славянских и венгерских.

Знаменательной датой был раскол церковей 1054 г., сопровождаемый взаимными

анафемами. Для последних не было решительно никаких теологических оснований, а схизма была вызвана совокупностью причин социально-экономических, политических и идейных. Церковь, как чуткий барометр, среагировала на процесс этнического и суперэтнического расхождения Запада и Востока, но население там и тут, в том числе императоры и короли, горожане и рыцари, а еще больше крестьяне, с присущей обывателям инертностью мышления, долгое время не могло понять, что единое христианство перестало существовать. И эта закономерная инертность сказалась на той окраске событий, которая повлекла за собой первый крестовый поход. Первые крестоносцы, не думая о расколе церкви, шли на выручку греческим христианам, а те ждали помощи от западных единоверцев. И понадобилось около ста лет, чтобы факт раскола, не только церковного и политического, но больше того – этнического, стал психологической доминантой общественного сознания. Но об этом мы скажем в свое время.

Глава VI. Прообраз героя легенды (1100–1143)

Опять о подходе

В отличие от предшествовавшего 150-летнего темного и пустого периода истории Великой степи первая половина XII в. изобилует событиями, именами героев и трусов, названиями мест и народов и даже морально-этическими оценками. Это не значит, конечно, что материала для понимания ритма эпохи достаточно; наоборот, его явно не хватает. Но даже то, что есть, позволяет дать больше, чем общий ход исторического развития, – теперь можно уловить причинно-следственную связь явлений.

Источники по этой эпохе предельно разнообразны и разнохарактерны. Тут и династийная хроника Ляо ши, сухая и каноническая, дающая сведения проверенные, но недостаточные. Тут и несколько дополнительных китайских сочинений, в которых важное и ценное причудливо переплетено с деталями и случайными ассоциациями. Тут и подборка персидских и арабских историй и, наконец, сама легенда об Иоанне, пресвитере-царе в латинском и русском вариантах.

Для того чтобы извлечь и систематизировать все сведения, необходимые для историка, одной человеческой жизни мало, но, к счастью, на эту работу ушло две: Карла Виттфогеля и Фэн Цзя-шэна, составивших подборку фактов, удачно сведенных ими в несколько таблиц [\[199\]](#). Эти таблицы и примечания в них – фундамент будущего здания, на котором можно начать возводить стены. Под стенами мы подразумеваем связный рассказ о событиях, среднее звено исследования, после которого можно будет ставить вопросы: почему? и что к чему? – являющиеся кровлей здания. Но будем последовательны и ограничимся пока тем, что имеется налицо.

Карьера принца

Наш герой, Елюй Даши, родился в 1087 г. в царственной семье империи Ляо. Он был потомком основателя династии Елюя Амбаганя в восьмом поколении. Прежде чем получить чин и должность, молодой принц должен был прослушать полный курс китайской и киданьской филологии в Академии Хань-линь. Несмотря на то что он вынес оттуда прекрасное знание литературы, это не помешало ему стать великолепным наездником и стрелком из лука. Трудно сказать, какая из специальностей пригодились ему больше.

В 1115 г. Елюй Даши получил чин и назначение правителем областей Дай и Сячжоу (в совр. пров. Шаньси). Война с восставшими чжурчжэнями уже была в полном разгаре, но линия фронта пока проходила на севере, в глубине Маньчжурии, и двадцативосьмилетний наместник в этих боях не участвовал. Только в 1122 г. ему удалось встретиться с новым императором династии Ляо, который, спасаясь от наседавших чжурчжэней, прибыл в свою Южную столицу [\[200\]](#). Но и тут император когда-то могущественной державы не нашел покоя, вскоре бежал, скитался по окраинам страны, в 1125 г. был взят в плен и умер в ссылке.

Правительство китайской империи Сун, проявляя уже в который раз политическую близорукость, решило воспользоваться бедственным положением киданей и ударить им в спину. Китайские послы договорились с чжурчжэнями о совместном наступлении на южные области империи Ляо и приурочили его к 1122 г. Китайский полководец Тун Гуань выступил во главе большой армии, которой Елюй Даши мог противопоставить только 2 тыс. киданьских и татабских всадников. Впрочем, этого оказалось достаточно: китайцы были разбиты наголову. После победы армия Елюя Даши возросла до 30 тыс. всадников за счет населения его области, опять поверившего в киданьскую доблесть.

Сунцы снова несколько раз пытались наступать на киданей, и трупы китайских воинов устлали ковром землю между областями Сюан и Мо (в Северном Китае). Этому можно поверить, ибо китайцы довели численность своих войск до полумиллиона уже после того, как была разбита первая армия. Совершенно ясно, что то были мобилизованные крестьяне, которых некогда было обучать. Естественно, они стали жертвой ветеранов, составлявших войско Елюя Даши.

Одержанные победы чуть было не спасли империю Ляо. Тангуты, сблизившиеся с киданями при совместных войнах против цзубу (1099) и заключившие с ними союз, скрепленный браком (1104), сочли целесообразным выступить в защиту своих друзей, снова показавших, что они умеют одерживать победы, 30-тысячная тангутская армия вступила на киданьскую территорию и разбила передовые отряды чжурчжэней, но в решительной битве на реке Ишуй она потерпела поражение и откатилась за Хуанхэ^[201].

И все-таки, несмотря на страшное поражение, тангуты продолжали оказывать помощь киданьским войскам, оттесненным на западные, т.е. пустынные, окраины империи Ляо. Они снабжали киданей провиантом, принимали и укрывали беглецов, подавая киданям надежду на возможность контрнаступления, поскольку Елюй Даши и Сяо Гань оказались серьезной силой.

Однако, как только на юге империи Ляо появились чжурчжэни, положение радикально изменилось. Регент империи и его помощники убежали на западную окраину страны. Соратник Елюя Даши, полководец Сяо Гань, предложил установить новый порядок, опираясь на воинственных татабов, но Елюй Даши предпочел присоединиться к императору Янь-си. В 1123 г. он увел 7 тыс. киданьских воинов на запад Суйюани, в то время как Сяо Гань объявил себя императором Великого Хи, как по-китайски называлось воинственное племя татабов. Судьбы соратников разделились.

Чжурчжэни были не только храбрыми воинами, но и искусными дипломатами. Стремясь разбить тангуто-киданьский союз, они предложили тангутам несколько пограничных киданьских областей за нейтралитет. Тангуты с радостью согласились, но «подаренные» области оказались уже оккупированными войсками империи Сун, союзницы чжурчжэней. Тангуты не пошли на конфликт с Китаем, ограничившись жалобами к чжурчжэньскому монарху на неисполнение обещаний. На переговоры ушло драгоценное время для эффективной помощи киданям, еще не сложившим оружия.

Император Янь-си попытался навести порядок в своем стане. Он казнил регента-дезертира, а Елюя Даши осыпал упреками за то, что тот покинул свой пост. Даши сумел оправдаться и был снова поставлен во главе войска, брошенного на восток, в Чахар, для отвоевания своей родины. Там он столкнулся с чжурчжэньским авангардом, потерпел поражение и попал в плен.

Чжурчжэньская армия имела задачей схватить киданьского императора, но войска попали в болотистую местность и увязли так, что не могли продолжать поход. Тогда чжурчжэньский князь Цзун-ван приказал связанному Даши вывести войско к ставке императора Ляо. Тот вывел, и, хотя сам император успел убежать, его гарем, сыновья, дочери, дяди и сановники были схвачены врагами. За это предательство чжурчжэньский император Агуда воздал Елюю Даши честь и подарил ему жену. Но судьба и тут подстерегала находчивого принца, не слишком стеснявшегося в выборе средств самосохранения.

В военном лагере около Западной столицы бывшей империи Елюй Даши обыграл чжурчжэньского полководца в азартную игру. Тот очень обиделся, и они поссорились. Даши слишком хорошо знал характер своих новых друзей и, не теряя времени, забрал пять своих сыновей и бежал, покинув жену. Наутро, когда обнаружилось исчезновение Даши, несчастную женщину отдали какому-то солдату. Когда же она ответила отказом – ее застрелили^[184].

Можно было думать, что киданьский император посетует на то, что из-за измены Даши он

лишился всех близких людей, но тот принял принца-перебежчика с восторгом, потому что как раз в это время киданями был запланирован новый поход, чтобы отвоевать у чжурчжэней Западную и Южную столицы. Тут был дорог каждый человек, знающий положение в стане врага. Даши, лучше представляя положение дел, подверг принятый план кампании жестокой критике. Он указал, что восточные области страны наводнены врагами, дефиле в горных проходах уступлены без боя, что император, возглавлявший армию, не подготовился своевременно к обороне, из-за чего, естественно, вся империя попала в руки врага. Взамен он предложил свой план: обучать воинов и ждать подходящего момента. Конечно, его не послушали. Император Янь-си бросился в наступление, которое полностью провалилось, несмотря на то что 50 тыс. татарских всадников выступили на поддержку киданей. Даши, который под предлогом болезни отказался от участия в кампании, сделал еще одну попытку образумить монарха, но столь же неудачно. Судя по тому, что в следующем, 1125 г. самоуверенный император попал в плен к чжурчжэням и существование империи Ляо прекратилось, надо думать, что Елюй Даши правильно оценил обстановку, а это оправдывает его дальнейшие действия как в историческом, так и в этическом планах.

Не дожидаясь неминуемой катастрофы, осенью 1124 г. Елюй Даши убил двух сановников, проводивших губительную политику неподготовленных и необеспеченных контрнаступлений, объявил себя ханом и ночью бежал на запад, имея при себе только 200 верных воинов. Три дня спустя он пересек «Черную реку»^[202] и оказался среди онгутов, которые подарили ему 400 лошадей, 20 верблюдов и тысячу овец. Это был минимум, необходимый для того, чтобы перейти пустыню. Каждый всадник получил кроме боевой, собственной, одну выючную и одну заводную (т.е. запасную) лошадь. Военное оборудование и топливо можно было погрузить на верблюдов, а овцы в степи – передвижной запас пищи. Благодаря помощи онгутов Елюй Даши пересек Гоби за трое суток непрерывного марша и достиг крепости Хотунь на Орхоне, крайнего западного пункта киданьской империи. Эта крепость вследствие своей особой важности имела 20-тысячный гарнизон, без слова подчинившийся Елюю Даши. Да и что им было делать? Елюй Даши оказался единственным киданьским принцем, имевшим план и программу спасения уже не державы, которую спасти было нельзя, а жизни и свободы уцелевших киданей. А каждому из них гибнуть не хотелось. Вместе с крепостью и гарнизоном Елюй Даши получил казенные табуны и благодаря этому «перенес войну в пространство», что его и спасло.

В чем же заключалась новая программа? Прежде всего в изменении титула. Основатель империи Амбагань начал с того, что был ханом киданей; затем с 916 по 947 г. он и его сын Дэгуан были императорами Кидани, а с 947 г. Уюнь стал императором Ляо^[203]. Это означало, что страна из кочевой державы превратилась в китайское государство и как таковое погибла в 1125 г., подобно всем своим предшественникам. Елюй Даши принял титул «гурхан», т.е. порвал с китаефильским прошлым^[204]. Его подданные превратились в соратников, его вассалы стали союзниками, его гвардия сделалась дружиной. И сразу же появились силы для войны и побед, хотя положение оказалось безнадежным^[85].

Судьба хана

Слово «хан» в XII в. в среде кочевников и охотников имело совсем иное звучание, чем сейчас для наших оглушенных цивилизацией ушей. Они в те времена великолепно отличали нюансы терминологии, связанной с характером власти. Например, титул «Хуан ди», который мы передаем весьма неточно как «император», для степняков ассоциировался с чужим влиянием, китайским на востоке и арабским на западе, где посредником между «Небом» и человеком был

«халиф» (наместник пророка). Монголы и тюрки предпочитали общаться с «Небом» без начальства.

Термин «царь» (по-китайски – «ван», по-персидски – «шах») был связан с принципом наследования власти от отца к сыну, т.е. был прямым вызовом степному принципу, где дядя считался выше племянника. Власть царя, хотя и светская, рассматривалась как форма насилия над подданными и потому в степи не привилась. Зато хана провозглашало войско. Это не были выборы в смысле демократии XX в.; парламентаризм и коррупция не нашли бы места в военной ставке и окружавших ее аилах. Обычно ханом становился потомок хана, но власть он получал лишь тогда, когда воины поднимали его на войлочной кошме и кликами выражали согласие подчиняться ему во время войны. А в мирное время господствовал обычай, которому покорялся сам хан, как и любой пастух, если он хотел сохранить голову на плечах. Итак, объявив себя ханом, а не царем или императором, Елюй Даши сразу потерял изрядную долю власти и приобрел немалое количество искренних друзей. Но ведь слово «хан» означает «племенной вождь», а в степи племен было много.

Племенная раздробленность была проклятием кочевого мира. Ссоры из-за угодий, угоны скота, похищение женщин, кровная месть – все эти постоянные неприятности меркли перед еще более страшным последствием сепаратизма: неспособностью раздробленных племен организовать сопротивление нашествиям иноплеменников. Так называемые союзы племен были формой нестойкой и недейственной, особенно в условиях войны. Поэтому потребность в сильной власти становилась насущной, как только появлялся сильный враг, а таковым в XII в. оказались чжурчжэни.

В аналогичном положении тюрки VII–VIII вв. умели «заставить головы склониться, а колени согнуться»^[205] ради общего блага. Эта система называлась эль (il)^[206]. Но жестокость системы лишила ее популярности и предрешила ее гибель, и тогда на смену пришла комбинация племенного союза, самоуправлявшегося в течение мирного времени, с сильной властью, предназначенной для ведения войны. Собрание родовичей – курилтай – провозглашало вождя, именовавшегося гурхан, т.е. хан конфедерации племен. Такая ситуация благодаря легализованному взаимограничению устраивала обе стороны: власть и подчиненных. Елюй Даши был достаточно умен и образован, чтобы понять, что он может сохранить надежду спасти свое отечество, только бросив нерастраченные силы степняков на чжурчжэней, увязших в Китае. Правда, на всякий случай он сохранил и титул императора, но ему не пришлось им воспользоваться, потому что чжурчжэни за время его жизни шли от победы к победе.

Чжурчжэньский полководец, донося своему императору о Елюе Даши, определил его силы в 10 тыс. всадников. Император приказал обождать с наступлением, очевидно потому, что главные чжурчжэньские силы добивали киданьского императора Янь-си в Северном Китае. Благодаря этой отсрочке Елюй Даши успел договориться с тангутами о совместном контрнаступлении на чжурчжэней, имея целью поддержать киданьского императора. Но союзники опоздали: император Янь-си был пленен, и спасать стало некого и нечего.

В 1126 г. силы Даши увеличились – очевидно, за счет киданьских беглецов, примыкавших к нему, чтобы не попасть в подчинение врагу. Китайцы определяли численность его войск уже в 100 тыс. человек, конечно в условном исчислении, с учетом боеспособности киданьских ветеранов. На самом деле их было гораздо меньше и даже при союзе с тангутами недостаточно для продолжения войны с чжурчжэнями. Поэтому Даши попытался завязать переговоры с империей Сун, обещая, что забудет китайское вероломство) если те нападут на чжурчжэней с юга. Тогда он обязался возглавить нападение с северо-запада.

Но чжурчжэни не дремали. Зимой 1125–1126 гг. они сами предприняли наступление на юг. 60 тыс. чжурчжэней осадили столицу Китая – Кайфын. на спасение которого было брошено

свыше 200 тыс. лучших китайских войск. В Китае создалось две партии: сторонники войны и «борцы за мир». Последние возобладали и добились отхода чжурчжэней путем выплаты дани и территориальных уступок. Северный Китай был страшно опустошен, но это дало передышку Елюю Даши, успевшему наладить контакт с татарами и уговорить их не продавать чжурчжэням лошадей. Раздраженные чжурчжэни задержали наследника татарского вождя, прибывшего для переговоров, чтобы оказать давление на татар. Этот акт не увеличил популярности чжурчжэней в степи, однако ради спасения своего рода татары согласились быть проводниками чжурчжэньской армии, направленной против Елюя Даши в 1128 г. Армия эта была составлена из киданей, подчинившихся победителю, и командовать ею было поручено принцу из фамилии Елюев. Изоляция Елюя Даши была завершена.

Что ему оставалось делать? Он слишком хорошо знал стойкость и мужество чжурчжэньских войск, беспринципность и авантюризм своих окитаившихся соплеменников, ненадежность тангутов и себялюбие татар. Надежды на успех в бою или оборону крепости не было никакой, и Даши принял единственно правильное решение: он снова ушел на запад. Догнать его чжурчжэни не могли, да и не старались. Он стал для них безопасен и неинтересен. Гораздо выгоднее было завоевать Китай, где разложившаяся правительственная клика охотно жертвовала своим народом чтобы обеспечить себе веселую и безмятежную жизнь в дворцах и парках.

В январе 1127 г. пал Кайфын, и китайский император был взят в плен, а его брат перенес столицу на юг, оставив народ Северного Китая на разграбление противнику^[86]. Военная партия, стоявшая за сопротивление завоевателям, оказалась изолированной и от правительства, и от народа. Вождь ее, знаменитый полководец Ио Фэй, начал свою карьеру разгромом народного восстания около озера Дунтинху (1130–1135)^[207], а затем пал жертвой придворных интриг. Легкость побед и возможности обогащения соблазнили чжурчжэней, но повлекли за собою те же результаты, что и для киданей: китайская культура интеллекта осталась для них чуждой, зато культура порока была усвоена полностью. На пользу это пошло только монголам сто лет спустя. Но вернемся к нашему герою, поскольку мы подошли к нашей теме вплотную.

В 1129 г. Елюй Даши увел из крепости Хотунь тех киданьских воинов, которые остались ему верны. С ним ушло около 40 тыс. всадников, тогда как в минувшем году численность его войска достигла 100 тыс. – конечно, и то и другое в условном исчислении. Очевидно, не все кидани согласились покинуть родину, и многие предпочли подчинение врагу свободе в изгнании.

Достигнув города Бишбалыка^[87] (в Южной Джунгарии), Даши подсчитал свои силы. К нему примкнули главы семи оседлых областей Притяньшанья, очевидно уйгурских, и вожди восемнадцати племен. Состав последних крайне примечателен. Здесь названы: большие желтые шивэй и тьеле^[208], обитавшие по берегам Амура, а также их соседи: уги^[209] и бигудэ^[210], затем монгольские племена: онгираты, джаджираты, йисуты^[211], нирун^[212], таргутаи^[213], тамгалык^[214], меркиты, хушины^[215]; потом уже известные нам цзубу (вероятно, осколок орды, распавшейся за 30 лет перед этим) и тангуты, потому что Елюй Даши не порвал союза с царством Ся. И наконец, четыре племени, по поводу которых ни Виттфогель, ни я не можем дать никаких сведений: пусувунь, хумусы, си-ди и гю-эр-би.

Вот опять пример нашей беспомощности перед источником. Определить племенной состав союзников киданьского царя крайне важно, но информация, пролежавшая в свитке 800 лет, представляет загадку, неразрешимую без помощи специального исторического анализа.

Как ни досадно, оставим без внимания четыре нераскрытых этнонима и посмотрим, что дают нам те, которые удалось отождествить.

Тангуты ясны – это вспомогательный отряд союзного государства Си-Ся; цзубу – сдавшиеся

и зачисленные в киданьскис войска татары, причем отмечено, что татары вольные перекинулись на сторону противника, т.е. чжурчжэней.

Четыре племени – желтые шивэй, тьеле, бигудэ и урянхаи – не кочевники. Очевидно, они, живя бок о бок с чжурчжэнями, сражались с ними и теперь были вынуждены спасаться от преследования, ибо между племенами легла кровь. Гораздо важнее, что семь племенных вождей были чистыми монголами. Надо полагать, что традиционная вражда их с татарами сделала их союзниками киданей, и теперь, когда военная удача улыбнулась их врагам, наиболее скомпрометированные сочли за благо покинуть родные степи. Но почему среди монголов оказался меркитский отряд – этого я не могу объяснить. Да, вероятно, при такой скудости сведений все объяснить просто невозможно. Но все-таки нужно отметить, что не племена целиком, а какие-то их части последовали за неукротимым вождем, потому что те же самые племена, по крайней мере в Монголии, в XIII в. сидели на своих местах. Отсюда можно заключить, что у Елюя Даши было не ополчение племен, а армия добровольцев, что и объясняет ее высокую боеспособность.

Заняв крепость и город Бишбалык, Даши собрал своих командиров и обратился к ним с речью. Он признал поражение своего народа, катастрофическое распадение империи Ляо и рассказал о бегстве последнего императора. Но такое известие не соответствовало истине, так как император сражался, пока не попал в плен. Но Даши, видимо, предпочел утаить эти подробности от вождей собравшихся племен. Затем он объявил о своем намерении продвинуться на запад и сплотить кочевые племена Великой степи для отвоевания родной земли. В ответ на призыв он получил 10 тыс. воинов, прекрасно обученных, вооруженных и снабженных^[216].

Но и здесь кроме друзей нашлись враги. Столкновение с кыргызами на севере показало, что путь в Сибирь закрыт. Попытка напасть на Кашгар повела к полному поражению и обострила отношения с мусульманским населением оазисов Средней Азии. Кидани удержались только в долине реки Имиля и в Семиречье, где приняли участие в распре канглов и карлуков с ханом города Баласагуна^[188]. Елюй Даши лишил его ханской власти, но оставил в должности «управляющего тюрками».

Этот успех дал Елюю Даши необходимую ему точку опоры. Он ведь был не первым из киданей, попавшим в Среднюю Азию. Долгая и неудачная война выбросила с Дальнего Востока множество людей, отчаявшихся в победе и искавших пристанища у мусульманских князей Мавераннахра. Например, правитель Самарканда имел уже в 1128 г. около 16 тыс. киданьских шатров и использовал эмигрантов как охрану своей восточной границы. Но как только Елюй Даши появился в Баласагуне, эти и другие кидани перебежали к нему, благодаря чему его сила удвоилась. Богатые пастбища Семиречья позволили киданям откормить коней, и военный успех начал склоняться на их сторону. В конце 1129 г. Елюй Даши подчинил себе племя канглы и снова напал на Кашгар и Хотан. Обе крепости были взяты.

А чжурчжэньская армия, посланная для преследования последнего непокоренного киданьского принца, войдя в степи, оказалась бессильной. Тут нужны были кони и проводники, а вожди кочевых племен отказали чжурчжэням в повиновении. Больше того, монголы, объединенные тогда Хабул-ханом, объявили чжурчжэням войну и принудили их вернуться в Маньчжурию, а тангуты ответили чжурчжэньскому императору, что местопребывание Елюя Даши им неизвестно. Поход 1130 г. Был сорван.

В 1131 г. чжурчжэни возобновили наступление на Хотунь, но недостаток провианта и холод заставили их повернуть обратно. Да и нечего им было там делать, так как преследуемый ими полководец был уже далеко на западе, куда не могли дотянуться руки чжурчжэньского императора. Кидани, оставшиеся на Орхоне, конечно, попали в плен. Кроме того, уйгуры из Хэчжоу поймали нескольких киданей и передали их непосредственно чжурчжэням, тем самым

лишив ренегата командующего армией карателей последних трофеев ^[217]. После стольких неудач он попал под подозрение, что имеет тайные связи с врагом. Бедняге осталось только поднять восстание и поплатиться за него головой (1132 г.).

Этот момент показался Елюю Даши удобным для того, чтобы осуществить свою заветную мечту: освободить свою родину и ее народ.

В 1134 г. он отправил 70 тыс. всадников на восток, через пустыню, чтобы восстановить былую славу Ляо. Но пустыня – барьер для любой армии. Войско киданей потеряв в дороге столько коней и быков, что вернулось с полдороги. Блюй Даши воскликнул: «Небо не благоприятствует мне! Это его воля» ^[218]. На этом закончилась война на востоке, только для того, чтобы с новой силой разгореться на западной окраине Великой степи.

Появление царя-священника

Прежде чем вести дальнейшее изложение хода событий, уместно остановиться и задать себе несколько недоуменных вопросов. Как мы отметили выше, Елюй Даши привел в Джунгарию около 10 тыс. всадников и удвоил это число за счет киданей, ранее его убежавших на запад. Значит, у него было около 20 тыс., пусть даже до 30 тыс. воинов. Покорением Кашгара и Хотана он сразу восстановил против себя весь мусульманский мир, а подчинением канглов – и Великую кипчакскую степь. Иными словами, положение на западной окраине кара-китайского (как оно теперь стало называться) ханства было весьма напряженным, тем более что за спиной мелких мусульманских князей стоял сельджук Санджар ^[89], командующий самой сильной армией, из тех, что действовали на Ближнем Востоке. Спрашивается, откуда же гурхан мог выделить 70 тыс. воинов для восточного похода? Ведь это в три раза больше всех его сил, даже если бы он полностью оголил западную окраину своих владений! Очевидно, что с 1130 по 1135 г. силы Елюя Даши возросли до какой-то огромной цифры, но за счет чего и кого?

Обратимся к источникам ^[219]. Китайцы просто молчат. Ибн ал-Асир сообщает, что в 1130 г. карлукские и гузские наемники поссорились с самаркандским правителем Арслан-ханом и, поскольку султан Санджар встал на сторону последнего, убежали к гурхану. Но тут речь идет о нескольких тысячах, а не о сотнях тысяч. Джувейни сообщает, что в 1131 г. гурхан сделал набеги на Фергану и Мавераннахр и завоевал обе области. В отношении Мавераннахра это не подтверждается, ибо Самарканд взят не был, да и Ходжент оставался в руках мусульман. Видимо, это были просто набеги, не изменившие расстановки сил, но обострившие ситуацию.

Затем идет шестилетнее молчание. Никаких событий! Почему вели себя так пассивно мусульмане – понятно. Они просто не придавали значения вновь возникшему, очень маленькому княжеству «неверных турок». Но за это время Елюй Даши сумел подготовиться так, что в 1137 г. под Ходжентом наголову разбил войска Рукн-ад-дина Махмуд-хана, сменившего на посту правителя Самарканда незадачливого интригана Арслан-хана, сосланного султаном Санджаром в 1130 г.

На этот раз мусульмане взволновались. «Страх и печаль настали великие». Однако целых четыре года никаких событий не происходило. Елюй Даши почему-то не воспользовался плодами своей победы. Махмуд Самаркандский увлекся борьбой с собственными войсками из племени карлуков, которые обратились за поддержкой к гурхану. Только в 1141 г. возник новый конфликт, и на этот раз в грандиозных размерах. На борьбу с неверными явился султан Санджар, сопровождаемый вспомогательными отрядами из Хорасана, Седжестана и горных областей Гура, Газны, Мазандерана. Здесь были лучшие войска мусульманского мира, закаленные в боях с греками и крестоносцами, экипированные по последнему слову тогдашней техники. Войско

Санджара исчислялось приблизительно в 100 тыс. всадников. Таких сил не выставляли даже против крестоносцев.

Несмотря на отрывочность данных источников, видно, что султан и его окружение отнеслись к начавшейся операции предельно серьезно, а не просто как к отражению очередного набега кочевников, постоянно совершавшихся с целью грабежа. Что могло их так насторожить?

А теперь сам Елюй Даши? По словам Ибн ал-Асира, будто бы он выставил 300 тыс. воинов «из киданей, тюрок и китайцев»^[220]. Что может эта фраза значить? Киданей было меньше 30 тыс. всадников. Тюрки в большинстве своем жили севернее и западнее Балхаша, т.е. за пределами кара-китайской державы. Никаких китайцев быть не могло. Восточные кочевники-монголы в это время активно воевали с чжурчжэнями, тангуты тоже. Короче говоря, неоткуда было прийти подкреплению для войны с мусульманами, да и незачем было восточным степнякам поддерживать хана, сбежавшего от них.

И несмотря на все это, в 1141 г. на Катванской равнине, лежавшей между Ходжендом и Самаркандом, Елюй Даши, разделив свое войско на три части, оттеснил мусульман в долину Диргам (один из притоков Зеравшана) и разгромил их так, как этого не могли сделать ни Карл Мартелл, ни Лев Исавр, ни Готфрид Бульонский. Султан Санджар успел убежать, но его жена и соратники попали в плен, а 30 тыс. лучших сельджукских воинов пали смертью храбрых. Вот факт! То, что он совершился, несомненно, но почему это могло произойти, непонятно и никем не объяснено. Значит, надо искать объяснения. И последнее: после столь блестящей победы Елюй Даши ограничился тем, что занял Самарканд и Бухару и какой-то киданьский отряд разграбил Хорезмский оазис. Хорезмшах, впрочем, быстро договорился с гурханом, обязавшись платить какие-то подати натурой и 30 тыс. динаров золотом ежегодно. Во всех захваченных киданями городах Средней Азии были оставлены местные владельцы, обязанные только платить гурхану незначительную подать. Чем объяснить столь странную умеренность? Ведь гурхан должен был по крайней мере вознаградить свое войско, а своих средств у него не было. Источники и тут молчат.

Ну, а если мы поставим вопрос по-иному, исходя из знания ситуации и с позиций здравого смысла^[90]? Начнем с известного: для войны нужны деньги и люди. Денег у Елюя Даши не было, так как все богатства империи Ляо попали в руки победителя. А людей в степи в XII в. было много, и далеко не все они были тесно связаны со своими племенами. Тут решающую роль играли два фактора: 1) увлажнение степи^[221], которое стимулировало не только расширение пастбищных угодий и увеличение стад, но и прирост населения, потому что детей было чем кормить и они вырастали в воинов) 2) кочевой быт) при котором каждое племя имеет строго определенный регион для перекочевки и тем самым входит в состав его биоценоза. На каждую семью приходился участок с определенным количеством травы и воды, а следовательно, скота и коней. Расчеты С. И. Руденко показали, что для обеспечения минимальных нужд средней скотоводческой семьи в 5 душ необходимо поголовье скота, равное 25 лошадям, исходя из следующих данных: одной взрослой лошади соответствует 5–6 голов рогатого скота, 6 овец или коз; двухлетка приравнивалась к 1/2 лошади, однолетний жеребенок – к 1/4 лошади. К этому надо прибавить транспортных животных: для одной кибитки – 4–6 вьючных лошадей, а для богатой юрты с ее содержимым – 10–12 лошадей^[222]. Следовательно, для того чтобы кочевое хозяйство богатело на своем участке, необходимо не только увеличение кормов, но и стабилизации населения, ибо прирост поглотит все доходы, которые может уделить кочевнику природа. В условиях засухи, когда детская смертность была высока, лишних людей в степи было мало; теперь они появились, и старейшины скотоводческих племен были рады от них избавиться. Если гурхан принимает к себе людей, то и пусть идут к нему, да не возвращаются.

Итак, если не удалось мобилизовать племена, то можно было набрать людей, слишком

энергичных, оказавшихся неуживчивыми в родных кочевьях и достаточно тренированных для военной службы. Сложность была одна: на этих полунаемников трудно было положиться. Особенно опасными могли оказаться их вожди. Поэтому Елюй Даши ввел порядок, по которому ни один военачальник не мог иметь больше 100 всадников, а все сотники подчинялись непосредственно гурхану.

Но, набрав добровольцев, надо было их кормить, вооружать, обучать, а значит, кто-то должен был дать деньги, которых у хана не было. Поищем, кто бы это мог быть? Тот, у кого они были и кому было нужно, чтобы гурхан воевал с мусульманами. В XIII в. свободные средства были только у купцов, водивших караваны из Китая в Европу и обратно. Мусульманские купцы, естественно, исключаются; еврейская торговля была подорвана еще в 965 г. разгромом Итиля, важного перевалочного пункта. Остаются уйгуры, одна часть которых была буддистами, другая – несторианами.

В Уйгурии процветал буддизм, по канонам которого монахам запрещалось прикасаться к золоту, серебру и женщине. Следовательно, истые буддисты к торговле отношения не имели, хотя их монастыри были изрядно богаты. Зато несториане торговали вовсю и ненавидели мусульман со всей страстью, на которую были способны. И тут вернемся от соображений к фактам. Именно уйгуры приняли бежавшего гурхана в своей столице Бишбальке, снабдили его продовольствием, дали возможность реорганизовать армию, а в дальнейшем пополнить ее степными удалцами. За это они получили то, что нужно любому коммерсанту, – их ставленник сокрушил их конкурентов в Самарканде, Фергане, Кашгаре и Хотане и обеспечил им монополию караванной торговли. С Катванской битвы начался расцвет уйгурских городов, а там, где власть попадала в руки христиан, мусульманских купцов облагали налогом^[223].

Но мы допустили бы самую грубую модернизацию, если бы опустили конфессиональный момент. Хотя христианство было в сельджукском султанате терпимо, но, конечно, мусульмане имели все возможные преимущества. Затем, несториане сами отличались нетерпимостью и, не жалея средств для войны против иноверцев, нуждались в подходящем военном вожде. Елюй Даши отвечал всем требованиям: он был достаточно культурным, чтобы избежать подозрений в язычестве, достаточно светским, чтобы не стать буддийским монахом, и, оказавшись врагом султана Санджара, он уже не мог и думать о принятии ислама. Крестить его, по-видимому, не удалось, так как еще в 1130 г. он приносил традиционную киданьскую жертву Небу, Земле и предкам – серого быка и белую лошадь. Но делал он это скорее для своих воинов, хотя конфуцианское образование, полученное им в юности, также не мешало сохранению таких пережитков в его сознании. Основное же заключалось в том, что он, как опытный политик, понимал, что, если он хочет удержаться на новой земле, ему следует обеспечить себе поддержку хотя бы части местного населения, пусть несториан. Поэтому, несмотря на его письмо к правителю Бухары, начинающееся формулой, приемлемой для мусульман: «Во имя Бога, милостивого, милосердного»^[224], его наследник получил христианское имя Илия (I-lieh), а крестоносцы в Палестине и Сирии искренне поверили в существование христианского царства на восток от Персии.

На самом деле его не было, но идея его существования, его необходимости и даже возможности осуществления возникла и играла роль в политической и военной истории Азии. Христианское царство, возглавляемое царем-священником, – только мечта восточных христиан, но эта мечта была настолько действенна, что к моменту смерти Елюя Даши многим начала казаться реальностью, и ради мечты примирились бывшие враги – несториане и яковиты (монофизиты). Объединение этих двух церквей, с полным пренебрежением к догматике, состоялось в 1142 г., еще при жизни Елюя Даши^[225].

Елюй Даши умер в 1143 г. Его сын Илия остался малолетним, и власть перешла в руки ханши-матери, которую гурхан перед смертью назначил регентшей. Но даже после его смерти кочевники Монголии, а также обе дальневосточные империи: чжурчжэньская – Кинь и китайская – Сун – рассматривали его преемников как самого Даши и относили к нему поступки кара-киданьских правителей.

За истекшие 10 лет империя Кинь (Цзинь), уже примирившаяся с покоренными ею киданями, решила наладить отношения и с теми, которые бежали на запад. Однако как только чжурчжэньский посол в 1144 г. явился к гурхану, предававшемуся охоте, и потребовал, чтобы тот, сойдя с коня, выслушал императорский рескрипт, как его самого стащили с седла и убили.

В 1151 г. Илия вступил на престол и мирно правил до 1161 г. За это время у киданей произошел только один конфликт с Хорезмом, но и тот закончился без пролития крови, потому что кидани не приняли боя с превосходящими силами хорезмийцев (1158 г.). По смерти Илии на престол взошла его младшая сестра, правившая до 1177 г. Погибла она вследствие романтической истории: ее любовник добился того, чтобы ханша убила своего мужа. Отец убитого возмутил войско, и ханша и ее любовник были схвачены и убиты. В 1178 г. на престол вступил сын Илии – Чжулху (Джурка, т.е. Юрка, Юрий), правивший до 1213 г. Первую половину своего царствования он был занят тем, чтобы удержать позиции, завоеванные в Средней Азии его дедом, и ради этого помог патриарху Илие III учредить несторианскую митрополию «Кашгара и Невакета (Семиречье)»^[226], а во вторую – был вынужден ввязаться в политику, связанную с войнами Чингисхана, но об этом будет рассказано в особой главе, посвященной уже не созданию, а уничтожению кара-киданьской державы.

Территория, захваченная и освоенная основателем кара-киданьской державы, к моменту его смерти охватывала три больших района. Под непосредственным управлением гурхана находились Западная Джунгария от реки Имиля на севере и Семиречье до реки Чу на юге^[227]. Эта территория, весьма удобная для кочевников и полукочевников, благодаря разнообразию горных и степных пастбищных угодий, кормила 84500 шатров (хозяйств), включая местное тюркское население. Соответственно небольшой была армия: 10 тыс. непосредственно в распоряжении гурхана и 30–50 тыс. при полной мобилизации^[228].

Столица – вернее, ставка – Баласагун – лежала в верховьях реки Чу, недалеко от Иссык-Куля. Другой город, Имиль, находился недалеко от восточной оконечности Балхаша. Эта небольшая, живописная, бедная область и была пресловутым «царством пресвитера Иоанна»^[229].

К югу от руки Чу и Центрального Тянь-Шаня лежала гораздо большая территория, подвластная гурхану по праву завоевателя. На юге она была ограничена волнами Амударьи, на западе – Аральским морем, так как хорезмшахи признали верховную власть гурхана, на востоке – богатым оазисом Хотаном. Кашгар, Самарканд, Бухара и Термез, так же как Хорезм и Хотан, имея своих собственных правителей, после Катванской битвы сочли за благо платить гурхану необременительную дань, что гарантировало им покой и отсутствие необходимости организовывать дорогостоящую оборону северной границы. Уйгурский идыкут тоже числился в вассалах гурхана, но, по-видимому, это был скорее симбиоз, нежели действительное подчинение. Уйгуры по отношению к киданям вели себя весьма самостоятельно.

А теперь, когда мы очертили истинные границы «царства попа Иоанна», весьма полезно заглянуть в русский текст «Сказания об индийском царстве», до сих пор не использованный нами. В отличие от вышеприведенного латинского описания здесь есть кое-какие интересные детали, на которых мы и сосредоточим наше внимание.

Вначале текст выдержан в духе средневековой «научной фантастики». Тут и трехногие люди, и трехсаженные великаны, и полуптицы-полулошади, крокодилы и феникс, но вот что интересно: географические сведения.

Посреди «царства» лежит «песочное озеро, да николи же не стоит на одном месте: отколе ветер потянет, ино пойдет вал, и восходят же валы на брег за 300 верст». Это вполне точное описание песчаной пустыни с барханами, и неясно только: какую пустыню имел в виду автор – Такла-Макан или Центральную Джунгарию. Поэтому посмотрим текст дальше! «Посторонь того моря за 3 дни (пути. – Л. Г.) суть горы высокие, от них же течет река каменная, валится камене великое и малое по себе 3 дни. Идет же то камене в нашу землю в то же море песочное, и покрывают валове моря того, и близ тоя реки едино днище (на расстоянии одного дня пути) есть горы пусты высоки, их же верха человеку не мощно дозрети, и с тех пор течет река под землею не велика».

Это описание южных склонов Тянь-Шаня, откуда постоянно низвергаются каменные обвалы и осыпи, перекрывающие русла рек, которые выходят на поверхность только на границе песчаной пустыни. Именно здесь расположена цепочка богатых оазисов Уйгурии: Куча, Курля, Аксу и др. Дальше идут упоминания о драгоценных камнях, находимых в руслах этих рек; тут уместно вспомнить, что Хотан – родина нефрита и яшмы, а также в окрестных горах имеются месторождения рубинов, сапфиров и ляпис-лазури. И наконец, важно упоминание, что малые реки впадают в большую, где много рыбы, причем последнюю едят сырой. Большая река – Тарим. Итак, среди фантастических вымыслов обнаружена весьма ценная деталь – царство первосвященника помещено в Уйгурии.

На первый взгляд и это противоречит исторической действительности, потому что ставка гурхана и кочевья его воинов располагались севернее Тянь-Шаня, но буквализм, как мы говорили выше, чаще всего ведет к заблуждению. Ведь автор «Сказания об индийском царстве» меньше всего интересуется действительностью. Для него важен образ и смысл! Поэтому он нарисовал картину страны, являвшейся сердцем восточного несторианства, ту самую, которая инспирировала взлет восточно-христианской культуры, противостоявшей и буддизму и исламу. И в этом смысле он подкрепляет нашу догадку о том, что именно уйгуры были инициаторами «желтого крестового похода», удара, от которого не смог оправиться сельджукский султанат.

С этой точки зрения автор источника был прав, и, вероятно, его современники умели его понимать, а мы, привыкшие к деловому языку и статистической точности, просто не умеем понимать системы образов и ассоциаций и за метафорами находить истинное содержание, очевидное средневековому читателю. Значит, трудность перевода заключается не в простой подстановке слов и фраз, но еще больше в уяснении смысла в манеры изложения.

Так, но это не все! Историческая действительность была вытеснена смысловой образностью не до конца. В этом мы убедимся, если рассмотрим вопрос о северной границе кара-киданьского ханства.

В отличие от южной и западной границ северные пределы кара-киданьского царства не могут быть определены с достаточной уверенностью. Принято считать, что граница эта проходила по реке Имилю, а севернее, в бассейне Иртыша, жило могущественное племя найманов, происхождение и этническая принадлежность которых до сих пор остаются открытым вопросом^[230]. История найманов достоверно известна только с эпохи Чингисхана, т.е. со второй половины XII в.^[231] Вот тут-то и кроется разгадка. В то время когда большинство кочевых племен степной Азии известны историкам с конца X в. или начала XI в., сведения о найманах, самом большом, сильном и культурном народе, действительно появляются в конце XII в.

Народа и культуры без истории не бывает, следовательно, предки найманов были членами

какого-то иного этноса, и даже можно определенно утверждать, что это были просто кидани.

В Срединной Азии каждый народ имел кроме этнического наименования синоним – число племен, его составлявших. Так, уйгуры назывались токуз-огузы, т.е. «девять племен», карлуки – уч-огузы, или «три племени», басмалы – «сорок племен», тангуты – «семь племен». Восьмиплеменным народом были кидани, а слово «найма» значит по-монгольски «восемь». От найманского языка сохранились только имена собственные и «культурные слова». И те и другие чаще всего бывают заимствованными у соседей. Зато мы знаем, что при столкновении с китаитами и монголами найманы великолепно с ними объяснялись, что говорит об их монголоязычии. А откуда могли монголоязычные кочевники попасть на Алтай во второй половине XII в.? Только вместе с киданями. а скорее как часть киданей, соратников Елюя Даши, Такова вероятность, но тут настало время снова обратиться к источникам.

Рашид ад-Дин сообщает: «Ранее эпохи Чингис-хана государями найманов были Наркыш-Таян и Эниат-каан... они разбили племя кыргызов... Буюрук и Таян (современники Чингисхана. – Л. Г.) были сыновьями Эниат-каана (ниже он назван Инанч-Бильгэ Буку-хан. – Л. Г.)... племена найманов были кочевыми, некоторые обитали в гористых местностях, а некоторые – в равнинах... они имели большое и хорошее войско; их обычаи и привычки были подобны монгольским»^[232].

Добавим к сведениям мусульманского автора слова христианского монаха-минорита Вильгельма Рубрука, ездившего послом к монголам: «Именно в то время, когда франки взяли Антиохию (в июне 1098 г.), единовластие в северных странах принадлежало одному лицу, по имени Кон-хам (спутаны два слова: „хан“ и „кам“, т.е. прорицатель. – Л. Г.). Этот Кон был каракатай. (В 1098 г. еще не было деления на собственно катаев // киданей и кара-катаев. Автор XIII в. допускает модернизацию.) Эти катая (кара-кидани) жили на неких горах, через которые я переправлялся (он шел одним из трех проходов между западной и внутренней частями Срединной Азии, расположенными между хребтами Алтая и Тянь-Шаня^[233]), а на одной равнине между этих гор жил некий несторианин пастух (pastor), человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым Найман и принадлежавшим к христианам-несторианам (описана Западная Джунгария – область кара-киданьского гурхана Елюя Даши. – Л. Г.). По смерти Кон-хама (императора династии Ляо. – Л. Г.) этот несторианец превознес себя в короли, и несториане называли его королем Иоанном, говоря о нем вдесятеро больше, чем было согласно с истиной. Именно так поступают несториане, прибывающие из тех стран: из ничего создают большие разговоры»^[234].

Хронология здесь напутана сильно, но не случайно. Дата взятия Антиохии совпадает с разгромом и покорением цзубу киданями и объединением восточной части Великой степи империей Ляо. Это событие не могло не остаться в памяти кочевников, от которых Рубрук получил информацию через полтора века.

А теперь сравним тексты. Несмотря на кажущиеся противоречия, они дополняют друг друга. Рубрук определенно описывает Елюя Даши и территорию его ханства, называя ее найманской. Рашид ад-дин отмечает, что до конца XIII в. у найманов был только один государь – Эниат или Инанч, имя, либо легко переделываемое в «Иоанн», либо просто имя «Иоанн», превратившееся в Эниат.

Затем дата – война с кыргызами. Как нам уже известно, кидани столкнулись с кыргызами в 1129 г. Кыргызы сумели отбиться, но степи Западной Монголии, лежавшие южнее Саянского хребта, естественно, достались киданям. Только отсюда, используя людские резервы из тех благодатных степей, мог Елюй Даши набрать воинов для разгрома сельджукского султана в 1141 г., после чего он и прослыл царем-пресвитером. Но после его смерти в 1143 г. началось отпадение окраин, и Эниат, с тюркским прозвищем Инанч Бильгэ Буку-хан (муж мудрый и

сильный^[235]), оказавшись во главе своего отряда на территории, огражденной Монгольским Алтаем, стал самостоятельным и передал власть двум своим сыновьям, имена которых остались неизвестны. Впрочем, нам достаточно их титулов: старший именовался Таян-хан, а младший – Буюрук-хан. Используя тюркские титулы, найманы сохранили монгольскую речь^[236]

Итак, вначале северная граница ханства, которое называлось в Европе «царством пресвитера Иоанна», достигала Саянского хребта, но слабые женские руки выпустили северные земли, скорее всего во время смуты 1177 г., и границы государства сузились настолько, что оно не могло быть жизнеспособным. Выходит, что вымысел европейских сплетников был далек от истины, но подождем с выводом. Ведь в самой фантастической повести иногда оказываются крупинцы правды.

И вот мы подошли к событиям, которые надо рассматривать уже не суммарно. Спустимся с облаков на вершину степного кургана и осмотрим горизонт и прилегающую степь более сосредоточенно и подробно. Теперь мы можем позволить себе эту роскошь, потому что знаем – где и что искать.

Зеркальное отражение

Когда историк описывает какой-нибудь период, событие или даже эпизод, то он невольно рассматривает его с одной стороны. Это не пристрастие, не тенденциозность, не несправедливость, а неизбежная закономерность выбора угла зрения, особенность человеческого восприятия. Однако она привносит в исследование некоторую однобокость, что часто вызывает несправедливые нарекания профанов, не искушенных в тайнах ремесла.

Так и в нашем случае: монголы, объединенные Чингисханом, создали державу, охватившую полмира. Поэтому почти все историки, посвятившие свои труды и силы изучению XIII в., писали историю монголов и их завоеваний. Но наша тема обязывает нас к другому, и мы попробуем написать историю найманов и их поражения^[91]. Факты будут те же самые, равно как и источники. Методика исследования не изменится тоже, но, несмотря на это, мы сможем увидеть события в ином свете, потому что будем смотреть на них с другой стороны.

Прежде всего изменится наш взгляд на проблему становления кочевого феодализма^[92]. Кидани в Маньчжурии имели организованное феодальное государство с бюрократией, состоявшей из китайских грамотеев, и с податным сословием^[237]. Войска, уведенные Елюем Даши на запад, сохранили только элементарную военную организацию: у них не осталось ни имущества, ни земельных владений, ни крепостных – ну, словом, ничего, кроме оружия. После побед они получили некоторый источник дохода в виде дани с мусульманских городов и пастбищных угодий, которые они отобрали у местного населения. Казалось бы, тут-то им бы и обратить побежденных канглов и кыпчаков в крепостных да выжимать из них средства на содержание роскошного двора и вельмож. Но Елюй Даши не был так глуп. Он великолепно понимал, что людей у него мало, а врагов много и единственное средство спасения – приобрести симпатии местного населения. Поэтому он только заставил их чуть-чуть потесниться, чтобы и его народу нашлось место в степи и предгорьях. Это ему удалось тем легче, что в XII в. происходило интенсивное увлажнение степной зоны Евразии^[238] и количество пастбищ увеличилось за счет изменения природных условий^[239]. Таким образом, в степи был установлен мир и стала возможной консолидация кочевников.

Характерно и то, что гурхан препятствовал созданию аристократии. Ни один военачальник не смел командовать больше чем сотней воинов. Слишком свеж был страшный опыт падения империи Ляо, где расшатанная дисциплина облегчила победу чжурчженей. Теперь только гурхан командовал послушным войском. Ну где же тут феодализм? Ни феодалов, ни крепостных, ни ренты, ни иерархии – а просто армия с семьями.

Точно в таком же положении оказался Инанч-хан, по всей видимости, человек настолько честолюбивый, что чин сотника его не удовлетворил. Всегда есть люди, недовольные начальством, и за горным хребтом Монгольского Алтая они оказались за пределами сферы действия кара-киданьских порядков. На их счастье, здесь было редкое население, состоявшее из некогда сильного, но выродившегося племени тикин^[240]. Найманы (так называли их соседи, употребив вместо этнонима прозвище) знали, что на новой земле их окружают сильные и чуждые народы, и поэтому вместе с территорией они приняли в свою среду остатки тикинов. В армии всегда есть нужда в пополнении.

Инанч-хан умер в 1201–1202 гг., а его войско распалось на две орды, управлявшиеся его сыновьями: Таян-ханом и Буюрук-ханом. Братья не ладили между собой, но, думается, причиной этого были не столько их характеры, сколько воля их войск. При военной демократии хан

больше зависит от настроения своих воинов, чем воины от капризов хана. Кидани издавна любили племенной строй и децентрализацию, называемую «союзом племен». Лишившись того и другого вследствие решительности Елюя Амбаганя, они были вынуждены повиноваться ханам, превратившимся в императоров. Но как только империя пала и у власти встали простые члены племени, киданьские беженцы вернулись к привычным формам общественного строя и разделились на два ханства (на восемь просто не хватило бы людей).

Таким образом, мы можем констатировать, что в среде уцелевших от разгрома киданей прошел процесс упрощения быта, культуры и общественных отношений. Они вернулись к своему натуральному состоянию, стали храбрыми охотниками и скотоводами, забыли китайскую грамоту и, поскольку потребность в письменности у них сохранилась, заимствовали у уйгуров алфавит, кстати сказать, куда больше приспособленный к их языку, чем иероглифика. А вместе с алфавитом пришла идеология – несторианство, которое быстро вытеснило пережитки представлений, не укоренившихся в народе. Первым последствием распада царства оказалось то, что гурхан Чжунху и Инанч Бильгэ Буку-хан начали вместе самостоятельную политику, чем парализовали друг друга и развязали руки своим многочисленным врагам.

Силы кара-киданьского гурхана были полностью скованы необходимостью удерживать Среднюю Азию, где в это время усилился Хорезм. Эта страница истории написана достаточно подробно^[241], и на ней мы не будем останавливаться^[93].

Вернемся к найманам. Западная граница их была надежно прикрыта Алтаем. С кыпчаками, обитавшими западнее Алтая, найманы установили добрососедские отношения, и оба народа не беспокоили друг друга. Гораздо сложнее были отношения на востоке. Центральную часть Монголии населяли кераиты, принявшие несторианство еще в 1007–1008 гг. История их до XII в. совершенно не освещена источниками. Первого зафиксированного историей хана – Маркуза (Марк), носившего титул – Буюрук-хан^[242], легендарная генеалогия выводит из потомства праматери монголов – Алан-гоа^[243]. Не будем отвлекаться, проверяя, насколько соответствует легенда истории, для нас важно лишь то, что кераиты считали себя близкими родственниками монголов. После смерти монгольского Хабул-хана, прадеда Чингисхана^[244], Маркуз возглавил кочевников для борьбы с чжурчжэнями, но судьба обошлась с ним предельно жестоко. Его захватили в плен татары и выдали чжурчжэням. Маркуз погиб, будучи прибит гвоздями к «деревянному ослу». Датируется это событие началом 50-х годов XII в.^[245]

У Маркуза было два сына: Хурчак-Буюрук-хан, видимо, возглавил собственно кераитов, а второй, носивший титул «гурхана»^[246], – союз кераитов с монголами, потому что с этого времени у монголов появился собственный государь – Хутула-хаган. Хурчак умер около 1171 г.^[247], а его наследник, Тогрул (Тоорил), ознаменовал вступление на ханский престол тем, что казнил своих дядей. Это вызвало возмущение в народе, и «гурхан» сверг своего племянника, который обратился за помощью к монголам. Есугэй-баатур, отец Чингиса, возглавлявший в то время объединение монгольских племен, пришел на помощь к изгнанному принцу и восстановил его на престоле. Гурхан бежал на южную окраину Гоби, к тангутам^[248], и там получил от тангутского правительства место для поселения своих сторонников.

В этом на первый взгляд незначительном эпизоде отразились две линии, оказавшие влияние на ход исторических событий: государственная, определенная общеазиатской политикой, и личная, связанная с характером Тогрула, кераитского хана. Поскольку только сочетание обоих направлений анализа может прояснить картину исторической действительности, придется расчленивать их и разобрать поочередно.

Около 1170 г. для всех степняков, способных соображать и оценивать обстановку, было ясно, что над их родиной нависла грозная опасность. Неукротимые чжурчжэни, основав

империю Кинь, т.е. «Золотую», стремились к тому же, что 500 лет спустя осуществили их потомки, маньчжуры, – к владычеству над Азией. Но то, что без большого труда осуществили маньчжуры в XVII в., используя влияние ламаистской церкви, с которой они сотрудничали, в XII в. встретило мощное сопротивление несторианской церкви, уже испытывавшей ужас китайских гонений (около 1000 г.). Поэтому все кочевники, за исключением татар, были настроены против проникновения чжурчжэней в степь. Даже монголы, отнюдь не христиане, активно поддерживали несторианский блок. Этих сил было бы достаточно, чтобы остановить агрессора, тем более что главные силы чжурчжэней увязли в Китае, но в самой степи возникли помехи, благодаря которым идея активной обороны осталась неосуществленной.

Разберемся в ситуации. Казалось бы, естественным вождем, вокруг которого могли бы сплотиться кочевые и оседлые христиане, был кара-киданьский гурхан, но Елюй Даши умер, а его наследники оказались в русле политики, направляемой уйгурским купеческим капиталом^[249]

Для уйгуров конфликт с Китаем, какое бы правительство там ни свирепствовало, был смерти подобен, потому что они богатели за счет транзитной, караванной торговли и в случае конфликта не получили бы необходимых им товаров. Поэтому-то они направили удар кара-киданей на своих мусульманских конкурентов, на Среднюю Азию, и не финансировали их попыток обратить оружие на восток.

Еще сложнее было положение в Тангуте. Долголетняя война с Китаем стала традицией вражды, но появление мощной чжурчжэньской армии и слишком свободное обращение чжурчжэней с договорными обязательствами вынуждали тангутское правительство пересмотреть ситуацию и поддержать античжурчжэньские силы как на юге, в Китае, так и на севере, в степи. Потому-то и был принят ими кераитский гурхан, т.е. претендент на командование объединенными силами кочевников. Но в самом тангутском царстве не было единой точки зрения, и сторонник союза с Китаем был казнен по требованию чжурчжэней в 1168 г., хотя его противники не добились союза с империей Кинь (Цзинь), против империи Сун и монголов^[250].

Но больше всего мешал объединению кочевников тот самый племенной строй, который они изо всех сил отстаивали. И тут пора перейти к личным симпатиям и антипатиям степных вождей, от которых зависела свобода их народов. Ведь каждый из них, вне зависимости от того, понимал он общую ситуацию или нет, имел собственные интересы и хотел только, чтобы они совпадали с общественными. В противном же случае, особенно когда дело шло о жизни, никто не жертвовал собой, точнее, не давал сопернику убить себя лишь ради того, чтобы абстрактная степная свобода не стала через десяток-другой лет жертвой чжурчжэньского властолюбия. Таков был и Тогрул (Тоорил).

Найманы и кераиты

Биография Тогрула сложилась крайне тяжело. В семилетнем возрасте его захватили в плен меркиты, и ханский сын толк в меркитских ступках, потому что пленников было принято использовать как домашнюю прислугу. Однако его отец сумел напасть на меркитов и спасти сына. Шесть лет спустя Тогрул вместе с матерью попал в плен к татарам и пас там верблюдов, но на этот раз, не дождавшись помощи из дому, бежал сам и вернулся домой. Уже эти два факта указывают, что в кераитской ставке было неблагополучно. Дважды пленить ханского сына враги могли только при попустительстве ханских родственников и вельмож. Это отчасти объясняет ту злобу, которую Тогрул стал испытывать к своим дядям, злопамятность, повлекшую их казнь. Свергнутый снова с престола в 1171 г., он обрел свои права лишь при помощи монгольского

вождя Есугэй-баатура, но тут же лишился единственного друга, который в том же году был отравлен татарами. Даже из этих кратких сообщений видно, что в кераитской ставке племенное единство было давно утрачено, а власть держалась на копьях дружинников, направляемых доброй или злой волей своих вождей. Цементировало же распадающийся на части народ только вероисповедание, ибо кераиты были окружены с севера язычниками монголами, а с юга буддистами тангутами. Когда же на западе возникло единоверное найманское ханство, ситуация еще более обострилась.

Враги Тогрула получили точку опоры. С позиций понимания морали и долга, самоочевидных в XII в., никто не мог упрекнуть кераитских вельмож за сочувствие христианскому хану, врагу ненавистных чжурчжэней. В среде кераитов возникла оппозиция Тогрулу, и Инанч использовал ситуацию в своих политических целях: заключил союз с сильными северными племенами: ойратами, жившими на склонах Западных Саян, и меркитами, обитавшими на южных берегах Байкала. По-видимому, ему удалось привлечь в коалицию даже татар, успевших поссориться с чжурчжэнями и завести дипломатические отношения с онгутами, или «белыми татарами», потомками храбрых шато, кочевавших у китайской стены, между Ордосом и Хинганом.

Тогрул оказался в изоляции и был вынужден искать поддержку у монголов, но этот народ переживал тяжелую эпоху распада и не представлял уже единого целого. Большая часть монголов, руководимая родом тайджитов, находилась в дружбе с найманами и не спешила на помощь незадачливому кераитскому хану. Но другая часть, сплотившаяся вокруг сына Есугэй-баатура, Тэмуджина, принявшего в 1182 г. титул Чингисхана, поддержала Тогрула. Причины столь неожиданного оборота событий настолько существенны, что нам придется провести специальный анализ социальных сдвигов, которые их породили. Пока же ограничимся констатацией того факта, что Тогрул и Тэмуджин пошли даже на то, чтобы заключить временный союз с Алтан-ханом, как они называли чжурчжэньского императора, переводя китайское наименование империи Кинь (совр. чтение Цзинь) на монгольский язык.

В 1183 г. союзники использовали бедственное положение татар, на которых напали регулярные войска чжурчжэней, чтобы отучить этих грабителей от постоянных набегов. Тэмуджин и Тогрул ударили по отступавшим татарам, убили их вождя, разделили пленных и вдобавок получили в виде благодарности за помощь китайские звания, принятые в чжурчжэньской империи Кинь ^[251]. С этого времени Тогрул стал ваном, а так как слово «ван» – царь – было кочевникам непонятно, то они прибавили к нему известное слово «хан». Так получился титул Ван-хан, что европейцами воспринималось как «царь Иван» ^{[252][94]}.

Как могли реагировать на это найманы? Только крайне отрицательно! Вместо христианского союза кочевников, направленного против насильников и захватчиков чжурчжэней, создался прочжурчжэньский монголо-кераитский блок, причем оба правителя, Ванхан и Чингисхан, действовали вопреки воле своих народов. Так, сразу после победы над татарами Чингисхан истребил сильный и многочисленный род Джурки за то, что они не участвовали в походе, опоздав к назначенному месту встречи.

Действительно, это была расхлябанность, но монголы не были приучены к строгой дисциплине и полагали, что смертная казнь целого племени за ее нарушение – наказание, несоразмерное преступлению. Однако целых 18 лет напуганные монгольские племена не трогали орду Чингисхана.

Некоторое время в ставке Ванхана было спокойно, но найманские интриги сделали свое дело. В 1194 г. младший брат его, Эрке-хара, бежал и передался найманам, объяснив свое поведение страхом за жизнь. Очевидно, это был вождь пронайманской партии, потому что Инанч-хан немедленно послал войско в кераитские кочевья. Никаких боев не возникло; никто не

поднял копьё против интервентов в защиту своего хана. Ван-хан, видимо зная настроение народа, собрал кучку верных людей, тоже не ждавших от найманов добра, и бежал вместе с ними в Тангут осенью 1196 г.^[253]

Тангутский царь отнесся к кераитскому хану сочувственно. Он снабдил его пищей и отправил через Уйгурию, т.е. единственной безопасной дорогой, к кара-киданям. Несмотря на всю мягкость гурхана Джулху, через год Тогрулу пришлось бежать, причем даже трудно вообразить, что он, будучи гостем, натворил. В 1197 г. Тогрул снова появился в Тангуте, но, поскольку его спутники, изголодавшиеся после перехода через пустыню, начали грабить население, тангуты спровадили гостя обратно и северные степи, куда он пришел, имея всего пять дойных коз и одного верблюда, из которого он точил кровь, чтобы не умереть с голоду.

Но тут судьба опять улыбнулась изгнаннику. Сын его старого друга и его друг – Чингисхан выехал ему навстречу, накормил его и осенью 1198 г. водворил на престол его отца и деда. Этим Чингисхан упрочил союз с кераитами, потому что благодарность была одним из качеств кочевников, моральным категорическим императивом.

Однако многие из сподвижников Тогрула относились к нему весьма отрицательно и выражали это не стесняясь. По доносу хан узнал о поносных речах и повелел арестовать участников разговоров. Их привели к нему, но хан ограничился тем, что укорил виновных в неверности и плюнул каждому из них в лицо. Потом их отпустили, но один из недовольных, младший брат хана, успел бежать к найманам и был там хорошо принят. Итак, в степи образовалось два центра: монголо-кераитский и наймано-меркито-монгольский, ибо часть монголов и татар держались найманской ориентации.

Дальнейшие события столь переплетены с историей монголов, что, прежде чем излагать их, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на тот народ, который выхватил первенство и у кераитов, и у найманов, да и у всех народов Евразии на целых 100 лет. Не будем вдаваться в глубины социологического анализа. Для нашей задачи достаточно самого краткого описания тех порядков, которые сложились у монголов в конце XII в.

Монголы XII в.

Основным элементом древнемонгольского общества был род (обох), находившийся на стадии разложения. Во главе многочисленных родов стояла аристократия, богатая и влиятельная. Представители ее носили почетные звания: баатур-багадур (богатырь), нойон (господин), сэчэн (мудрый) и тайши (царевич или член влиятельного рода). Главная забота багатуров и нойонов была в том, чтобы добывать пастбища и нужное число работников для ухода за скотом и юртами. Аристократия управляла низшими слоями: дружинниками (нокорами), родовичами низшего происхождения (харачу, или чернь) и рабами (богол). В эту последнюю категорию входили не столько настоящие рабы из числа военнопленных, сколько целые роды, покоренные некогда более сильными родами или примкнувшие к ним добровольно (унаган-богол)^[254].

Эти последние не лишались личной свободы и по существу мало отличались в правовом отношении от своих господ. Низкий уровень производительных сил и крайне слабое развитие торговли, даже меновой, не давали возможности использовать подневольный труд в кочевом скотоводстве. Рабы употреблялись в домашнем хозяйстве как прислуга, что не влияло существенно на развитие производственных отношений, благодаря чему основы родового строя сохранились. Совместное владение угодьями, жертвоприношения предкам, кровная месть и связанные с ней межплеменные войны – все это входило в компетенцию не отдельного лица, а рода в целом. Отсюда вытекали укоренившиеся у монголов представления о родовом коллективе

как основе социальной жизни, о родовой (коллективной) ответственности за судьбу любого члена рода и о взаимовыручке как единственной доминанте социального поведения. Член рода всегда чувствовал поддержку своего коллектива и всегда был готов выполнять обязанности, налагаемые на него коллективом.

Но монгольские роды охватывали все население Монголии только по идее. На самом деле постоянно находились отдельные люди, которых тяготила дисциплина родовой общины, где фактическая власть принадлежала старейшим, а прочие, несмотря на любые заслуги, должны были довольствоваться второстепенным положением. Те богатыри или витязи, которые не мирились с необходимостью быть всегда на последних ролях, отделялись от родовых общин, покидали свои курени и становились «людьми длинной воли» или «свободного состояния» (*ulu duri-yin gush*), в китайской передаче «белотелые» (бай-шень), т.е. «белая кость»^[255].

Судьба этих людей часто была трагичной: лишённые общественной поддержки, они были принуждены добывать себе пропитание трудоемкой лесной охотой, рыбной ловлей и даже разбоем, но в последнем случае гибель их была неизбежна потому, что в степи скрыться некуда. С течением времени они стали составлять отдельные отряды, чтобы сопротивляться своим организованным соплеменникам, и искать талантливых вождей для борьбы с родами и родовыми объединениями. Число их неуклонно росло, и наконец в их среде оказался сын погибшего племенного вождя и правнук общемонгольского хана, потерявший состояние и общественное положение, член знатного рода Борджигинов, Тэмуджин, впоследствии ставший Чингисханом^[95].

Невзгоды

Тэмуджин родился в урочище Делюн-Болдох, в восьми километрах севернее современной советско-монгольской границы. Дата его рождения в разных источниках разная. Рашид ад-дин пишет, что Чингисхан родился в «год свиньи», т.е. 1152–1153, но что в момент смерти – август 1227 г. – ему было 72 года, т.е. дата рождения приходится на 1155 г. По-видимому, более точной является датировка Юань-ши – «год лошади» – 1162 г., с чем совпадает и монгольская легендарная традиция, и расчеты времени женитьбы Тэмуджина, и возраст его сыновей: Джучи, Чагатай, Угедей и Толуя^[256].

Война с чжурчжэнями, к которым после 1147 г. примкнули татары, стала для монголов насущной задачей. В 1161 г. татары^[257] нанесли монголам поражение у озера Буир-нур, в результате чего древнемонгольское ханство распалось, но народ продолжал войну. Одно из наиболее активных монгольских племенных объединений – тайджиутов – возглавил внук Хабул-хана Есугэй-баатур. Ему удалось остановить татарское наступление на монголов и захватить в плен их богатыря Тэмуджина, именем которого Есугэй назвал своего новорожденного сына. Оказав помощь керайтскому князю Тогрулу в борьбе за престол, которую тот вел со своим дядей гурханом, опиравшимся на найманов, Есугэй приобрел влиятельного друга. Однако Есугэй поссорился с меркитами, отняв у одного из их вождей невесту, Оэлун-экэ, ставшую матерью Тэмуджина и Хасара.

Этот романтический эпизод вызвал согласно родовым обычаям вражду между меркитами и монголами, впоследствии переросшую в жестокую войну, так как племя, по понятиям того времени, обязано было вступить за обиженного соплеменника. Чтобы иметь поддержку в борьбе с татарами и меркитами, Есугэй обручил своего девятилетнего сына Тэмуджина с Бортэ, дочерью вождя сильного монгольского племени хонкиратов, но на обратном пути был отравлен татарами, пригласившими его разделить трапезу, и умер. Немедленно после его смерти

распалось племенное объединение, которое он возглавлял, и бывшие подчиненные из племени тайджиутов угнали весь скот, оставив семью своего вождя в нищете. Вдова и сироты с трудом поддерживали существование охотой и рыбной ловлей, причем последняя для монгола означает высшую степень бедности. Так жили все «люди длинной воли».

Когда Тэмуджин подрос, тайджиутский вождь Таргутай Кирилтух, сделав набег на кочевье борджигинов, захватил Тэмуджина в плен и посадил в колодку. Но Тэмуджину удалось убежать. После спасения из рук соплеменников Тэмуджин женился на нареченной невесте Бортэ, благодаря чему приобрел поддержку ее племени. Приданое жены, соболью шубу, он преподнес керайтскому хану, который сразу вспомнил былую дружбу с Есугэем и обещал Тэмуджину покровительство. Кроме того, Тэмуджин побратался с влиятельным вождем племени джаджиратов – Джамухой-сэчэном. Имея сильных друзей, он мог больше не опасаться тайджиутов.

У древних монголов бытовал трогательный обычай братания. Мальчики или юноши обменивались подарками, становились андами, названными братьями. Побратимство считалось выше кровного родства; анды – как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности. Этот обычай использовал Александр Невский. Побратавшись с сыном Батыею, Сартаком, он стал как бы родственником хана и, пользуясь этим, отвел многие беды от русской земли.

Когда Тэмуджину исполнилось 11 лет (автор «Тайной истории» для начала повествования пользуется живой хронологией^[258]), т.е. в 1172–1173 гг., он вместе с Джамухой играл на льду Онона, и тогда они впервые обменялись подарками, а весной того же года поклялись друг другу в верности как анды^[259].

Однако после этого они не встречались семь лет. За эти годы Тэмуджин успел убить своего сводного брата Бектера, попасть в плен и убежать, жениться, подружиться с керайтским Ванханом, приобрести собственного дружинника, и, как видно, не только одного, потому что какие-то монгольские роды признали наследника Хабулхана и Есугэй-баатура своим номинальным главой. В этих событиях имя Джамухи не фигурирует.

Наконец, в 1180 г. произошло событие, давшее начало цепной реакции, результатом которой было возникновение монгольской империи. Само по себе оно было заурядным: меркиты сделали набег на кочевье борджигинов и увезли с собой молодую жену Тэмуджина Бортэ. Тэмуджин отправился к Ванхану просить помощи, а тот посоветовал обратиться еще к Джамухе, и тот откликнулся на призыв анды. Кераиты и джаджираты напали на меркитов, убили многих мужей, забрали женщин в полон и освободили Борта. Эта «Троянская война» в монгольской степи создала Тэмуджину огромный престиж, и он им немедленно воспользовался.

И вот тут происходит нечто странное: полтора года Тэмуджин и Джамуха были неразлучны, но в какой-то момент Джамуха произнес внешне ничего не значившую фразу, которая насторожила Тэмуджина и особенно Бортэ, и дружба, скрепленная кровью, испарилась за несколько минут. Эту фразу принято называть «кочевой загадкой Джамухи» и искать в ней причины дальнейших событий^[260], но мы здесь поставим вопрос по-другому. Откуда мы знаем о фразе, сказанной одним другом другому без посторонних свидетелей? Из текста «Тайной истории». Так, а откуда мог знать об этой фразе автор источника? Только непосредственно от Тэмуджина или от жены, но тогда, значит, он был в ставке Тэмуджина лицом, к нему приближенным. Но если так, то почему он, вставив явно невнятный текст в строго продуманное повествование, не раскрыл его смысл? Если это намек, то на что? Все завуалировано до такой степени, что даже в момент произнесения слова оно оказалось непонятным Тэмуджину и его семье, воспринявших эту фразу в подлинной интонации и на фоне известной им обстановки.

А что, если здесь только литературный прием, часто применявшийся в древней литературе:

вкладывание мыслей автора в уста героя? Но тогда здесь в тексте кроется политическая зашифровка, которая нарочито подана как загадка. Подчеркнуто, что смысл не был ясен самим очевидцам, так где уж нам его раскрыть. Важно другое: друзья, не поссорившись, разъехались, и через сутки вокруг Тэмуджина собралось много людей, которые провозгласили его ханом. Джамуха отнесся к этому поразительно флегматично, но когда один из дружинников Тэмуджина застрелил его младшего брата, занимавшегося кражей коней, то Джамуха произвел набег на Чингисхана и, казнив пленных, вернулся домой. Все шло как будто обычным для Монголии порядком, потому что после этого 18 лет нет никаких сведений о столкновениях между андами. Однако за это время что-то происходило, потому что тогда вспыхнула гражданская война среди монголов, да такая, какой до тех пор не бывало. Поэтому, прежде чем идти дальше, попробуем прокомментировать события, описанные нами.

Исторический комментарий

Сущность этого периода, уместящегося между 1180 и 1183 гг., применительно к взаимоотношениям Джамухи с Тэмуджином состоит в переходе от разобщенности к сближению, от сближения к дружбе, от дружбы к вражде, а затем – к вооруженному столкновению – по крайней мере все так выглядит внешне. Отметим еще особенность этого периода: начало целеустремленной политической борьбы (а не межплеменной и случайной) в монгольской истории этой поры связано с конфликтом Джамухи и Тэмуджина. Именно с конфликтом, ибо все столкновения до него носили какой-то частный характер – даже поход на меркитов был совершен только с целью отбить Бортэ; когда же Бортэ отбили, Тэмуджин сказал, что достаточно преследовать меркитов – он «нашел, что искал» ^[261]; довели же дело до конца – завершили поход – тем, что разграбили меркитов совершенно, особенно, как свидетельствуют источники, при этом обогатился Тогрул, который сейчас же после окончания похода откололся и пошел на реку Толу, в свой Темный бор, бывший его постоянным местопребыванием.

Тэмуджин и Джамуха были побратимы с детства, но с тех давних лет они надолго отошли друг от друга, так что после похода на меркитов сочли нужным заново совершить обряд братания. Да и обращение Тэмуджина к Джамухе с просьбой о помощи – через посредство Тогрула – говорит о том, что он не поддерживал до этого времени со своим андой никаких отношений. Это взаимное охлаждение – вернее, незнание, забвение друг друга – чувствуется и в резком тоне упрека, с которым обратился Джамуха к опоздавшим к месту встречи на три дня Тэмуджину и Тогрулу, и в том, что Джамуха, идя навстречу просьбе своего друга детства, совсем не желал разбрасываться своими войсками – вместо того, чтобы выступить с двумя своими тьмами (как предлагал ему Тогрул), он, вспомнив, что «на пути» его, «вверх по Онону, есть люди, принадлежащие к улусу анды», соображает, что «из улуса анды составитя одна тьма. Да одна тьма отсюда, всего будет две тьмы» ^[262], – и выступает именно с этими двумя тьмами, из которых только одна его. Таков отправной пункт второго периода взаимоотношений Тэмуджина и Джамухи. Мы не знаем, что движет Джамухой в его поступках, не знаем его планов, его истинных взглядов на происходящее. О его отношении к Тэмуджину по походу на меркитов судить не приходится: они в сущности не знали еще друг друга. После похода происходит нечто, по всей вероятности, не характерное для таких объединенных походов: вместо того чтобы разойтись по своим улусам и зажить там прежней жизнью, как это сделал, например, в рамках обычного, надо думать, Тогрул, Джамуха и Тэмуджин заново совершают обряд братания, остаются вместе и проводят неразлучно «в полном мире и согласии... один год и половину другого» ^[263].

Что руководило поведением Тэмуджина и Джамухи? Может быть, дружба? Однако искренность Джамухи (и Тэмуджина тоже, разумеется) вызывает сомнение; очень уж эта дружба похожа на закрепление того союза, который сложился между ними в походе, союза военно-политического.

Мы не знаем, что побудило Тэмуджина и Джамуху заключить столь необычный для того времени союз. Может быть, это действительно была только вдруг вспыхнувшая дружеская привязанность. Но даже и в этом случае объективно, независимо от них двоих, она являлась фактом общественного значения. Об этом свидетельствует огромный политический резонанс, который вызвал среди монголов разрыв Тэмуджина и Джамухи, приведший в движение всю страну.

Разрыв побратимов неожидан. Попытка выяснения его причин из рассказа «Сокровенного сказания» не привела ни к чему конкретному. А между тем этот момент крайне важен для понимания двух ключевых проблем истории не только Срединной Азии, но и всего мира: 1) как и почему сложилась монгольская империя и 2) отчего проиграли с ней войну ее кочевые соседи: найманы и кераиты, меркиты и татары. Как мы увидим ниже, роль Джамухи тут была не меньшей, чем роль Тэмуджина. Однако историки XX в. не ставят вопросов: отчего? и почему? – хотя только ответы на эти вопросы делают историю наукой. В крайне подробном и добросовестном труде^[264] Р. Груссе ограничился пересказом источника, в котором ответа на наш вопрос нет. Приходится искать самому. Обратимся к фактам.

В том же, 1182 г. Джамуха, получив известие об избрании Тэмуджина Чингисханом, обратился к знатным монголам Алтану и Хучару, видя в них главных виновников разрыва: «Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела?»^[265] Это замечание Джамухи и вызов, который он бросил не Чингису, а именно этим двоим, можно истолковать по-разному. Можно предположить, что Джамуха пока еще не решался открыто бросить вызов самому Чингису, но можно в этом же видеть и просто обиду на людей, кознями своими приведших к разрыву между андами. Упоминание об Алтане и Хучаре перекликается с другим сообщением «Сокровенного сказания», где рассказывается о том, что к Тэмуджину присоединились «одним куренем – Хучар-беки, сын Некун-тайджи; одним куренем – Алтан-отчигин, сын Хутула-хана»^[266]. Этих людей характеризует прежде всего то, что они пришли «одним куренем», что как бы противопоставляется возможно большему количеству их. А если обратить внимание на то, что они – сыновья ханов, то становится ясным смысл характеристик, который сводится к подчеркиванию того, что они выделились из племени. Это обстоятельство имело бы небольшое значение, если бы от него не тянулась нить дальше, приводящая к ответу на вопрос: зачем было Алтану и Хучару «разлучать» Тэмуджина с Джамухой?

Наутро после той ночи, когда произошел инцидент между побратимами, как описывает автор «Сокровенного сказания», к Тэмуджину подошло множество людей. И, рассказывая об этом, автор характеризует их так же, как и Алтана с Хучаром. Это было бы поразительным совпадением, если бы в нем не таился более глубокий смысл. Вот что говорит автор: «... подошли следующие племена: из Чжалаиров – три брата Тохурауны... Из племени Барулас... Из племени Манхунд...» и т.д. То есть здесь тоже были не племена, а части их, причем приходящие из одного племени были связаны между собой семейными узами – отцы с сыновьями, братья. Процесс дробления племени даже не приходится ставить под вопрос – он налицо и буквально засвидетельствован источником, например: «Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огеленчерби. Из племени Урянхай выделился и пришел...»^[267] и т.д. Шли к Тэмуджину не племенами, а семьями или куренями – военными единицами, как простые богатыри, так и аристократия.

И тогда были выдвинуты две программы, взаимно исключавшие друг друга. Родовые

старейшины хотели создать конфедерацию племен с выборным ханом. На этот пост больше всех претендентов подходил Джамуха, опытный воин и изворотливый политик. При победе этой программы «людям длинной воли» не оставалось места в жизни. Поэтому последние сгруппировались вокруг Тэмуджина, который был по существу одним из них. Как только Тэмуджин, уже готовившийся к перевороту, откочевал от Джамухи, вокруг него образовалась дружина в 13 тыс. воинов. В 1182 г. они избрали Тэмуджина ханом под названием Чингис, принеся ему присягу, текст которой весьма характерен: «Когда Тэмуджин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жен, юрты, холопов и лучших лошадей. При облаве выделять тебе половину добычи. Если мы нарушим в дни войны твой устав, разбросай наши черные головы по земле; если в мирное время мы нарушим твой покой – отлучи нас от жен, детей и холопов, бросай нас в бесхозяйной земле» ^[268]. Здесь оговорен раздел добычи и степень наказаний за нарушения дисциплины: во время войны – казнь, в мирное время ссылка. Условия типичные для создавшейся военной организации ^[96].

Избрание Тэмуджина ханом было признано кераитами, но встретило сопротивление в среде самих монголов, большая часть которых не примкнула к Тэмуджину, а объединилась вокруг Джамухи. Назревший конфликт произошел из-за убийства брата Джамухи, вздумавшего отогнать табун у чингисовцев. Джамуха привел 30 тыс. всадников, добровольно примкнувших к нему, а Чингисхан имел только 13 тыс. человек из разных родов и племен ^[269]. В битве при Далан-балчжутах Джамуха опрокинул войско Чингиса и запер его в ущелье близ реки Онон ^[270]. Но, верный традициям межплеменных войн, он ограничился казнью пленных и отвел свои войска, благодаря чему Чингисхан уцелел, получил передышку в 18 лет и усилился настолько, что война стала необходимой.

И тут возникает вопрос: для кого? Оказывается, для всех! Для монголов, противников Чингисхана, ибо его орда пополнялась «людьми длинной воли», у которых были личные счета с родственниками, обиравшими их, так что эти богатые родственники имели все основания для беспокойства. Для окрестных племен: татар, отравивших отца Чингисхана, и меркитов, обесчестивших его жену. Для Ванхана кераитского, стремившегося победами поднять свой престиж. Для найманского хана, который несколько позже сформулировал оценку политической ситуации так: «На небе нет двух солнц: может ли народ иметь двух государей» ^[271]. Эта знаменательная фраза показывает, что еще в начале XIII в. не испарились традиции степного единства, заложенные хуннами, развитые тюрками и продолженные тем объединением монголоязычных татарских племен, которое условно именовалось цзубу. Теперь настало время для увенчания здания кочевой культуры, и было неясно только одно: сделают это найманы или монголы.

Опыт анализа

Джамуха появляется на страницах «Сокровенного сказания» вновь уже в связи с избранием Тэмуджина Чингисханом и сражением при Далан-балчжутах, в рассказе о котором есть следующая фраза: «Чжадаранцы, во главе с Джамухой, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска... с Чингисханом было тоже тринадцать куреней, и он также составил три тьмы войска и пошел навстречу Джамухе» ^[272]. Из этого мы заключаем, что у противников было по 3 тьмы войска, но у Джамухи было 13 племен, а у Чингиса – 13 куреней! Разница огромная: курень не синоним племени, в данном контексте – это войсковая единица (хотя при этом могло быть и так, что племя могло выставить один курень ^[273]). Прийти к окончательному выводу позволяет описание в «Сокровенном сказании» избрания Джамухи в

гурханы, отделенного от рассматриваемого момента (1182 г.) периодом в 18 лет (1200 г.). Избирают Джамуху именно «племена», т.е. племенная аристократия, которая направляет этот союз против Чингисхана («...они уговорились выступить в поход против Чингисхана и Ванхана»^[274]).

Все вышеприведенное подводит к следующим выводам: в рассматриваемый период монгольское племя переживало стадию распада; процесс характеризуется крайним обострением отношений между племенной аристократией и непокорными, стремящимися выйти из орбиты племени людьми; процесс зашел так далеко, что поставил перед выделившимися из племен отщепенцами – так называемыми «людьми длинной воли» – задачу объединения, в основу которого, естественно, должен был быть положен не племенной принцип; в условиях же обострения отношений «людей длинной воли» с племенной верхушкой этот принцип мог быть только военным. Все это нашло практическое выражение в объединении куреней вокруг Тэмуджина и «племен» – вокруг Джамухи.

Вернемся еще к одному из обстоятельств разрыва Тэмуджина и Джамухи: «люди длинной воли» – все эти «из племени» такого-то – подошли к Тэмуджину одновременно и сразу же после отъезда Тэмуджина от Джамухи. Уже одно то, что они пришли к Тэмуджину в одно и то же время – значит, вместе, наводит на мысль о том, что и до этого они были уже вместе и были недалеко от Тэмуджина, о чем свидетельствует мгновенность их реакции на известие о ссоре двух друзей. Это стояние их наизготове, их ожидание разрыва может быть объяснено лишь только связью с Тэмуджином. И вот здесь особенно становится понятной роль Алтана и Хучара во всей этой истории – роль посредников между Тэмуджином и «людьми длинной воли», к которым они и сами относились, так как тоже были «из племени...». Упрек, брошенный Джамухой, был вполне обоснован.

Венчает этот период битва при Далан-балчжутах, рассказ о которой есть как в «Сокровенном сказании», так и у Рашид ад-дина, но у второго рассказывается совершенно противоположное рассказу первого. «Сокровенное сказание» утверждает, что победил Джамуха, – запер «Чингиса в ущелье, казнил княжичей из рода Чонос и ушел». У Рашид ад-дина все наоборот: победил Чингисхан, и это он таким же способом казнил своих врагов. Кому верить? Тому, который не был заинтересован в искажении события, – автору «Тайной истории», потому что унижение Чингисхана перед его врагами не входило в его задачу. К тому же Джамуха не пользуется у него особыми симпатиями: его образ дан как в положительных, так и в отрицательных поступках. Напротив, Рашид ад-дин прямо был заинтересован в искажении действительности. Задача возвеличения Чингисхана не позволяла ему показывать своего героя в унижительном положении побежденного. Поэтому у Рашид ад-дина отсутствуют подробности сражения, но зато много общих фраз, вроде: «От сияния солнца счастья Чингисхана враги рассеялись, словно пылинки в воздушном пространстве»^[275].

В описании битвы при Далан-балчжутах мы впервые сталкиваемся с первым из цепи парадоксов в поведении Джамухи: находясь на грани победы над Чингисханом, он внезапно отказывается от нее и уходит с места сражения, сказав только: «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!»^[276]. Почему он поступил так?

Теперь, когда стало известно, воплощением каких антагонистических общественных сил оказались Джамуха с Тэмуджином, можно попытаться подойти к вопросу о степени совпадения личных интересов каждого из них с интересами возглавляемой им стороны. Сделать это можно, отбрасывая то, что мотивируется общественными интересами, интересами двух враждующих лагерей, на которые распалось общество; оставшееся характеризует личность.

«Сокровенное сказание» следующим образом описывает первое столкновение Джамухи с Чингисханом: узнав об убийстве своего младшего брата одним из чингисханцев, Джамуха

выступает с войском против своего побратима, с которым «разлучили» его Алтан и Хучар. Чингисхан, узнав о выступлении Джамухи, также собирает войско и движется ему навстречу – происходит сражение при Далан-балчжутах; причем Джамуха загоняет Чингисхана с войском в ущелье. Если Джамуха, забыв о своей былой дружбе с Тэмуджином, идет против него с войском и, значит, хочет разгромить его, то совершенно непонятно, почему же, когда ему нужно сделать один шаг, чтобы уничтожить своего врага, когда он накануне победы, – он этого шага не делает: он поворачивает назад. Создается впечатление, что не один и тот же, а два различных человека действуют здесь – один отдает приказ о начале военных действий, другой – об отходе с поля сражения. Невольно возникает мысль о том, что в этой битве и во всем, что с ней связано, действовали две воли, но настолько противоположные, что действие одной уничтожает содеянное другой. Но в свете двухпланового понимания цепи исследуемых событий – в плане личности и в плане общественном – становится ясно, какие две воли могли здесь действовать.

Объединение «людей длинной воли», избрание ими Тэмуджина ханом – и как реакция, очевидно, такое же объединение 13 племен вокруг Джамухи – это накалило обстановку до предела, так что убийство брата Джамухи явилось поводом к открытию военных действий. Неизвестно точно, какие цели преследовал Джамуха сам, выступая в поход, но что коалиция «племен» этого выступления хотела, не подлежит сомнению. В обстановке, когда враждующие стороны только-только организовались в масштабе страны, когда силы врага еще неизвестны, наиболее агрессивной и рвущейся в бой должна была быть та сторона, на традиционное господство которой покушалось уже одно существование другой. Итак, окружение Джамухи было сильно заинтересовано в походе, но интересовалось оно походом лишь как средством. Целью было уничтожение коалиции чингисовцев, чего, как мы видели; не произошло, а потому приказ об отступлении характеризует именно и только Джамуху.

Если мы будем рассматривать поведение Джамухи во всей этой истории с походом, исходя из того, что он, выступая вместе с племенной аристократией против Чингиса, был и интересами своими вместе с нею, т.е. преследовал цель полного разгрома Чингиса и его гибели, – мы неизбежно зайдем в тупик при попытке объяснить приказ Джамухи об отходе с Далан-балчжутах. Однако, с другой стороны, мы не можем сказать, что он не был заинтересован в походе. Так же как никто не помешал ему этот поход прервать, когда до победы оставался один шаг, так же никто бы не мог принудить его участвовать в этом походе, если бы он этого не хотел. Поэтому трудно сказать, что двигало Джамухой, но ясно, что его интересы не были интересами его окружения, они совпадали только по своей направленности – к Чингису, но не более. Кроме того, цели племенной аристократии должны были быть достигнуты победоносным завершением похода, в то время как цели Джамухи достигались самим процессом похода, так что Джамуха не считал нужным доводить его до конца.

В тесной связи с вышесказанным находится факт ухода от Джамухи к Чингису, после сражения урудов и мангутов, что было их реакцией на решение Джамухи отойти с Далан-балчжутах. Если бы уход их к Чингису был продиктован не чем иным, как только симпатией к последнему, то им следовало бы перейти к нему до сражения, что могло пойти только на пользу ему; помешать же им сделать это до сражения никто бы не смог, как и после) т.е. причина их ухода лежит в самой битве, а не вне ее. Так как они участвовали в этом походе, преследуя те же цели, что и вся племенная аристократия, естественно, что причина их ухода заключается не в самом факте битвы, а в том неожиданном, что в ней проявилось – в несовпадении, больше того – в противоречии интересов Джамухи и его союзников и попрании Джамухой интересов племенной аристократии.

Иными словами, мы наблюдаем тот редкий в истории случай, когда интересы главы общественной группировки не тождественны устремлениям последней и если соприкасаются, то

лишь временно. Тогда возникает иллюзия единодушия, которая разрушается, как только наступает момент, когда интересы дела требуют единодушия подлинного, и действия такой общественной группировки заранее обречены на неуспех. Это поняли уруды и мангуды, и это только одно могло послужить причиной их, казалось, необъяснимого ухода к Чингису. В самом деле, ведь переход от Джамухи к Чингису был не просто переходом от одного вождя к другому. Это был переход из одного враждующего лагеря в другой. В основе же вражды лежали социальные противоречия между племенной аристократией, в лагере которой находились уруды и мангуды, и «людьми длинной воли».

Как объяснить факт перехода «племен» на сторону чингисовцев? Только одним – смыслом развернувшейся политической борьбы. Но при этом следует иметь в виду следующее. В то время как лагерь «людей длинной воли» был однородным по своему составу и по своим устремлениям, аристократический лагерь делился на два слоя: племенную аристократию, конфликтовавшую с «людьми длинной воли», и рядовых членов племен, которые потенциально были теми же самыми «людьми длинной воли» и отличались от последних только своей покорностью знати. Такое положение создавало неустойчивость в лагере племенной аристократии и возможность перехода отдельных племен в лагерь Чингисхана в случае заинтересованности их вождей в этом переходе.

Какой же политический расчет кроется в поступке урудов и мангудов? Почему вожди этих племен, невзирая на то что «люди длинной воли» принадлежали к числу их социальных противников, все-таки связали свою дальнейшую судьбу с ними? Вероятно, только потому, что социальный признак уже перестал играть ту роль, которую он играл в момент размежевания людей на два враждующих лагеря. Выдвижение военной верхушки в лагере «людей длинной воли» трансформировало борьбу последних из борьбы за свободу и независимость в борьбу за господство. Поэтому победа «людей длинной воли» означала на деле установление господства военной верхушки во главе с Чингисом. Этой верхушке можно было служить, так что уруды и мангуды фактически перешли не на сторону «людей длинной воли», а на службу к Чингисхану и его ближним. Что же все-таки побудило их на такой переход? А то, что, будучи самыми воинственными (что впоследствии отметил сам Джамуха), они, естественно, стремились побеждать. Джамуха не оправдал их надежд, им стало ясно, что с ним победить нельзя, и они ушли от него к Чингису, благодаря чему тот из атамана превратился в государя.

Тэмуджин и Джамуха

Постоянные внутренние войны, набеги, взаимный угон скота и прочие «прелести» междоусобиц тяготили самих монголов. Но когда к этому добавилась угроза извне, потребность в объединении стала ощущаться всем народом. С юга наседали татары, подстрекаемые чжурчжэнями. С севера грозили меркиты, стремившиеся отплатить за недавний разгром. На западе активизировались найманы, которым удалось снова найти претендента на престол кераитского ханства, временно изгнать Ванхана и ослабить тем самым единственного союзника монголов. Монголы оказались в кольце. Но осуществить их объединение было невозможно без программы, приемлемой для подавляющего большинства народа. А ее не было.

На счастье Чингисхана, умный и дальновидный Инанч-хан последние пять лет своей жизни себя не проявил. То ли он был болен, то ли сказался возраст, а может быть, ему мешали дети, уступавшие ему в талантах и проницательности. Когда же в 1201 г. Инанч-хан умер и ханство его разделилось на два ханства, хотя и не враждовавших открыто, но относящихся друг к другу более чем прохладно, развернулась жестокая межплеменная война.

В 1201 г. 16 племенных вождей^{[\[277\]](#)} собрались на курилтай и выбрали гурханом Джамуху,

поставив своей целью войну против Чингисхана и Ванхана. Представителем найманов был младший брат Буюрук-хан. В битве при Койтене Чингисхан и Ванхан разгромили это скопище благодаря тому, что внезапно налетел ураган и разноплеменные войска Джамухи потеряли связь друг с другом. «А Джамуха, разграбив его же возводивший в ханы народ»^[278], отступил и покинул своих союзников. Развивая успех, Чингисхан разгромил тайджиутов на берегу реки Онон, а на следующий год (1202) нанес решительное поражение татарам. В это время Ванхан ходил походом на меркитов и загнал их на запад от Байкала, получив при этом изрядную добычу. Затем союзники объединились снова и атаковали найманского Буюрук-хана. Тот бежал, не приняв боя, но был настигнут в низовьях реки Урунгу и убит^[279].

Но тут вступили в войну основные силы найманов. Полководец Коксеу-Сабрах на урочище Байдарах-бельчир преградил дорогу отходившим после набега кераитам и монголам. Ночью Ванхан отделился от Чингиса, почему-то объединился с Джамухой и ушел, а Чингис, увидев, что он одинок, тоже отступил в другую сторону. Найманы пустились преследовать Ванхана и захватили много пленных. Тогда Чингис послал войско на выручку Ванхану и помог ему отбить полон. За это Ванхан усыновил Чингиса^[280].

Казалось бы, союз должен был укрепиться, но вместо этого кераитские вельможи и царевич Нилха-Сэнгум составили заговор против Чингиса. Они хотели заманить его к себе и убить. Почему-то в ставке Ванхана первым советником оказался Джамуха, который, вызвав конфликт, отказался от участия в войне^[281]. Кераиты подготовили набег на монголов, желая использовать фактор неожиданности, но перебежчики из числа простых пастухов^[282], надеясь на награду за своевременную информацию, предупредили Чингисхана, и монгольские женщины с детьми успели откочевать, а войско подготовиться к битве. В бою у Халагун-ола благодаря сумасшедшей храбрости вождя урудов Хуилдара, бросившего свой полк на центр кераитской армии и тем сорвавшего в атаку кераитов, монголам удалось избежать полного поражения. Под покровом ночи Чингисхан отвел остатки своего войска – всего 2600 всадников. Искусно маневрируя, монголы избегали повторной битвы, усыпили бдительность кераитов переговорами и нечаянным нападением у горы Джэджээр (между истоками Толы и Керулена) осенью 1203 г. разбили их в ночном бою. Ванхан бежал к найманам и при встрече с пограничным найманским караулом был убит, потому что начальник караула не знал его в лицо и не поверил, что перед ним столь важная персона^[283]. Остатки кераитов под предводительством его сына Сэнгума бежали и добрались до Хотана, где вождь племени калач схватил и убил Сэнгума^[284].

Так кончилось самое сильное и древнее христианское ханство Центральной Азии, пав жертвой язычников, но любопытно, что эта сторона дела в источниках совершенно не отражена^[97]. Рашид ад-дин только в предварительном описании отмечает: «До них дошел призыв Иисуса, – мир ему! – и они вступили в его веру»^[285], – не делая из этого никаких выводов. В «Тайной истории» приведена только кераитская молитва – «абай-бабай», т.е. «авва – отче...», и то между делом^[286]. Из этого вытекает только то, что сами монголы не придавали значения разнице в вере^[287].

И с этой точки зрения весьма важно, что того же мнения держались сами кераиты. О падении их царства сохранилась крайне искаженная версия в сибирских летописях. Деформирована она настолько, что ни одному исследователю не пришло в голову отнести эту запись к событиям XIII в. Вот текст^[288]: «Был царь магометова закона именем Он» (так – в Есиповской летописи), Иван (в Строгановской летописи) или же Он-Сом-хан (в Ремизовской летописи). Против него «восста его же державы от простых людей именем Чинги и шед на него яко разбойник... и уби Она и [вступи на] царство сам Чинги».

Тут многое перепутано. Вместо забытого несторианства поставлено магометанство;

Чингисхан назван простым разбойником, но для нас важно то, что сведение, прошедшее через десятки рук, сохранило свой смысл – социальный. Вождь «людей длинной воли» своим противникам и должен был представляться разбойничьим атаманом. Этого основного содержания источник не утерял. Но мы, чтобы найти жемчужное зерно истины в шелухе наслоений, должны хорошо выучить фактическую историю, ибо только этим способом у исследователя расширяется до нужных пределов система ассоциации.

Но если кераиты и монголы имели общие традиции, сложившиеся в то время, когда и те и другие входили в общекочевое объединение, условно названное цзубу, то найманы были совсем другим народом – и война между ними и монголами должна рассматриваться как внешняя, межплеменная^[98]. Наши источники единодушно утверждают, что инициатива войны принадлежала найманскому Таян-хану, который попытался вовлечь в союз онгутов, но те отказались наотрез и предупредили Чингисхана. С другой стороны, все уцелевшие от побед Чингисовых и следовавшей за ними резни: татары, меркиты, монголы – сторонники Джамухи и прочие собрались к найманскому хану, чтобы продолжать борьбу. В 1204 г. оба войска столкнулись у гор Хангая. Джамуха в решительный момент увел свой отряд, и найманы потерпели поражение. Таян-хан погиб, его мать попала в плен, а сын, Кучлук, бежал к меркитам, успевшим отступить по долине Иртыша за Алтай. Степь была снова объединена, как во времена тюркских и уйгурских ханов.

Последним непобежденным противником Чингисхана оставался его названный брат и первый соперник Джамуха-сэчэн. В 1205 г. он был связан собственными воинами, выдан Чингису и казнен.

Великий курилтай

В 1206 г. на берегу Онона собрались все войска; защищавшие «девятиножное белое знамя» в боях со своими соплеменниками. Это собрание – курилтай – было высшим органом власти, и только оно имело право доверить функции управления определенному лицу, именуемому в дальнейшем ханом. Его поднимали на войлоке над головами окружавшей его толпы, а та криками выражала свое согласие повиноваться ему. Разумеется, «ханом был вторично избран Тэмуджин, и курилтай подтвердил его титул – Чингисхан. Требовалось также определить имя народа, ядром которого были верные сторонники Чингисхана вместе с их семьями и домочадцами. Тогда они назывались „монголы“, и это название было официально закреплено за вновь сформированным народом-войском.

Здесь самым примечательным обстоятельством было то, что монгольское войско выросло с 13 тыс. добровольцев до 110 тыс. регулярной армии. Ясно, что пополнение шло за счет включения в войска побежденных кераитов и найманов. Но ведь люди не шахматные фигуры. Оказавшись в армии победителя, они ни разу не проявили нелояльности новому хану, а это значит, что для них были созданы приемлемые условия существования. Ведь на каждого монгольского ветерана приходилось десять новобранцев-военнопленных, привыкших бунтовать даже против своих племенных ханов. В этой армии сила была на стороне побежденных, но они быстро стали верноподданными. Думается, что здесь сыграла решающую роль степная традиция централизованной сильной власти, способной противостоять оседлым соседям: чжурчжэням, тангутам и мусульманам. Сменив кличку «цзубу» на гордое имя «монгол», они ничего не проиграли, а те, которые не хотели жить в объединенном государстве, ушли на запад и продолжали войну. Это были неукротимые меркиты и часть найманов. Прочие перенесли свои симпатии на Чингисхана.

Родовой принцип был нарушен немедленно и сознательно. Командиры получили награды

соответственно заслугам, а не по праву рождения. Воины были разверстаны по десяткам, сотням и тысячам и были обязаны служить с четырнадцати до семидесяти лет. Для наблюдения за порядком кроме стотысячной армии была создана десятитысячная гвардия, несшая службу по охране ханской юрты. В основу законодательства был положен воинский устав чингисовской армии. Наказаний было установлено два: смертная казнь и ссылка в Сибирь. Отличительной чертой этого установления было введение наказания за неоказание помощи в беде боевому товарищу. Этот закон назывался Яса, и хранителем Ясы (верховным прокурором) был назначен второй сын Чингисхана, Чагатай. Новорожденная империя возникла из-за войн и только для войн, поводов для коих оставалось еще немало.

В столь воинственном и разноплеменном людском скопище было необходимо поддерживать строгий порядок, для чего всегда требуется реальная сила. Чингисхан это предусмотрел и из числа наиболее проверенных воинов создал две стражи, дневную и ночную. Они несли круглосуточное дежурство в орде, находились неотлучно при хане и подчинялись только ему. Это был монгольский аппарат принуждения, поставленный выше армейского командного состава: рядовой гвардеец считался по рангу выше тысячника^[289]. Тысячниками же были назначены 95 нойонов, «которые потрудились... в созидании государства»^[290]. Так из «людей длинной воли» была создана военная элита, которую нельзя назвать ни аристократией, ни олигархией, ни демократией, ибо это была орда древнетюркского каганата^[291], но разросшаяся на всю Великую степь и поглотившая племена.

Орда – это народ-войско. Считать командиров войсковых соединений аристократами неправильно по одному тому, что должности они получают за выслугу, а за проступки могут быть разжалованы. Древность рода у всех монголов была одинакова – от Алан-гоа. Демократией эту систему тоже не назовешь, так как массы связаны железной воинской дисциплиной. И какая же это олигархия, если высшая власть принадлежит хану. Но если это монархия, то весьма сомнительная, потому что хан всего лишь пожизненный президент, выбираемый всем войском, с настроением которого он должен считаться. Нельзя назвать эту систему и тиранией, потому что судебная власть – Яса – была отделена от исполнительной, ханской. По принятому порядку хан имел право требовать соблюдения закона, но не нарушения его. Позднее, когда Узбек предложил в 1312 г. своим подданным принять ислам, они ответили: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и исповедания и каким образом мы покинем закон и ясак Чингисхана и перейдем в веру арабов»^[292].

Как мы видим, ханская власть была ограничена гораздо более, чем власть королей феодальной Европы. Дворянства не было, а крепостными были все.

Конечно, монгольские ветераны за свои заслуги подучили лучшие места и должности. Казалось бы, этого достаточно, чтобы видеть в них зачаток будущего феодального сословия. Не тут-то было! Как мы увидим ниже, им не удалось воспользоваться плодами своих побед и завещать детям положение и богатство. Каждая война, даже победоносная, уменьшала их число и увеличивала количество покоренных, привлекаемых в войско и тем самым становившихся полноправными членами орды. Процентное соотношение менялось не в пользу победителей.

Весьма сложной проблемой оказалась и экономика объединенной Монголии. Шестилетняя гражданская война не могла не отразиться на единственном виде народного достояния – поголовье скота. Во время походов его не столько пасут, сколько едят. Следовательно, для того чтобы кормить армию, которую нельзя было распустить, поскольку на всех границах имелись враги, надо было продолжать войну. Тогда войско, уходя за границу, находило себе пропитание само, а на месте дети и собаки могли охранять ягнят от волков. Однако такой выход означал, что народ должен находиться в постоянном напряжении, без малейшей надежды на отдых. А правительство, если оно хотело уцелеть, обязано было обеспечить лояльность подавляющего

большинства населения, носившего луки и сабли.

Ни одно правительство не может существовать без денежных средств, а, как мы видели, с народа-войска ничего нельзя было собрать; наоборот, ему надо было выплачивать хотя бы на пищу и вооружение. Эти средства монгольский хан получал с пошлин на караваны, что втягивало Монголию в сложную международную политику, а последняя требовала наличия сильной, единоличной власти.

Но каким путем Чингисхану удалось примирить со своей неограниченной властью новых подданных, привыкших к свободной жизни? И не входим ли мы в противоречие с собственными ранее сделанными заключениями о роли исповедания веры, подменяя конфессиональный примат политическим? В том-то и дело, что нет! Чингис женил своих сыновей на христианках: Угедея – на меркитке Туракине, Толуя – на кераитской царице Сорхактани-бэги. Несторианские церкви были воздвигнуты в ханской ставке, и внуки Чингиса воспитывались в уважении к христианской вере.

А монгольская «черная вера»^[293], служители и главы которой в тяжелые годы были опорой Чингисхана, была хотя и не упразднена, но весьма ограничена в своих возможностях. Глава монгольской церкви, прорицатель Кокочу, попытался было влиять на государственные дела и собирать людей, переманивая их даже от цариц. Что ж, его пригласили в ханскую ставку и там переломили хребет, после чего его сторонники «присмирели»^[294].

Ограничение «черной веры», конечно, не означало, что несторианство стало или даже получило шанс стать государственной религией. Но зато несториане получили доступ к государственным должностям и, следовательно, возможность направлять политику новорожденной империи. Потому-то и оказались в изоляции найманский царевич Кучлук и меркитский князь Токта-беки, ушедшие за Алтай, где их приняли и поддерживали кыпчаки. Но эти храбрые люди не бросили сабель.

Слава и гибель

В 1207 г. война возобновилась. Старший сын Чингиса, Джучи, за один поход, не встретив серьезного сопротивления, покорил «лесные народы» Южной Сибири, чем обеспечил монгольскому улусу тыл. В следующем, 1208 г. монгольский полководец Субэйтэ настиг и вынудил к битве найманов и меркитов в долине Иртыша у впадения в него Бухтармы. Вождь меркитов Токта пал в бою, его дети бежали к кыпчакам (в совр. Казахстан), а найманский царевич Кучлук со своими соплеменниками ушел в Семиречье и был там ласково принят гурханом Чжолху, нуждавшимся в воинах для войны с хорезмшахом Мухаммедом. Впоследствии Кучлук стал близким другом и фаворитом гурхана, не отличавшегося проницательностью и умением разбираться в людях. Гурхан даже выдал за него свою дочь.

1209 год принес гурхану огромное огорчение. Мы уже отмечали, что небольшое каракитайское государство финансировалось уйгурскими купцами, просившими хана расправиться с их мусульманскими конкурентами. Поскольку гурхан не справился с полученным заданием, уйгуры убили киданьского чиновника и предложили свою покорность Чингисхану. Это была сделка, выгодная обеим сторонам. Монгольскому хану предстояла война чжурчжэнями. Этого от него требовала вся степная общественность. А для любой войны нужны деньги. Уйгуры деньги дали.

Уйгурским купцам были нужны товары для торговли. Они могли скупить у монгольских воинов любое количество добычи, разумеется по дешевке, так как они были монополистами; кроме того, монголам были необходимы грамотные чиновники. Дошло до того, что вакансии

предоставлялись пленным найманам. Уйгурские грамотеи немедленно предложили свои услуги и получили должности не менее выгодные, чем даже торговые сделки. Больше не было причин для отсрочки войны с империей Кинь, и в 1211 г. она началась^[99].

Первый удар монголы нанесли по царству Тангут. Скорее всего это был военно-политический ход. В 1209 г. монголы разбили тангутские полевые войска, набрали огромное количество скота и верблюдов, но были вынуждены снять осаду со столицы, так как тангуты, прорвав плотины, затопили окрестности города водами Хуанхэ. Монголы отступили, заключив мир и договор о военной взаимопомощи, чем освободили свои войска для основной кампании.

Момент для начала неизбежной войны был выбран очень обдуманно. Империя Кинь вела уже войну на трех фронтах: с империей Сун, тангутами и народным движением «краснокафтанников», боровшихся против чужеземной власти. Несмотря на численный перевес противников, чжурчжэни везде одерживали победы. Весной 1211 г. монголы взяли пограничную крепость У-ша. Вскоре пали несколько крепостей, на которые чжурчжэни надеялись как на непреодолимый для кочевников оплот, и вся страна, до ворот Пекина, была опустошена. Киданьские войска восстали и передались монголам, мотивируя это тем, что они братья по крови. В 1215 г. пал Пекин^[100], и Чингисхан заключил перемирие, потому что его отозвали неотложные дела на западе.

Меркиты, отступившие в 1208 г. за горные проходы Алтая и Тарбагатая, получили помощь от кыпчаков, или восточных половцев. Благодаря ей они к 1216 г. собрались с силами и попытались ударить монголам в тыл. Только два тумена отборных монгольских войск, спешно переброшенных из Центральной Монголии, под командой старшего царевича Джучи остановили и оттеснили противника. Меркиты, покинутые Кучлуком, были вынуждены принять бой и проиграли его. Остатки разбитого меркитского войска бежали на запад, но были настигнуты монголами у реки Ирғиз^[101] и истреблены до последнего человека. Там же, у Ирғиза, монголы подверглись нападению хорезмшаха Мухаммеда, любившего воевать с неверными. Удивленные внезапным, ничем не вызванным нападением, монголы потеснили хорезмийцев и вернулись домой.

А в кара-киданьском царстве дела шли все хуже и хуже. Заигрывания гурхана с хорезмшахом Мухаммедом привели только к усилению Хорезма. К 1208 г. Мухаммед отказался от взноса дани, привлек на свою сторону владетеля Хотана и занял Бухару и Самарканд. Мусульманское население, измученное произволом кара-киданьских вельмож и сборщиков податей, приветствовало хорезмийцев как избавителей. Вот тут-то и потребовались войска, набранные Кучлуком среди бывших врагов Чингисхана, но Кучлук пустился на авантюру: вместо того чтобы выручать тестя, захватил в Узгенде казну гурхана и, узнав, что большая часть кара-киданьских войск сражается с мусульманами, попытался овладеть особой самого гурхана. Эта смелость успеха не имела: гурхан успел собрать войско и разбить Кучлука. В это же время другая кара-киданьская армия взяла Самарканд, но война на этом не прекратилась. Мусульмане снова пошли в наступление и были остановлены только у Баласагуна, да и то успех был сомнительным.

Но тут вмешались в политику народные массы и смешали все карты своих правителей. Мусульманское население Мавераннахра нашло, что иго единоверных хорезмийцев хуже ярма неверных. После некоторых перипетий в Самарканде были перебиты все хорезмийцы, причем их разрубленные члены развешивались на базарах^[295]. С другой стороны, взбунтовалось войско гурхана, которое, отбив у Кучлука казну, не вернуло ее правителю, а поделило ее между собой. Тогда Кучлук возобновил свою авантюру, встал во главе бунтовщиков и в 1211 г. арестовал гурхана, пытавшегося укрыться в Кашгаре. За гурханом был оставлен титул и все знаки достоинства, но Кучлук стоял рядом с троном, и дела решались по мановению его руки. Кара-

киданьские вельможи, видя неспособность гурхана, перенесли свои симпатии на Кучлука, видя в нем возможного спасителя гибнущей державы. Гурхан Чжулху умер в 1213 г., и Кучлук был единогласно признан кара-киданьским гурханом.

Описанные здесь события проливают свет на найманскую проблему. Как мы видели, найманы бежали спасаться от монголов к кара-киданям как к соплеменникам, и были там приняты, как свои. Кучлук захватил власть, опираясь на поддержку вождей кара-киданьского войска, что было бы невозможно, если бы он был чужаком. Очевидно, разница между кара-киданями и найманами лежала в плане политическом, а не этническом, что и подтверждает нашу первоначальную интерпретацию событий.

Гораздо сложнее религиозная проблема. По всем данным, Кучлук был сначала несторианином, но после захвата власти покинул свою жену, христианку, и влюбился в кара-киданьскую девицу, которая совратила его в «поклонение странным богам»^[296] (может быть, буддам?)^[297].

Благодаря тому, что монгольские войска увязли в Китае, Кучлук получил передышку и использовал ее для восстановления границ кара-китайской державы. Ему удалось оттеснить хорезмийцев на юге и подчинить отпавшие княжества Восточного Туркестана, за исключением Алмалыка, отдавшегося под покровительство монголов. Но, будучи неплохим полководцем, Кучлук оказался плохим политиком и позволил несторианам и буддистам начать религиозные гонения против мусульман, составлявших большинство населения кара-китайской державы. Это оттолкнуло от него массы, перенесшие симпатии на монгольского хана, в это время весьма благоволившего к мусульманам.

В 1218 г. Кучлук, захватив врасплох владельца Алмалыка^[102], осадил город, где обороной руководила жена владельца, монголка, внучка Чингисхана. Монголы немедленно пришли на помощь, и Кучлук вынужден был отступить. При первой вести о появлении монгольского войска мусульманское население стало избивать сторонников Кучлука, который, не имея возможности закрепиться, бежал на крайний юг страны, в Сарыкол, где был настигнут монголами и убит. Кара-китай (кидани) подчинились монголам без сопротивления и были включены в состав народа-войска как (отдельный десятитысячный корпус, уравниваемый в правах с собственно монгольскими частями).

После 1218 г. врагами монголов в степи оставались только кыпчаки, т.е. восточные половцы, оказавшие помощь меркитам. Война с ними затянулась до 1229 г., когда монголами был взят город Саксин^[103] на нижнем течении Волги или Яика. Половецкое население прикаспийских и приаральских степей частью бежало на запад, частью подчинилось монголам и умножило их войска.

Возрожденная иллюзия

Кучлук потерял жизнь, но обрел славу, о которой не мечтал и которой не заслужил. Его гонения на мусульман, столь же бессмысленные, как и драгонады^[104] Людовика XIV, имели на западной окраине Азии неожиданный резонанс. Во-первых, Кучлука решил приспособить к делу багдадский халиф, не ладивший с хорезмшахом. В 1217 г. несторианский патриарх, живший в Багдаде, по просьбе халифа отправил послов к «царю Давиду» с просьбой совершить диверсию против Хорезма^[298]. Но к этому времени Кучлук отступил от христианской веры, и все его интересы сосредоточились на Джунгарии, а не на Средней Азии. Тем не менее слух пополз дальше и достиг крестоносцев, осаждавших в 1218 г. Дамием в Северном Египте. Часть их, а именно венгры, предводительствуемые королем Андреем II, доехали до Акры, повеселились в

богатом торговом городе и вернулись домой; но другие: германцы, фризы, датчане, норвежцы, побуждаемые папским легатом Пелагием, который был в контакте с хитрыми итальянскими купцами, в мае 1218 г. направились в Египет. Сначала крестоносцы выиграли несколько сражений и даже взяли Дамиетту^[105], но, не имея перспектив для дальнейшего наступления, в 1221 г. покинули Египет.

Именно в это время слух о восточном союзнике нашел почву и оформился на этот раз так: «Во всем христианском мире ходили слухи, что индийский царь Давид, называемый священником Иоанном, приближается с большим войском, покорил Персию, Медию (в данном случае – Среднюю Азию) и много других сарацинских земель и известил халифа Багдадского Балдаха, верховного папу Сарацин, что хочет идти войной на него и на все язычество, если тот не перейдет в христианскую веру. А христианскому войску под Дамиеттой и в стране Иерусалимской он обещал прийти на помощь»^[299].

Еще более распространено и патетично повествует о «царе Давиде», который «зывается народом священником Иоанном» и «подобно Давиду, святому царю Израиля... коронован волей Провидения», Жак де Витри, епископ Акки, в письме к папе Гонорию III. Дата письма – 18 апреля 1221 г. В это время косточки Кучлука уже успели истлеть, а надежда на его помощь продолжала туманить умы европейцев. Де Витри среди прочих нелепостей утверждает, что войско царя Давида «уже стоит на расстоянии не более 15 дней пути от Антиохии и спешит прийти в Землю Обетованную, чтобы узреть гроб господень, и восстановить Святое государство», т.е. Иерусалимское королевство, завоеванное в 1187 г. Салах ад-дином. Сведения, легшие в основу письма, были получены епископом Акки от воинов, попавших в плен к мусульманам и отправленных на восток, в Багдад, где их передал халиф «царю Давиду», а тот, узнав, что они христиане, освободил их и отправил в Антиохию^[300].

Эта последняя деталь еще поддается объяснению, хотя достоверность, вернее, вероятность его очень мала. Не исключено, что христианские пленники оказались в районе действия монголов, громивших в эти годы Хорезмийский султанат. Возможно, что они попали к монголам либо просто убежали к ним и нашли там единоверцев из кераитов или найманов, служивших в монгольской армии. Нет ничего невероятного в том, что монгольские воины оказали помощь врагам своих врагов и дали возможность пробраться к своим. Но это только детали ненаписанного исторического романа, а все, что имеет отношение к исторической науке, искажено до полной неузнаваемости. Во всяком случае – приведенный текст хронологически последний из числа легенд и обманутых надежд. В XIII в. европейцам открылась суровая действительность, которая их отрезвила.

Преимущества и недостатки «вида с кургана»

Как мы уже видели, каждая степень приближения дает возможность обозреть предмет по-новому, но прямо пропорционально приобретениям растут и утраты. Так, обозревая предмет с «высоты птичьего полета» или приближения 2, 5, мы смогли обнаружить географическое место несуществовавшего христианского царства в Азии и даже эпоху, в которую произошли события, давшие повод к созданию средневековой легенды. Но при этом подходе мы не в состоянии установить детали событий, а тем более их причины: экономические, социальные, политические и идеологические. Последние, наименее весомые в реальном ходе истории, имеют значение индикатора для выявления глубоких закономерностей. Но даже поверхностное описание было недостаточно полным, потому что не сохранилось полемической литературы несторианства против конфуцианства, буддизма, даосизма, бона, шаманизма и даже суфизма; а она, конечно, была, только до нас не дошла.

Поэтому, выбрав самое важное звено в цепи событий, мы рассмотрели его более детально и благодаря этому уяснили некоторые закономерности «силы вещей» или, говоря более академично – логики событий. Но глобальная перспектива пропала. В дымке у горизонта предметы вырисовываются неотчетливо; так и должно быть. Если дать историю Европы, Византии, Халифата и Китая в том же приближении, то наши кара-кидани, найманы и даже монголы потонут в море фактов весьма интересных, но далеких от нашего сюжета, как бывает далек силуэт верблюда на фоне неба, там, где оно смыкается с землей; разумеется, только для нашего глаза. Но и обойтись без перспективы нельзя, ибо связи между событиями ощутимы на всем пространстве Евразийского континента и Северной Африки. Вот мы и попытаемся найти выход, изображая отдаленные, но значительные явления, как абрисы или, говоря метафорически, силуэты.

За 108 лет, протекших от распада кочевого объединения, известного под условным названием «цзубу», до великого курилтая на реке Онон, где была провозглашена новая кочевая империя, Европа и Передняя Азия изменились до неузнаваемости. Первый крестовый поход повел к созданию феодального Иерусалимского королевства, второй – вызвал, как духа из бездны, гениального курда Юсуфа сына Эюба, Салах ад-дина, отвоевавшего Иерусалим и объединившего Египет и Сирию, чем был создан барьер, который не смогли перешагнуть даже короли и рыцари третьего крестового похода.

Вражда франков с греками росла не по дням, а по часам. Опустошение сицилийскими норманнами Эпира и Фессалоники, грабежи крестоносцев в дружественной Фракии, бесчинства итальянских купцов в самом Константинополе вызвали справедливое негодование греков. Отказ греков в помощи крестоносцам провиантом, обязательство, налагаемое византийским императором на вождей крестоносных ополчений, приносить ленные присяги, привлечение печенегов и турок против европейских войск Готфрида Бульонского и Фридриха Барбароссы вызвали возмущение всего католического мира. Вину за неудачи крестоносцы возлагали на греков, и Жоффруа Виллардуэн писал, что «Заморская земля (Палестина) была зажата между Персидой и Византией». Оба культурных региона были ему одинаково враждебны, несмотря на то, что один из них был христианским. Этнокультурный разрыв оказался сильнее догматического сходства. И наконец, потекла кровь – в 1182 г. греческое население прибрежных городов устроило погром факторий итальянских купцов и беспощадную резню, ответом на которую, не обдуманной, а эмоциональной, основанной не на политическом расчете, а на

«силе вещей», стал четвертый крестовый поход. Только благодаря накопившейся ненависти удалось осуществить дожу Дандоло его адский замысел.

Между XII и XIII вв. плавного перехода не было. Жестокий спазм на Западе и Востоке проложил резкую грань между двумя эпохами, за какие-нибудь три года изменив всю расстановку сил на Евразийском континенте. Эта грань прошла по 1204 г. ^[106]

В XII в. Константинополь был Парижем средневековья. Он «знаменит своими богатствами, но в действительности, – пишет Эвд де Дейль, – его сокровища превышают славу о них». А Роберт де Клари утверждал, что «две трети мирового достояния находятся в Константинополе, а одна треть рассеяна по всему свету» ^[301]. И вот 12 апреля 1204 г. Константинополь был взят приступом, и Византийская империя прекратила свое существование.

Рыцари-крестоносцы оправдали себя тем, что они совершили богоугодное дело – ведь греки были схизматики, еретики, пожалуй, хуже мусульман и язычников ^[302]. Культурно-исторический принцип возобладал над догматическим, и католичество, не сумев победить ислам, объявило войну православию. Папа Иннокентий III, который сначала был против войны с христианами и грозил крестоносцам отлучением, в 1207 г. встал (или вынужден был встать) во главе нового натиска на восток ^[303]. В этот год католическим дипломатам удалось заключить соглашение с болгарским царем, что спасло Латинскую империю, а от Польши, Ордена, Швеции и Норвегии папа потребовал, чтобы они перестали ввозить на Русь железо. Политическая близорукость русских князей обеспечила успех католическому проникновению. В 1212 г. ливонский епископ Альберт заключил союз с полоцким князем против эстов, а затем женил своего брата на дочери псковского князя, после чего в 1228 г. в Пскове появилась пронемецкая боярская группировка ^[304]. В 1231 г. папа Григорий IX предложил Юрию II, князю Владимирскому и всея Руси, принять католичество ^[305]. В ответ Юрий выслал из Руси доминиканских монахов, после чего началось наступление на Новгород и Псков силами шведов, немцев и литовцев. Последние в то время искали союз с папством для обуздания ливонских рыцарей.

В 1239 г., когда обострились отношения латинян с Болгарией, Наржо-де-Туси заключил союз, скрепленный браком, с одним из половецких ханов, чтобы зажать Болгарию и Русь в клещи. К. Маркс считал, что это было «последнее слово глупости рыцарей-крестоносцев» ^[306], и был прав, хотя в XIII в. просвещенные европейцы считали, что завоевание Руси не будет труднее покорения Пруссии ^[307]. По существу война, начавшаяся в 1204 г., была одной из первых войн за приобретение колоний, а религиозная окраска ее соответствовала духу времени.

В то же самое время в монгольских степях Чингисхан победил и завоевал два наиболее сильных и культурных ханства: кераитское – в 1203 г. и найманское – в 1204 г. Но Чингисхан обошелся с побежденными кераитами и найманами куда гуманнее, чем Балдуин Фландрский с греками. Кераиты и найманы умножили силы монгольской армии, царица Соркактали ^[308] вышла замуж за любимого ханского сына Толуя и сохранила при себе несторианскую церковь с клиром и имуществом ^[309]. Дети ее – Мункэ, Хубилай, Хулагу и Ариг-буга – были воспитаны в духе уважения к христианской религии, хотя, по монгольской Ясе, не могли быть крещены ^[310]. Для православия в торжестве несторианства не было ничего хорошего, так как кочевые священники в XIII в. еще помнили, что основатель их веры принял от греков мученический венец ^[311].

Но, пожалуй, еще большими бедами победа несторианства грозила мусульманам. Ведь именно христиане-уйгуры натравливали кара-киданей и найманов на мусульманское население Средней Азии и, как только убедились, что гурханы ограничиваются взиманием дани, отказали им в поддержке. Никакой симпатии не вызывали у несториан и китайские конфуцианцы, 200 лет тому назад изгнавшие христианскую веру из Китая. И теперь, когда они составляли

большинство в армии и чиновничьем аппарате, когда царевицы и многие монгольские нойоны были связаны с ними узами брака или дружбы и когда их купцы получили роскошные привилегии и доходы лишь за то, что не вынудили монголов себя истреблять, теперь несториане сочли удобным время, чтобы при помощи языческого хана осуществить ту самую мечту о восточном христианском царстве, которого до сих пор не удавалось создать. Поэтому они стали горячими сторонниками Чингисхана, искренними защитниками его власти.

Со своей стороны Чингисхан умел ценить верность и усердие. Трудно сказать, знал ли он о надеждах, возлагавшихся на него? Скорее всего знал, но не утруждал себя размышлениями по этому поводу. У него и без того хватало забот. Чжурчжэни в Китае были мужественны и упорны, как сами монголы, и война на востоке продолжалась, хотя и без должной энергии, все время его царствования. А западный сосед, хорезмшах Мухаммед, имел регулярную армию вдвое большую, нежели все войско Чингисхана. Отношение хорезмийцев к монголам было открыто враждебным, и инициатива развязывания войны принадлежала им. Монголы проявляли завидную выдержку. Они не реагировали на ничем не вызванное нападение на их войска на Иргизе в 1216 г. После разграбления и истребления каравана в Отраре в 1218 г. Чингисхан попытался ликвидировать конфликт дипломатическим путем, но, когда хорезмшах приказал убить монгольского посла, война стала неизбежной. Впервые после Первого тюркского каганата перед Ближним Востоком встала объединенная Великая степь.

Следствия и причины

Трагедией 1218 г., точнее гибелью Кучлука, заканчивается хронологический отрезок, в котором уместается поставленная нами проблема. Но подобно тому как изложению событий, непосредственно нас занимающих, мы посвятили вводную главу о предпосылках исходного момента, так ради внесения ясности нам надлежит проследить контуры новой эпохи – величия и распада монгольского улуса, потому что главные источники по нашей теме написаны в XIII в. А достоверность сведений источников зависит не только от материала, использованного авторами, но и от той обстановки, в которой они работали, и от читателей, к которым они обращались.

И второе, еще более важное обстоятельство заставляет нас уделить место последствиям описанных событий. Зная причины, нетрудно рассчитать их следствия, а зная следствия, обратным ходом мысли можно восстановить причины, их породившие. Поэтому чем больше мы расширим нашу цель в пространстве и времени, тем легче мы в нее попадем. За 100 лет, прошедших от появления легенды о царе-пресвитере Иоанне до полного разочарования в надеждах на восточное христианство, в Европе произошли такие перемены, которые имеют к нашей теме прямое отношение. Попробуем охватить их одним взглядом, разумеется, опуская детали и мелочи, которые теперь могут нам только помешать. Для них найдется особое место и своя методика анализа и синтеза, но в другом масштабе.

Равным образом мы оставим без внимания проблему исчезновения несторианства в Азии, так как она столь сложна, что заслуживает специального исследования не меньшего объема, чем предпринятое нами. Всего в одной книге не напишешь, но иметь в поле зрения следует многое. В этом практическое значение «панорамного метода», предлагаемого и применяемого нами в этой работе. Поэтому начнем с исторической панорамы.

В 1211 г. монголы взяли пограничную чжурчжэньскую крепость У-ша, и тем самым выявилось, что они ведут войну с чжурчжэнями. Первый тур войны закончился в 1215 г. взятием Пекина и заключением перемирия, прерванного в следующем году, так как предложения монгольского хана оказались для чжурчжэней неприемлемыми. Чингисхан потребовал уступки

всех земель севернее Хуанхэ и отказа чжурчжэньского государя от императорского титула – иными словами, от самостоятельности.

Война между чжурчжэнями и монголами была крайне кровопролитна. Так, при падении Пекина «чиновников и жителей погибло великое множество»^[312]. Многие женщины, чтобы не достаться врагу, бросились с городских стен и разбились насмерть. Душераздирающие картины, впечатляя воображение китайских историков, давали им повод объявить монголов чудовищными истребителями людей, а Чингисхана – извергом. Однако надо смотреть на предмет с двух сторон. Война с чжурчжэнями была монголами не начата, а продолжена. Первый период ее, начавшийся убийством чжурчжэньского соглядатая. 1135–1147 гг., закончился победой монголов, отстоявших свои кочевья от чжурчжэньской агрессии. Второй период, о котором постоянно забывают, начался в год рождения Чингисхана, 1161/1162, и продолжался до 1189 г. Его блестяще охарактеризовал ученый и умный китаец Мэн Хун^[313]: «Цзиньский глава... с испугом воскликнул: „Татары непременно будут причиной беспокойства для нашего царства!“ Поэтому он отдал приказание немедленно выступить в поход против их отдаленной и пустынной страны. Через каждые три года отправлялись войска на север для истребления и грабежа: это называлось „уменьшением рабов и истреблением людей“. Поньше еще в Китае помнят, что за двадцать лет перед этим, в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем доме не было куплено в рабство татарских девочек и мальчиков? Это были все захваченные в плен войсками. Те, которые в настоящее время (XIII в. – Л. Г.) у татар вельможами, тогда, по большей части, были уведены в плен... Татары убежали в Шамо (пустыню. – Л. Г.) и мщение проникло в их мозг и кровь»^[314]. Лучше не скажешь! То, что описано китайским ученым, напоминает охоту за скальпами индейцев, организованную пуританами Новой Англии и баптистами Массачусетса, работоторговлю французских и английских купцов-авантюристов, расправу с патагонцами, предпринятую правительством Аргентины, т.е. страницы истории, заклеянные презрением как самые позорные для человечества. После стольких преступлений, совершенных именно чжурчжэнями, ожесточение монголов объяснимо как психологическая реакция на экзогенный раздражитель или как условный рефлекс: от чжурчжэней – боль, значит, надо уничтожить источник боли. При такой ситуации, сложившейся исторически, личные качества Чингисхана не имели значения. Он повел свой народ на исконных, безжалостных врагов потому, что этого хотел весь народ, дети убитых и братья проданных в рабство. Да если бы он этого не сделал, так не быть бы ему ханом!

При этом надо отметить, что монголы вели войну корректно. Когда онгуто и кидани, также обиженные чжурчжэнями, предложили Чингису мир и помощь – он ее принял, и эти народы ничем не пострадали. Больше того, северные чжурчжэни (в Маньчжурии) капитулировали и были не только пощажены, но включены в монгольскую армию как отдельный корпус (тумен). Война, конечно, дело страшное, но в любом обществе она неизбежна как единственный способ разрешения противоречий. Можно осуждать морально того, кто начал войну, но тогда виноваты чжурчжэни. А винить победителя, перенесшего поле сражения на территорию противника, бессмысленно и аморально. Тут, очевидно, доминирует не историческое прозрение, а пристрастие.

Объединение степи военным путем имело и положительные и отрицательные последствия. Выиграли купцы, водившие караваны между Дальним и Ближним Востоком, и монгольские нойоны, покупавшие роскошные ткани для своих жен. Проиграло бедное население степей, так как за время войн снизилось поголовье скота и степь обеднела. Но поскольку сформированное 110-тысячное войско надо было кормить, то приходилось без остановки вести войну в Китае, где солдаты находили себе пропитание и добычу сами. Чжурчжэни после первых поражений оправились и оказали монголам бешеное сопротивление, так что война затянулась до 1234 г. и

удачное завершение ее в некоторой степени обязано тому, что Южная Сун (собственно китайская империя) ударила по тылам чжурчжэней и сковала те силы, которые были нужны для отражения монголов. Чжурчжэни, продолжавшие сопротивление в крепостях южнее Хуанхэ, по большей части погибли.

Конфликт монголов с хорезмшахом Мухаммедом повел к войне 1219 г., закончившейся полным разгромом хорезмских войск. Монгольские войска проникли в Индию, на Кавказ и в южнорусские степи, но оккупировать удалось лишь Среднюю Азию до Амударьи, и силы хорезмийцев были в некоторой части восстановлены сыном Мухаммеда Джалял ад-дином, пытавшимся объединить владения мусульманских султанов и эмиров Переднего Востока для борьбы против монгольского вторжения. Однако ему пришлось потратить время и силы на войну с Грузией, вследствие чего он потерял темп наступления, что позволило монголам закрепиться в Средней Азии. К 1227 г. положение фронтов здесь стало угрожающе напряженным.

Удачные войны в Китае, Средней Азии, Иране и Половецкой степи, позволявшие монгольскому правительству кормить армию, не спасали страну от экономического кризиса, потому что при огромных расстояниях и плохих средствах сообщения доставить добычу домой было очень трудно. Большая часть ее пропадала по дороге и не попадала в Монголию, где росла нужда в материях и скоте. Поэтому Чингисхан ухватился за повод к войне с близлежащим Тангутом, который предоставил ему сам тангутский царь. Последний отказал Чингисхану в военной помощи против Хорезма, которую он должен был оказать по договору 1211 г. Очевидно, тангутский царь надеялся, что Чингисхан потерпит поражение в войне с Хорезмом и тангутское царство вернет себе независимость без пролития крови. Чингисхан, закончив в начале 1225 г. среднеазиатский поход, с освободившимися войсками напал на тангутов и осадил город Эцзин-ай (ныне развалины Хара-хото). Во время осады, в августе 1227 г., Чингисхан умер, но нойоны скрыли смерть хана, принудили город к сдаче и жестоко расправились с его населением. Огромная добыча скотом и особенно верблюдами спасла Монголию от жестокого экономического кризиса, вызванного военными расходами. Эта последняя победа обеспечила господство Монгольской империи в Центральной Азии, где у монголов не осталось соперников. Одно время считалось, что монголы истребили тангутов полностью и превратили страну в пустыню, но исследования текстов, привезенных из Хара-хото П. К. Козловым, показали, что город Эцзин-ай под монгольским названием Урахай существовал до 1372 г., когда он был взят китайцами и уничтожен^[315].

Победа над тангутским царством повлекла за собою добровольное подчинение Тибета. После первого набега на Северный Тибет, когда монголы захватили несколько монастырей и перебили монахов, тибетцы предложили монголам получить с них дань учеными ламами и согласились разрешить своим юношам вступать в ряды монгольского войска – видимо, чтобы избавиться от избыточного населения^[316]. Соглашение устроило обе стороны, так как монголы нуждались в грамотных чиновниках и солдатах, а бесплодные нагорья и хребты их не манили. В Тибете же не было центральной власти, и анархия томила разобщенную страну. Степь была вмещающим ландшафтом для монголов, и расселяться за ее пределами они не хотели и не могли.

Необходимо отметить, что кочевник гораздо больше связан со своим первоначальным ареалом, чем земледелец. Последний приспособливает природу к своим потребностям и привычкам, изменяет на возделанных участках флору и, имея избыточный продукт, воспитывает домашних животных, т.е. воздействует на фауну. У земледельца всегда есть запас продовольствия, позволяющий ему совершать далекие переселения и создавать на новых подходящих местах привычные условия. А кочевник связан со своими животными,

приспособленными к тем или иным, но строго специализированным условиям. Поэтому хотя ареал кочевника широк, но он может быть сменен только на аналогичный, например ковыльные степи на полынные, но не на лес, горы или пустыню. Это настолько снижает способности кочевых народов к миграции, что монголы, завоевав кыпчакские степи до Урала и Среднюю Азию до Амударьи и Аральского моря, не перенесли туда своих кочевий, ограничившись освоением части Джунгарии. Но даже и там, в предгорьях Тарбагатай, коренные монголы смешались с местным, тюркским населением, хозяйство которого было приспособлено к условиям сезонного выпаса скота и вертикальных перекочевок – из степей в горы и назад. В результате вторичной адаптации и метизации возник новый народ, который с течением времени полностью обособился от коренных монголов и получил древнее название – ойраты или новое – калмыки^[317].

Казалось бы, что, исходя из описанного принципа, дальнейшие завоевания монголам были совсем не нужны. И действительно, в последующие войны Монголия была втянута не собственной волей, а логикой событий мировой истории и политики, в которой она уже не могла не принимать участия.

Сила инерции

У Чингисхана было четыре сына-наследника (от первой законной жены). Старший, Джучи, не ладил с отцом, пытался оказывать милость побежденным и в начале 1227 г. был убит подосланными убийцами. Дети его. Орда и Бату, получили скромные уделы на бесплодной северо-западной окраине империи. Орда – Южную Сибирь, а Бату – урало-каспийскую степь с Хорезмом в придачу. Второй сын, Чагатай, был «хранителем Ясы» и в удел получил Среднюю Азию. Он был настолько крут и строг, что Чингисхан перед смертью рекомендовал избрать на престол не его, а третьего сына, Угедея, получившего в удел Западную Монголию и Джунгарию. Угедей был добр, бездарен и склонен к запою, поэтому не казался опасным для монгольской военной знати, опасавшейся ханского произвола. Четвертый сын, Толуй, получивший по монгольскому обычаю в удел земли своего отца, был одним из самых способных полководцев и энергичных правителей. Военную выучку он получил в Китае, сражаясь против лучших чжурчжэньских полководцев под руководством Субэтэя-багадура, который за пятьдесят лет военной службы не потерпел ни одного поражения и ни разу не нарушил монгольской Ясы. Близость к Субэтэю обеспечила Толую популярность в войсках. Согласно монгольскому праву ханов избирал курилтай (общее собрание воинов); до его созыва, на что требовалось время, было учреждено регентство и во главе правительства был поставлен Толуй.

Курилтай, на котором в ханы был избран Угедей, состоялся в 1229 г., и за то время, что монгольские войска были оттянуты с фронтов, чжурчжэни и мусульмане успели оправиться и потеснить монгольские заслоны. Но с 1230 г. монголы опять перешли в наступление, dokonчили покорение чжурчжэней в Китае и, разбив в 1230 г. Джалаля ад-дина, ворвались в Переднюю Азию, где подчинили себе всех мусульманских владетелей, исключая багдадского халифа.

В 1235 г., после победы над чжурчжэнями, в построенной Чингисханом монгольской столице, Каракоруме, был собран курилтай, постановивший довести до конца войну с половцами, болгарами и поддержавшими их русскими. В «западный поход» были направлены войска от всех четырех улусов монгольской империи. Высшее командование принадлежало Бату-хану, а для фактического руководства операцией ему был придан лучший из монгольских полководцев, Субэтэй. Отдельными корпусами командовали: сын Угедея – Гуюк, сын Чагатай – Бури и сын Толуя – Мункэ. К основным регулярным войскам были присоединены отряды среднеазиатских тюрок, бродивших без дела после разгрома Хорезма. Эти последние были

малобоеспособны, но помощь основным войскам оказали.

В 1236 г. монгольские войска переправились через Волгу и взяли город Великий Булгар (около Казани). Затем Мункэ напал на половцев в низовьях Волги и разбил их вождя Бачмана, прятавшегося от монголов в Волго-Ахтубинской пойме. Вслед за тем Мункэ победил аланов на Кубани и вышел на Дон, гоня перед собой остатки половецких войск. Одновременно Бату с главными силами вторгся в Рязанское княжество и взял Рязань. Затем монголы напали на Владимирское княжество и сожгли Суздаль. Князь Юрий II приказал воеводам оборонять столицу, а сам ушел на север собирать ополчение. 7 февраля 1238 г. монголы взяли Владимир, а 4 марта разбили у реки Сити ополчение, собранное Юрием II, который сам пал в бою. После боя, взяв Торжок, монголы двинулись к Новгороду, но весенняя распутица заставила их отступить на лето в степи. По дороге их на семь недель задержал город Козельск, в котором монголы не оставили ни одного живого человека.

В 1239–1240 гг. монголы вступили в Южную Русь и взяли Чернигов и Киев. Последний пострадал особенно сильно, потому что киевляне убили монгольских парламентаров. Оттуда монголы через Волынь и Галицию проникли в Польшу и при Лигнице в 1241 г. наголову разбили польско-немецкое рыцарское ополчение.

Тем временем другое монгольское войско проникло в Венгрию через проходы в Карпатах и разгромило венгерскую армию при реке Шаяве. Вслед за тем монголы взяли Пешт и, преследуя венгерского короля, дошли до Адриатического моря. Однако в Моравии чехи нанесли монголам поражение под Ольмюцем и заставили одну из монгольских армий отступить в Венгрию на соединение с главными силами. Здесь Бату получил известие о смерти хана Угедея и спешно отошел со своим войском через Болгарию, Валахию, Молдавию и половецкие степи на восток, так как обострение противоречий внутри монгольской империи требовало его непосредственного вмешательства: в самом монгольском войске образовались партии, столкновение между которыми было неизбежно и которое сулило побежденным жестокую смерть ^[318].

Борьба партий

Монгольское войско включило в свои ряды такое большое количество побежденных, что последние стали предъявлять свои права. Основной проблемой, ставшей перед Чингисханом накануне его смерти, было отношение к побежденным. Одна тенденция заключалась в том, чтобы удерживать их в покорности силой, вторая – чтобы привязать их милостью. Вторую линию пытался провести Джучи и заплатил за это жизнью. В 1240–1241 гг. Бату рассорился со своими двоюродными братьями Гуюком и Бури, выслал их из армии и пожаловался на них их отцам. Хан и хранитель Ясы наказали опалой своих сыновей, но все же возник вопрос о том, кто станет ханом, а кто будет казнен. Оба соперника, Гуюк и Бату, стали искать опоры, причем дети Чагатай присоединились к Гуюку, а сыновья Толуя – к Бату. Но подлинная власть в стране принадлежала уже не ханам и царевичам, а иноземцу, чиновнику Елюй Чуцаю, назначенному Угедеем «начальником великого императорского секретариата», т.е. главой гражданской администрации завоеванного Китая. Странами запада ведал кераит – Чинкай, имевший куда меньшее влияние.

Елюй Чуцай был членом киданьского царского дома, низвергнутого чжурчжэнями. Он получил образование в духе конфуцианской философии и был чиновником чжурчжэньского правительства. Перейдя к монголам, Елюй Чуцай сделал карьеру и стал одним из ближайших советников Чингисхана, испытывавшего нужду в культурных людях.

В конце Чингисова царствования на курилтае был поставлен вопрос о том, что делать с

населением покоренного Северного Китая. Народ, страшась монголов, разбегался по горам и лесам, образовывал банды, и пользы от него монголам никакой не было. Монгольские воеводы предложили перебить всех китайцев, а земли их обратить в пастбища, но Елюй Чуцай восстал против этого. С цифрами в руках он показал, какие налоги можно собрать, если предоставить народу право жить и работать. Деньги соблазнили хана, и китайское население было пощажено.

Угедей всецело подчинился влиянию своего министра, произведшего в 1229 г. реформы, которые должны были превратить военную монархию в бюрократическую. Судебная реформа установила судопроизводство, ограничив тем самым произвол властей, т.е. монгольских офицеров на гражданской службе.

Финансовая реформа ввела обложение самих монголов однопроцентным налогом. В 1230 г. Елюй Чуцай сказал Угедею: «Империя была завоевана верхом на коне, но управлять ею с седла невозможно». Хан выслушал это благосклонно и назначил в 1231 г. Елюя Чуцай чжуншулином, т.е. канцлером, позволив ему проводить свою политическую линию. Она увенчалась успехом. Налоги дали доход, который поверг хана в изумление. Елюй Чуцай получил полное доверие хана и, совместив в своих руках финансовую, судебную и административную власть, превратился в руководителя всей внутренней политики в Китае. Но эта система встретила оппозицию со стороны армии; первое столкновение произошло еще в 1233 г. После долгой и тяжелой осады Субэтай взял чжурчжэньскую столицу Бяньцзин (Кайфын). Согласно монгольскому закону город, не сдавшийся до того, как были пущены в ход осадные орудия, должен быть вырезан до последнего человека. Эта судьба ожидала жителей Бяньцзина, но Елюй Чуцай доказал, что истребление жителей города нанесет ущерб казне, и представил цифру дохода, который можно получить, пощадив жителей. Угедей согласился с ним.

На деньги, полученные с пощаженого населения, Елюй Чуцай достроил Каракорум, столицу империи, заложенную еще Чингисханом в 1220 г. Для хана был сооружен роскошный дворец, но Угедей предпочитал жить в юрте.

В 1235 г. оказалось, что для продолжения завоевательной политики людские ресурсы Монголии недостаточны. Возник проект использовать мусульманские войска в Китае, а китайские на западе. Елюй Чуцай добился отмены этого проекта, аргументируя тем, что в чужих и непривычных условиях эти войска принесут мало пользы при огромных потерях и что переброски этих войск будут слишком затруднительны. И в этом случае Елюй Чуцай защищал интересы покоренных народов, а не монгольского войска.

По завоевании Китая Угедей обещал своим генералам распределить между ними покоренные земли. Елюй Чуцай предложил вознаградить их не уделами, что наносило ущерб авторитету центральной власти, а деньгами, шелками и драгоценностями.

Это восстановило против него многих офицеров и генералов. Побуждаемый ими Отчигин, дядя хана, донес на министра как на иностранца, имеющего коварные виды. Угедей узнал, кто руководил интригой, и хотел, чтобы министр сам решил судьбу клеветника. Елюй Чуцай пренебрег местью. Вопрос получил компромиссное решение: наряду с монгольскими правителями были назначены фискальные чиновники, которым категорически запрещалось брать взятки от кого бы то ни было. Не менее остро встал вопрос о налогах и системе обложения. Как уже было отмечено выше, Елюй Чуцай обложил монголов прямым и однопроцентным налогом еще в 1231 г. В 1236 г. были обложены привозимые товары на 1/30, а вино, как предмет роскоши, на 1/10 их продажной стоимости. От этого должны были пострадать как уйгурские купцы, терявшие в конкуренции с местным производством, так и потребитель, т.е. монгольская военная аристократия.

Но еще больше возмутило монголов, что Елюй Чуцай ввел в Китае прежнюю систему обложения – с огня или жилища, тогда как монголы и мусульмане платили более тяжелую

подушную подать. Елюй Чуцай указал, что от слишком тяжелых налогов население разбежится и казна потерпит ущерб. Его мнение восторжествовало.

Последовательно стремясь к возрождению китайской культуры, Елюй Чуцай учредил историческое общество в 1236 г. ^[319], а в 1237 г. добился разрешения принимать на государственную службу интеллигентных китайцев. Для проверки их знаний были организованы экзаменационные коллегии. Экзаменоваться могли и рабы; если же их хозяева препятствовали им, то за это полагалась смертная казнь. В результате явились 4030 грамотеев, четвертая часть которых освободилась из рабства.

Превращение военной монархии в бюрократическую, планомерно проводимое Елюем Чуцаем, не могло не встретить отпора в тех слоях монгольского общества, которые были принуждены уступать кровью завоеванное первое место. Но простодушные и бесхитростные монголы ничего не могли поделать с гениальным иностранцем, управлявшим ими. Опасность для министра пришла с другой стороны.

Мы уже видели, что система пошлин на привезенные товары и возрождение китайского производства не могла прийтись по вкусу купцам, занимавшимся посреднической торговлей и желавшим иметь рынок исключительно для себя. Таковы были уйгуры и перешедшие на сторону монголов мусульмане. Нам известны имена их вождей: Кадак, уполномоченный по переписи Китая, и Чинкай, унаследовавший от Елюя Чуцай пост премьера, были христиане. Откупщик Абдурахман и чиновник Махмуд Ялвач – мусульманские ренегаты. Это были люди, искушенные в интригах. Уже в 1230–1240 гг. Абдурахман получил на откуп налоги с Китая вопреки мнению Елюя Чуцай, который разнервничался в споре до того, что хан сказал ему: «Ты, кажется, хочешь драться? – и добавил: – Долго ли ты будешь болеть за народ?»

Однако, несмотря на это, положение Елюя Чуцай не было поколеблено, так как Угедей верил ему, зная его искренность, честность, ум и таланты. Ненависть вельмож и интриги купцов казались бессильными, но 11 декабря 1241 г. хан Угедей умер. До выборов нового хана власть оказалась в руках вдовы Угедея, Туракины, по происхождению меркитки.

Официально было объявлено, что хан умер от пьянства, но Плано Карпини передает настойчивые слухи об отраве, а Рашид ад-дин настолько горячо отвергает эту версию, что она невольно кажется справедливой.

Как бы то ни было, но смерть Угедея развязала руки врагам Елюя Чуцай. Кераит, несторианин Чинкай заместил его в администрации, мусульманин Абдурахман – по части финансов. Министр умер в 1243 г., видя крушение дела, которому он отдал свою жизнь ^[320].

Было бы ошибкой думать, что эпоха регентства Туракины-хатун была эпохой господства военной партии. Туракина унаследовала достаточно мощный аппарат, чтобы продержаться несколько лет, не обращаясь к поддержке оппозиционных социальных групп. Это не могло продолжаться долго, но такая глупая и невежественная женщина, как Туракина, не отдавала себе в этом отчета.

У власти оказалась придворная камарилья, во главе которой стояла Фатима-ханум, пленная персиянка, наперсница ханши. Интриги и произвол достигли своего расцвета. Чинкай должен был, спасая свою жизнь, укрыться под защиту царевича Кудэна, внука Угедея; Махмуд Ялвач бежал, обманув стражу, а нойон-темник Керегез был арестован и казнен по наветам Фатимы. Правление Туракины породило еще большее недовольство, чем управление Елюя Чуцай.

Военная же партия, которая в 30-е годы казалась такой сплоченной, отнюдь не оказалась такой в 40-е. Она разбилась на две группы, соперничество которых помогло Туракине сохранить власть до августа 1246 г., когда на престол был избран Гуюк.

Монгольская армия состояла из двух неравных по численности разделов. Ядро ее составляли ветераны, примкнувшие к Чингисхану добровольно и одержавшие первые победы

над тайджигунами, татарами, кераитами и найманами. Первоначально их было всего 13 тыс. человек, и если это число увеличилось за счет добровольцев, то очень ненамного. Основная масса войска состояла из побежденных кочевников, которым Чингисхан позволил служить его престолу. Однако они имели ограничения в повышении по службе: тысячниками были только монголы и онгуто, добровольно примкнувшие к Чингисхану. Общее число армии в 1206 г. составляло 110 тыс. человек, и ясно, что ветераны были в меньшинстве, хотя и занимали командные посты. Во время царствования Угедея войско пополнялось за счет покоренных тюрок, чжурчжэней, тангутов и даже китайцев. Ясно, что процент монголов, даже при учете естественного прироста, еще более снизился. Таким образом, получилось, что победившие монголы в созданной ими державе оказались в меньшинстве, а реальной силой стали побежденные и покоренные народы. Правители, желавшие твердо сидеть на престоле, должны были все больше и больше считаться с последними.

Монгольские ветераны ориентировались на брата Чингисхана, Темуге-отчигина, который в 1242 г. сделал неудачную попытку захватить престол. Тем самым обнаружилось, что партия ветеранов находилась в оппозиции к линии Угедея и, значит, к его сыну Гуюку. Все замешанные в заговоре были казнены.

Вторая партия, состоявшая из низшего офицерства кераитского, найманского и каракитайского происхождения, группировалась вокруг вдовы Толуя, Соркаканибэги, и ее детей. Идеологией этой партии было несторианство, ибо в XIII в. исповедание веры и политическое направление в какой-то мере соответствовали друг другу.

Каждый хан великолепно понимал, что без сочувствия и преданности своих воинов он – ничто и, хуже того, жертва своих соперников. А воины были отнюдь не пешки. Каждый из них связан с какими-нибудь общественными группами и религиозными общинами, а те в свою очередь диктовали через рядовых воинов свою волю нойонам, которые давали советы царевичам. И эти советы были столь весомы, что с ними нельзя было не считаться. Иными основами, хан зависел от воинов не меньше, чем воины от хана, а за спиной у тех и других стояли купцы и священники разных исповеданий, а также чиновники, шаманы, старейшины племен и князья покоренных земель, уцелевшие при завоевании. И у всех висели на боку сабли. Это была реальная сила, которая избирала ханом царевича-чингисида пожизненно, но продолжительность жизни определялась не возрастом или здоровьем, а популярностью в войске и числом преданных людей. Как известно, нередко преданность покупается, и цена на нее колеблется в зависимости от напряженности ситуации.

Положение обоих соперников – Гуюка и Бату – оказалось крайне острым. Бату имел только 4 тыс. верных монгольских воинов, которых было явно недостаточно, чтобы силой удерживать в покорности Восточную Европу с шестимиллионным населением. Надеяться на помощь из метрополии он не мог, так как Гуюк искал только его гибели.

Гуюк встал во главе стотысячного войска, которое по большей части состояло из несториан, предпочитавших ему детей Толуя. Гуюк пытался добиться популярности, бесплатно распределяя среди воинов шелковые ткани (расход покрывался за счет налогов с оседлого населения). Он старался опереться на православную церковь и русских князей, располагавших большими людскими и денежными ресурсами. К несчастью для Гуюка, великий князь Ярослав, приехавший в ставку хана для переговоров, был отравлен Туракиной по доносу одного из бояр из свиты князя. Тогда сыновья погибшего, Александр Невский и Андрей, отошли от Гуюка и так активно поддержали Бату, что тот в 1248 г. имел уже возможность выступить с походом на восток против великого хана. Гуюк двинулся ему навстречу, но по дороге умер при невыясненных обстоятельствах^[321].

Снова наступило междоусобице. Регентство получила вдова Гуюка, Огуль-Гаймыш,

женщина слабая и невежественная. На курилтае 1251 г. большинство получили Бату и его друг Мункэ, сын Толуя, Последний был избран великим ханом, а Бату был признан «старейшим в роде». Сторонники Гуюка были казнены.

Русская помощь, благодаря которой Бату вышел из борьбы победителем, была продиктована глубоким политическим расчетом. С начала XIII в. католическая Европа начала крестовый поход против православных: греков и русских. В 1204 г. Константинополь был взят крестоносцами, основавшими на месте Византийской – Латинскую империю. Латыши и эсты покорены и обращены в крепостных. Та же участь ожидала Русь, но Александр Невский разбил крестоносцев в 1240 г. на Неве и в 1242 г. на Чудском озере и этим остановил первый натиск. Однако война продолжалась, и союзники Александру Невскому были нужны. Поэтому он побратался с сыном Бату, Сартаком, и получил монгольские войска для борьбы с немцами. Союз не был разорван и после смерти Александра Невского. В 1269 г. немцы, узнав о появлении в Новгороде монгольского отряда, запросили мира «зело бо бояхуся и имени татарского». Русская земля была спасена от крестоносного нашествия^[322].

За период внутренней борьбы положение на границах монгольской империи обострилось. Бату очистил Польшу, Венгрию и Болгарию, оставив за собой только Русь и половецкие степи. Однако он жаловал грамоты и ярлыки «султанам Рума, Сирии и других стран»^[323] на Ближнем Востоке, где начали привыкать к мысли о приоритете Золотой Орды над местным военачальником Байджу-нойоном.

Бату умер в 1256 г., великий хан Мункэ утвердил его наследником Сартака, который немедленно поссорился со своим дядей Берке, заявив ему: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское для меня несчастье»^[324]. Царевич не ошибался: через несколько дней после своего опрометчивого заявления он был отравлен. Ханский престол перешел к его малолетнему сыну, Улакчи, за которого правила его бабушка, Баракчин-хатун, вдова Бату. Однако Улакчи скончался столь же быстро, как и его отец, а Баракчин, пытавшаяся в 1257 г. уехать в Иран, была схвачена и казнена. Ханом стал мусульманин Берке, учинивший резню несториан в Самарканде. Но он не изменил политику в отношении Александра Невского и русских земель. Наоборот, когда на Русь явились чиновники великого хана, чтобы, переписав население, обложить его налогом, Берке позволил русскому князю организовать убийство этих чиновников, после чего прекратил отсылать деньги, собираемые на Руси^[325], в Монголию. Это означало, что фактический разрыв Золотой Орды с метрополией произошел, а хан, сидевший в Сарае, оказался в зависимости от своих подданных: русских, болгарских и половецких. Таким образом, возник симбиоз^[326] пришельцев и аборигенов, эпоха продуктивного сосуществования, продолжавшаяся до XIV в. За это время Русь успела окрепнуть и усилиться, потому что Золотая Орда стала заслоном Руси с востока.

Обе проблемы, западная и восточная, были решены Александром Невским и, по-видимому, большинством современников одобрены, что выразилось в канонизации памяти князя, нашедшего выход из положения, казавшегося безвыходным.

Жестокая действительность

Когда Европа испытала на своих лучших войсках остроту монгольских сабель, то интерес к проблеме царства пресвитера Иоанна весьма возрос^{107}. Разобраться в нюансах восточной политики оказалось жизненно необходимо. Значит, нужно было получить достоверную информацию, и тогда начались путешествия в восточные страны, познавательные задачи которых подкреплялись чисто практическими интересами. На Восток ездили греки из Никеи,

армяне из Киликии, русские из Владимира и Галича, итальянские купцы из Венеции и Генуи, рыцари из Франции, Англии и Палестины, но наиболее содержательную информацию доставили монахи: посланный папским престолом Плано Карпини и придворный Людовика Святого Гильом Рубрук. Их отчеты открыли западным европейцам глаза на жестокую действительность ^[327].

Плано Карпини совершил свое путешествие за два года, с 16 апреля 1245 г. до осени 1247 г. Сначала он прибыл в ставку Бату, но тот не принял папского послания и отправил Плано Карпини в Каракорум, где тот оказался свидетелем возведения на престол Гуюка. Прожив в ставке Гуюка четыре месяца, Плано Карпини вернулся сначала в Киев, а потом в Лион, где и вручил папе Иннокентию IV ответ Гуюка и собственный отчет.

Рубрук застал уже совсем другую эпоху. Выехав из Константинополя в мае 1253 г. в Крым, он попал сначала в ставку Сартака, потом в орду Бату и, наконец, в Каракорум, где правил Мункэ-хан. Видел и описал он гораздо больше, чем Плано Карпини, несмотря на то, что уже в 1254 г. вернулся в Европу. Выводы обоих путешественников совпали: монголы не христиане, от царства пресвитера Иоанна сохранились лишь воспоминания и несториане для католической Европы не друзья и братья, а еретики и враги. Последнее заключение определило поведение папского престола в отношении восточных христиан на весь последующий век.

Материал, привезенный этими и некоторыми другими путешественниками, столь обширен и так обильно комментировался учеными разных стран и эпох, что мы ограничимся краткими выдержками, имеющими прямое отношение к нашей теме.

О пресвитере Иоанне Плано Карпини упоминает один раз, в ретроспективном очерке походов Чингисхана. Сначала он перечисляет войны, действительно имевшие место в истории, потом – сражения с амазонками, людьми-собаками и подземными людьми; эпизод о сражении монголов с индийскими войсками царя, «который народом той страны (Индии) именовался Пресвитером Иоанном» ^[328], помещен на рубеже истории с баснословием и, несомненно, должен быть причислен к последнему. Зато о направлении политики Гуюка как об агрессивной и заостренной против католической Европы он пишет вполне конкретно, предупреждая своих соотечественников о нависшей опасности.

Смерть Гуюка и переворот, совершенный Батыем, спасли Европу, потому что пришедшие к власти несториане толкнули Мункэ-хана на войну с мусульманами. Поэтому Рубрук встретил менее настороженный прием и собрал больше сведений. У него пресвитер Иоанн трактуется как недавно умерший царь найманов ^[329], т.е. реконструкция Рубрука совпадает с излагаемой в этой книге. Легенды его интересуют гораздо меньше, чем действительность, и он много рассказывает о несторианах. По его описанию, несториане – люди не искушенные в тонкостях богословия ^[330], лихоимцы, пьяницы и многоженцы; поста по пятницам не соблюдают и заботятся больше о своих семьях, нежели о распространении веры.

От внимания Рубрука не укрылось, что большинство цариц и придворных Мункэ-хана открыто исповедовали несторианство, но сами ханы уклонялись от высказывания своих взглядов. По-видимому, принадлежность к монгольской религии была обязательна для того, чтобы править монголами. Те же, которые были заведомо христианами, как, например, Сартак ^[331] и Ариг-буга, не признавались в этом официально. Поэтому влияние несториан было ограниченным и положение их – нетвердым. Отношение их к православным было враждебным, но с католиками они хотели добиться взаимопонимания и допускали их к причастию, не требуя отречения от веры. К чему это привело, мы увидим ниже.

Помимо догматических и исторических причин слиянию православных с несторианами мешала этнография, т.е. народные обычаи, которые воспринимались как религиозные запреты.

Например, русские, греки, осетины и грузины считали грехом пить кумыс. Даже если приходилось выпить, то священники примиряли согрешивших с церковью, как будто они отказались от христианской веры^[332]. Само собой понятно, что кочевники без кумыса прожить не могли и такое отвращение коробило их.

В поведении людей, как общественном, так и личном, всегда соучаствуют два стимула: стремление к выгоде и искренность, под которой надо понимать исторически сложившуюся систему взглядов, тех или иных психологических реакций, нюансы отношения к внешнему миру и особенности саморазвития того или иного этнического коллектива.

Насаждение идеальных концепций всегда разбивается о реальность повседневного бытия. Так было и в нашем случае. Догматические различия между католичеством, православием и несторианством были ничтожны, и не они мешали взаимопониманию между латинянами, греками и монголами. Ведь произошло же в Восточной Азии в 1142 г. примирение несториан с монофизитами – яковитами, хотя их догматические и теологические установки находились на крайних точках шкалы религиозных расхождений. Можно сказать, что религиозное сознание входит в историческую действительность как элемент, но оно не исчерпывает ее. Кочевники, став христианами, оставались в глазах греков степными варварами, а в глазах латинян – дикарями, пусть не язычниками, но еретиками; в обоих случаях они были чужими. Для того чтобы возник контакт, потребовались десятилетия совместной жизни, взаимопроникновение, соработничество, общность интересов: Всего этого не могло возникнуть при первой встрече, тем более что обе стороны больше интересовались политикой. И поэтому Рубрук был прав, когда закончил свое сочинение советом: «Мне кажется бесполезным, чтобы какой-нибудь брат ездил впредь к татарам^[108] так, как ездил я или ездят братья проповедники, но если бы папа... пожелал отправить епископа... то он мог бы сказать им все, что захочет, и даже заставить, чтобы они записали это»^[333]. Рекомендация Рубрука была принята к сведению, и последствия ее оказались поистине грандиозными.

Когда сказка стала былью

Легенда о приходе восточных христиан, стремящихся помочь крестоносцам освободить гроб Господень, начала претворяться в жизнь с запозданием всего на 100 лет. После разгрома хорезмийских войск Джалаля-ад-дина в 1231 г. монголы вышли на рубеж верхнего Тигра и заняли ту самую позицию, в которой европейцы 100 лет назад представляли себе войско мифического первосвященника Иоанна.

Военный глава монголов Чормаган имел двух зятьев-несториан и сам был склонен к этому исповеданию^[334]. Уполномоченный по религиозным делам Симеон, называемый чаще Раббан-ата, был ревностным христианином и строил церкви в Тавризе, где раньше произнесение имени Христова было запрещено. Наконец, глава гражданского правления, уйгур Коркуз (Георгий), был, по-видимому, богоискателем. Судя по имени, он происходил из христианской семьи, но приехал в Хорасан буддистом, а потом перешел в ислам, но не стал фанатиком, а всячески способствовал облегчению тягот покоренного населения^[335].

Казалось бы, мечта крестоносцев сбылась: они получили мощного союзника для борьбы с мусульманами. Но ни малейшего интереса к монголам в Иерусалимском королевстве не было проявлено. В 1241 г. в Акке резались тамплиеры с иоаннитами и тевтонами; на Кипре сторонники дома Ибелина военным путем вытеснили немецких баронов, оставленных там Фридрихом II для подкрепления христианских сил на Востоке; на море венецианцы нападали на генуэзцев^[336]. Короче говоря, война гвельфов с гибеллинами терзала Палестину в той же мере,

как и Италию.

Занятые сведением домашних счетов, крестоносцы упустили время для того, чтобы установить отношения с монголами. В 1242 г. заболевшего Чормагана сменил Байджу-нойон, ретивый монгольский служака, без каких бы то ни было идейных симпатий. Он стал наводить порядки на границах и в 1244 г. вытеснил из Месопотамии передние отряды непокоренных хорезмийцев. Те двинулись искать пристанища в Египет и по дороге взяли Иерусалим, незадолго перед этим освобожденный Фридрихом II и возвращенный Иерусалимской короне (1229 г.). Крестоносцы объединились с сирийскими Эюбидами для войны с Египтом, но 18 октября 1244 г. хорезмийцы и египтяне при Газе наголову разбили крестоносцев, а вслед за тем взяли Дамаск. Хорезмийцы, превращенные египтянами в наемников, попробовали восстать, но в 1245 г. были усмирены и почти поголовно истреблены, после чего египтяне отняли у крестоносцев Аскалон. Одновременно туркмены из Икониума напали на Антиохийское княжество и сильно потрепали рыцарей Боэмунда.

На фоне этих мрачных событий доминиканские монахи Асцелин и Гишар Кремонский приехали 24 мая 1247 г. в ставку Байджу и без дипломатических ухищрений предложили ему подчиниться папе. Тот чуть-чуть их не казнил!^[337] Но уже через полтора месяца положение изменилось. На место Байджу был назначен друг Гуюка, Эльчидай-нойон, который отпустил Асцелина (25 июля 1247 г.), а год спустя отправил посольство к Иннокентию IV в Рим и Людовику IX на Кипр. Последний послал для переговоров Андре Лонжюмо, доминиканского монаха, который достиг Каракорума уже после смерти хана. Регентша Огуль-Гаймыш, не поняв значения посольства, потребовала представления дани, угрожая истреблением французского народа^[338]. Разве можно было предусмотреть, какие глупости выкинет вздорная баба?^[339]

Обескураженные послы вернулись 6 апреля 1251 г. в Цезарею^[109], где нашли своего короля надломленным неудачами и пленом. Попытка контакта окончилась плачевно; и самая надежда на него была потеряна осенью того же года, когда был казнен Эльчидай-нойон, как друг Гуюка. Людовик жалел о том, что послал миссию в Каракорум, и, очевидно, поэтому его второй эмиссар, Рубрук, держал там себя предельно осторожно и ограничился сбором информации, уклоняясь от дипломатических переговоров с Мункэ-ханом.

Большую гибкость проявили греческие дипломаты. Им удалось установить с монголами дружественное взаимопонимание и соглашение против сельджуков, благодаря чему Никейская империя развязала себе руки для балканской войны, окончившейся освобождением Константинополя от латинян 25 июля 1261 г.

Итак, свершение сказки показалось европейцам тусклым и неинтересным. Монгольские несториане должны были рассчитывать только на себя и своих единоверцев, немалое число которых томилось в Сирии и Малой Азии под тяжелой пятой мусульманских султанов. Что же, монголы тщательно изучили обстановку и продумали поход в Палестину. Поход должен был удался и удался бы, если бы в игру не вступили силы, появления которых никто не мог предвидеть.

Желтый крестовый поход

В 1253 г. на зеленеющих берегах извилистых верховьев Онона состоялся очередной курилтай монгольского народа-войска. Было принято решение завершить войну в Китае, для чего был назначен царевич Хубилай, и освободить от мусульман Иерусалим, что было поручено царевичу Хулагу.

Выбор кандидатур для ответственных операций кажется удивительным. Христианские симпатии Хубилая ни для кого не были тайной ^[340], а его направили в страну, где господство над умами делили конфуцианцы, даосы и буддисты. Хулагу был открытым почитателем Майтреи ^[341], мистического направления буддизма, пользовавшегося особым покровительством монгольские ханов ^[342], а ему велели защищать христианскую веру! Можно думать, что Мункэ, тонкий и умный политик, дал эти назначения не случайно. Призрак отпадения окраин уже начал тревожить расширявшуюся монгольскую империю, и было крайне важно, чтобы контакт наместника с подданными не становился полным. Хан-иноверец всегда должен был искать поддержку у центральной власти, что очень и очень препятствовало его отпадению. Поэтому Хубилай для покорения южно-китайской империи получил кыпчакские и аланские войска ^[343], а Хулагу сопровождала свита из буддийских монахов-уйгуров, тибетцев и китайцев ^[344], связанных со своими родными странами и их повелителем великим ханом Мункэ.

Но, с другой стороны, были приняты меры к тому, чтобы предотвратить возможное поражение армии из-за недостаточного контакта с местным населением. Жена Хулагу-хана, кераитка Докуз-хатун, была христианкой и покровительницей христиан. Начальник штаба найман Кит-Бука-нойон был ревностным несторианином, и помощников он подобрал из единоверцев. Наконец, в союз с монголами вступил царь Малой Армении Гетум I, который в 1253 г. лично прибыл в ставку Мункэ и просил хана рассмотреть семь статей договора о союзе. Эти статьи столь любопытны, что стоит их привести, хотя бы в сокращении. Царь просил хана: 1) креститься со всем народом; 2) установить дружбу христиан и татар; 3) освободить духовенство от податей; 4) возвратить Святую Землю христианам; 5) покончить с багдадским халифом; 6) чтобы по просьбе царя все татарские военачальники без промедления оказывали ему помощь; 7) вернуть земли, ранее отнятые у армян мусульманами. Очевидно, хан отдавал себе отчет в трудности затеянного предприятия, потому что согласился на условия армянского царя и тем обеспечил себе его активную помощь ^[345]. Больше того, Гетум привлек к союзу с монголами антиохийского князя Боэмунда, которого привязал к себе, выдав за него замуж свою дочь.

Подготовка военной экспедиции была проведена исключительно тщательно. Чтобы сохранить нетронутыми пастбища, кочевое население согнали с маршрута армии, через реки навели понтонные мосты, заготовили провиант и вызвали из Китая тысячу специалистов по метательным машинам ^[346]. Армия двигалась неспешно и лишь в январе 1256 г. перешла на левый берег Амударьи. Зато к концу 1257 г. она ликвидировала все крепости исмаилитов в Иране и в феврале 1258 г. заняла Багдад.

Падение Багдада было воспринято восточными христианами как небесное возмездие угнетателям за века унижений и произвола. Заступничества Докуз-хатун было достаточно, чтобы Хулагу запретил убивать и грабить христиан всех исповеданий. Хан даже подарил несторианскому патриарху дворец халифа для устройства резиденции. Это обратило к нему сердца армян и сирийцев, которые, по словам армянского историка Киракоса, изнывали под

игом мусульман 647 лет ^[347]. Армянский патриарх благословил хана на священную войну, а царь Малой Армении (Киликии) Гетум I и его зять, антиохийский князь Боэмунд VI, присоединили свои войска к монгольским. Монголам был открыт путь в Сирию.

Султаны династии Эюбидов в Месопотамии и Сирии, несмотря на несомненную доблесть, стали жертвами монголо-христианского союза. Потомки доблестного Юсуфа Салах ад-дина, отнявшего у крестоносцев Иерусалим в 1187 г. и отразившего

Ричарда Львиное Сердце в 1192 г., обабавившиеся курды, не обладали способностями основателя династии и проводили время в междоусобных войнах, даже вступая в союзы с крестоносцами против единоверцев и родственников. В этой войне проявилось большее чем когда-либо ожесточение, потому что монголы стали практиковать мучительства при казни пленных, чего до тех пор не наблюдалось. Похоже на то, что они заимствовали некоторые малопочтенные обычаи своих ближневосточных союзников. Мусульманские мечети в Алеппо, Дамаске, Хаме, Хомсе, Баниясе горели, а христианские храмы украшались трофеями. Весна 1259 г. застала монгольское войско у Газы. Казалось, что дни господства ислама сочтены.

Новые враги христианства

Последним прибежищем ревностных мусульман в 1259 г. был Египет, где законными правителями считались потомки Салах ал-дина, но фактически они уже много лет не были ими. Египет – страна богатая, но мобилизовать для военной службы феллахов или арабских торговцев с каирского базара было более чем бесполезно. Они платили налоги в казну султану, но не умели и не хотели воевать. Поэтому Эюбиды покупали в Судане и Крыму военнопленных и, обучив их военному искусству, употребляли для военной службы. Поскольку эти рабы принадлежали государству, их называли мамлюками (государственными рабами).

Экономическое и социальное положение мамлюков было неизмеримо выше, чем свободных налогоплательщиков. Они были организованной, сплоченной и единственно реальной силой в стране. Они побеждали врагов ислама – крестоносцев, и именно они заставили Людовика IX сдаться на милость победителя. Но когда им показалось, что ими плохо руководят, то они взяли власть в свои руки.

2 мая 1250 г. мамлюк Бейбарс возмутил своих сотоварищей и, взяв дворец султана Тураншаха, убил этого глупого мальчика. Мамлюки возвели на престол ребенка, Камиля, за которого правили султанша Шеджерет аддур и мамлюк, туркмен Айбек, ставший ее мужем. В 1257 г. ревнивая султанша отравила своего супруга за измену, но мамлюки посадили ее в тюрьму, и в 1259 г. другой мамлюк, Куттуз, велел принести присягу себе ^[348]. И это не вызвало ни малейшего ропота, так как всем в Египте было ясно, что только мамлюки могут спасти страну от монголов.

А с монголами у мамлюков были личные счеты. Все они были в свое время захвачены монголами в плен и проданы на невольничьих базарах. Покупка воспринималась ими почти как освобождение, и это было совершенно правильно. В Египте они попадали к своим землякам – кыпчакам, черкесам, туркменам, только проданным раньше и успевшим устроиться. Те оказывали прибывающим поддержку и вместе с ними проклинали монголов, лишивших их родины и свободы. Но теперь, в 1259 г., монголы опять грозили им... и мамлюки знали чем. Опять стоять нагим и скованным на невольничьем базаре, ждать, когда тебя купят и пошлют копать оросительные каналы под палящим солнцем, – это, пожалуй, хуже смерти в бою. Поэтому мамлюки решили сражаться до последней капли крови, а воевать они умели не хуже самих монголов. Ведь они были такие же степняки, как и те, которые шли на них, а по военному таланту кыпчаки Куттуз и Бейбарс не уступали найману Кит-Буке.

В надвигавшейся схватке мамлюки имели несколько важных преимуществ. Богатый Египет как база наступления был ближе к Палестине, чем разоренный войной Ирак. Монгольские войска были утомлены походом, а мамлюки тщательно подготовили людей и коней. Сирийские мусульмане так же жадно ждали султана Куттуза, как год назад христиане – хана Хулагу. И наконец, у мамлюков оказался неожиданный союзник, а у монголов – два непредусмотренных врага. Поэтому чаша весов победы закачалась.

На правом фланге наступавшей монгольской армии располагалось Иерусалимское королевство, уже потерявшее святой город, но удерживавшее всю прибрежную полосу с сильными крепостями: Тиром, Сидоном и Акрой. Фактическая власть здесь принадлежала тамплиерам и иоаннитам, а контроль над морем – венецианцам и генуэзцам. В то время как вся Западная Европа радовалась победам восточных христиан и сравнивала Хулагу и Догуз-хатун с Константином и Еленой, крестоносные рыцари-монахи заявили, что «если придут монгольские черти, то они найдут на поле сражения слуг Христа готовыми к бою»^[349], а папский легат отлучил от церкви Боэмунда Антиохийского за союз с монголами^[350]

Это была откровенная измена делу, которому они обещали служить. Но еще удивительнее, что 600 лет спустя немецкий историк оправдывает предательство крестоносцев тем, что «рыцарям было ясно, что бороться с турками с такими союзниками-варварами на самом деле то же, что изгонять беса силою Вельзевула»^[351]. И он даже не дает себе труда пояснить, почему ему милее степные «варвары», обращенные в ислам, нежели степняки, уже 200 лет исповедующие христианскую веру! Нет, легче понять корыстолюбие венецианцев и вероломство тамплиеров, чем чванство цивилизованного европейца, для которого все находящееся восточнее Вислы – дикость и убожество. Однако именно эта концепция, принятая без каких-либо доказательств удовлетворяла более активную часть средневекового рыцарства и купечества начиная с XIII в. Это было глубокое заблуждение, но оно сыграло решающую роль в событиях, которые произошли во второй половине XIII в.

Второе непредвиденное осложнение возникло в Грузии. До 1256 г. эта страна считалась улусом Золотой Орды, а по смерти Бату перешла в ведение ильхана Хулагу. Население Грузии выросло до 5 млн. человек^[352], т.е. почти сравнялось с населением тогдашней Руси. Раны, нанесенные мусульманскими тюрками Джалаал ад-дина, были забыты.

Монголы считали грузин своими естественными союзниками и поэтому не лишили их самоуправления. В Тбилиси сидели одновременно два грузинских царя Давида (Давид Нарин и Улу Давид – малый и большой), причем Улу Давид был женат на монгольской княжне. От Грузии требовались только уплата налогов (сами монголы тоже платили подушную подать) и участие в войне с мусульманами, исконными врагами Грузии. И вот в 1259 г. грузины восстали!

Сделали они это крайне непродуманно. Сначала восстал Давид Нарин, но, не добившись успеха, бросил страну в жертву врагам и удрал в имеретинские горные замки. Затем восстал Улу Давид, потерпел поражение и тоже сбежал, покинув свой народ на расправу. В 1262 г. он вернулся, вымолил прощение, чем восстановилось исходное положение. Царские безумства стоили Грузии много крови, а для христианского дела оказались трагичными, так как монголы, вместо того чтобы опереться на грузинские войска, истратили свои резервы на разгром их в тот момент, когда в Палестине был дорог каждый человек. Выиграли от такого стечения обстоятельств только воинственные мамлюки.

Кит-Бука-нойон

Осенью 1259 г., в разгар сирийской кампании, Хулагу-хан получил извещение о кончине

своего брата, верховного хана Мункэ. В Монгольской империи междуцарствие всегда вело к остановке всех дел и требовало личного присутствия Чингисидов на курилтае. Кроме того, Хулагу не ладил с Берке, мусульманином и врагом несторианской церкви. Поэтому ильхан срочно вернулся в Иран, оставив в Палестине только 20 тыс. воинов, которыми командовал Кит-Бука-нойон. И тогда началось!

Жюльен, граф Сидона, без повода и предупреждения напал на монгольский патруль. В числе убитых оказался племянник Кит-Буки. Разъяренные монголы разгромили Сидон, а крестоносцы протрубили на весь мир о монгольской свирепости.

26 июля 1260 г. мамлюкский авангард вышел из Египта без обозов, на рысях миновал Синайскую пустыню, уничтожил малочисленный монгольский заслон у Газы, а затем вступил на землю франков и под стенами Акры получил необходимое войску продовольствие. Там мамлюки отдохнули, перегруппировались и через территорию Иерусалимского королевства вышли в Галилею, в тыл монгольской армии. При Айн-Джалуде 3 сентября 1260 г. монгольско-армянское войско было разбито, а сам Кит-Бука попал в плен. Этот последний, подлинный паладин креста, вел себя предельно мужественно. Он не просил пощады, но обвинил победоносного Куттуза в убийстве законного султана, противопоставив преступлениям мамлюков монгольскую верность. Тут ему немедля отрубили голову.

Куттуз ознаменовал свой триумфальный въезд в Дамаск расправой над жившими там христианами. Хулагу попытался оказать помощь союзникам и бросил на Сирию новую армию, которая взяла было Алеппо, но через несколько дней, 10 декабря 1260 г., была разбита мамлюками при Хомсе и откатилась за Евфрат. Эту победу одержал новый мамлюкский султан, Бейбарс, только что зарезавший своего лучшего друга и соратника Куттуза в октябре того же, богатого событиями 1260 г. Победитель Кит-Буки пережил своего пленника всего на два месяца.

Дальнейшие события развивались так, как катится лавина, которую можно столкнуть или не столкнуть, но нельзя остановить. Предав монголов и армян, которым они не давали перейти в контрнаступление до конца 1263 г., крестоносцы остались наедине с мамлюками. Агония Иерусалимского королевства длилась 31 год, до 18 мая 1291 г., когда последние крестоносцы покинули сирийский берег. Но последствия содеянного ими потянулись в прекрасную Францию, где тамплиеры стали жертвой лукавства тех, кого они искренне считали своими лучшими друзьями, – французского короля и римского папы.

С 1307 по 1313 г. длился жуткий процесс тамплиеров, обвиненных в поклонении Бафомету, поругании святынь и множестве других грехов, в которых они виновными себя не хотели признавать. Но вспоминали ли они в промежутках между пытками, прикованные к стенам французских застенков, что именно благодаря их ордену, деяниям их предшественников было уничтожено христианское население Сирии, убиты врагами пришедшие к ним на помощь союзники и благодаря этому всему навсегда потеряна цель крестовых походов – Святая земля. Но если даже эти мысли не приходили им в голову, то логика событий была такова, чтобы враги друзей своих шли на костер, приготовленный для них их же делами.

Не менее трагичным стало положение монголов в Иране. Идея основания христианского царства на Ближнем Востоке была утрачена, так как населенные христианами земли попали в руки врага. Одновременно Бейбарс завел сношения со своими соплеменниками в Золотой Орде и склонил на свою сторону Берке-хана. Между Хулагу и Берке давно назревала вражда из-за разных культурно-политических ориентаций. Еще около 1256 г., когда начался желтый крестовый поход, Берке воскликнул: «Мы возвели Мункэ-хана на престол, а чем он нам воздаст за это? Тем, что оплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры... и домогается владений халифа, моего союзника... В этом есть нечто гнусное»^[353]. А убийство племянника и казнь жены брата Берке гнусным не считал.

Однако согласно монгольской Ясе золотоордынские части сражались в войсках ильхана во время похода на Багдад и Дамаск. Но после поражения Кит-Буки Берке послал своим командирам предписание покинуть армию Хулагу и, если не удастся вернуться домой, уходить в Египет. Так те и поступили, умножив войска мамлюков (1261 г.) ^[354]. После этого война Золотой Орды и Ирана стала вопросом времени. Очевидно, не случайно в том же году Берке учредил православную епископию в Сарае. Друг мамлюков и враг несториан искал опоры в православной церкви и на Руси ^[355].

По существу, в 1261 г. закончился пятый акт трагедии царства пресвитера Иоанна, но у нее был эпилог, который развернулся на Дальнем Востоке. Теперь местом действия будет залитый кровью Китай и озаренная солнцем монгольская степь в годы до и после смерти Мункэ.

Война в Китае

В 1253 г. Хубилай обошел империю Сун с запада. Он провел войско из Шэньси в Сычуань и покорил находившееся на юге Китая самостоятельное царство Наньчао. В отличие от Хулагу Хубилай запретил убивать жителей сдавшейся ему столицы и тем закрепил монгольскую власть в Сычуани ^[356]. Это было настолько необычно, что Мункэ вызвал Хубилая к себе для объяснений ^[357] и командование южной армией перешло к Урян-хадаю, сыну славного Субэтэя, который подчинил тибетские и бирманские племена, а в 1257 г. взял Ханой и вышел в тыл империи Сун.

Но, несмотря на множество отдельных успехов, окончательная победа монголам не давалась. Поэтому в сентябре 1258 г. Мункэ снова созвал курилтай и принял командование в Китае на себя. С новой специально набранной армией он вступил в Сычуань и начал планомерную осаду китайских крепостей, т.е. опорных пунктов противника. Многие из них были взяты, но город Хэчжоу устоял, а развивавшаяся среди монголов эпидемия дизентерии заставила их оттянуть войска.

Под стенами Хэчжоу 11 августа 1259 г. скончался сам великий монгольский хан, оставив в наследство своему брату Хубилаю, наступавшему в это же время на Китай с севера, огромную по монгольским масштабам армию и отряд Урянхада, усиленный ополчениями, набранными среди покоренных бирманцев и аннамитов. Монголы в этой армии составляли абсолютное меньшинство, но порядки были монгольские, и верность хану гарантировалась тем, что дезертировать в Китае было равносильно мучительному самоубийству. Благодаря такому стечению обстоятельств Хубилай стал самым сильным из всех монгольских принцев.

Покойный хан был «степенен, решителен, говорил мало, не любил пиршеств, о себе говаривал, что он следует примеру своих предков. Он имел страсть к звериной охоте и до безумия верил волхвам и ворожеям. При каждом предприятии призывал их к себе и ни единого дня без них не был» ^[358]. Зато ревностным христианином был его младший брат Ариг-буга, утверждавший публично, что «Мессия – Бог». Умный и сдержанный Хубилай до поры не показывал своих взглядов. А четвертый их современник – золотоордынский Берке-хан – не только принял ислам, но, как отмечалось выше, и устроил резню несториан в Самарканде. Впрочем, его антипатия к христианству не распространялась на православных, и дружбу с Александром Невским он не порывал ^[359].

Такова была расстановка сил при жизни Мункэ, но после его смерти стало очевидно, что старые традиции поддерживать некому. Соратники Чингисхана состарились и умерли ^[360]. Их дети, прошедшие всю жизнь в походах, устали. Теперь должны были сказать свое слово внуки. А они, как мы видели, уже были обработаны где несторианами, где буддистами, где

мусульманами. Старая монгольская традиция разлилась слишком широко для того, чтобы остаться цельной, а образовавшиеся из этого родника потоки не могли и не хотели течь в одном русле. События, которые были неизбежны, заставили себя ждать только полгода.

Два курилтая

Согласно монгольскому праву – Ясе после смерти хана войско и царевичи должны были собраться на курилтай в родной монгольской степи. Там, опять-таки в согласии с обычаем, правил младший сын Толуя Ариг-буга. Сразу по получении вести о кончине брата Ариг-буга начал подготовку к созыву в Каракоруме курилтая, который должен был возвести его на престол.

Ни из чего не видно, что сам Ариг-буга обладал выдающимися способностями или повышенной энергией, но даже если бы эти качества у него были, их было бы недостаточно, чтобы склонить на свою сторону симпатии всего монгольского народа-войска. Значит, нужно нам найти группировки, которые поддерживали его кандидатуру или, вернее, выдвинули этого царевича в кандидаты на престол, чтобы затем править страной при помощи его имени и титула. Это не так уж сложно. Несторианские симпатии и поддержка первого министра Булгая, кераита и несторианина, показывают со всей очевидностью, какая сила сплотилась вокруг имени Ариг-буги.

Вместе с тем соблюдение строгой законности склонило на его сторону большинство принцев Чингисидов, в том числе хана чагатайского улуса Алгуя и правителя области мекрин (в Восточном Тянь-Шане) Хайду. Ариг-бугу были готовы поддерживать даже войска, приведенные Мункэ в Сычуань и Шэньси^[361], но Хубилай сумел перехватить инициативу.

4 июня 1260 г. в новом монгольском городе Шанду^[362] (Кайпинфу, основанный Хубилаем в 1256 г.) у озера Долоннор, на границе Китая и Монголии (Чахара и Жэхэ), Хубилай собрал на курилтай своих воинов и при их согласии провозгласил себя великим ханом. Это было прямое нарушение закона, за которое полагалась смертная казнь. Что же руководило мятежным принцем и, что еще важнее, его избирателями?

Ответить на это можно, присмотревшись к составу армии Хубилая. Кого только там не было! Чжурчжэни и северные китайцы, онгуты (потомки тюрок-шато) и тангуты, бирманцы, тибетцы, мяо, лоло, а-ву и аннамиты, приведенные с юга Урянхадаем, кыпчаки и ясы, турки из Средней Азии и русские, набранные баскаками; меньше всего было там монголов. Из Чингисидов упомянуты только два принца: Кадан, сын Угедея, и Тогачар, сын Тэмугэ-отчигина. Но это скопище, скованное железной дисциплиной, было закалено в боях. Общим для всех воинов здесь было не исповедание веры, не любовь к родине, не традиции, унаследованные от предков, а понимание своей выгоды и умение пользоваться своей силой. Под последней надо понимать не только число копий и сабель, но также наличие глубокого, богатого и успокоенного тыла: Северного и Западного Китая, примиренного с завоевателями двадцать лет назад благодаря мероприятиям Елюя Чуцая. Пусть великий канцлер умер в опале, но плоды его трудов созрели, и снова Монголия оказалась лицом к лицу с Китаем, хотя теперь во главе последнего стоял честолубивый монгольский царевиц.

Личная выгода кое-где оказалась сильнее принципа. На стороне Хубилая выступили онгутские князья, несториане Кун-бука и Ай-бука (Солнечный бык и Лунный бык). Впрочем, их дети порвали с религией предков и перешли в католицизм, о чем пойдет речь ниже. Не исключено, что в это время уже намечался раскол дальневосточной христианской церкви.

По идее ильхан Хулагу должен был бы стать на сторону Ариг-буги, потому что его окружали и им руководили несторианские советники, инициаторы «желтого крестового похода» на мусульман. Но, увы, руки ильхана были связаны. Наступление мамлюков в Сирии и

одновременно происшедшее восстание Улу Давида в Грузии связали силы монголов и приковали их к западной границе. Восстание грузин было подавлено, но оккупация Закавказья иранскими монголами вызвала конфликт с Золотой Ордой, которая раньше считала эти земли своими. Кроме того, золотоордынские несториане ориентировались на Иран^[363], что обострило отношения Берке с Хулагу. Короче говоря, Хулагу, по силе вещей, должен был стать на сторону противников Берке.

А Берке хотел только одного: не платить ничего великому хану. Поэтому он сначала признал далекого Хубилая, но как только выяснилось, что на сторону последнего склоняется победа, Берке перенес свои симпатии на Ариг-бугу. Это отнюдь не означало, что он собирался активно его поддерживать, но этим актом он невольно толкнул Хулагу на союз с Хубилаем, который, впрочем, тоже оказался символическим. Итак, если исходить из рассмотрения реальных событий, то несторианская проблема окажется для них фоном, но при обобщении видно, что религиозные страсти объединяли и разделяли людей наряду с политическими расчетами, причем фоном для первых было развитие кочевой культуры, противопоставившей себя оседлым соседям, вступившим с нею в последнюю борьбу. Посмотрим же, как она протекала.

Ариг-буга

Обе стороны немедленно перешли к решительным действиям. Едва власть о самовольном поступке Хубилая достигла Каракорума, там осенью 1260 г. провозгласили ханом Ариг-бугу. Хубилай перебросил свои войска на север и у реки Онгин разбил войска Ариг-буги, что вынудило последнего отступить к верховьям Енисея. Одновременно уполномоченные Хубилая сумели подавить мятеж в Шэньси. Часть сторонников Ариг-буги попала в плен и была казнена, а часть отступила на запад, к Ганьчжоу, и дальше, в долину Эцзингола, где их подкрепил корпус монголов под предводительством Алемдара. Однако их попытка перейти в наступление кончилась полным разгромом в пустыне восточнее Ганьчжоу. Успокоенный за свой левый фланг, Хубилай занял Каракорум гарнизоном и вернулся в Шанду.

Ариг-буга послал сказать Хубилаю, что он считает свой поступок безумием, раскаивается в нем и слагает оружие. Я не вижу причин не верить его искренности, потому что Хубилай, хорошо знавший своего брата, поверил ему. Но несчастный царевич был нужен своей партии как знамя, и в конце 1261 г. войска Ариг-буги захватили Каракорум и ринулись на юг, стремясь застать Хубилая врасплох.

На южной окраине Гоби ветераны Хубилая остановили натиск монголов, но хан воспретил преследование противника. Вероятно, он, единственный в своей армии, не хотел разрушения своей страны. Второе наступление монголов было также остановлено. И тут Хубилай ограничился тем, что прекратил отправку продовольствия из Китая в Монголию. Там возник голод, и Ариг-буга со своим войском, а может быть, вернее, войско со своим ханом, отступили на западную окраину Монголии.

Здесь Ариг-бугу подстерегала новая беда. Ему изменил и передался Хубилаю чагатаид Алгуй. Авангард войск Ариг-буги, двинутый против изменника, в 1262 г. был разбит. Алгуй, упоенный победой, вернулся в свою ставку и распустил часть войск. Ариг-буга воспользовался его беспечностью и занял Алмалык, а затем заставил Алгуя бежать в Самарканд. Но тут опять проявилась «сила вещей». Ожесточившиеся сторонники Ариг-буги стали так жестоко расправляться с населением захваченной ими области и особенно с монгольскими воинами Алгуя, не успевшими своевременно отойти в Тянь-Шань, что вызвали негодование среди другой части войск Ариг-буги и те передались на сторону Хубилая.

Тем временем Алгуй наладил в Самарканде и Бухаре контакт с мусульманским населением, получил от него большие суммы на переформирование армии и позволил своему пасынку и наследнику перейти в ислам. В 1263 г. Алгуй разбил сторонника Ариг-буги – внука Угедея, Хайду, и совместно с войсками Хубилая взял Ариг-бугу и его ослабевшую деморализованную армию в клещи.

В 1264 г. Ариг-буга с остатком своих приверженцев сдался на милость Хубилая. Тот передал пленных суду, где Ариг-буга был помилован, а все прочие, в том числе Булгай, казнены.

Приговор суда, очевидно обоснованный, хотя мотивы не сохранились в источниках, показывает, что не честолюбие Ариг-буги было причиной кровавой войны (иначе и ему бы не сносить головы), а ожесточение, родившееся в борьбе партий, на которые раскололось монгольское войско. Поражение потерпели дети былых завоевателей мира, а победу одержали дети разбитых и покоренных. Но это был еще не конец монгольской трагедии.

Хайду

Немедленно после победы, в 1264 г., Хубилай перенес резиденцию из Кайпина в Пекин и лишил звания столицы Каракорум, а в 1271 г. дал своей династии китайское название «Юань», сам же из хана превратился в императора и «Сына Неба». Монголия оказалась обращенной в провинцию... нет, не Китая, а внеэтничной военной монархии, основанной на господстве верной наемной армии над покоренными странами. Получив с запада, от ильхана Абаги и хана Берке, многочисленные подкрепления, состоящие из арабов, персов, аланов, кыпчаков и других народов^[364], Хубилай возобновил войну против империи Сун, правительство которой арестовало его посла, и закончил ее покорение к 1279 г. За это время его противники в Западной Монголии успели перестроиться. Последним паладином монгольской воинской славы стал царевич Хайду.

В отличие от своего предшественника Ариг-буги Хайду был честолюбив и талантлив. Незаметно, чтобы он позволял играть собой каким-либо группировкам; скорее он использовал их в своих целях. Но ни один претендент не может побеждать без опоры, без особой настроенности масс. И Хайду не был исключением: он знал, где искать и как найти соратников.

На берегах Имиля и склонах Тарбагатая жили монголы, оставшиеся верными старым обычаям и степному образу жизни. Они были антитезой солдат Хубилая, предававшихся войне и разгулу в побеждаемом Китае. «Без сомнения, – пишет Р. Груссе, – они были поражены переносом столицы в Китай и превращением ханства в империю»^[365]. Эти перемены были им чужды и противны, и именно эту настроенность использовал Хайду, став вождем всех западных монголов.

Нам не стоит отвлекаться от темы, прослеживая все перипетии бурной биографии монгольского царевича, тем более что это уже сделано, и не раз^[366]. Достаточно сказать, что, объединив под своим знаменем всех монгольских князей и ханов Средней Азии, Хайду начал в 1275 г. войну с Хубилаем и вел ее до самой смерти, наступившей в 1301 г. Война состояла не столько из крупных сражений, сколько из маневров, набегов и контрнабегов. Против своих сородичей Хубилай выставил кыпчакскую (половецкую) конницу, которая прекрасно воевала в степных условиях. Религиозная проблема при Хайду отошла на второй план, так как на его стороне кроме несториан были среднеазиатские мусульмане и последователи «черной веры» – иными словами, все защитники традиций империи Чингисхана. Они не одержали победы, но и не потерпели поражения.

Но один из эпизодов этой войны представляет для нас специальный интерес, так как он связан с нашей проблемой. Это восстание восточных Чингисидов, потомков братьев Чингисхана,

среди которых самым сильным и энергичным был Ная, потомок Тэмугэ-отчигина. Подобно Константину Равноапостольному, Ная выступил против Хубилая, подняв на своем знамени крест^[367].

Ная

Для того чтобы разобраться в причинах и обстоятельствах новой вспышки религиозной войны на Дальнем Востоке, нам придется бросить взгляд на историю сложения столь напряженной коллизии. После изгнания христиан из Китая (конец X в.) там возгорелось соперничество между буддистами и даосами. Сначала перевес клонился на сторону буддистов, которых поддерживали владыки киданьские и тангутские, потом даосский монах Чань-чунь сумел добиться от Чингисхана в 1223 г. для даосских монахов освобождения от всех повинностей, податей и оброков^[368]. Обрадованные высокой милостью, даосы стали захватывать буддийские монастыри и выбрасывать изображения Будды, заменяя их статуями Лао-цзы.

При Угедее Елюй Чуцай, бывший истым буддистом, несколько ограничил активность даосов^[369]. На сторону буддистов склонялся и Мункэ, организовавший в 1255 г. диспут, на котором буддисты одержали победу. Но хитрый политик Мункэ открыто заявлял, что для него пять религий – как пять пальцев на одной руке, все равно нужны и дороги^[370]. Следующий шаг сделал Хубилай, организовавший победу буддистов на диспуте 1258 г. в городе Шанду. После этого даосы были выгнаны из захваченных ими монастырей, а их антибуддийские трактаты преданы сожжению по указам 1258, 1261, 1280, 1281 гг.^[371]. Это уже можно было назвать религиозным гонением.

Несториане были, пожалуй, наиболее неуживчивыми и строптивыми из всех представителей христианских исповеданий.

Они сумели поссориться и с греками, поддерживая мусульман, и с мусульманами, забрав влияние в ханстве кара-киданей, и с волхвами «черной веры», и, наконец, с буддистами. Единственно, с кем они поддерживали мир, это были даосы, уважаемые христианами отчасти за строгость монастырского устава, а еще больше за то, что они не пытались развернуть пропаганду своего учения за пределами собственно Китая. Поэтому торжество буддизма, бывшее по даосизму, задевало и несторианство. Ная и его двоюродные братья имели уделы в Восточной Монголии и Северной Маньчжурии, господствуя над воинственными племенами, восстания которых некогда потрясали империю Ляо. У нас нет сведений о пропаганде несторианства в этих областях, но сам факт наличия христианского движения, направленного против буддизма^[372], показывает, что несторианские миссионеры здесь неплохо поработали.

Повстанцы имели немало шансов на успех. Лучшие войска Хубилая были связаны в Джунгарии войной с Хайду, и Хубилаю пришлось пополнить армию, брошенную против Ная китайцами. Флот, вызванный с Янцзы, доставил армию к устьям Ляохэ, где она встретила остановившуюся на отдых рать монголов. Хубилай, хотя ему уже исполнилось 72 года, руководил из башни, которую несли четыре слона. Застав Ная врасплох, он окружил его лагерь и принудил монголов к рукопашной, лишив их свободы маневра. В бою, который длился от утра до полудня, китайская пехота одолела монгольскую конницу, потому что последняя не могла развернуться. Мятежники сдались на милость победителя. Однако в милости им отказано. Ная за благородство его происхождения было позволено умереть без пролития крови. Его завернули в кошму и задавили, скручивая ее концы. Хубилай передал командование войсками своему внуку Тэмуру и вернулся в Пекин, а война на севере продолжалась. Повстанцев возглавил князь Кадан, который сделал попытку перейти в наступление. Тэмур бросился ему навстречу, и жестокие бои

развернулись в Северо-Западной Маньчжурии на берегах реки Нонни. Тэмур одержал две победы – в 1288 и 1289 гг. – и принудил мятежников к сдаче. Расправа была жестокой: Кадан и другие вожди восстания потеряли головы, а рядовые воины – свободу. Пленные воины были отправлены в ссылку в Ордос и Амдо, где им было очень плохо^[373].

Христианская религия как таковая не подвергалась гонению, а только была поставлена под особый надзор: в 1289 г. Хубилай учредил «управление по христианским делам»^[374]. Очевидно, приходилось считаться с онгутами, бывшими наиболее надежной опорой престола. Но умный правитель и тут нашел выход.

Вспомним, что Хубилай получил христианское воспитание, хотя и не был, как Чингисид, крещен. С единоверцами его развели политические, а не идейные мотивы, и потому он обратил внимание на другое исповедание христианской веры, т.е. на римский католицизм. В середине 60-х годов, т.е. сразу после разгрома Ариг-буги, Хубилай предложил венецианским купцам Николаю и Матвею Поло доставить его письмо папе. Он хотел завязать сношения с католиками и просил прислать миссионеров^[375], очевидно для того, чтобы создать собственную церковь, ориентирующуюся на него, а не на его соперников.

Хан называл местных христиан «невеждами» за то, что не умели делать чудес, прогонять дурную погоду и т.п., что будто бы запросто делали буддисты. Он заявлял, что при наличии достаточного количества образованных священников с Запада готов сам обратиться в христианство вместе со своим народом^[376]. Казалось бы, папскому престолу надо было ухватиться за такое предложение, но активная пропаганда католицизма началась в Китае только в 1293 г., когда в Пекин прибыл Джованни Монтекорвино, францисканский монах и будущий архиепископ Китая^{[377][110]}.

Принц Георгий, или Коркуз

Папы не виноваты в опоздании. Им было очень некогда. За три десятка лет, истекших с отъезда братьев Поло из латинского Константинополя (1259 г.) до назначения брата Джованни миссионером в Китай (1289 г.), карта западной окраины Евразийского континента изменилась до неузнаваемости. Святая земля попала в руки мамлюков, за исключением крепости Акра, но и ее дни были сочтены. На месте Латинской империи гордо высилась обновленная Византия. В Италии после довольно больших успехов гибеллинов, захвативших Ломбардию и Тоскану, Карл Анжуйский овладел Сицилийским королевством. Последние Гогенштауфены погибли либо в бою (Манфред), либо на плахе (Конрадин), но и победители-французы приняли жестокую смерть под звон колоколов «Сицилийской вечерни» (30 марта 1282 г.). Вмешательство Арагона затянуло войну в Италии до 1287 г., когда было заключено кратковременное перемирие и Джованни Монтекорвино отправился на Восток. По сути дела, миссия запоздала. После подавления христианского восстания Ная и Кадана христианские симпатии Хубилая заменились буддийскими, и Монтекорвино сообщает, что хан «уже закоснел в язычестве», но относился к христианам радушно^[378]. Но он тут же поссорился с несторианами, и которые распространили слух, что Монтекорвино шпион. Судебное следствие без заключения под стражу продолжалось пять лет и закончилось победой католического миссионера; которому помог сам император Тэмур (внук Хубилая). Интересно, за что выпала итальянскому монаху такая удача, как монаршая милость?

Дело в том, что не дремал враг китайских монголов, Хайду. В 1297 г. ему удалось проникнуть до Селенги^[379]. Еще немного – и Монголия была бы освобождена от династии, связавшей свою судьбу с Китаем. Вопрос решала только степная конница, а та, которой

располагал Тэмур, состояла из онгутов и кераитов, т.е. несториан. Привлечь эти войска на свою сторону для Тэмуря было необходимо, и тут ему помог Монтекорвино. Он крестил несторианина, правителя области Тендук^[380], князя Коркуза^[381], в католическую веру и тем самым сделал его врагом несториан и другом Тэмуря. Коркуз, он же принц Георгий, выступил со своими несторианскими подданными на стороне буддийского императора, и войска Хайду откатились к истокам Черного Иртыша. Там и погиб в 1298 г. князь-вероотступник^[382].

Он попал в плен к Хайду, и ему отрубили голову. Это значит, что ожесточение войны превысило нормы обычного, ибо Коркуз мог рассчитывать на смерть без пролития крови.

По сути дела, выступление онгутов и кераитов на стороне пекинского правительства решило судьбу войны. Наступление войск Хайду было остановлено, и в 1301 г. последний поборник степных традиций скончался. Междоусобная война погасла.

Совпадение дат обращения Коркуза и начала возвышения Монтекорвино не позволяет сомневаться в том, что именно за это католический миссионер получил преимущества, позволившие ему основать епископию в Пекине. Но как это похоже на тамплиеров Акры! Снова католики предали несториан, на этот раз буддистам. И тут возникает вопрос, что это: случай, совпадение или продуманная система?

Ответить на этот вопрос тем более трудно, что злая воля пап и прелатов заведомо исключается. Они действовали согласно своей совести и представлениям своей эпохи. Это снимает с них моральную ответственность. Однако остается в силе логика событий, которая улавливается нашим историоскопом при условии некоторого отдаления и обобщения.

Обруч догмы и философы лопнул под давлением этнокультурного развития, толкавшего народы романо-германской Западной Европы на путь обособления. Если в XI в. они еще считали греков братьями по религии и только удивлялись, до чего же эти братья непохожи на них самих, если в XII в. они ждали прихода восточных христиан как естественных союзников, то в XIII в. все иллюзии исчезли, и народы, не объединенные папской тиарой, для европейцев стали чужими: язычниками и, хуже того, еретиками. Под этой эквилибристикой богословскими терминами крылся глубокий этнологический смысл: европейцы выделили себя из остального человечества и противопоставили себя ему, как это некогда сделали арабы и китайцы, а в древности эллины, иудеи, персы и египтяне. Следовательно, тут мы наблюдаем единый для всех эпох и стран процесс этногенеза^[111]. А раз так, то мы не имеем права рассматривать эти события ни как случайные совпадения, ни как политический заговор европейцев против азиатов, а должны их рассматривать как естественно протекавший процесс или закономерность этнической истории человечества в ту жестокую эпоху, когда наступило время кристаллизации народов, живущих и действующих поныне.

Правда вместо сказки

Напряженная деятельность венецианских, генуэзских и римских торговых и дипломатических агентов, чрезвычайно добросовестно работавших всю вторую половину XIII в., принесла свои плоды. Легенду о пресвитере Иоанне заменила «Книга о Великом Хаане»^[383], обобщившая все сведения, накопленные европейскими путешественниками. Дошедший до нас текст является переводом с латинского подлинника на очень старый французский язык. По мнению публикатора, это – нормандский диалект с крайне вольной орфографией^[384]. Но первые же фразы текста, посвященные описанию политического положения в Азии, дают данные для весьма точной датировки утерянного подлинника.

Наиболее могущественным сувереном назван великий хан Катая (Le grand Kaan de cathay),

которому подчинены все сеньоры страны; из их числа выделены три великих императора: император Ханбалыка^[385] (cambabech), Бусаи (boussay) и Узбек (usbech). Ниже указано, что Узбек и Бусаи ведут войну между собою. Совершенно ясно, что Узбек – хан Золотой Орды, правивший в 1312–1341 гг., а Бусаи – Абу Сайд, имя которого персы произносили Бу Са'ид^[386] ильхан Ирана с 1316 по 1335 г. Путем сопоставления дат правления обоих названных ханов мы получаем совпадение в 1316–1335 гг., когда, очевидно, и был составлен изучаемый нами источник. Имена дальневосточных ханов составителям документа не были известны. Это указывает на то, что первичная информация была собрана на Ближнем Востоке^[112].

Важно отметить, что составитель «Книги о Великом Хаане» допустил анахронизм, сообщив, что все три монарха подчиняются четвертому, самому великому, хану «Катая». В XIII в. «Катаем» называлось Семиречье, т.е. бывшее царство Елюя Даши. В конце XIII в. здесь располагался удел Хайду, который претендовал на приоритет среди прочих монгольских ханов. В XIV в. эти претензии унаследовал Чагатаид Дува, скончавшийся в 1306 г., после чего престол Чагатайского улуса перешел в руки слабых и ничтожных правителей, от которых остались имена^[387], но не деяния. Претензии их на гегемонию, если они и заявлялись, были беспочвенны, но, по-видимому, итальянский компилятор не был достаточно осведомлен об истинном положении дел в Средней Азии и изложил политическую ситуацию так, как она представлялась его информаторам – путешественникам конца XIII в.

Это наблюдение особенно ценно для нашего исследования, потому что оно дает возможность приурочить приведенные ниже данные о несторианах к концу XIII в., т.е. к той эпохе, когда они еще боролись за свое господство в монгольском улусе. О среднеазиатских несторианах нет ни слова, но тем, которые жили в Ханбалыке (Пекине), посвящено две главы.

В них сказано, что ханбалыкские христиане-схизматики придерживаются греческого обряда и не подчиняются римской церкви, что они недоброжелательно относятся к католикам, истребляют по ночам католических монахов и творят им столько вреда, сколько могут. Но поскольку император благоволит к католикам, несториане их побаиваются. Несториане имеют много очень красивых церквей с крестами и иконами и весьма заботятся о том, чтобы их паства не общалась с католическими миссионерами и мирянами, обращенными в католичество, потому что благодаря поддержке великого хана как административной, так и денежной, католикам удалось окрестить многих местных несториан и некоторых язычников, называемых в источнике «vritanes» (?!)^[388].

Эти сведения согласуются с данными из письма архиепископа Китая Джованни Монтекорвино к главному викарию Францисканского ордена в Крыму, написанному в Пекине 8 января 1305 г. Прелат очень жалуется на несториан и указывает, что его спасло только вмешательство императора, который выслал из столицы его врагов. Одновременно он поясняет, что его миссионерская деятельность была направлена на перекрещивание именно несториан, а что касается язычников, то он купил 150 мальчиков в возрасте от 7 до 11 лет и крестил их в католическую веру^[389].

Ожесточение несториан становится вполне понятным. А ведь всего полвека перед тем они искали соглашения с римской церковью и спасли Европу, направив своим влиянием и советами главный удар не растроченных еще монгольских сил на Багдад, в «желтый крестовый поход», т.е. совершили то, чего ждали от первосвященника Иоанна. Что ж, ни одно доброе дело не остается безнаказанным!

Католическая Европа отказала в поддержке ильхану Абаге, покровителю христиан, просившему у пап Климента IV в 1268 г. и у Николая III (1277–1280) организовать крестовый поход против египетских мамлюков^[390]. В результате ильханы капитулировали перед силой

ислама. В 1295 г. на престол Ирана вступил перешедший в мусульманскую веру сын Аргуна, Газан, ознаменовавший свое отпадение от древних монгольских традиций и Ясы тем, что он прервал формально вассальные отношения, которые связывали Иран с улусом великого хана.

Неустойчивость и колебания правившей в Иране монгольской знати отразились на выборе имен для последних еще сильных ильханов. Газан имел мусульманское имя – Махмуд, а его брат и наследник, Ульчжайту, был крещен в детстве своей матерью и наречен Николаем. Персы дали ему насмешливое прозвище – Харбандэ («раб осла»), которое он при переходе в ислам изменил на Худабандэ («раб божий»), хотя официальным его именем стало имя пророка – Мухаммед^[391].

Сами Газан и Ульчжайту еще продолжали по традиции считаться со своими христианскими подданными, но при следующем государе, Абу Саиде, возникли такие стеснения христиан, что монгольско-несторианская община в 1319 г. была вынуждена поднять восстание, которое было жестоко подавлено. После этого в Иране и Средней Азии христианами остались только местные уроженцы, община которых была уничтожена Тимуром^[392].

Вина папского престола и французской короны в происшедшей трагедии относительно невелика. Они просто покинули восточных христиан в беде, а европейцы не оказание помощи преступлением не считают. К тому же в XIII в. страсти с религиозной окраской так разгорелись, что католики отказались считать схизматиков единоверцами, и это объясняет их глубокое равнодушие к восточным христианам, ставшим жертвой новой вспышки мусульманского фанатизма.

Зато католики не пожалели усилий для того, чтобы разложить и обессилить дальневосточную общину «вероломных еретиков-христиан»^[393], и это им удалось. Но выиграла от этого отнюдь не римская курия, не католические короли и даже не венецианская сеньория, а только средневековая географическая наука, ибо басни о царстве пресвитера Иоанна заменились трезвой и относительно верной информацией о монгольском улусе, содержащейся в «Книге о Великом Хаане».

Дальнейшая судьба католической епископии в Китае была не блестящей. В 1304 г. по жалобе даосской церкви хан запретил крещение китайцев, а молебны о его здравии приказал служить после даосской и буддийской служб. В 1311 г. буддисты отняли у христиан храмы на берегу Янцзы и покрасили фрески на сюжеты из Евангелия изображениями бодисатв и дармапал^[394].

По-видимому, это было реакцией на попытку католиков привлечь в 1310 г. к своей вере хана Хайсана, пьяницу и вырожденца^[395], но тут Монтекорвино не имел успеха^[396]. После смерти архиепископа Китая, наступившей в 1328 г., католическая община прозябала до 1368 г., т.е. до свержения монгольской династии. Новая победоносная династия Мин враждебно относилась ко всем направлениям христианства, и последнее постепенно заглохло под давлением мусульманства и буддизма^[397]. Несколько дольше держались несторианские монастыри в Уйгурии, но их никто не считал за царство пресвитера Иоанна.

Подход автора и основания для скепсиса

Мы просмотрели всю историю Срединной Азии с высоты полета орла и вершины высокого кургана. Кое-что прояснилось, но многое осталось тайной. И хуже того, количество тайн как будто увеличилось.

В самом деле, пока речь шла о хуннах и древних тюрках, все было ясно: кочевники имели свой специфический быт, а следовательно, и свою идеологию, к этому быту приспособленную. Но появился Уйгурский каганат – и сразу возникает обращение кочевников в иноземные

религии, принесенные с Запада и Востока. В 841–847 гг. гибнет манихейское теократическое государство, явно нежизнеспособное, так как чужая религия не была воспринята народом. Казалось бы, гибель Уйгурии должна была отбить у кочевников охоту к идеологическим заимствованиям. Но не тут-то было! Большая часть их принимает христианство и не без успеха приспособливает его к своей устоявшейся культуре. Значение христианства для них, видимо, заключалось не в том, чтобы устанавливать контакты с основной струей этой религии, а в том, чтобы противопоставить китайским культурным влияниям нечто весомое и равноценное буддизму. Если это так, то почему же этим пренебрегли монголы? Очевидно, нужно разобраться в деталях монгольской религии, а этого с птичьего полета не сделаешь.

Затем непонятно, почему монголы и несториане после нескольких стычек стали мирно уживаться друг с другом. Ведь монголов в армии Чингисхана было около 13 тыс., а всего она состояла из 130 тыс. Почему же 90% храбрых воинов подчинялись 10%, не говоря уже о вспомогательных контингентах? И не только подчинялись, но и сражались за девятибунчужное знамя до последней капли крови. И наконец, каким образом несторианство перестало владеть умами и почему оно исчезло? Все непонятно!

Очевидно, принятый нами подход к предмету не универсален, но свою службу он сослужил. Ведь не будь у нас полного охвата исторических явлений, нам не пришлось бы в голову ставить такие вопросы. Мы даже не задумались бы над «белыми пятнами» истории Азии и остались бы в блаженном неведении, прикрытом общими фразами о развитии, прогрессе и застое. Теперь же у нас появился повод снова обратиться к источникам и попытаться извлечь из них недостающие сведения.

Работа над текстами требует совсем иного подхода. Мелочи, оговорки средневековых авторов, совпадения и несовпадения разных версий, эмоциональная нагрузка и литературные приемы – вот новое поле для исследования, которое, можно надеяться, окажется плодотворным, потому что мы уже не будем складывать здание по кирпичу, а сосредоточим внимание на деталях, нам интересных и неясных. Но прежде всего вопрос о достоверности. Что толку изучать чужую ложь, хотя бы и древнюю?! И для решения новой проблемы посмотрим на те же события как бы из мышиной норы, естественно ограничиваясь тем небольшим пейзажем, который оттуда виден.

Трилистник мышинной норы

Повод для сомнения

Несмотря на то, что проблема создания и разрушения державы Чингисхана волновала многих историков, она до сих пор не решена. В многочисленных общих и специальных работах нет ответа на первый и самый важный вопрос: как произошло, что нищий сирота, лишенный поддержки даже своего племени, которое его ограбило и покинуло, оказался вождем могучей армии, ханом нескольких народов и победителем всех соседних государств, хотя последние были куда могущественнее, чем он^[398]?

В нашем кратком экскурсе мы пытаемся ответить на этот вопрос, ибо при панорамном рассмотрении истории Азии ясно, что исчезновение легенды о царстве пресвитера Иоанна и упадок несторианской церкви в пределах Монгольского улуса связаны с тем оборотом событий, которые сопутствовали возвышению Чингисхана. Особенно это касается самой важной темы – образования монгольского государства до Великого курилта 1206 г., так как внешние войны монголов изучены подробнее и точнее.

Описанию этого периода были посвящены два сочинения XIII в.: Алтан дептер (Золотая книга) и Юань-чао би-ши (Тайная история монголов)^[113]. Первое – это официальная история, прошедшая строгую правительственную цензуру, второе – сочинение, составленное в 1240 г. и посвященное описанию тех же событий, но преимущественно внутренней истории монгольского народа, что, очевидно, соответствовало интересам автора и цели) которую он перед собой поставил. Какая это была цель и кто был автор – вот поставленная нами проблема.

При подходе к аутентичному нарративному источнику личные качества и направление мыслей древнего автора имеют не меньшее значение, чем его социальная принадлежность или политическая ориентация. Больше того, одно определяется другим и переплетается настолько, что становится нераздельным. Еще более важно уяснить, для чего и ради чего написан источник и в какой степени ему можно доверять. Если автор бездарен, то историку разобраться легко, но «Юань-чао биши» – сочинение столь же гениальное, как и «Слово о полку Игореве», и очень трудно определить, куда клонит автор и какие поправки следует допускать, чтобы восстановить истинный ход событий. Вот вопрос принципиальной важности. Если бы мы знали биографию и личные связи автора, то все было бы просто, но мы не знаем даже его имени.

Б. И. Панкратов допускает равно две гипотезы: запись со слов очевидца и коллективное творчество^[399]. Впрочем, еще более важно установить жанр и политическую направленность самого сочинения, но и тут нет общего мнения, что видно из разных переводов заглавия книги: «Сокровенное сказание»^[400] и «Тайная история»^[401]. Это не совсем одно и то же^[402].

Столь же разноречивы исследователи в отношении политического направления сочинения^[403]: В. В. Бартольд считал его апологией аристократии, С. А. Козин – демократии, Б. Я. Владимирцов писал, что цель его – «сделаться заветным преданием дома Чингисхана, его историей, так как сказание действительно сокровенный источник рассказов о мрачных событиях, происшедших внутри одного рода, одной семьи, одной кости». Наоборот, современные монгольские ученые Ц. Дамдинсурен и М. Гаадамба считают, что идея автора сводится к обоснованию необходимости объединения монгольских племен и проповеди торжества феодализма над родовым строем. Как мы видим, разноречив мнений предельно, но только В. В. Бартольд и Г. Е. Грумм-Гржимайло^[404] ставят вопрос о степени достоверности источника, хотя и не предлагают решения проблемы.

Мне представляется крайне сомнительным, чтобы автор «Тайной истории» разобрался в

таких понятиях, как «феодализм» и «родовой строй» и даже «аристократия» и «демократия». Скорее всего у него были личные симпатии и антипатии к тем или другим Чингисидам, когда он в 1240 г. составлял свое повествование о днях минувших. Именно эти симпатии определили тенденцию, которую он стремился провести, часто в ущерб истине.

В отличие от «Тайной истории» официальная история монголов, озаглавленная «Сборник летописей», имеет автора, биография которого хорошо известна. Впрочем, это не значит, что история создания источника и его методологические и композиционные особенности ясны, а достоверность сведений несомненна. Скорее наоборот, тут слишком многое наводит на размышление и дает пищу для сомнений.

Рашид ад-дин был просвещенный человек, сделавший административную карьеру при ильханах Газане и Ульжэйтуте. Разбогател он сказочно: ему принадлежала четверть города Тебриза, с лавками, караван-сараями, мастерскими и садами; у него были огромные имения и, кроме того, неограниченное количество денег, потому что он заведовал финансами государства ильханов. В 1298 г. он стал везиром, т.е. главой правительства, да и семья у него требовала забот и внимания. Легко представить, что Рашид ад-дин был очень занят, а ведь историческое исследование – дело трудоемкое.

И вот посреди всех повседневных забот Рашид ад-дин получил повеление составить «историю монголов», да такую хорошую, какой нигде не бывало. Концепцию он, вероятно, придумал сам: начать с сотворения мира, охватить страны франков и китайцев и увенчать это великолепное сооружение подробным описанием создания и расцвета монгольской империи, прославить Чингисхана и довести повествование до зенита – царствования его покровителя – Ульжэйтута-хана.

Замысел был поистине грандиозен, но Рашид ад-дин оказался в положении Райского из романа Гончарова «Обрыв», т.е. имел идеи и желание, но не имел ни времени, ни навыков обращения с материалом, не знал приемов исторической критики и, следовательно, не мог отличать достоверные версии от искаженных. Короче говоря, великий финансист историю писать не умел.

Но это его не смутило. В Персии в то время было много безработных образованных людей. Везир пригласил их и поручил собирать материалы, что те и выполнили. Затем эти материалы и выписки, не сверяя и не критикуя достоверность сведений, подшили, переплели и представили ильхану, который тоже не стал вникать в текст, а просто наградил составителя ^[405]. Бедные исполнители разных тем пришли в отчаяние, ибо сырой материал был выдан за законченное произведение. Некоторые, например Кашани ^[406], подняли дело о плагиате, но тщетно. Их никто не хотел слушать. А после того как везир попал в опалу, был казнен, а империя ильханов стала быстро разваливаться, об исправлении исторических сочинений не возникло и речи. Было не до того. Так мы и получили не «историю» и даже не «хронику», а сборник материалов, в значительной части противоречивых.

Одни и те же события в разных местах книги излагаются по-разному, и неизвестно, каким версиям следует отдать предпочтение. Но, может быть, это даже хорошо, потому что у историков XX в. есть возможность обработать первичный материал, не затрачивая огромных усилий на преодоление философских концепций XIII в., давно потерявших актуальность. Но не надо уклоняться от другой трудности, не преодоленной составителем «Сборника летописей», – проверки всех приведенных версий путем внутренней и сравнительной критики.

Поиски выхода

Прежде всего надо отметить, что «Тайная история» в трактовке и изложении событий

весьма отличается от истории официальной «Алтан дептер» («Золотая книга»), монгольский текст которой не сохранился, но лег в основу «Сборника летописей» Рашид ад-дина^[407] и «Юань-ши» – китайской истории монгольской династии^[408]. Устанавливая совпадения в обоих сочинениях, мы можем восстановить содержание утраченного источника.

Для поставленной нами цели не нужно сравнивать обе версии, тайную и официальную, полностью. Достаточно лишь указать на некоторые несовпадения, чтобы показать, что они писались независимо друг от друга. Так, битва при Далан-балчжутах, по «официальной» истории, закончилась полной победой Чингисхана^[409] а по «Тайной»^[410] – поражением его, которым Джамуха почему-то не воспользовался. Похищение Бортэ у Рашид ад-дина описывается иначе, чем в «Тайной истории»^[411]. Казнь Джамухи у Рашид ад-дина приписана Эльчидайн-нону, который разрубил Джамуху на куски, а в «Тайной истории» Чингисхан стремится спасти Джамухе жизнь и лишь по настоянию самого Джамухи позволяет ему умереть «без пролития крови», т.е. с великим почетом^[412]. Примеры несовпадений можно умножить, но достаточно лишь прибавить, что характеристики исторических персон подчас диаметрально противоположны. Например, Джамуха в «официальной» истории изображен как беспринципный авантюрист, а в «Тайной» – как патриот и верный друг Чингисхана, которого только обстоятельства и интриги вынудили на борьбу, причем, даже находясь в стане врага, Джамуха больше заботится об интересах Чингисхана, чем о своих собственных (170, 195, 200). Разная направленность источников очевидна.

Ставить вопрос о том, кто прав: «официальная» или «Тайная» история – преждевременно. Обе писались в эпоху напряженной борьбы различных группировок внутри монгольской империи и, несомненно, отражали эту борьбу. Для того чтобы ответить на интересующий нас вопрос о направлении автора «Тайной истории», есть только один способ – разобрать источник по четырем линиям: 1) хронологическая последовательность событий; 2) принцип построения литературного произведения – т.е. установить жанр; 3) характеристики исторических персонажей, с точки зрения автора; 4) политические симпатии автора в 1240 г., т.е. в момент написания сочинения.

Только путем критического анализа можно ответить на поставленный вопрос и определить степень достоверности источника, без чего все историко-социологические соображения о роли Чингисхана будут зависеть от произвола исследователя и, следовательно, не могут претендовать на научное признание. Ведь в истории возвышения Чингисхана сомнительно все, начиная с даты его рождения. Это отметил сам Рашид ад-дин, допустив при определении этой основной даты вопиющее противоречие: сначала он говорит, что Чингисхан родился в год свиньи, соответствующий 547 г. х. (1152–1153), а тут же определяет возраст Чингисхана в момент смерти (август 1227 г.) – 72 года, т.е. дата рождения падает на 1155 г.^[413] Тут несомненная путаница, и, по-видимому, более верной является датировка Юань-ши, относящая рождение Чингисхана к году лошади – 1161 г.^[414] Монгольская традиция дает дату 1162 г., но разница лишь в месяцах за счет календарей^[415]. Почему следует предпочесть эту дату – мы увидим ниже.

В жизни Тэмуджина различимы периоды разного значения. Первый период – детство, до смерти его отца, которая застала Тэмуджина в возрасте 9 лет (61)^[416], т.е. 1171 г.^[417] В этот период, естественно, в его жизни не произошло никаких событий, которые бы отразились на истории.

Второй период – отрочество, до того момента, когда Таргутай Кирилтух тайджиутский взял Тэмуджина в плен, из которого последний убежал. «Тайная история» сообщает из этого периода лишь один факт: убийство Бектера Тэмуджином и Хасаром (76–78) и ниже вскользь упоминает, что Тэмуджин подружился с Джамухой, когда ему было 11 лет (116), т.е. в 1173 г. Однако можно

думать, что в этот период случилось нечто более значительное. В самом деле, тайджиуты напали на борджигинов не с целью грабежа, а только для того, чтобы поймать Тэмуджина, и, достигнув этого, удалились. Таргутай «подверг его законному наказанию». За что? Очевидно, Тэмуджин что-то натворил, не очень вредное, так как убивать его не следовало, но вполне определенное.

Это не продолжение старой ссоры из-за ухода тайджиутов, так как впоследствии Таргутай Кирилтух, будучи схвачен холопами, хотевшими выдать его, говорит своим братьям и сыновьям, собиравшимся его отбить, что он воспитывал и наставлял Тэмуджина, когда тот осиротел, и добавляет: «Говорят, он входит в разум и мысль его проясняется... Нет, Тэмуджин не погубит меня» (149).

Тут автор источника проговаривается о тех событиях, которые он старательно замалчивал: неизвестный поступок Тэмуджина, за который он попал в колодку, был расценен как ребячливость, глупое баловство, потому его и пощадили. Но тайджиутские старейшины просмотрели пробивающуюся искру властности, которую отметил батрак Сорган-Шира^[418], спасший Тэмуджина из плена, и которую затушеввал автор источника. Для чего это было ему нужно, мы увидим в дальнейшем.

Датировать это событие трудно. Почему-то в литературе принято думать, что Чингису в это время было 16 лет, т.е. 1178 г., но подтверждений этого в источнике нет.

Третий период – молодость – имеет еще большие трудности для изучения. Следующий факт – женитьба на Бортэ – датируется по возрасту членов семьи борджигинов. Опорной датой является смерть старшего сына, Джучи-хана, который родился в год набега меркитов, благодаря чему вызвал подозрения в незаконном происхождении.

Джучи умер в 1227 г., будучи тридцати с чем-то лет. Значит, набег меркитов был около 1190 г., и Тэмуджину в это время было 28–30 лет, но, с другой стороны, второму сыну, Угедю, в 1241 г. было 56 лет^[419], т.е. он родился в 1185 г.

Из монгольской традиции мы знаем, что год первого избрания Тэмуджина Чингисханом был год барса и его от года отбития Бортэ и, следовательно, рождения Джучи отделяло полтора года. Так как Джучи старше Угедя, то этим годом не мог быть 1194 г. – следовательно, это был 1182 г. и, значит, контрнабег на меркитов был около 1180 г. Исходя из этих дат, можно отнести к предлагаемым Рашид ад-дином датам рождения Тэмуджина – 1152 г. и 1155 г. – с полным недоверием. Ведь известно, что Тэмуджин женился на Бортэ, достигнув совершеннолетия, т.е. 16 лет. Следовательно (даже взяв позднюю дату), это произошло в 1171 г., т.е. за девять лет до рождения первенца. Возможно ли такое?! Если же мы примем дату «Юань-ши», восходящую к монгольской Алтан-дептер, т.е. официальной истории, то дата женитьбы падает на 1178–1179 гг. и естественно ожидать рождения сына через год-полтора после бракосочетания. Затем известно, что Чингисхан до конца жизни совершал далекие походы лично, т.е. в седле. Вряд ли в 72 года он запросто пересекал раскаленные пустыни, но можно допустить, что это было ему по силам в 65 лет. Итак, за монгольскую хронологию говорит вероятность и отсутствие противоречий, а против персидской – не только ее несообразность, но и наличие двух взаимоисключающих дат. Мы уделили этому вопросу столь много внимания, ибо вся хронология конца XII в. до сих пор была условна и, на наш взгляд, не соответствовала действительности. Отправной точкой для хронологических изысканий являются даты рождения и женитьбы Тэмуджина. На этой базе мы выше дали исправленную хронологию событий и ни разу не встретили противоречий в интерпретации фактов и их последовательности.

Но если так, то история монголов в конце XII в. принимает те черты, которые были очерчены выше. Она была весьма насыщена, т.е. тайджиутский плен, бегство из него, набег меркитов, контрнабег монголов, дружба с Джамухой и избрание в ханы – события, сгруппированные вместе, в промежутке между 1178 и 1182 гг. И тут автор источника допускает

оговорку, чрезвычайно ценную для нас: Джамуха, предлагая диспозицию контрнабега на меркитов, говорит: «На пути отсюда, вверх по Онону, есть люди, принадлежащие к улусу анды (т.е. Тэмуджина). Из улуса анды составитя одна тьма. Да одна тьма отсюда, всего будет две тьмы»^[420] (106). Но не только Боорчу и Джельме примкнули к Тэмуджину, а были еще какие-то люди, подчиненные ему, хотя бы номинально. Это – огромный шаг по сравнению с тем временем, когда Есугэевы сироты кормились черемшой и тарбаганами, но автор источника предпочитает не замечать его, хотя только он может объяснить нам внезапно возникшую ненависть тайджиутов к Тэмуджину.

Четвертый период – зрелость – возможно ограничить 1201 г. – годом курицы, начиная с которого неточности источника переходят из хронологической в другие области. 1201 год – год гражданской войны в Монголии, начатой конфедерацией племен, очевидно возмущенных и обеспокоенных энергичной политикой Чингисхана. Но какова была эта политика – источник ответа не дает. На все 18 лет падают только три события: ссора Тэмуджина с Джамухой, поход на татар и расправа с отложившимся родом Джурки. События эти датированы годом собаки, начавшимся с 1 джумада 578 г., т.е. в сентябре 1181 г. Следовательно, они имели место вскоре после избрания Тэмуджина ханом, т.е. около 1183^[421]. Остальные же 16 лет, т.е. время, когда Тэмуджин из мелкого князька превратился в претендента на престол не только Монголии, но и всей Великой степи, время, являющееся ключом к пониманию всех последовавших грандиозных завоеваний, время перелома в социальных отношениях и психологии самих монголов – это время не отражено в «Тайной истории» никак. Оно просто пропущено. Неосведомленность автора исключена, так как с § 120, т.е. с 1182 г., он заменяет местоимение «они» на «мы», показывая, что он был участником событий. Значит, он снова опустил события, о которых почему-то не хотел говорить. На это странное обстоятельство обратил внимание уже Рашид ад-дин^[422]. Очевидно, «официальная» история замалчивала те же события, что и «Тайная». В этом случае тенденции обеих версий совпадают, но там, где событие описано (например, битва у Далан-балчжутах), версии диаметрально противоположны, и тут мы подошли к основной проблеме – направлению тенденции автора «Тайной истории» по отношению к главному действующему лицу – Тэмуджину Чингисхану. Установив характер направленности источника, мы сможем понять, какого рода искажения событий допустил или ввел сознательно в текст повествования его автор.

Проблема жанра

Прежде всего, необходимо отметить, что хотя автор «Тайной истории» использовал многие рассказы, предания и собственные воспоминания, они оказались им настолько творчески переплавлены, что единый план сочинения не претерпел никакого ущерба. Некоторые из материалов обработаны мало, например список нойонов и военный артикул для гвардии или фольклорные вставки в виде собственной речи, восхваление унгиратских женщин в устах Дайсэчэна и монгольской армии в устах Джамухи. В первом случае автор стремился к достижению точности, может быть кажущейся, а во втором мы наблюдаем общеупотребительный литературный прием – введение в повествование собственной речи, диалогов и монологов, оживляющих сухое повествование от третьего лица. Такого рода литературные приемы показывают лишь начитанность автора да существующую литературную традицию, но не больше.

Первая часть «Тайной истории» – родословие монголов – похожа на литературную обработку устного предания о предке Бодончаре, но вторая часть – юность Чингиса до первого

его избрания в 1182 г. – имеет отличие и от предшествующей и от последующей частей. Легендарный характер в ней пропадает, летописный еще не появляется. Автор пишет еще от третьего лица, но необычайно подробно. Например, как было светло от луны, когда Тэмуджин бежал из тайджиутского плена, как были распределены лошади при набеге меркитов и т.п. Если бы он был свидетелем событий, то он написал бы хоть что-нибудь от первого лица, следовательно, мы должны предположить, что он использовал уже существовавшее до него сочинение на эту тему, только переработав его согласно своему плану. Существование такой устной литературы подтверждает Рашид ад-дин.

«В то время существовал некий мудрый и проницательный старец из племени Баяут. Он сказал: „Сэчэ-бики из племени кийят-юркин имеет стремление к царствованию, но это дело не его. Джамукэ-сечену, который постоянно сталкивает друг с другом людей и пускается в лицемерные ухищрения различного рода для того, чтобы продвинуть свое дело вперед, – это также не удастся. Джучибара, иначе говоря Джучи-Касар, брат Чингисхана, тоже имеет такое же стремление. Он рассчитывает на свою силу и искусство метать стрелы, но ему это также не удастся. У Алак-Удура из племени меркит, обладающего стремлением к власти и проявившего известную силу и величие, также ничто не получится. Этот же Тэмуджин (т.е. Чингис-хан) обладает внешностью, повадкой и умением для того, чтобы главенствовать и царствовать, и он, несомненно, достигнет царственного положения“. Эти речи он говорил, согласно монгольскому обычаю, рифмованной иносказательной прозой»^[423].

В приведенной цитате описан жанр, бывший в XII в. в моде. Это не назидательное и не занимательное сочинение, а литературно обработанная политическая программа, приспособленная для целей агитации. Можно думать, что подобные произведения были использованы автором «Тайной истории» как материал. Отсюда он мог почерпнуть подробные сведения о XII в. Но, используя различные материалы, автор нигде не отступает от намеченного им единого плана.

«Тайная история» построена традиционно: за кратким вступлением следует завязка – похищение Оэлун. Затем идет нарастание действия и драматической ситуации до кульминационного пункта – смерти Джамухи. Прием применен крайне элементарный, но всегда выигрышный – литературный параллелизм Джамухи и Тэмуджина. События после Великого курилта 1206 г. изображены гораздо менее подробно. Это, собственно говоря, эпилог, причем автор оживляется лишь в конце, когда заставляет Угедея публично каяться в пьянстве, жадности и небрежении к боевым офицерам (убийство Дохолху-чербия). Излагаемый материал автора интересует также весьма неравномерно. Мы уже видели, что он опускает описания целых десятилетий. Но помимо этого автор чрезвычайно подробно описывает эпизоды гражданской войны, некоторые события личной жизни Чингисхана, порочащие его, и весьма мало касается внешних войн и завоеваний, очевидно известных ему лишь понаслышке. Все это не вредит целостности произведения, так как изложение истории монголов, по-видимому, не входило в задачу автора, так же как не входило в его задачу прославление личности Тэмуджина. Ведь это же «Тайная история»! Сочинение преследовало определенные цели, какие – это будет видно из анализа характеров главных действующих лиц. Однако, анализируя их, мы должны твердо помнить, что эти лица, пропущенные через сознание автора, стали персонажами, что автор отнюдь не объективен и что мы сейчас разбираем не эпоху, а литературное произведение, написанное много лет спустя и против кого-то направленное.

Характеристики

Тэмуджин Чингисхан – центральная фигура сочинения; однако сделать заключение о его

личности, характере, способностях чрезвычайно трудно. Отношение автора к герою на всем протяжении повествования не меняется, оставаясь двойственным.

Первая ипостась: Тэмуджин – человек злой, трусливый, вздорный, мстительный, вероломный.

Вторая ипостась: Чингисхан – государь дальновидный, сдержанный, справедливый, щедрый.

В самом деле, Тэмуджин как личность с первого момента кажется антипатичным. Его отец говорит его будущему тестю: «Страсть боится собак мой малыш» (66): болезненная нервность ребенка автором подается как трусость, т.е. самый постыдный порок военного общества.

Когда Чарха рассказывает ему об уходе улуса, Тэмуджин плачет (73). Вполне человеческая черта; деталь, которую можно было бы опустить, говоря о миродержце.

Во время набегов тайджитов и меркитов Тэмуджин не принимает участия в организации отпора, и Бортэ, молодая, любимая жена, достается в добычу врагам только вследствие панического настроения мужа, так как ее лошадь приспособили под заводную (эгоизм) (99). Молитва его на горе Бурхан не может считаться проявлением благородства как по содержанию, так и по стилю ни с какой точки зрения.

Тэмуджин говорит: «...я, в бегстве ища спасения своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне... взобрался на гору Бурхан. Бурхан-халдуном изbleвана жизнь моя, подобная жизни вши. Жался одну лишь жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, города шалаши из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена, как щитом, жизнь моя, подобная жизни ласточки. Великий ужас я испытал» (103).

Действительно, опасность была велика, но Хасар, Бельгутей, Боорчу, Джельме подвергались тому же риску и все-таки держались мужественно. Однако, выпячивая трусость Тэмуджина, автор незаметно для себя проговаривается, что как тайджиты, так и меркиты ловили только Тэмуджина. Надо думать, что автор опустил описание качеств, более неприятных врагу, чем трусость.

Изобразив Тэмуджина трусом, автор не останавливается на этом. Он приписывает ему порок не менее позорный в условиях XII в. – непочтение к родителям и нелюбовь к родным.

Тэмуджин из-за детской пустячной ссоры убивает своего брата Бектера, зайдя сзади, когда Бектер даже не собирался сопротивляться. Отношение автора сказывается в словах матери Тэмуджина, гневно сравнивающей своего сына со свирепыми зверями и демоном (76–78).

Автор вложил свои чувства в слова императрицы-матери, причем несомненно, что эти слова не могла сказать Оэлун, так как в перечислении животных назван верблюд. Известно, что в XII в. монголы верблюдами почти не пользовались, а получили их в большом количестве после тангутского похода, в виде дани. Поскольку литературная ассоциация всегда должна быть связана с предметами, знакомыми читателю, эта деталь показывает, что монолог был сочинен не в XII, а в XIII в.

Дальше: когда шаман Теб-Тенгри наклеветал на Хасара, Чингисхан немедленно арестовывает последнего и подвергает унижительному допросу, который был прекращен только благодаря вмешательству матери. Однако, внешне уступив ей, Тэмуджин не перестает обижать Хасара, чем ускоряет смерть своей матери (244).

В гнусном убийстве Теб-Тенгри автор не упрекает Чингиса, но подчеркивает небрежение к брату, Отчигину (245, 246); наконец, дядя его Даритай обязан жизнью, а дети Джучи, Чагатай и Угедей прощением только общественному мнению, т.е. заступничеству нойонов, с которыми хан не смел не считаться.

Подозрительность и злоба отмечены также в эпизоде с Хулан, когда верный и заслуженный Ная попал на пытку и чуть было не лишился жизни из-за необоснованного и несправедливого

подозрения в прелюбодеянии с ханшей (197).

Злоба и мстительность Чингиса специально отмечены автором в описании ссоры с джуркинцами на пиру, когда пьяную драку он раздул в распрю (130–132), а последующая расправа с Бури-Бого, единственным подлинным богатырем, своим вероломством шокирует даже самого автора, привыкшего к эксцессам. Этот эпизод передан сухо, сдержанно и брезгливо (140).

Даже женщины – ханши – чувствуют, согласно «Тайной истории», отвращение к личности героя повествования. Пленная Есугань, став ханшей, ищет предлог уступить свое место и подсовывает мужу свою сестру, а эта последняя, волей-неволей мирясь со своим высоким положением, продолжает тосковать о своем женихе, нищем изгнаннике (155, 156), которого Чингис, опознав, казнит без всякого повода или обвинения.

Все это могло быть в действительности, но интересно, что автор старательно собрал и записал сплетни ханской ставки, тогда как более важные события им опущены.

В отношении военных действий Тэмуджин. по «Тайной истории», не проявляет талантов. Контрнабег на меркитов дело рук Джамухи и Ванхана (113), битва при Далан-балчжутах была проиграна, битва при Койтене получила благоприятный оборот лишь вследствие распада античингисовской конфедерации; разгром кераитов осуществил Чаурхан: диспозицию разгрома найманов составил Додай-черби (193), а провели ее Джэбэ, Хубилай, Джельмэ и Субэтэй.

Становится совершенно непонятно, как такой человек, бездарный, злой, мстительный, трусливый, мог основать из ничего мировую империю. Но рассмотрим его вторую ипостась.

Прежде всего автор – патриот, и успехи монгольского оружия всегда ему импонируют. Травля меркитов, поголовное истребление татар, обращение в рабство кераитов и найманов он рассматривает как подвиги, и тут Чингисхан получает все то почтение, в котором было отказано Тэмуджину. После битвы при Койтене Чингис выступает с наилучшей стороны: благодарный к Джельмэ и Сорган-Шире, рассудительный по отношению к Джэбэ. Законодательные его мероприятия состоят главным образом из благодеяний и наград офицерскому составу армии. Чингисхан внимательно прислушивается к увещаниям своих генералов и соображает решения с их мнением (260). Однако нетрудно заметить, что симпатии автора принадлежат скорее благодетельствуемым офицерам, чем их благодетелю. При описании армии автор впадает в патетический, даже экзальтированный тон (195).

Воззрения автора на Чингисхана, героя и вождя, вполне выражены словами: «Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе создали государство» (224). Автор тщательно отмечает, за какие подвиги даются те или иные милости, причем он не ленится повторить описание заслуги. В патетическом описании монгольской армии, вложенном в уста Джамухи, на первом месте поставлены «четыре пса»: Джэбэ с Хубилаем да Джельмэ с Субэтэем; на втором – ударные полки Уруд и Манхуд, а хан и его братья – на третьем, причем автор находит слова похвалы для всех, кроме Тэмуджина, о котором сказано лишь, что на нем хороший панцирь.

Любимый герой автора – Субэтэй-баатур. В уста Чингисхана вложен целый панегирик Субэтэю: «Если бы к небу поднялись бежавшие меркитские княжичи], то разве ты, Субэтэй, не настиг бы их, обернувшись соколом, летя как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты, Субэтэй, не поймал бы их, обернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они в море уплыли, обернувшись рыбами, разве ты, Субэтэй, не изловишь их, обернувшись неводом и ловя их» (199). Другие нойоны тоже упоминаются автором, но в не столь восторженном тоне и в общих перечислениях награжденных, тогда как Субэтэй упомянут еще как победитель русских (277). Вообще к боевым офицерам автор явно равнодушен, и даже в числе четырех преступлений Угедея поставлено

тайное убийство Дохолху, простого офицера (чербия), но «который всегда шел впереди всех перед очами своего государя» (281).

Итак, можно констатировать, что автор приемлет хана постольку, поскольку его приемлет армия, но это еще не все.

Автор подчеркивает верность «природному государю» как положительное качество, безотносительно вреду или пользе, которую оно приносит делу хана.

Чингис казнит нукеров Джамухи, предавших своего князя, и Кокочу, конюшего Сангума, бросившего своего господина в пустыне, и, наоборот, награждает Ная и Хаадах-баатура за верность его врагам, но их «природным государям». Тут по существу проповедь солдатской верности знамени и вождю, возведенная в религиозно-этический принцип, так как учитывается только преданность в бою, а отнюдь не в мирное время. Идеология автора дает ретроспективное искажение описываемых событий. Но нам пока важно установить, что положительная трактовка Чингисхана связана, в глазах автора, с последовательным служением собственному войску, а отрицательная – с его личными качествами.

Эта трактовка события в смысле достоверности сомнительна. Надо полагать, что дело обстояло не совсем так, как рисует нам автор «Тайной истории», тем более что он сам дважды проговаривается.

В первый раз, когда Сорган-Шира и его семья спасают Тэмуджина от тайджиутов, они подчиняются только обаянию его личности, и второй раз Боорчу бросает отцовское хозяйство и идет за незнакомым ему человеком по той же причине.

Автор написал эти этюды, желая восхвалить Боорчу и Сорган-Ширу, но тем самым он, незаметно для себя, бросил тень на свою концепцию, создание которой я отношу за счет уже неоднократно отмеченной тенденциозности «Тайной истории».

Для полноты картины следует рассмотреть характеристики врагов Чингисхана: Ванхана и Джамухи, его детей: Джучи, Чагатая и Угедея и фактического преемника его власти, полномочного министра Елюй Чуцай. Нас ждут не меньшие сюрпризы.

С Ванханом дело обстоит просто. Автор его явно недолюбливает, но, по-видимому, тут примешивается личная заинтересованность. Когда Ванхан разбил меркитов, то «из этой добычи он не дал Чингисхану ничего» (157). Очевидно, сам автор рассчитывал на долю меркитской добычи и обижен, что ему ничего не досталось. Чтобы очернить злосчастного кераитского царька, автор собрал сплетни, в которых обычно не бывает недостатка, и повторил их дважды: в особом абзаце (152) и в послании Чингиса к вождям враждебной коалиции (177). Однако если собрать все упоминания о Ванхане, то он представляется старичком, вялым, недалеким и добродушным. Соболей шубы оказалось достаточно, чтобы купить его благосклонность и рассчитаться за нее, предприняв нелегкий поход для освобождения Бортэ. На резкие упреки Джамухи в опоздании он отвечает в примирительном тоне. Так же спокойно относится он к выбору Тэмуджина ханом, радуясь за симпатичного человека. На происки Джамухи он возражал разумно и спокойно, но склонность к компромиссам заставила его поддаться влиянию окружения и вызвала его гибель.

В общем, даже по мнению автора, он заслуживает не порицания, а сожаления. Но на самом деле Ванхан был убийцей своих дядей, тираном и предателем. Можно ли верить источнику?

Личность Джамухи – наибольшая загадка источника. Впервые он появляется, когда нужно освободить Бортэ из меркитской неволи, но мы знаем, что дружба Тэмуджина и Джамухи началась значительно раньше (116). Джамуха с готовностью откликается на просьбу о помощи. Автор с воодушевлением рисует нам образ рыцаря, верного в дружбе, умного, так как в его речи содержится вся диспозиция похода, от составления которой отказался Ванхан, воинственного и опытного. Описание вооружения Джамухи чрезвычайно подробно. Благородство отмечено

специально: опоздавшему к месту встречи Ванхану Джамуха гордо заявляет: «И в бурю на свидание, и в дождь на собрание приходить без опоздания!» Разве отличается чем от клятвы монгольское «да» (108)?

Успех похода, согласно «Тайной истории», был определен точным исполнением диспозиции Джамухи, что повторено автором ниже, в благодарственном слове Тэмуджина (113).

Ссора Джамухи и Тэмуджина – вопрос, до сих пор детально не разобранный. Исследователи вопроса придавали решающее значение загадке, которую Джамуха задал Тэмуджину о выборе места для кочевья, и в этом они шли по пути, на который их подтолкнул автор «Тайной истории». Несомненно, что в загадке содержались элементы политических программ, так же как и в реплике Бортэ, но не в том виде, как это на самом деле произошло, а в ретроспективном взгляде из 1240 г. на 1182 г. Почему-то никем не замечено, что участники событий, Джамуха и Тэмуджин, давали совершенно иные объяснения. Джамуха называет виновниками разрыва определенных людей – монгольских вельмож Алтана и Хучара (127) и повторяет эту версию перед гибелью, утверждая, что «подстрекнули нас противники, науськали двоедушные, и мы навсегда разошлись» (201). Тэмуджин же считает, что виновник ссоры сам Джамуха, возненавидевший его из зависти (179). Итак, мы видим, что автор «Тайной истории» опять проговорился, но все же таланта его хватало на то, чтобы внушить читателю версию, выгодную для его политической тенденции, смысл которой заключается в прославлении Джамухи, так как он «мыслью стремился дальше анды» (201). Это утверждение необходимо автору. Для чего – мы увидим в дальнейшем.

Образ Джамухи строится автором на обратном принципе, нежели образ Тэмуджина, причем литературный параллелизм выдержан необычайно четко.

Все, что касается личности Джамухи, автором расценивается необычайно высоко, причем это мнение автор вкладывает в уста Тэмуджина как основание для прощения Джамухи. Но о политической программе Джамухи автор говорит весьма глухо, намеками и полунамеками. Он безапелляционно заявляет, что «Джамуха разграбил его же возводивший в ханы народ» (144), забывая, что даже после этого большая часть монголов шла за Джамухой, а не за Чингисом.

Очевидно, автор пытается дискредитировать мероприятия Джамухи, которые как будто были вполне понятны, так как организованная конфедерация распадалась и воины дезертировали. Интриги, проводимые Джамухой в кераитской ставке, автор осуждает, но устами кераитских Ванхана и Гурин-баатура, т.е. врагов. Очевидно, что в 1240 г. Джамуха продолжал оставаться фигурой одиозной для некоторых кругов монгольской правящей верхушки, и поэтому автор сугубо осторожен; он не хочет слишком чернить Джамуху, но боится его обелить.

Отношение автора к сыновьям Чингисхана скептическое, чтобы не сказать больше. Джучи он не любит и охотно передает сплетню о его незаконном происхождении. В Чагатае он отмечает только свирепость, а вялый и безликий Угедей изображен пьяницей, бабником и жадюгой, огораживающим свои охотничьи угодья, дабы звери не убежали в уделы его братьев. Но Угедей и в действительности был личностью слабой, а все дела при нем вершил Елюй Чуцай. Что же автор пишет про Елюя Чуцай? Ни одного слова! Это так же странно, как если бы историк Людовика XIII забыл упомянуть Ришелье.

Право на недоверие

Итак, мы видим, что наш анализ открыл ряд загадок источника, существования которых мы вначале не замечали. Ключ к раскрытию их один и тот же: политическая тенденциозность автора. Отсюда становятся понятны и хронологические пропуски, и оговорки, и двойственное отношение к великим теням, и повышенный интерес к внутренней истории сравнительно с

внешней. Непонятно только, с кем же боролся, с кем полемизировал автор, настроенный патриотически и монархически?

Но тогда наш основной и наиболее полный источник – не героический эпос^[424], так как это поэма без героя, не исторический трактат^[425], так как он лишен хронологической последовательности, и не «изборник»^[426], потому что принцип отбора фактов антидидактичен. Очевидно, перед нами политический памфлет XIII в.

Цель сочинения состояла в том, чтобы представить перед читателями в 1240 г. монгольскую историю с определенной точки зрения и привить им определенную политическую концепцию. Поэтому название «Тайная история» надо признать более удачным, так как такова же *Historia argana* Прокопия Кесарийского^[114]. Название же «Сокровенное сказание» имеет несколько иной смысловой оттенок, фольклорный, с чем я не согласен.

Для того чтобы разобраться в направленности «Тайной истории», необходимо исследовать эпоху ее создания, т.е. 1240 г., и расстановку политических группировок, к одной из которых примыкал автор «Юань-чао би-ши». Что же касается интересующего нас времени – эпохи восхождения Чингисхана на престол, то следование за тенденциозной трактовкой событий уводит исследователя с пути анализа, ибо талантливый писатель всегда сумеет навязать свою концепцию доверчивому читателю.

Вот по этой причине следует отнестись с сомнением к бытующему ныне пониманию восхождения на трон Чингисхана как консолидации монгольских племен и феодалов под властью способного военного вождя. Если бы дело обстояло так просто, то не было бы нужды в хронологических пропусках, а обе версии – «официальная» и «тайная» – одинаково повинны в них. Не было бы столь большого разброса в описаниях событий, иногда диаметрально противоположных, но зато было бы объяснение того удивительного факта, что маленький бедный народ за полвека покорил полмира. Очевидно, источники не собирались сообщать правду, и историки, доверяя им, сконструировали «ложную историю монголов». Этот негативный вывод я считаю очень важным.

Проведенный разбор показывает, что оценки и социологический анализ эпохи возвышения Чингисхана возможны лишь после проверки сведений, сообщаемых источниками, путем строгой исторической критики, как внутренней, так и компаративной. Установить, кто из монгольских витязей боролся за установление феодальных отношений, а кто против, можно только тогда, когда будут вскрыты мотивы их деятельности, а именно они тщательно затушеваны авторами источников. Распространенный метод аргументации цитатами уводит на ложный путь, подсказанный тенденцией, скрытой в источнике. Кроме того, при отмеченном нами разное в описаниях событий всегда можно подобрать цитаты для поддержки противоположных взглядов. Именно поэтому научные споры на эти темы не дали до сих пор результатов.

Вопрос о степени достоверности сведений «Юань-чао би-ши» следовало бы решить монголистам-филологам. Однако за последние 30 лет, истекших с выхода в свет перевода С. А. Козина, эта проблема даже не ставилась. Все споры о замечательном источнике, введенном в научный оборот, ограничивались деталями перевода, не влияющими на смысл, который остался не раскрытым. Историки же окрестных стран затрагивали Чингисову проблему в той мере, в какой она касалась их сюжетов^[427]. Поэтому мне, историку Срединной Азии, пришлось заняться источниковедением в аспекте установления достоверности источников не филологическим, а чисто историческим путем^[115].

Единственной надежной опорой для обобщений является логика событий, когда их последовательность и взаимосвязь установлены. Только этим способом могут быть исключены предвзятые точки зрения авторов XIII в., до сих пор создающие почву для бесплодной полемики

Вывод

В какую сторону лгал автор «Тайной истории», или иначе: ради кого он тратил талант и силы? У нас есть только одна нить – хронология, но это нить Ариадны. Сочинение было написано в 1240 г. на фоне нарастающего конфликта борьбы четырех неоформленных партий: военной старомонгольской, миролюбивой монгольской, бюрократической – китаефильской и воинственной несторианской. К какой партии примыкал наш автор?

Сразу можно исключить последнюю. Автор не несторианин. Во всем произведении есть только одно упоминание о христианстве кераитов, и то ироническое, в хвастливых речах одного из друзей царевича Сангума: «Все мы, втайне помогаясь сына, моления и курения приносим, Абай-Бабай твердим, вознося молитвы» (174) (Абай-Бабай – значит «авва-отче»). И больше нигде наш автор не снизошел до внимания к чужой вере, тогда как о своей он говорит много. Это, пожалуй, самый трудный вопрос, а в остальном творческий облик создателя «Тайной истории» ясен.

Уже отмеченные военные симпатии нашего автора и неупоминание имени Елюя Чуца дают нам возможность с полной уверенностью определить его политическую настроенность^[116].

Резко отрицательна характеристика Гуюка, который «не оставлял у людей и задней части, у кого она была в целости» и «драл у солдат кожу с лица», «при покорении русских и кыпчаков не только не взял ни одного русского или кыпчака, но даже и козлиного копытца не добыл» (277).

Вместе с этим характеристика Тэмугэ-отчигина всегда положительна: «Отчигин – малыш матушки Оэлун, слывет он смельчаком. Из-за погоды не опоздает, из-за стоянки не отстанет» (195). В грязной истории с убийством Теб-Тенгри автор стремится выгородить не Тэмуджина, а Отчигина. Он подчеркивает, что Отчигин был всегда любимцем высокочтимой Оэлун-экэ.

Этого достаточно для того, чтобы считать, что автор «Тайной истории» принадлежал к «старомонгольской партии». Поэтому он и обеляет Джамуху, представляющегося ему носителем древнемонгольской доблести и традиций, уходящих в прошлое. Поэтому он защищает его от обвинения в измене монгольскому делу устами самого Чингисхана, будто бы предлагавшего ему «быть второй оглоблей» в телеге государства, другом и советником (200). Именно поэтому он восхваляет предательства Джамухи по отношению к кераитам и найманам, потомки которых в 1240 г. объединились вокруг Гуюка, ненавидимого и презираемого автором. И не случайно говорит он устами Джамухи, что тот, «стремясь мыслью дальше анды», остался круглым сиротой с одной женой – «сказительницей старины»^[428]. Ведь это неправда! Друзья и соратники Джамухи в то время еще не сложили оружия. Мужественные меркиты и неукротимый найманский царевич Кучлук держались до 1218 г., а Джамуха попал в плен случайно, из-за измены своих воинов. Но что до этого автору «Тайной истории»? Ему надо прославить древнюю монгольскую доблесть и изобразить кераитов и найманов беспечными, изнеженными хвастунами, чуть ли не трусами, за исключением некоторых богатырей, вроде Хадах-баатура (185, 189, 195, 196), обласканного за доблесть самим Чингисханом (185). Потому он замалчивает роль Эльчидай-нойона в казни Джамухи, ибо ему пришлось бы отметить, что этот друг Гуюка был также любимцем Чингисхана, а тогда созданная в «Тайной истории» концепция потеряла бы свою политическую действенность. В «Тайной истории» Эльчидай упомянут лишь в той связи, что однажды, проходя мимо стражи, был задержан, и дважды указано, что это правильно (229, 278).

Возврат к старой доблести – вот идеал автора и политическая платформа, ради которой он

написал свое замечательно талантливое сочинение.

В 1240 г. он был, видимо, очень стар, потому что с 1182 г. местоимение «они» заменяет «мы». Если в это время автору было даже только 16–18 лет, то в 1240 г. ему должно было быть под восемьдесят. По одному этому можно сказать, что «Тайная история» не могла быть единственным его произведением, но время и эпоха скрыли от нас остальные. Отсюда понятны не только его грандиозная начитанность и свободное обращение с цитатами и изменение интонаций на протяжении повествования, но и само заглавие. Это поистине «Тайная история» – протест против официальной традиции, идеализировавшей личность Чингисхана.

Автор поставил своей целью доказать, что не хан, а доблестное монгольское войско создало империю. Хан может ошибаться, может иметь недостатки, но он должен чтить и холить своих ветеранов^{117}, «которые вместе с ним трудились и вместе создавали государство» (224).

Памфлет писался тогда, когда грамотеи с соизволения хана оттесняли ветеранов. Памфлет был рассчитан на пропаганду среди этих обижаемых офицеров, он доказывал им, что соль земли – именно они и что им обязана империя своим существованием. Конечно, это была «Тайная история», так как монгольское правительство никогда не допустило бы открытой пропаганды таких взглядов.

Мы ничего не можем сказать о дальнейшей судьбе автора «Тайной истории», но нам невольно кажется, что он был среди тех нойонов, которые подбивали на переворот Отчигина в 1242 г. и которые заплатили головой за бездарность и трусость своего высокородного вождя.

Глава XI. Джамуха-сечен под следствием

Почему сие важно?

Только что мы установили три важных и прискорбных положения: 1) победа Чингисхана над его соперниками на территории Великой степи при учете только несомненных фактов необъяснима и, хуже того, при данной расстановке сил осуществиться не могла. Однако она имела место – значит, мы что-то недоглядели; 2) обе исторические версии, «тайная» и «официальная», дают искаженное представление о ходе событий, полны умолчаний и противоречий, до крайности тенденциозны и не восполняют друг друга; 3) монгольское общество не было примитивно и аморфно, а противоречия его с несторианскими ханствами смягчались только политической необходимостью. Потребность в компромиссе с покоренными соседями возникла лишь после объединения степи, где несториане составляли большинство населения. А до 1206 г. монголы и христиане воевали друг с другом, причем численный перевес был на стороне последних. Так почему же и каким образом они проиграли?

И вот тут нам придется обратиться к самому кропотливому анализу, к разбору психологии действующих лиц трагедии начала XIII в. Тут нужны особые подходы к предмету и методика Шерлока Холмса, патера Брауна и даже Агаты Кристи. Тут мы будем ставить вопросы: как произошло то или иное преступление, кем оно совершено и кому оно было выгодно? Иными словами, из лживых источников мы попытаемся отжать крупицу правды. Хорошо еще, что в наших руках есть ключ ко всем замкам на всех дверях. Это один из участников событий – князь джаджиратов Джамуха-сэчэн, лучший друг и главный враг Чингисхана. В истории их взаимоотношений, как в фокусе кристалла, отразился тот перелом, после которого появилась на свет, как феникс из пепла, историческая Монголия.

Для исследования этого вопроса возможны два пути: вполне банальный и не очень банальный. Первый состоял бы в том, чтобы автор выписал все места источников, где упомянут Джамуха, сложил выписки в хронологическом порядке и сделал вывод, что проблема сложна и пока неразрешима. Для диссертации этот путь был бы наилучшим. Второй путь – проследить факты (а не цитаты) жизни Джамухи и попытаться разобраться в мотивах его поведения. Этим способом можно исключить из рассмотрения тенденциозность двух основных источников «Сборника летописей» и «Тайной истории», из коих первый трактует всю канву событий как борьбу Чингисхана с врагами, а второй – как его взаимоотношения с друзьями. Соответственно, у Рашид ад-дина Джамуха только беспринципный авантюрист, причем непонятно, откуда у него появилась такая популярность, что 75% монголов шли за ним против Чингиса, а в «Тайной истории» автор вообще не может, да и не хочет свести концы с концами. Вот тут-то и находится слабое место, дающее возможность исторической критике. На нем мы и сосредоточим наше внимание.

На урочище Байдарах-бельчир

Выше мы отметили необъяснимость поведения Джамухи в первых столкновениях с Чингисханом: отход после победы при Далан-балчжутах и разграбление народа, выбравшего Джамуху в ханы, после поражения античингисовской коалиции при Койтене. Теперь обратим внимание на роль Джамухи в монголо-найманской войне 1202 г. Напомним, что после первой удачной набега монголов и кераитов на найманского Буюрук-хана союзники были настигнуты главной найманской армией Коксеу-Сабраха. Ванхан покинул Тэмуджина в опасности, но

потерпел поражение от найманов, пустившихся его преследовать, и был выручен из беды великодушием Тэмуджина, за что и усыновил его. При этом Джамуха, его недавний враг, почему-то является в кераитскую ставку и дает Ванхану советы, которые тот принимает, несмотря на противодействие своих вельмож, например Гурин-баатура, упрекающего Джамуху в неискренности. В результате же вместо укрепления дружбы между родственными и союзными племенами монголов и кераитов почему-то вдруг разразилась война, окончившаяся полным разгромом кераитов, несмотря на то что у них были численный перевес и инициатива.

История этих событий у Рашид ад-дина и автора «Тайной истории» местами расходится довольно сильно^[429], но что касается происшедшего на урочище Байдарах-бельчир совпадает до мелочей. Не только последовательность событий, но даже слова их участников переданы одинаково. Это не может быть случайным совпадением и потому заставляет насторожиться. Ведь цели и настроения обоих авторов, как мы видели выше, были противоположны, а тут нашли что-то важное для каждого из них. Если учесть, что для автора «Тайной истории» характерно стремление к психологизации, а для Рашид ад-дина – тенденция к поверхностному объяснению, но именно объяснению, то становится ясным, во-первых, что данный рассказ обладает двойным смыслом – то, что внутри, и то, что сверху, и, во-вторых, что мы можем даже проникнуть в глубокий смысл, ибо для автора «Тайной истории» не было никакой нужды вставлять этот рассказ, если бы его глубокий смысл не становился явным, хотя бы и не сразу, а по мере дальнейшего повествования.

Что же касается Рашид ад-дина, то он, вставляя повествование об этой истории, хотел лишь подкрепить свое утверждение о склонности Джамухи «к лицемерию и злонамеренности». Это становится особенно ясным, когда он передает слова Гурин-баатура, старшего нойона Ванхана. Рашид ад-дин специально сосредоточивает внимание на Гурин-баатуре, потому что тот для него – главное лицо описываемого события: нойон Ванхана обвиняет Джамуху в клевете и лицемерии. Все остальное Рашид ад-дина интересует в гораздо меньшей степени. Вот почему мы имеем почти идентичные тексты.

Мы узнаем, что было сражение Чингиса и Ванхана с найманами, что оно не закончилось и противники заночевали друг против друга, с тем чтобы назавтра снова взяться за оружие. Мы узнаем далее, что вдруг ночью Ванхан со всеми кераитами почему-то покинул Чингиса. Затем Ванхана догнал Джамуха; между ними произошел разговор. После этого нам сообщается о реакции Чингиса на отход Ванхана и разгром найманами кераитов.

Все совсем не беспричинно. Главное: почему ушел Ванхан? Почему Ванхан, связанный узами дружбы с Чингисом, покинул его? Ясно, что в тот вечер произошла ссора Ванхана с Чингисом. Из-за этого Ванхан и ушел, не считая, однако, это событие окончательным разрывом (так же смотрел на эту ссору и Гурин-баатур). Ванхан, будучи разгромленным погнавшимися за ним найманами, обратился за помощью к Чингису, от которого он так, на первый взгляд, внезапно и предательски (если бы мы не обратили внимания на чрезвычайную внезапность происшедшего) ушел. Если бы это было предательство, трусость, мог бы ли он рассчитывать на помощь Чингиса? И помог ли бы тот ему? Но Чингис послал войско на помощь Ванхану. Значит, тот имел право просить. Значит, он имел последнее слово в том вечернем споре. Он тогда сказал «нет» и ушел. Его просьба о помощи – его «да»!

В самом деле, обратим внимание на то, что последовало за всеми событиями. Об этом рассказывает «Тайная история»: «...говорил Ван-хан: „Итак, один раз мой утраченный улус спас мне мой анда Есугэй-баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучин... Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум! Сделать бы мне сына моего Темучина старшим братом Сангума!“^[430] Значение этого шага Ванхана не подлежит сомнению. Утверждение Чингиса старшим братом Сангума – это утверждение в кераитском наследстве.

Вот предмет спора, вот почему Ванхан сначала сказал «нет»; вот истинная причина его ухода. Его «да» вынужденное, под давлением обстоятельств, оно – плата за помощь Чингиса. Его просьба о помощи и было его «да». Вот почему он позвал в трудную минуту Чингиса, а тот охотно откликнулся и добился того, к чему стремился. А затем: «После этих речей Ванхан сошелся с Чингисханом в Тульском Темном Бору^[118], и они дали друг другу обеты отцовства и сыновства»^[431]. Ванхан делал это отнюдь не с радостью (но слово есть слово), и недаром мы потом находим у Рашид ад-дина рассказ о том, что Ванхан готовил впоследствии даже покушение на Чингиса^[432]. А «Тайная история» продолжает: «Чингисхан же задумал еще усугубить их взаимную приязнь. Для этого он решил попросить для Джучи руки Сангумовой младшей сестры...»^[433]. Чингисхан получает вежливый отказ, и «во время этих переговоров Чингисхан внутренне охладел и к Ванхану и к Нилха-Сангуму».

А все-таки я не верю текстам, и вот почему

Как будто ясно, однако какова роль Джамухи в этой истории? Она непонятна, так же как загадочно его появление в ставке Ванхана и Чингиса, с которыми он только что воевал, и его исчезновение из повествования после той сцены, которая произошла во время отъезда Ванхана. Эта загадка кроется в тех словах, которые Джамуха сказал Ванхану, в молчании Ванхана и в ответе Гурин-баатура. Слова Гурин-баатура проливают свет на одно обстоятельство, способствовавшее тому, что ни автор «Тайной истории», ни Рашид ад-дин так и не узнали истинной причины ухода Ванхана. Дело в том, что о происшедшем знали только трое: Ванхан, Чингис и Джамуха. Все остальные очевидцы события знали далеко не все, видели происшедшее в искажении. Действительно, Гурин-баатур, честный, искренний, но недалекий воин, сказал (согласно Рашид ад-дину): «Такие лицемерные речи не подобает вести между друзьями и родичами»^[434], или (по «Тайной истории»): «Зачем же ты из угодничества так бесчестишь и поносишь своих честных братьев?»^[435] Воспринимая слова Джамухи буквально, довольствуясь тем смыслом, который лежал на поверхности, Гурин-баатур, возражая Джамухе, показывает, что у него и не было причин доискиваться глубокого смысла. Ему кажется, что Джамуха клеветает на Чингиса. И, не сомневаясь в отношении Ванхана к его словам, несмотря на то, что последний почему-то молчит, он резко обрывает Джамуху. Ясно, что он не знает о том, что произошло, а если воспринимает происходящее как разлад, то как разлад временный. Поэтому в его представлении слова Джамухи – низкие; Джамуха, по его мнению, просто стремится воспользоваться случаем, чтобы посеять семена ненависти, и, значит, его попытки нужно пресечь. Вот в чем логика Гурин-баатура, да и всякого кераита, наблюдающего беседу вождей со стороны.

Мы не знаем и даже не имеем права предположить, как был обставлен отход Ванхана. Отходил ли он один или одновременно с ним снялся и Чингис; не знаем, как они договорились и насколько соблюдали условия. А вдруг договор нарушил именно Чингис и задержался с целью создать впечатление, что Ванхан предал его?! Соображения престижа всегда имеют большое значение. Всего этого мы не знаем, но нам известно достаточно, чтобы понять поведение трех героев повествования. Оно определялось двумя факторами: размолвкой и тем, что об Истинных ее причинах и даже об ней самой никому из монголов и кераитов не было известно.

Почему в этих очень важных переговорах молчит сам Ванхан? Почему он не возражает и не соглашается, так что за него отвечает его полководец? Не потому ли, что он слышал в лживых и лживых словах Джамухи нечто большее, нежели простодушный Гурин-баатур? И не потому ли он молчит, что он ошеломлен услышанным?

Что же такое произнес Джамуха? По Рашид ад-дину: «О хан ханов, ты ведь знаешь, мои старшие и младшие родичи подобны воробьям, что направляются с летнего кочевья на зимние пастбища; иначе говоря. Чингисхан, мой родственник, он намеревается бежать. Я же всегда говорил, что я твой воробей»^[436]. В этой версии Джамуха старается представить своего побратима как хитрого и коварного человека.

По «Тайной истории»: «Известное дело, что анда мой, Тэмуджин, издавна обменивается послами с Найманом. Вот почему он не подтянулся к нам теперь (!) Хан, хан! Я-то вот оказываюсь постоянно пребывающей чайкой, а мой анда перелетной пташкой – жаворонком»^[437]. Смысл как будто один и тот же, но образ другой. Автор «Тайной истории», симпатизируя Джамухе, дал его словам совсем другую тональность. Что именно он искажил источник, а не Рашид ад-дин, видно из резкого тона ответа Гурин-баатура, более уместного при варианте Рашид ад-дина, где смысл фразы таит иносказание о бегстве. Конкретное выражение «мои старшие и младшие родичи» относится и к Ванхану и к Чингису, который был на полтора года моложе Джамухи. Нагрузка у этой части фразы небольшая, и она только настораживает, подготавливает вопрос – что же хотел этим сказать Джамуха? Но все-таки она будит первые подозрения: ассоциации к словам «перелет» и «родич». Ванхан мог подумать, например, что Джамуха говорит о нем, и тут же мысленно спросить: «Ну и что?»

Основную нагрузку несет вторая часть фразы: «Иначе говоря, Чингисхан, мой родственник, он намеревается бежать». В «Тайной истории» Джамуха указывает куда – «к Найману» – и поясняет: «Вот почему он не подтянулся к нам теперь... Ясно, что он переметнулся к Найману. Вот и опоздал!»

Мы не знаем всех перипетий этой страшной ночи. Ясно лишь, что все происшедшее было гораздо сложнее той схемы, которую дают источники. Может быть, между Ванханом и Чингисом была только ссора и не было уговора разойтись. Может быть, Ванхан решил уйти действительно втайне от Чингиса. Может быть, к уходу его толкнула не ссора, а промедление Чингисхана. Это все только гипотезы, не дающие решения проблемы. Но нами может быть намечена линия развития событий: уход Ванхана с поля битвы поставил и перед Чингисом и перед самим Ванханом вопрос – куда идти? Трудно сказать, что имел в виду Ванхан, но ясно, что Чингису меньше всего хотелось, чтобы его союзник нашел общий язык с найманами. Следовательно, он должен был задаться целью предупредить подобное соединение, независимо от того, входило оно в планы Ванхана или нет. И вот опять появляется Джамуха. Сам факт, что после битв при Далан-балчжутах и Койтене Джамуха оказался в одном лагере с Чингисом – удивителен. Пока мы его объяснить не можем. Но новое положение Джамухи – бесспорный факт, несмотря на то, что оно далеко не украшает джаджиратского князя.

Гурин-баатур говорит с ним как равный и не стесняется выказать сквозящее в его речи презрение, которое Джамуха чем-то заслужил. Предположение о новом этапе отношений Джамухи и Чингиса только и может пролить свет на ряд темных мест «Тайной истории». Джамуха постоянно находится среди врагов Чингиса, но ведет там двойную игру. Здесь он играет на руку Чингиса, отпугивая Ванхана от примирения с найманами. Для этого было достаточно сказать, что с врагом уже договорился сам Чингис; этой одной фразы оказалось достаточно, чтобы испуганный Ванхан обратился в бегство.

Но почему Ванхан поверил Джамухе, не принял его наговоры за клевету, подобно Гурин-баатуру? Потому что он знал о своей ссоре с Чингисом, чего не знали его сподвижники, но, видимо, знал Джамуха. Поэтому известие последнего могло показаться керайтскому хану правдивым. Да и как ему было не опасаться коварства Чингиса, стремившегося стать его наследником?! Но вот откуда оказался столь осведомленным Джамуха? Если не от Ванхана, что исключено, то только от Чингиса. Значит, вражда этих двух выдающихся монголов была лишь

ширмой, скрывающей... но воздержимся от выводов и проанализируем дальнейшие события.

У кераитов и найманов

Никогда не бывает и не может быть коллизии, при которой выигрывают все. В нашем случае проигравшим оказался законный наследник Ванхана, Нилха, человек достаточно храбрый и решительный. Он уже свыкся с мыслью, что престол кераитского Ханства вот-вот достанется ему, а его отстранили, хотя и вежливо, но бесповоротно. Поэтому он, естественно, оказался в стане недовольных своим малопопулярным отцом и его слишком настойчивым другом и, будучи человеком искренним, высказал свою точку зрения прямо, заявив по поводу сватовства Джучи к его сестре: «Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да глядеть в сторону порога»^[438].

Как только это стало известно, к Сангуму явилась депутация, состоявшая из Джамухи. очевидно полностью помирившегося с кераитами, Алтана и Хучара – монгольских аристократов, в свое время возводивших Тэмуджина в Чингисханы, кара-киданы Эбугэджин-Ноякина^[119] и двух богатырей: Сюгэтэй-тоорила^[439] и Хачиунбеки^[440]. Они предложили опальному царевичу помочь вернуть право на престол, погубив Чингисхана, но отнюдь не советуя ему выступить против отца. Действительно, хана удалось уговорить, и он дал согласие на то, чтобы заманить Чингиса под предлогом сватовства в гости и убить. Верность друзьям и слову не была отличительной чертой кераитского владыки.

Состав депутации говорит о многом. Во-первых, социальное лицо ее: вся монгольская родовая знать, которая, видимо, теперь уже полностью отошла от Чингисхана. И важно, что заговор не удался лишь благодаря тому, что два простых табунщика, Бадай и Кишлих, изменили высокородному хозяину я сообщили Чингисхана о готовящемся покушении на его жизнь. Тут налицо момент социальной розни: потенциальные «люди длинной воли» выступают против родовой знати, которая пытается опереться на соседнюю державу. Во-вторых, присутствие представителя кара-киданьского ханства показывает на продолжающиеся попытки уйгуров-несториан добиться объединения степи. Прямых указаний на роль уйгурских купцов в организации античингисовской коалиции нет, но за это говорит расстановка сил в 1203 г. В Хорезме сел на престол Мухаммед, враг неверных^[441]. Правда, уже в 1204 г. ему пришлось просить помощи у кара-киданей против Гуридов, но до этого времени его отношения с гурханом были напряженными, а это отражалось на торговле между Дальним и Ближним Востоком. Мусульманские купцы пытались перехватить выгодную торговлю с Сибирью, и в то время когда кара-киданьский эмиссар поднимал кераитов против Чингиса, мусульманский купец Асан скупал у монголов белок и соболей^[442].

Сам по себе факт торговли ни о чем не говорит, но то, что автор «Тайной истории» упомянул о нем при описании наиболее драматического момента войны Чингиса с кераитами, показывает на важность этого факта для читателя XIII в. Ведь автор не сторонник христианства и пользуется случаем подчеркнуть, что в критический момент не несториане, а мусульмане были друзьями Чингисхана.

Но самым для нас интересным является позиция Джамухи. Он начинает с наговора на Чингиса, якобы договорившегося с Таян-ханом найманским. В это, кажется, никто не верит, потому что причина ненависти к Чингису лежит в иной плоскости. Но при моральной подготовке общественного мнения клеветой не пренебрегают, даже если она не приносит противнику реального вреда из-за полной абсурдности.

Но еще интереснее последующие события. Хотя Чингис, предупрежденный о предательстве, успел откочевать, вражеская конница настигла его. Однако пыль, поднятая авангардом противника, снова известила его о наступлении кераитов, и Чингисхан «поймал своего мерина, завьючил и уехал. Еще немного – и было бы поздно. Оказывается, подъехал Джамуха...»^[443]. Что же это? Небрежность или предательство? Ведь будь Джамуха последовательным врагом Чингиса, каким его рисует Рашид ад-дин^[444], ему следовало бы броситься в погоню, а он вместо этого остановился для встречи с основными силами и стал объяснять Ванхану, как сильны и осторожны монголы. А те за это время успели построиться для битвы. Наконец, когда Ванхан предложил Джамухе руководить боем, тот отказался и, больше того, передал Чингисхану точную диспозицию кераитского войска^[445], благодаря чему из рук Ванхана была вырвана верная победа. После этого автор «Тайной истории» как бы забывает про Джамуху, но Рашид ад-дин восполняет пробел, сообщая, что Джамуха снова устроил заговор, на этот раз против Ванхана. Он подговорил нескольких монгольских и татарских вождей организовать третью партию, враждебную и Чингису и Ванхану. Последний разбил и разграбил кочевья заговорщиков, но тем самым лишился своих союзников, часть которых вернулась к Чингису, а часть передалась найманам^[446]. В числе последних оказался Джамуха.

Может и даже должно показаться странным, что Джамуха, постоянно обвинявший Чингисхана в связи с найманами, сам оказался на их стороне, но мы уже видели столько его поступков, не мотивированных пользой дела, что пора перестать просто удивляться^[120]. Но прежде чем искать разгадку столь необыкновенного поведения мудрого (сэчэн) джаджиратского князя, посмотрим, как он вел себя в стане Таян-хана. Оказывается, точь-в-точь, как в ставке Ванхана, да и раньше. Командуя объединенными силами монгольских племен, не покорившихся Чингису, Джамуха рассматривается найманами как наиболее ценный союзник, и Таян-хан доверял ему. Перед боем Джамуха постарался напугать своего союзника, описывая силу монголов, затем увел свои войска и послал Чингисхану извещение, что найманский хан деморализован и можно начинать наступление. Совет оказался конструктивным – найманы потерпели полное поражение, после которого все монголы Джамухи сдались Чингисхану.

Теперь можно поставить вопрос: в чью пользу действовал Джамуха, последовательно предавая доверявших ему противников Чингисхана? Или точнее: кто выигрывал от советов Джамухи? Только один человек – Чингисхан! И больше того, если бы не было Джамухи, если бы никто не подбивал Нилха-Сэнгума на безрассудный, несвоевременный конфликт, не вспугивал зазевавшегося Чингиса, не обнажил во время боя найманского фланга, то вряд ли бы удалось Чингисхану подчинить себе храбрых и воинственных кочевников, в том числе самих монголов. И тут напрашивается одно-единственное решение: а что, если названные братья до конца оставались друзьями? Но посмотрим, как воспринимал сложившуюся ситуацию сам Чингисхан.

Гибель Джамухи

Если до сих пор расхождения между обеими исследуемыми нами версиями касались деталей, то в последнем акте трагедии Джамухи-сэчэна они весьма существенны. Автор «Тайной истории» и Рашид ад-дин согласны и расходятся по следующим пунктам^[447]:

а) после поражения найманов Джамуха лишился поддержки монгольских племен и остался с малым отрядом; но численность этого отряда определяется Рашид ад-дином в 60 человек, а «Тайной историей» – в 5 всадников. Во втором случае – это банда;

б) воины схватили Джамуху и привели перед лицо Чингиса, а тот их казнил за измену «природному государю». Однако, по Рашид ад-дину, было казнено лишь 30 воинов, а остальные

зачислены на службу;

в) Джамуха был казнен: по Рашид ад-дину – путем разделения на суставы, как злейший враг; по «Тайной истории» – он сам просил умертвить его «без пролития крови», несмотря на то, что Чингисхан предлагал ему второе место в каганате и возобновление дружбы.

Таким образом, не только изложение событий, но их осмысление и характеристики главного соперника Чингисхана настолько различны, что мы вправе поставить вопрос: кому верить?

Вероятнее всего, обе версии не точны, как любая тенденциозная подача материала. Однако степень искажения действительности играет важную роль. Ведь не все равно: близко или далеко мы находимся от истины. Поэтому сформулируем нашу задачу четче: какой вариант предпочесть для исследования и критики?

Проведем разбор разногласий по пунктам: а) 60 всадников – для того времени боеспособный отряд. Отступать этому отряду было можно. Алтайские горы, кыпчакские степи, богатое Семиречье готовы были принять героев, сражавшихся против военной деспотии. Но пять человек – ничто. Их легко мог изловить любой монгольский отряд, а сами они не могли рискнуть ограбить чье-либо кочевье и должны были кормиться охотой и прятаться от всех, что очень трудно. Исходя из этих соображений думается, что версия «Тайной истории» вероятнее, и становится понятной психология людей, настолько затравленных, что у них не выдержали нервы.

б) Сведение о том, что половина воинов, при ведших к Чингисхану связанного Джамуху, была зачислена на службу, выражено очень неясно, и можно даже представить, что помилованные не участвовали в пленении своего князя, а только были родственниками его. Текст Рашид ад-дина составлен обтекаемо и уже по этому одному внушает меньше доверия, чем четкое сообщение «Тайной истории».

в) Вопрос о способе казни. Монголы убивали людей охотно, но просто. Либо ломали спину, либо вырывали сердце и приносили его в жертву знамени. Замедленная казнь с пыткой характерна не для кочевников, а для ближневосточных мусульман. Поэтому опять-таки заслуживает предпочтения версия «Тайной истории», тем более что автор ее был современником событий и сочинял свой труд для людей, которые его немедленно поймали бы на этнографических несообразностях, тогда как читатели «Сборника летописей» на такие детали внимания не обращали.

Но самое важное то; что интерпретация характера и поведения Джамухи, предлагаемая Рашид ад-дином, никак не убедительна. С одной стороны, сказано, что он был «крайне умный и хитрый», а с другой – изображен беспринципным интриганом, который «неоднократно убежал от Чингисхана и уходил к его врагам, Он-хану (Ванхану. – Л. Г.) и Таян-хану»^[448]. Но те почему-то принимали его, хотя тоже были не глупы. Очевидно, у них были к тому основания.

Считая, что Джамухой владело просто честолюбие, Рашид ад-дин не пытается даже объяснить, на чем зиждилась его популярность. Ведь недостаточно быть дурным человеком для того, чтобы вести за собою народы и государей!..

И не случайно, что такие солидные историки, как В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, критически воспринимая текст, предлагали обратную концепцию: Джамуха – вождь степной демократии, борющийся против аристократии^[449], или наоборот: аристократ, барин, воюющий с вождем народа^[450], или человек, имеющий «демократические тенденции, но... который сам не знает, чего хочет и, мечется из одной стороны в другую»^[451]. Последнее мнение, пожалуй, наиболее близко к тому образу, который так тонко нарисовал автор «Тайной истории», но и его мы не можем принять, так как сделанные нами наблюдения толкают нас на другую дорогу. Поискам истины должно обязательно предшествовать раскрытие лжи.

Автор «Тайной истории», современник и участник событий, описывает встречу враждовавших побратимов так: «И сказал Чингисхан: „Передайте Джамухе вот что: Вот и сошлись мы с тобою. Будем же друзьями. Сделавшись снова второю оглоблей у меня, ужели снова будешь мыслить иначе со мною? Объединившись ныне, будем приводить в память забывшегося из нас, будить заспавшегося. Как ни расходились наши пути, всегда все же был ты счастливым, священным другом моим. В дни поистине смертных боев болел ты за меня и сердцем и душой. Как ни иначе мыслили мы, но в дни жестоких боев ты страдал за меня всем сердцем. Напомню, когда это было. Во-первых, ты оказал мне услугу во время битвы с кереитами при Харахалджит-элетах, послав предупредить меня о распоряжениях Ван-хана; во-вторых, ты оказал мне услугу, образно уведомив меня о том, как ты напугал наймана, умерщвляя словом, убивая ртом“»^[452].

Как ни неожиданно, но Чингис благодарит Джамуху именно за то, что тот в критические мгновения оказывался в стане врага; иными словами: за шпионско-диверсионную деятельность, совершенную в пользу его, Чингисхана. И это не расходится с нашими наблюдениями, а подтверждается ими. И с этой точки зрения понятно, почему для Чингиса было важно, чтобы Джамуха находился на воле, считался его злейшим врагом и тем самым снискивал расположение могучих ханов, противников Чингиса. И если бы Чингис мог без шума и огласки отпустить Джамуху, то он бы это, конечно, сделал, но кретины нухуры испортили всю игру, потому что вся степь узнала о пленении главного соперника монгольского хана. Надо было прятать концы в воду, и Джамуху казнили, оповестив об этом всех, кого было нужно. Чтобы юридически оформить смертный приговор военнопленного, надо было найти его вину и объявить его военным преступником. А просто участие в войне грехом не считалось ни при каком случае; за удаль в бою не судили. И вот Чингисхан вспомнил битву при Далан-балчжутах и велел передать пленнику: «Ты коварно и несправедливо поднял брань по делу о взаимном угоне табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились... А теперь – скажите – ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови»^[453].

В версии «Тайной истории» сомнительно только одно: что инициатива казни исходила от самого Джамухи. И тем более странно, что у Рашид ад-дина фигурирует та же версия, хотя и в ином аспекте. Впрочем, у персидского компилятора этот эпизод так смазан, что можно оставить его интерпретацию без внимания, отметив только, что в данном случае оба рассказа восходят к одному, первоначальному источнику, а насколько можно ему верить, пусть судит читатель.

Сначала Джамуха разговаривает предельно самоуверенно: «Черные вороны вздумали поймать селезня. Холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать. У хана, анды моего, что за это дают?»^[454] Очевидно, схваченный принц был уверен, что предавшим его будет плохо... и был прав. Но на чем зиждется эта уверенность? Ведь точно такие же изменники природному господину, Бадай и Кишлих, предупредившие Чингисхана о наезде кераитов, удостоились высочайшей милости. Да сами нукуры Джамухи, которые не могли не знать обычаев своего народа, ждали от хана награды, а не казни. Иначе они бы не сунулись в львиную пасть. Значит, Джамуха знал что-то, чего не знали они. Это «что-то» было предложение Чингиса сделаться второй оглоблей в телеге государства за те услуги, которые Джамуха успел оказать. Но затем его тон меняется

(разумеется, в источнике, а как было на самом деле, мы не знаем): «Ныне, хан мой, анда, ты милостиво призываешь меня к дружбе. Но ведь не сдружился же я с тобою, когда было время сдружиться».

Что это за декламация? Ведь если бы Джамуха был признанным другом Чингиса, то ни кераиты, ни найманы не опирались бы на его советы и не были бы преданы им, а монголы не стали бы за два года повелителями Великой степи. Ведь Чингис именно за то и благодарит Джамуху, что тот, находясь в стане врагов, помог ему одержать победу; следовательно, сентенция Джамухи рассчитана не на уши хана, а на самую широкую огласку среди монгольской общественности. Затем: «К чему тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир? ведь я буду сниться тебе в сновидениях темных ночей; ведь я буду тяготить твою мысль среди белого дня. Я ведь стал вошью у тебя за воротом или колючкой в подоле». Это убедительно как слова или соображения самого Чингиса, но не Джамухи. Пользы от раскрытого агента нет, а помех предвидится много, и проще от него избавиться, хотя бы для того, чтобы избежать возможных компрометантных разговоров с широким резонансом. А с точки зрения Джамухи? Он помог хану одержать победу, и явно не для того, чтобы стать ее жертвой. Быть убитым своим другом еще обиднее, чем пасть от руки врага. Поэтому мне кажется сомнительной интерпретация «Тайной истории», и думается, что ее автор вложил в уста Джамухи соображения хана или ближайших нойонов-советников. И сделал он это для того, чтобы снять с них ответственность за казнь пленника – он, мол, сам того хотел. Но злословить по адресу казненного он не стал, потому что этому никто из осведомленных людей не поверил бы, а интерпретация события оказалась бы под подозрением.

Вера и история

То, что историческая необходимость и случайность соседствуют – известно, но применять этот тезис к конкретной обстановке сложно и требует если не артистизма, то мастерства. Однако в нашем случае конструктивен именно этот поход. Объединение степи было исторической необходимостью, но то, что эту задачу выполнили не кераиты, найманы или каракидани, а именно монголы – тут уже цепь случайностей, определенных сочетанием воли и чувств многих участников событий.

Армия Чингисхана, или партия «людей длинной воли», была слабее не только кераитского и найманского ханств или меркитского и татарского племенных союзов, но даже собственной античингисовской монгольской аристократии, и, как мы видели, победа досталась Чингису благодаря его выдержке, искусной дипломатии, умению привлекать и лелеять нужных людей и помощи Джамухи-сэчэна, без которого девятибунчужное белое знамя валялось бы в траве, рядом с отрубленной головой хана. Тогда бы «царство первосвященника Иоанна» превратилось из мечты в действительность ^[121], но общий ход истории нарушился бы разве что в деталях. Ну, на несколько дальних походов было бы меньше, а письменных памятников литературы и историографии стало бы несколько больше.

Однако для нашей темы победа монголов – это факт огромного значения, потому что идеологическая система их была несовместима с христианством. Это не значило, что монголы и несториане не могли уживаться в одних кочевьях и ходить рука об руку в далекие походы. Но это значило, что обе религии должны были потесниться, чтобы не мешать друг другу, и Чингисхан понял это раньше всех своих соратников, а может быть, и побежденных противников.

Монгольская религиозная концепция была отнюдь не примитивной языческой верой или практикой шаманской экзальтации. Во главе культа стояли прорицатели, имевшие огромное влияние и ограничивавшие власть ханов. Около 1207 г. волхв Кокочу ^[455], сын одного из первых

сподвижников Чингисхана,

Мунлика, очевидно переоценив свое влияние в народе, при помощи своих шести братьев избил ханского родного брата Хасара, а затем оклеветал его, предсказав Чингису, что Хасар отнимет у него престол. Только заступничество ханши-матери спасло Хасара от казни, но не от опалы. После этого Кокочу обнаглел и стал переманивать к себе людей из числа подчиненных принцам из ханского рода. Когда же сводный брат Чингиса, Тэмугэ-отчигин потребовал своих людей назад, то Кокочу с братьями заставили просить у них прощения на коленях. По жалобе Отчигина Чингисхан вызвал в ставку зарвавшихся приближенных, и волхву сломали спину, а его отца и братьев, пристрожив, простили. Согласно «Тайной истории», труп волхва вознесся в небо, но Чингисхан объяснил, что Тенгри (Небо), невзлюбив его, унес не только душу, но и тело. После этого родственники казненного присмирели [\[456\]](#), и конфликт между духовной и светской властью кончился в пользу последней.

На этой короткой и трагичной истории выиграли несториане, которых Чингис и его преемники стали привлекать к участию в государственной деятельности, не требуя отречения от веры. Но все-таки создавшуюся империю никак нельзя было назвать христианской, и теперь нам следует обратить внимание на божество древнемонгольской религии, оказавшееся соперником Христа. То самое божество, ради победы которого погиб Джамуха-сэчэн.

Одной из наиболее пагубных для научного мышления ошибок являются предвзятые мнения, которые, будучи некогда высказаны как гипотезы, в дальнейшем принимаются как непререкаемые истины. Сила давности парализует критику, и ложное мнение укореняется, искажая картину исторического процесса. К числу таких мнений принадлежит представление о монгольской религии XII–XIII вв. как о примитивном язычестве. Считается, что монголы равно уважали все веры, полагая, что важно лишь молиться за хана, покровительствовали всем священнослужителям, так что нетерпимость не вытекала из их религии. Ошибка этого мнения состоит в том, что частное произвольно принято за общее и что причины весьма относительной монгольской веротерпимости перенесены с земли на небо, т.е. эти причины отыскивались в мировоззрении, а не в существовавшей политической ситуации.

Теперь, исследовав критически аутентичный источник – «Тайную историю монголов», мы берем на себя смелость утверждать, что монгольская религия XII–XIII вв. была законченной концепцией мировоззрения, с традицией, восходившей к глубокой древности и отточенной не менее, чем буддизм и ислам, зороастризм и манихейство, католичество и православие. Начнем исследование с полемики.

«Черная вера»

Наиболее подробное описание древней религии монголов^[122] сделано ученым-бурятом Дорджи Банзаровым^[457], изложившим взгляды бурятских язычников XIX в. Он снабдил свое сочинение большим количеством блестящих исторических экскурсов и в заключение сделал вывод: «так называемая шаманская религия, по крайней мере у монголов, не могла произойти от буддизма или какой-либо веры»^[458]. По его мнению, «черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека и явления того и другого – вот что было источником черной веры».

Согласно описанию Банзарова, черная вера заключается в почитании неба, земли, огня, второстепенных богов – тенгри, и онгонов, душ умерших людей. Роль шамана, по Банзарову, заключается в том, что он «является жрецом, врачом и волхвом или гадателем»^[459]. Как жрец он приносит жертвы по праздникам и по другим поводам; как врач он вызывает духа, мучающего больного, и принимает его в свое тело; роль его как гадателя ясна. Можно думать, что современные Банзарову буряты исповедовали именно такую систему. Но так ли было в XII и XIII вв.?

Иначе выглядит монгольская религия XIII в. в исследовании Н. Веселовского, писавшего на основании письменных источников. Несмотря на то, что на первой странице перечислена почти вся литература о монгольских верованиях, Веселовский упорно называет религию татар шаманизмом, понимая под этим последним эклектическое сочетание всевозможных представлений.

На первое место Веселовский ставит поклонение огню, считая это явление свойственным всем примитивным религиям (?!), на второе – поклонение солнцу и луне^[460] (об этом культе Банзаров не сообщает). Затем идет поклонение кусту, «смысл которого мы разгадать теперь не

можем»^[461], и поклонение идолам, которых Веселовский отождествляет с онгонами – духами предков, хотя тут же называет онгона «хранителем счастья, стад, покровителем звероловства» и т.д.^[462]. Противоречие не смущает автора.

Конец работы посвящен вопросу о веротерпимости татар, вытекающей якобы из их религиозных представлений. Пока же необходимо установить, что Веселовский дает совершенно иную картину, нежели Банзаров, но вместе с тем делает ту же ошибку, смешивая в одно целое культ природы, магию, приметы и экстатические манипуляции шаманских медиумов. Подобно Банзарову, он принимает исторически сложившийся синкретизм за догматику положительной религии.

Вернемся к Банзарову. При внимательном прочтении его книги немедленно возникает ряд вопросов. Во-первых, с какими духами имеют дело шаманы: с духами ли умерших, т.е. онгонами, или с духами природы, земли – этуген, от которых происходит наименование шаманок – идоган? Во-вторых, какое отношение имеют шаманские духи к главному богу – Небу? В-третьих, почему главному богу шаманы не поклоняются и даже игнорируют его? В-четвертых, Банзаров пишет, что «Небо» нельзя считать тождественным с Богом^[463], так как Небо монголы представляли правителем мира, вечным правосудием и источником жизни, но что же тогда Бог? В-пятых, почему Банзаров усиленно и тенденциозно старается представить Небо безличным началом, хотя факты, приводимые им ниже из источников XIII в., противоречат этому? В-шестых, на каком основании Банзаров выводит культ огня из зороастрийской Персии вопреки своему первоначальному утверждению об автохтонности шаманизма?

Верный предвзятому мнению об автохтонности «черной веры», Банзаров смешивает в одно религиозные понятия хуннов III в. до н.э., тюрков VI в. н.э., монголов XIII в. и бурят XIX в. Естественно, что эти различные культы увязать в единую систему невозможно^[464].

Итак, мы можем констатировать, что обе работы не удовлетворяют нас, главным образом со стороны метода. При рассмотрении религии в историческом аспекте важны не психологические основы религиозности, а символ веры или ответ на вопрос: «Какому Богу веруешь?», т.е. принцип историко-культурной классификации.

Для историка интересно разобраться не в сознании рядового верующего, где обычно много религий переплетено самым причудливым образом, а в принципах оформленных и развитых религий, так как изучение их в чистом виде и элементах позволит нам установить существовавшие культурные связи и дать объяснение доселе непонятым историческим явлениям. Следовательно, изучение религии не самоцель, а вспомогательная историческая дисциплина. Поэтому, оставляя в стороне вопросы происхождения религии, ее роли в сознании и т.п., мы будем рассматривать отдельные религии как факты исторического процесса. Мы попытаемся отслоить синкретические воззрения от основ, которые характерны для определенных религий, и попытаемся найти руководящие принципы для догматики монголов XIII в.

Бог монголов и его характер

Ценные сведения о древней религии монголов можно найти у Вильгельма Рубрика, монаха-минорита, ездившего к Мункэ-хану и весьма интересовавшегося вопросами религии. Он предпринял свое путешествие, дабы убедиться, что Сартак, сын Батые, действительно христианин, как ему сообщали черноморские купцы. Оно так и оказалось, но любопытно, что секретарь Сартака, Койяк, запретив Рубруку говорить Батыею, что Сартак – христианин, сказал: «Он не христианин, а Моал»^[465]. Рубрук был возмущен тем, что татары путают религии и нации,

однако, надо думать, Койяк, сам несторианин, понимал, что говорил. Когда Рубрук прибыл к Мункэ-хану, то ему удалось участвовать в религиозном диспуте, где мусульмане и христиане, объединившись на платформе единобожия, полемизировали с буддистами. Тогда высказал свою точку зрения и Мункэ-хан. Он сказал: «Мы, монголы, верим в Единого Бога, который на небе, волю его мы узнаем через прорицателей»^[466]. Это и было исповедание монгольской веры, сокращенно записанное Рубруком. Очевидно, ее и имел в виду Койяк, противопоставляя монголов христианам, и несомненно, что эта доктрина значительно отличается от описанного Банзаровым политеизма. Но можно ли все-таки считать ее монотеизмом?

Плано Карпини в главе о богопочитании у татар говорит следующее: «Они веруют в Единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами, или похвалами, или каким-нибудь обрядом»^[467]. Сверх того они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья преимущественно утром, раньше чем начнут есть или пить^[468].

Плано Карпини, хотя не уличенный в сознательной лжи, требует внимательного к себе отношения. Во время бешеной езды на перекладных до ставки Гуюка и обратно, при недоедании и незнании языка, трудно произвести исчерпывающие наблюдения. Поэтому нет на нем вины за то, что поклонение Небу он понял как поклонение светилам и к культу земли самочинно прибавил культ воды. В остальном он согласен с Гайтоном-армянином, сообщая нам, что татары «знают единого, вечного бога и призывают его имя, но это все. Они не молятся и не удерживаются от грехов ради страха Божьего»^[469].

Не менее определенно о монотеистическом богопочитании говорит Рашид ад-дин. У него приведен ряд высказываний Чингисхана по этому вопросу. В разговоре с сыновьями он сказал: «... силою Господнею и с помощью небесною я завоевал для вас царство»^[470]. Давая наказ Джэбэ и Субэтэю. Чингисхан говорил: «Силою Бога великого, пока не возьмете его (Мухаммеда) в руки, не возвращайтесь»^[471]. Чингисхан сказал про себя, что «дело его, словно новый месяц, возрастает со дня на день; от Неба силою всевышнего Господа нисходит божья помощь, а на земле помощью его явилось благоденствие»^[472]. Наконец, сохранился текст молитвы Чингисхана, когда он молился на вершине холма, повесив на шею пояс, развязав завязки плаща и пав на колени: «О предвечный Господь, ты знаешь и ведаешь, что Алтан-хан начал вражду... Я семь ищущий за кровь возмездия и мщенья. Если знаешь, что это возмездие мое правое, ниспошли свыше мне силу и победоносность и повели, чтобы мне помогали ангелы, люди, пери и дивы»^[473]. Эти слова могли бы показаться традиционными мусульманскими обращениями к аллаху, но имя аллаха нигде не упоминается, а везде стоит персидское слово «худа», т.е. «Бог».

Но самые драгоценные сведения о наличии у монголов культа верховного единого бога берем мы из «Сокровенного сказания». Там этот бог называется Вечным Небом. Монголы различали материальное «голубое» небо от духовного «вечного» Неба^[474]. «Вечное Небо», согласно Банзарову, как мы уже видели, не было личным богом, а лишь мировым порядком.

Однако приведенные выше слова Чингисхана убеждают нас в противном. К ним можно добавить еще ряд высказываний Чингисхана, в которых Вечное Небо выступает как податель помощи. Так, обращаясь к сыновьям, он говорит: «Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в ваши руки Тогтаевых сыновей»^[475]. И далее: «Когда с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство наше...»^[476].

По словам Чингисхана, Вечное Небо требует не только молитвы, но и активности: «...ты, Джурчедай, ударил на врага. Ты опрокинул всех: и джургинцев, и тубеганцев, и дунхаитов, и тысячу отборной охраны Хори-Шилемуна. Когда же ты продвинулся до главного среднего полка,

то стрелою-учумах ты ранил в щеку румяного Сангума. Вот почему Вечное Небо открыло нам двери и путь»^[477].

Как мы видим, Вечное Небо – бог, не только оказывающий помощь, но и требующий активности от своих почитателей, т.е. более активный, чем кальвинистский gott, дающий спасение по вере, без дел^[123].

На основании сказанного как будто следует признать у монголов наличие культа единого, всемогущего и активного бога. Но дело обстоит далеко не так просто.

Двуединство или дуализм?

«Сокровенное сказание» с полной определенностью сообщает нам, что Тенгри был не единственным богом монголов. Наряду с Небом упоминается Земля – Этуген. Например: «Тэмуджин сказал: мы ...умножаемые в силе небом и землей, нареченные могучим Тенгри и доставляемые матерью-Землей»^[478], далее: «В кераитском походе мы, восприняв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили кераитский народ»^[479].

Тут явный дуализм, но надо полагать, что Небо почитается больше Земли, так как Небо постоянно упоминается без Земли, тогда как Земля без Неба – никогда.

Плано Карпини сообщает, что татары через чародеев вопрошают бога Итогу, которого команы (тюрки) называют Кам^[480]. Итога, по вполне справедливой догадке Банзарова, – безусловно, монгольская Этуген, а кам – шаман. Согласно Плано Карпини, монголы этого божества боялись и приносили ему жертву. Для Этуген сооружалась «обо» (кучи камней на перевалах), причем в древности над обо совершались кровавые жертвоприношения^[481].

Не менее определенно говорит о наличии у монголов двоебожия Марко Поло: «Они (?) говорят, что есть верховный небесный Бог; ежедневно они возжигают ему курения и просят у него доброго разума и здоровья. Есть у них бог, зовут они его Нагитай и говорят, что то бог земной, бережет он их сынов и их скот да хлеб»^[482]. В другом месте тот же Марко Поло сообщает: «У каждого высоко на стене прибита табличка, на которой написано имя, обозначающее Всевышнего Небесного Бога. Ей поклоняются с кадилом фимиама, поднимают руки вверх и кладут земные поклоны, чтобы Бог дал хороший ум и здоровье, а другого не просят. Ниже, на полу, стоит изображение, которое зовется Натигаем; бог земных вещей, рождающихся по всей земле. Ему придают жену, детей и поклоняются также. У него просят хорошей погоды, земных плодов, сыновей и т.п.»^[483].

Итак, достовернейший материал вошел в противоречие со столь же достоверным. Как примирить принцип монотеизма, провозглашенный Мункэ-ханом, с принципом дуализма, зафиксированным в «Сокровенном сказании» и Марко Поло. Кажется, что здесь неразрешимая путаница. Но если мы поставим снова основной вопрос: «Какому Богу веруешь?», то получим неожиданный ответ: монголы верили в Бога по имени Хормуста.

Сходство наименований монгольского и иранского богов уже привлекало внимание историков и этнографов^[124]. Шмидт признает это сходство неслучайным^[484]. Ратцель также фиксирует на нем свое внимание^[485]. Термин «Хормуста» широко известен. Его употребляет Гюк в описании коронации Чингисхана^[486]. Он помещен в словарях Голстунского и Ковалевского, упоминается Банзаровым и Блоше^[487].

Банзаров не сомневается, что Хормуста и Небо – одно и то же. Чингисхана называли то сыном Неба, то сыном Хормусты, то по-китайски Тянь-цзы. Буддисты, переводя санскритские и тибетские книги на монгольский язык, именовали Индру Хормустой, что указывает на укоренение этого термина в Монголии к началу буддийской пропаганды.

Если бы термин «Хормуста» был занесен в Монголию не из Персии, а из Индии, вместе с буддизмом, то это имя соответствовало бы Варуне, согласно индо-иранской мифологии. Тут даже Банзаров уступает очевидности и вопреки собственным заявлениям об автохтонности «черной веры» замечает: «При лучшем знакомстве с шаманством монголов найдется в нем, может быть, много общего с учением Зороастра»^[488]. Но если это хоть отчасти так, то прежде всего отпадает трактовка Тенгри – Вечного Неба как безличного мирового порядка. Она и до этого противоречила фактам, а сейчас с ней можно вовсе не считаться.

Затем получает объяснение культ солнца и луны, отмеченный архимандритом Палладием. Тэмуджин на горе Бурхан молился лицом к солнцу^[489]. Но Веселовский, полемизируя против этого замечания, считает, что тут дело не в солнце, а в южной стороне, к которой будто бы монголы обращались при совершении религиозных обрядов. В доказательство он приводит факт, взятый из «Юань-ши» за 1210 г.: «Чингис, узнав о воцарении в Китае Юнцзи, сказал: „сей слабоумный не может царствовать“, – и плюнул к югу (т.е. к Китаю)»^[490]. Религиозного акта я здесь не вижу, и возражение против поклонения в сторону солнца отпадает. Но в самом деле культ солнца неясен и ни с чем не увязывается, если не предположить, что поклонение солнцу было деталью культа, а не отдельным культом. Солнце – древний Митра – было ипостасью Вечного Неба – Хормусты, и кажущееся противоречие отпадает. Что же касается луны, то у монголов она о числе культовых объектов не названа. Я полагаю, что иноземцы, грамотные, но не очень наблюдательные, поместили ее в пантеон монголов просто за компанию с солнцем. Но где же здесь Ариман?

Многоликость дьявола

Прежде чем двигаться дальше, отметим два крайне важных обстоятельства:

- 1) злом в разных религиях считается разное; но иногда бывают и совпадения: например, в христианстве и исламе черт один и тот же, но это не правило, а исключение из него, легко объяснимое тем, что Мухаммед принял на вооружение уже готовую общепризнанную христианскую этику, не противоречившую оригинальным чертам его учения;
- 2) отождествление понятия зла с собственными неприятностями есть не более как обывательское мнение, чуждое всем развитым метафизическим концепциям, к числу которых относятся религии.

Онтологическое зло никогда не приравнивается к субъективным неудачам, потому что формулировка этого понятия основывается на том или ином понимании космоса. Так, в зороастризме Ариман – равноправный соперник Ормузда, владыка полумира; в манихействе злом является материя в любой форме; в буддизме зло – это страсть, толкающая человека к действиям, а добро – полный покой в бесстрастии; в раннем христианстве Сатана – персона, «отец лжи и человекоубийца», а позднее он стал восставшим ангелом, бунтовщиком, преступником, т.е. в отличие от дуалистических систем дьявол не изначален. Кроме того, есть много систем, в которых вообще отсутствует понятие метафизического зла, как личного, так и космического. Здесь понятие «зло» совпадает с понятием «дурно», под которым понимается отступление от закона или племенного обычая. Таковы многие генотеистические культы и шаманизм, в котором религию подменяет тонко продуманная натурфилософия: учение о трех мирах и шаманском «древе», пронизывающем их. По последнему поднимается шаман, чтобы в экстазе проникать в верхний и нижний миры.

В каждом языке – точнее, в каждой системе семантических сигналов – есть свои условные выражения, метафоры, которые переводить буквально – бессмысленно. Например, у нас

«квадратный корень» вовсе не означает корня растения, у которого длина равна ширине. Точно так же обстоит дело с «шаманским деревом». Это не предмет, а образ, который, исходя из контекста, следует перевести на наш философский язык как способность делать трансцендентное имманентным, своего рода интуицию. А верхний и нижний миры? Ведь и они фигурируют в нашей натурфилософии под названием макромира и микромира, тогда как мы сами находимся в мезомире, в переводе на русский язык – среднем мире. Разумеется, нельзя ставить знак равенства между шаманистской философией и современной физикой, но еще менее правильно приравнивать шаманизм к теистическим религиям, включающим понятие божества. Шаманизм как система мировосприятия насквозь мистичен, но в нем нет места ни для бога, ни для дьявола.

Но можно ли считать шаманизм религией? И да и нет, в зависимости от того, как мы условимся о значении термина. Прямое значение слова «религия» – это связь (подразумевается – с божеством), от латинского глагола *religo* – связываю. Следовательно, если в концепции нет божества, то не может быть и связи и такие системы называть религиями нельзя. С другой стороны, разнообразие атеистических концепций столь же велико, как и теистических. Даосизм, буддизм, конфуцианство, джайнизм, подобно шаманизму, обладают всеми качествами религиозных доктрин, исключая признания Бога-существа. И все они больше отличаются от атеизма материалистов, нежели от религиозных систем. Как их назвать?

А сами теистические системы? Родовые культы на древнем Востоке и в Элладe очень мало общего имеют с мировыми религиями: христианством, исламом и теистическим ламаизмом. С точки зрения средневековых богословов, язычество не религия, а собрание суеверий. Да и у самих язычников отношение к идолу, которого то кормят жертвами, то стегают кнутом, очень непохоже на веру в Аллаха или Ади-Будду (Предвечного Будду, создателя мира). Если мы всюду будем применять термин «религия», то невольно объединим под этим понятием множество предметов несходных и разнотипных.

Поэтому, исключительно для удобства пользования термином, я буду в этой работе называть религиями только теистические системы, а для всей совокупности концепций и мировоззрений применю широкий термин – «верования», поскольку он столь же распространен и понятен без дополнительных объяснений.

Этот длинный и скучный экскурс был нужен нам только для того, чтобы отграничить древнемонгольскую религию от шаманизма. Они соседствовали, сосуществовали, взаимодействовали, но в древнемонгольской религии было то, чего не могло быть в шаманизме: космическое злое начало.

Банзаров предполагает, что Ариманом монгольского пантеона был Эрлик-хан, бог подземного мира^[491]. Я не могу согласиться с таким сопоставлением, хотя действительно в современной бурятской мифологии Эрлик-хан – антипод Хормусты. Дело в том, что – злое божество алтайских шаманистов, от которых он попал к бурятам, надо думать, в более позднюю эпоху. Источники дают нам другое имя: это Итога Плано Карпини, Этуген – земля «Сокровенного сказания», Натигай Марко Поло. Хотя это звучит на первый взгляд парадоксально, но детальное изучение вопроса показывает, что это действительно так, хотя это тоже не Ариман.

Прежде всего надо помнить, что земля в «Сокровенном сказании» то упоминается рядом с небом, то опускается, но никогда не выступает самостоятельно. Во-вторых, по словам Плано Карпини, монголы боялись бога Итоги, т.е. Этугена, и приносили ему жертвы, в том числе даже кровавые. Причиной болезни Угедей-хана были «духи земли и вод». У бога Натигая просят мирских благ, противопоставляя его тем самым небесному Богу. Среди этих благ первое место занимают дети. Это место перекликается с представлениями современных бурят, согласно

которым Хормузта – глава 55 западных (добрых) тенгриев, а Эрлик-хан – вождь 44 восточных (злых), именуемых также дзаяны, духов земли, вызывающих оплодотворение.

Любопытно, что альбаст горных таджиков и ягнобцев не только злой дух, но также дух, без присутствия которого не могут состояться роды. Еще одна неслучайная аналогия.

Религиозные верования бурят, описанные Банзаровым, несомненно являются трансформацией более древней религии. Эрлик-хан попал к ним из алтайского культа, где он глава подземного мира, но не враг доброго бога Ульгения, а брат и помощник. Когда люди не приносят Ульгению жертв, он по доброте своей не может их наказать и обращается с жалобой к Эрлику. Тот быстро насылает на людей заразу или какую-нибудь другую беду, и тогда надо принести жертву обоим божествам, ибо они заодно. Никакого сходства с Ариманом Эрлик-хан не имеет.

Пожалуй, тут гораздо ближе не иранская, а древнетюркская народная религия, где Земля и Небо воспринимаются как две стороны одного начала, не борющиеся друг с другом, а взаимопомогающие. Эта концепция восходит к глубокой древности, к началу нашей эры, т.е. к саяньбийской культурной стихии ^[492]. Однако за тысячу лет произошла неизбежная трансформация и поглощение иноземных идей. Но, по-видимому, иранское влияние, проникавшее в Монголию через манихеев в VIII–IX вв., не повлияло на существо воззрений предков монголов, хотя они и усвоили иранскую терминологию. Злое начало понималось ими не как половина миропорядка – Ариман, а как его противоестественное нарушение – ложь, предательство. Это не значит, конечно, что сами монголы были исключительно правдивы. Кто без греха! Но как этическая категория осуждение предательства – моральный императив ^[125].

Автор «Тайной истории» даже самого Чингисхана осуждает за предательские убийства своего сводного брата Бектера и богатыря Бури-Бобо и восхваляет за казнь нукеров Джамухи, но кровавые экзекуции над побежденными татарами и меркитами оставляют его равнодушным. Эта точка зрения вполне логична. Смерть во время войны – всего лишь закон природы, а убийство доверившегося – оскорбление естества, следовательно божества. Люди, причастные к предательству, не должны жить и производить потомков, ибо монголы признавали коллективную ответственность и наличие наследственных признаков (мы бы сказали – генофонда). Потому и пострадали татары за выдачу чжурчжэням на смерть кераитского хана и отравление Есугэй-баатура. По логике монголов это было правильно.

Необходимо отметить, что в XII–XIII вв. эта точка зрения для большинства народов была непривычна. Китайцы, тюрки-мусульмане и даже европейцы практиковали убийство послов и парламентаров. Согласно монгольскому учению, они совершали этим самый тяжелый грех, и поэтому монголы так жестоко расправились и с Сунским Китаем, и с хорезмшахом Мухаммедом, и с русскими князьями на Калке, и с венграми на реке Шаяве.

Но уцелевшие от резни китайцы, иранцы, русские и венгры долго не могли понять связи между убийством монгольских послов и последовавшим истреблением их соотечественников. Им казалось, что одно дело, когда они убивают, а другое – когда они сами становятся жертвами! Поэтому они считали монголов чудовищами, забывая о том, что каждое следствие имеет причину. Только самые умные европейцы, например Плано Карпини и Александр Невский, поняли это. Плано Карпини постарался, чтобы с ним не посылали послов в Европу, так как боялся, что немцы их убьют, а «у татар есть обычай никогда не заключать мира с теми людьми, которые убили их послов» ^[493]. Александр Невский в 1259 г., зная этот обычай, не позволил новгородцам перебить татарских постов в Новгороде, поставив у дома, где те остановились, вооруженную охрану. Этим он спас не только татар, но и Новгород. И как это непохоже на безразличие самих новгородцев к чужой смерти! Ведь когда Ярослав перебил их парламентаров и тут же, получив известие о смерти своего отца Владимира Красное Солнышко и убийстве

Святополком Окаянным его братьев Бориса и Глеба, хотел бежать в Швецию, новгородцы, чуя поживу, сказали ему: «Мертвых нам не кресити» – и, забыв про предательство, пошли сажать его на престол киевский.

Поиск источника веры

Итак, злое начало монголов непохоже ни на Аримана зороастрийцев, ни на «Беснующийся мрак» манихеев, а от христианской концепции сатаны отличается тем, что оно безлично. Поскольку мы отметили несомненные реминисценции иранской культуры, то обратимся к третьей иранской концепции – митраизму, продержавшемуся в Иране до арабского завоевания. Культ этот пережил длинную эволюцию, но мы ограничимся характеристикой основного направления его исторической судьбы.

Зародившись на равнинах Средней Азии среди кочевых племен, митраизм был воспринят такими же кочевниками, населявшими страну Шаншун, находившуюся в Северо-Западном Тибете. От шаншунцев эту веру переняли оседлые тибетцы, обитавшие в долине Брамипутры, называющейся в Тибете Цан-по. Здесь она стала официальной религией с культом, клиром, проповедью и влиянием на государственные дела^[494]. Тибетское название этой религии – бон. Из Тибета бон распространился в Центральную Азию и, выдержав жестокую борьбу с буддизмом, сохранил свои позиции в Тибете до XX в. Тождество митраизма и бона установлено нами в специальной работе^[495], а сходство того и другого с религией древних монголов мы попробуем проиллюстрировать несколькими примерами^[126].

Среди многих гимнов Митре в Авесте есть важный текст. Ахурамазда обратился к Спитамене-Заратуштре, говоря: «Поистине, когда я сотворил Митру, владыку обширных пастбищ, о Спитама, я сотворил его столь же достойным жертвоприношений и молитв, как и я сам, Ахурамазда. Злодей, который солжет Митре (или нарушит договор), навлечет смерть на всю страну, причинит миру такое же зло, как сто грешников. О Спитама, не нарушай договора, ни с верующими, ни с неверующими, так как Митра и для верных и для неверных»^[496].

Древний Митра – гений небесного света, почитался наравне с Ахурамаздой, и Дарий Гистасп отвел одинаково почетные места эмблемам Ормузда и Митры на стенах своей усыпальницы^[497] (486 г. до н.э.). Иногда Митра считается божеством, совмещающим мужской и женский пол. На некоторых митраистских памятниках встречаются символы бога и богини. На многих барельефах Митра закалывает быка или барана, что указывает на связь культа с жертвоприношениями, но главные культовые действия совершались тайно. Ксеркс специальным указом запретил почитание дэвов в своей империи, но Митра и Анахита были исключены из числа гонимых богов и упомянуты в надписи Артаксеркса как союзники Ахурамазды.

Однако культ Митры в Иране был вытеснен почитанием Амешаспента, и впоследствии Митра выступает как самостоятельное божество, находящееся посередине, между Ормуздом и Ариманом^[498]. Значение культа Митры в Иране заметно снизилось, а расхождения его с зороастризмом обострились. Зато в Малой Азии культ Митры расцвел. Ему поклонялся Митридат Эвпатор, его чтили киликийские пираты, у которых культ Митры заимствовали римские солдаты, а потом солдатские императоры^[499], например Аврелиан, Диоклетиан, Юлиан Отступник, а в Иране – Бахрам Чубин, «поклоняющийся Михру мятежник», как его назвал христианский автор VII в.^[500]

Западный митраизм, поклонение «Непобедимому солнцу», не выдержал соперничества с христианством и исламом и бесследно исчез. Зато на Востоке он сохранился у эфталитов, где поборником его выступил царь Михиракула, борец против буддизма^[501]. Царство эфталитов в

начале VI в. включало в себя Дардистан в Западном Тибете^[502]. Поэтому культурное общение между эфталитами и страной Шаншун было легким и даже неизбежным.

Согласно основному тезису митраизма, Небо вместе со своей супругой Землей правит всеми другими богами, порожденными этим основным двуединым божеством. Не этот ли культ мы находим у тибетцев и монголов до принятия ими буддизма? Дальше. Земля-производительница, terra Mater, оплодотворенная водой, занимает важное место и в ритуалах и в учении^[503].

Но не только культовые детали и не столько они определяют близость учений митраизма и бона. Восточный митраизм, сохранивший архаичные черты, не сделался, подобно западному, религией победы или военного успеха, а остался учением борьбы за правду и верность. Он не превратился в «Непобедимое солнце», а сохранил свою космическую природу, где солнце было только «глаз Митры», а сам он – божество-жрец Белый свет. Врагом восточного Митры, как и бонского Белого света, были ложь, обман и предательство, причем под последним понималось злоупотребление доверием^[504]. Именно эта догматическая и одновременно психологическая черта роднит митраизм с религией бон и ответвлениями бона у древних монголов.

И наконец, последний вопрос: почему митраизм так не ладил с буддизмом, хотя довольно спокойно позволил поглотить себя христианству и исламу? Общее в буддизме и боне (митраизме) – указание верующим делать добрые дела и стремиться к самоусовершенствованию, но понимание добра и цели, ради которой следует совершенствоваться, диаметрально противоположны. Буддисты считают добром либо «неделание», либо пропаганду своего учения, которое в конечном счете ведет к тому же «неделанию» ради полного исчезновения из жизни. Митраисты, наоборот, предписывают борьбу за правду и справедливость, т.е. военные подвиги, а во время войны отшельники рассматриваются как дезертиры. С точки зрения буддиста, мир – обитель мучений, из которой надо бежать; прекращение процесса восстановления жизни, т.е. безбрачие, – обязательное условие спасения. В митраизме Митра – «хозяин обширных полей», которым он дает плодородие. Он дает прирост поголовью стад; он дает также тем, кто честен, здоровье, изобилие и богатство. Он тот, кто раздает не только материальные, но и духовные блага^[505].

Короче говоря, митраизм – жизнеутверждающая система. Но если так, то проповедь борьбы с жизнью, утверждение, что прекрасный мир, окружающий нас, – майя (иллюзия), что полное безделье – самое подходящее занятие для талантливого человека и что лучшее средство для торжества добра – это непротивление злу, – все это представлялось митраистам-бонцам чудовищной ложью, а с ложью надо было бороться. Так предписывал их закон. Вот почему буддизм встретил такое яростное сопротивление в Тибете и Монголии, а победил он, да и то не полностью, только тогда, когда внутренние войны унесли в бездну самую деятельную часть народности, а у оставшихся уже не было ни сил, ни желания противостоять новому учению, которое сулило мир и призывало выйти из этого жестокого мира страданий. Тогда в Азии и восторжествовала «Желтая вера».

Бон

В настоящее время бон исповедуется в Сиккиме, отчасти в бутане, в юго-западных провинциях Китая – Сычуани и Юннани, южно-китайскими народностями мяо, поло, лису и другими, а также в Западном Тибете. Материалы по бонской религии весьма скудны. Это записки моравского миссионера Франке^[506] и дипломатического агента Белла^[507] и, наконец, подлинная бонская рукопись, доставленная Сарат Чандра Дасом и частично переведенная на

немецкий язык Лауфером^[508]. Наиболее полные современные исследования по бону содержатся в работах Гофмана^[509] и Стейна^[510]. Сведения, которые даются по бону в европейских работах, противоречивы и туманны. Что же касается описания бона в тибетских источниках, составленных буддистами, то тут приходится считаться с возможностью заведомой фальсификации фактов.

Божество, почитаемое бонцами, носит название Кунту Занпо (кун ту бзанг по), буквально «Всеблагодетель». Но так как ничто не может, по мнению бонцев, появиться на свет без отца и матери, то рядом с этим божеством существует богиня, выступающая то как нежная «Великая мать милосердия и любви», то как гневная «Славная царица трех миров», управляющая всем миром, включая Китай, Тибет, Шаншун и Ли (Хотан)^[511]. Эта богиня почитается даже больше, чем ее муж, так как ее сила связана с землей, вследствие чего она в Западном Тибете называется Земля-мать^[512].

Согласно бонской космологии, мир устроен из трех сфер: небесная область богов – белого цвета, земная область людей – красного цвета и нижний мир водяных духов – синего цвета. Мистическое мировое дерево прорастает все три вселенные и является путем, по которому миры сносятся между собой. По одной из бонских версий, в мире, в котором не было ни формы, ни реальности, появился чудесный человек между бытием и небытием, который стал называться «Сотворенный, владыка сущего». В мире тогда не было времен года, сами собой росли леса, но не было животных. Затем возникли свет белый и свет черный, после чего появляется черный человек, олицетворение зла, создатель раздоров и войн. Но появляется также и белый человек, окруженный светом, которого называют «Тот, кто любит все сущее». Он дает тепло солнцу, приказывает звездам, дает законы и т.п.^[513].

Тибетцы знают много сортов демонов, весьма разнящихся между собой. Это лха, небожители, добрые духи белого цвета, большей частью мужчины. Они животворны, хотя бог войны Далха (Дграл-ха) яростен и силен, как величайший бес. Мелкие духи этого сорта используются как защитники ламаизма. Землю населяют злые духи цан (бцан), мужчины красного цвета. Обычно это мстительный дух жреца, недовольного своей смертью. Обитают они преимущественно в окрестностях храмов. Главные враги людей – демоны дуд (бдуд, мара), в большинстве мужчины черного цвета и очень злобные. Самые злые из них – де (дре) или лхаде (лха 'дре), мужчины и женщины. Прочие духи значительно уступают по силе и размаху вышеописанным. Перечисляются бесы звезд – дон (гдон), пестрые, причиняющие болезни; демоны-людоеды – синпо (срин по) и многие другие.

Аналогичная система демонологии, хотя и не столь развитая, отмечена по всей Северной Евразии. Это роднит между собой мировоззрение азиатских кочевников, несмотря на то, что они исповедуют разные религии: ведь демоны не являются объектом поклонения, от них нужно только защищаться. Поскольку это обстоятельство не учитывалось многими этнографами, ставившими знак равенства между верованием и религией, то молчаливо бытовала концепция, согласно которой бон – это тибетская разновидность шаманизма. Тут опять произошло смешение двух понятий: шаманизм – практика экстаза с натурфилософской основой, а бон – религия. Оба эти понятия несоизмеримы.

Вера, но не религия

Кроме вышеизложенных верований, которые мы смело можем считать религиозными представлениями, в сознании монгола XIII в. гнездились много других, не имеющих прямой связи с догматикой и традицией. К числу их относятся вера в колдовство, гадание и приметы.

Часто эти явления помещают в область религии, но я оснований к тому не вижу. Религия ставит своей целью общение с богом и объяснение отношений человека к богу. Колдовство, т.е. магия, основано на принципах: 1) в мире все взаимосвязано и 2) сходное порождает сходное ^[514]. Наличие бога для колдуна не обязательно, так же как и духовных сил.

Равным образом, когда человек гадает, безразлично, употребляет ли он для этого баранью лопатку, бобы или карты, он не призывает никакой сверхъестественной силы.

Приметы же – самый яркий пример того, что не всякое убеждение связано с религией. Всем известна дурная примета: прикурить третьему от спички – к смерти или большой беде. Она годилась во время англо-бурской войны, когда бургские снайперы безошибочно били по огоньку спички, если он задерживался хоть на мгновение. Но эта примета весьма распространена во всей Европе, хотя и никак не увязывается с мировоззрением как материалистическим, так и христианским. Но ведь и языческим это верование не назовешь. Тут нет ни поэтического мифа, ни фантастической демонологии, ни проникновенного, хотя и неправильного, осмысления сил космоса и хаоса. Здесь просто дурно понятая закономерность на принципе *post hoc, ergo propter hoc* ^[127], которую с любой точки зрения надо назвать суеверием. А суеверие характерно для всех эпох.

У монголов под страхом смерти запрещалось летом купаться или мыть одежду. Веселовский пытался это антигигиеническое законодательство истолковать как проявление шаманистского почитания воды ^[515] (?!). Но мне думается, что тут мы имеем дело с приметой. Рашид ад-дин объясняет это запрещение тем, что купанье, по монгольским верованиям, вызывает грозу ^[516]. Гроза в степи – большое несчастье, так как молния поражает вертикально стоящие предметы, т.е. людей и скот. Два-три совпадения могли создать примету, которая потом бытовала долго и упорно. Но к религии это запрещение прямого отношения иметь не могло.

То же самое можно сказать о «культе порога». Первыми путешественниками в Монголию отмечалось, что прикосновение к порогу ханской юрты каралось смертью. Поэтому предполагалось, что монголы чтят «духа порога» и расценивали прикосновение к порогу как святотатство. Однако, мне кажется, дело обстояло не совсем так. Спутник Рубрука, монах, задел порог юрты Мункэ-хана и был немедленно арестован и препровожден к верховному судье. Но на следствии выяснилось, что монах представления не имел об этом обычае, и был отпущен на волю с запрещением лишь входить к хану ^[517]. Если бы тут шел вопрос о святотатстве, то незнание не спасло бы монаха. Скорее всего мы имеем дело не с культом, а с приметой, согласно которой прикосновение к порогу приносит несчастье хозяину дома. Поэтому встать на чужой порог – значит желать беды хозяину, задеть его – значит оказать ему невнимание, а по отношению к хану невнимание – оскорбление величества. Так как монах, задев порог, просто показал свою неосведомленность в чужих обычаях, то ему и не полагалось наказания. Смешивать же приметы с культом никогда не следует.

Не шаманизм!

Я полагаю, что Н. Веселовский сделал грубую ошибку, считая описанные им верования проявлением шаманизма, якобы государственной религией монголов ^[518].

Наш разум весьма склонен впадать в одну логическую ошибку: принимать слова за термины. Так, под понятие шаманизма мы подводим большое количество верований, весьма разнящихся между собою. Поэтому, прежде чем говорить о шаманизме, мы должны уточнить это понятие. Шаман – это человек, избранный духом, но не мировым духом, а личным, женским,

духом в мужья и по этой причине пользующийся его покровительством^[519]. Благодаря покровительству духа шаман может и гадать, и лечить, т.е. отгонять других духов, и провожать дух умершего до места успокоения. Наличие таких шаманов у монголов в поздние времена не вызывает сомнений, но облик Кокочу Теб-Тенгри совсем не таков. Теб-Тенгри не колдует, он вещает волю неба.

Что общего между этим священнослужителем и беснующимся медиумом на спиритическом сеансе (чем по сути дела и является камлание), кроме наименования, нами же произвольно данного? Вместе с тем в «Сокровенном сказании» есть описание и подлинного шаманского действия: это излечение Угедая путем выкупа его жизни жизнью родственника^[520]. Но оказывается, что для лечения были вызваны китайские, т.е. кара-киданьские, шаманы.

Наличие шаманизма констатируют также Плано Карпини и Рубрук, но они называют шамана – кам. Слово это алтайско-тюркское, а на Алтае шаманизм в XIII в. уже был сильно развит, уживаясь там с несторианством. Например, Рашид ад-дин говорит, что некогда найманский хан якобы имел такую власть над джиннами, что отдаивал их молоко и приготавливал из него кумыс. Но в отношении собственно монголов мы принуждены отказаться от традиционной точки зрения и согласиться с Мункэ-ханом, который сказал Рубруку, что через прорицателей (а не колдунов. – Л. Г.) монголы узнают волю Единого Бога.

Но если так, то напрашивается мысль, что шаманизм в узком и прямом смысле слова развивался как идеологическая система в непосредственной близости от Монголии и, очевидно, в ту же эпоху. Поскольку мы обнаружили его у кара-киданей и найманов, то естественно искать его родину там же, где была родина этих народов, т.е. в Маньчжурии. Действительно, там, в чжурчжэньской империи Кинь, мы находим искомые представления, обряды и терминологию. Само слово «шаман» некоторые исследователи считают чжурчжэньским^[521], а чжурчжэней – родоначальниками шаманизма^[522]. Чжурчжэни считали шаманами людей с выдающимися способностями^[523], так же как мы их называем гениальными, от слова «genius», дух-покровитель рода.

У киданей существовала даже шаманская иерархия: простой шаман лечил и волхвовал, но тайные обряды происходили под руководством верховного шамана, занимавшего высокое положение в империи Ляо. И это подлинный шаманизм, зафиксированный в 1714 г. при унификации маньчжурского ритуала. Божества маньчжур были определены как духи, связь с которыми осуществлялась через шаманов и шаманок^[524]. Короче говоря, шаманизм тоже был государственным мировоззрением, но не у монголов, а у их восточных соседей. Обе идеологические системы – теистическая и спиритуалистическая – на протяжении многих веков соседствовали, сосуществовали и взаимодействовали, но не сливались, ибо догматика и генезис были разными. Шаманизм оказался более долговечным и перекрыл исчезнувшие в Монголии высокоразвитые религии – бон и несторианство, что и ввело в заблуждение ученых XIX в., пытавшихся смешать в кучу все верования древних эпох; но современникам событий отличие монгольской религии от прочих азиатских культов было очевидно. Все сведущие очевидцы считали монгольскую веру монотеизмом, но ни мусульмане, ни христиане не отмечали сходства между монгольской верой и своей.

Итак, древнемонгольская религия предстала перед нами как отработанное мировоззрение, с онтологией (учение о двуедином божестве, создателе и промыслителе), космологией (концепция трех миров с возможностями взаимного общения), этикой (осуждение лжи), мифологией (легенда о происхождении от «солнечного человека») и демонологией (различение духов-предков и духов природы). Она настолько отличалась от буддизма, ислама и христианства, что контакты между представителями этих религий могли быть только политическими. Вместе

с тем древнемонгольская культура была столь специфична, что любое заимствование из нее или просто завуалированное упоминание о ней легко распознать. Вот этим мы и займемся, взяв для примера наиболее знакомую нам обстановку – Древнюю Русь XII–XIII вв.

Мысль изреченная

Для начала вернемся к проблеме значения для нас и нашего времени сочинений древних авторов. Кроме элементарно антикварного похода, целью которого является эстетическое восприятие, или, сказать по-русски, любование, возможны два познавательных аспекта, оба равно научных: источниковедческий и исторический.

В первом случае сочинение рассматривается как источник информации – иными словами, мы стремимся извлечь из него крупицу сведений и заполнить ею бездну нашего невежества. Как правило, это удастся, но эффект, как мы уже видели, всегда меньше ожидаемого, потому что либо информация бывает неполноценна, либо мы сами воспринимаем ее неадекватно. Но избежать этого подхода нельзя, ибо только таким путем мы получаем первичные сведения, обрабатываемые затем приемами исторической критики.

Во втором случае, применяемом крайне редко, мы будем рассматривать литературное произведение как исторический факт или событие. В самом деле, чем отличается опубликование, например, тезисов Лютера, вывешенных 31 октября 1517 г. на дверях собора в городе Виттенберге, от битвы при Мариньяно, происшедшей на два года раньше?

Если судить по размаху последствий, то один бедный монах сделал больше, чем вся французская армия во главе с королем Франциском I. Но, даже если отвлечься от оценок, и то и другое для историка – факт, т.е. эталон исторического становления. Вот с этой позиции мы попробуем подойти к произведению древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», отнюдь не собираясь соперничать с филологами-литературоведами, работающими другими методами и ставящими себе другие задачи. Мы посмотрим на предмет изучения глазами историка-номадиста, из глубины азиатских степей, чего до сих пор не делал никто.

С момента появления из мрака забвения «Слово о полку Игореве» (в дальнейшем – «Слово») начало вызывать споры. Сложились три точки зрения. Первая, господствующая ныне в литературоведении: «Слово» – памятник XII в., составленный современником, а возможно, даже участником описываемых в нем событий^[525]. Вторая: «Слово» – подделка XVIII в., когда началось увлечение экзотикой древности. Эта концепция и в настоящее время не умерла и представлена работами французского слависта А. Мазона^[526] и советского историка А. А. Зимина^[527], книга которого пока не опубликована и потому не может быть предметом обсуждения. Третья: «Слово» – памятник древнерусской литературы, но составлено после XII в. – мнение, выдвинутое Свенцицким и А. Вайяном^[528], предложившими в качестве вероятной даты XV в., и Д. Н. Альшицем, относившим его к первой половине XIII в.

История вопроса столь обширна^[529], что рассматривать ее здесь нецелесообразно, а достаточно наметить верхнюю границу возможной датировки. Д. С. Лихачевым доказано, что «Задонщина» содержит элементы заимствования из «Слова», – значит, «Слово» древнее Куликовской битвы^[530]. Тем самым отпадают все более поздние датировки, но самый факт наличия дискуссии показывает, что дата – 1187 г. – вызывает сомнения. Поэтому мы предлагаем новый, дополнительный материал и новый аспект.

Чтобы не дублировать достигнутого нашими предшественниками, мы принимаем за основу исчерпывающий комментарий Д. С. Лихачева^[531] за исключением тех случаев, когда он оставляет вопрос открытым. Но в отличие от филологического подхода к предмету мы рассматриваем содержание памятника с точки зрения его правдоподобия при изложении событий, в нем описанных. Иными словами, мы кладем описание похода Игоря на канву

всемирной истории, с учетом того положения, которое имело место в степях Монголии и Дешти-и-Кыпчака. Наконец, мы исходим из того, что любое литературное произведение написано в определенный момент, по определенному поводу и адресовано к читателям, которых оно должно в чем-то убедить. Если нам удастся понять, для кого и ради чего написано интересующее нас сочинение, то обратным ходом мысли мы найдем тот единственный момент, который отвечает содержанию и направленности произведения. И в этом разрезе несущественно, имеем ли мы дело с вымыслом или реальным событием, прошедшим через призму творческой мысли автора. Само создание гениального литературного произведения и воздействие его на читателей-современников – факт, находящийся в компетенции историка.

Недоумения

Принято считать, что «Слово о полку Игореве» – патриотическое произведение, написанное в 1187 г. (стр. 249) и призывающее русских князей к единению (стр. 252) и борьбе с половцами, представителями чуждой Руси степной культуры. Предполагается также, что этот призыв «достиг... тех, кому он предназначался», т.е. удельных князей, организовавшихся в 1197 г. в антиполовецкую коалицию (стр. 267–268). Эта концепция действительно вытекает из буквального понимания «Слова» и поэтому на первый взгляд кажется единственно правильной. Но стоит лишь сопоставить «Слово» не с одной только группой фактов, а посмотреть на памятник со стороны, учитывая весь комплекс событий и на Руси и в сопредельных странах, то немедленно возникают весьма тягостные недоумения.

Во-первых, странен выбор предмета. Поход Игоря Святославича не был вызван причинами политической необходимости. Еще в 1180 г. Игорь находится в тесном союзе с половцами, в 1184 г. он уклоняется от участия в походе на них, несмотря на то, что этот поход возглавлялся его двоюродным братом Ольговичем – Святославом Всеволодовичем, которого он только что возвел на киевский престол. И вдруг, ни с того ни с сего, он бросается со своими ничтожными силами завоевывать все степи до Черного и Каспийского морей (стр. 243–244). При этом отмечается, что Игорь не договорился о координации действий даже с киевским князем. Естественно, что неподготовленная война кончилась катастрофой, но, когда виновник бед спасается и едет в Киев молиться «Богородице Пирогощей» (стр. 31), вся страна, вместо того чтобы справедливо негодовать, радуется и веселится, забыв об убитых в бою и покинутых в плену. С чего бы?!

Совершенно очевидно, что автор «Слова» намерен сообщить своим читателям нечто важное, а не просто рассказ о неудачной стычке, не имевшей никакого военного и политического значения. Значит, назначение «Слова» – дидактическое, а историческое событие – просто предлог, на который автор нанизывает нужные ему идеи. Историзм древнерусской литературы, не признававшей вымышленных сюжетов, отмечен Д. С. Лихачевым (стр. 240), и потому нас не должно удивлять, что в основу назидания положен факт. Значит, в повествовании главное не описываемое событие, а вывод из него, т.е. намек на что-то вполне ясное «братии», к которой обращался автор, и вместе с тем такое, что следовало доказать, иначе зачем бы и писать столь продуманное сочинение. Нам, читателям XX в., этот намек совсем неясен, потому что призыв к войне с половцами был сделан Владимиром Мономахом в 1113 г. предельно просто, понят народом и князьями также без затруднений и стал в начале XII в. общепризнанной истиной, не вызывавшей сомнений. Но к концу XII в. этот призыв был неактуален, потому что перевес Руси над половецкой степью сделался очевидным. В то время половцы в значительном количестве крестились^[532] и принимали участие в усобицах ничуть не больше, чем сами князья Рюриковичи, причем всегда в союзе с кем-либо из русских князей. Призывать в такое время

народ к мобилизации просто нелепо. Но мало этого, сам «призыв» в плане ретроспекции вызывает не меньшие сомнения.

С вышеописанных позиций автор «Слова» должен был бы отрицательно относиться к князьям, приводившим на Русь иноплеменников. Автор не жалеет осуждений для Олега Святославича, приписывая ему все беды Русской земли. Однако прав ли он? Олег должен был унаследовать золотой стол киевский, а его объявили изгоем, лишили места в престолонаследной очереди, или, как тогда называли, в лестнице, предательски схватили и по договоренности с византийским императором Никифором III (узурпатором) и князем киевским Всеволодом I отправили в заточение на остров Родос (1079 г.). Можно было бы думать, что за год перед этим он при помощи половцев добыл родной Чернигов, а затем спровоцировал кровавое столкновение на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г., в котором погибли другой изгой – Борис Вячеславич и Изяслав I, князь киевский. Пусть так, но ведь антагонист Олега – Владимир Мономах за год перед этим первый привел половцев на Русь, чтобы опустошить Полоцкое княжество. За что же такая немилость Олегу? Может быть, Олег не первый начал обращаться за помощью к половцам, но применял эту помощь в больших масштабах? Проверим. За период с 1128 по 1161 г. Ольговичи приводили половцев на Русь 15 раз ^[533], а один только Владимир Мономах – 19 раз ^[534]. Очевидно, тут вопрос не в исторической правде, а в очень дурном отношении автора «Слова» к Олегу. Но за что?

Вражда Мономаха с Олегом из-за Чернигова носила характер обычной княжеской усобицы и не вызывала острого отношения русского общества. Таковое, и резко отрицательное, к Олегу проявилось лишь после 1095 г. Тогда Владимир Мономах заманил для переговоров половецкого хана Итлара, предательски убил его, вырезал его свиту и потребовал от Олега Святославича выдать на смерть сына Итлара, гостившего в Чернигове. Вероломство и в XII в. не рассматривалось на Руси как добродетель. Олег отказал! Вызванный на суд митрополита, Олег заявил: «Не пойду на суд к епископам, игуменам да смердам» ^[535]. Вот после этого, и только тогда, Олега объявили врагом Русской земли, что распространилось и на его детей.

Это плохое отношение к Ольговичам было не повсеместным. Скорее это была платформа группы, поддерживавшей князя Изяслава Мстиславича и его сына, но для нас важно, что автор «Слова» держится именно этой точки зрения. ^[536] И не в кочевниках тут дело. Обе стороны привлекали в качестве союзников и половцев, и торков с берендеями, и даже мусульман-болгар. Например, в 1107 г. Владимир Мономах, Олег и Давид Святославичи одновременно женили своих сыновей на половчанках. Но все-таки разница была: Олег и его дети дружили с половецкими ханами, а Мономах и его потомки – их использовали. Нюанс очень важный для того времени, и невозможно, чтобы точка зрения авторов Ипатьевской летописи и «Слова», осуждающих Олега, была единственной на Руси. Очевидно, должна была существовать черниговская традиция, обеляющая Олега. Черниговская летописная версия не дошла до нас, но вскрыта М. Д. Приселковым как «третий источник киевского великокняжеского свода 1200 г., использованный в выписках» ^[537]. Однако автор «Слова», по мнению М. Д. Приселкова, предпочитает киевскую традицию, враждебную Олегу, и в своих симпатиях совпадает с черниговским летописцем только по отношению к Игорю Святославичу, который и в черниговском варианте назван «благочестивым князем». Противопоставление Игоря его деду Олегу бросается в глаза. Оно проходит по двум главнейшим линиям: отношению к степи и по отношению к киевской митрополии!

В самом деле, вражда двух княжеских группировок связана не только с изгойством Олега Святославича. Ведь в ней принимало участие население городов Северской земли, без поддержки коего князья Ольговичи долго воевать не могли. И вот тут-то мы подходим к

вопросу, вернее к постановке гипотезы, которая, если она правильна, позволит нам решить этот вопрос. Ключ к его решению содержится в некоторых словах текста «Слова о полку Игореве» и в истории взаимоотношений Руси со степью в XI–XIII вв.

Земля незнаема

Существует мнение, распространенное вплоть до школьных учебников, что дикая, кочевая степь всегда противостояла оседлой культурной Руси и боролась с ней чуть ли не до XIX в. Такое сверхобобщение само по себе является натяжкой, но совершенно недопустимо вытекающее из него обывательское представление, будто степь представляла «политическое» и этническое единство^[128]. Недаром наши предки в XII в. именовали степь «землей незнакомой». Это определение действительно и для более поздних веков.

Прежде всего, даже в физико-географическом смысле, степь разнообразнее лесной полосы Евразии^[129]. Травянистые степи между Днестром и Доном непохожи на сухие Черные земли Прикаспия и на Рын-пески Волго-Уральского междуречья. Речные долины и дельта Волги вообще аazonальны и выпадают из общей характеристики аридной зоны, равно как и предгорья Кавказа или побережье Черного моря. И в этих разных географических условиях жили разные народы, отнюдь не похожие друг на друга. В середине XI в. этнографическая карта «земли незнакомой» выглядела так.

В долинах Дона и Терека жили потомки православных хазар, а их мусульманские соплеменники населяли дельту и пойму Волги. В Прикубанье обитали ясы (осетины) и касоги (черкесы), еще не оттесненные в Кавказские горы. На берегах Черного моря держались готы-тетракситы. Левый, степной берег Волги контролировали камские булгары, а правый, горный – мордва и буртасы. Все эти народы были оседлыми. Кочевники занимали только водораздельные массивы Степей, но и они не были едины. Торки, берендеи и черные клобуки (каракалпаки) жались к русской границе, страшась подлинных степняков – половцев.

Русско-половецкие отношения прошли длинную эволюцию. В 1054 г. половцы появились на границах Руси как народ-завоеватель, опьяненный победами над гузами и печенегами. В 1068 г. они разбили русских князей на Альте и, казалось, были близки к покорению Восточной Европы. Однако стены русских крепостей остановили их натиск, и до 1115 г. шла упорная война, в которой половецкий племенной союз использовал распри русских удельных князей. Но успехи половцев были эфемерны. Как только Владимир Мономах установил внутренний мир, он перенес войну в степи и разгромил половецкий союз. По существу это было завоевание степей, хотя отнюдь не покорение, которого в те времена быть не могло. Половцы вошли в систему Киевского княжества так же, как, например, Полоцкая или Новгородская земля, не потеряв автономии. Они участвовали в распрах Ольговичей с Мономаховичами уже не как самостоятельная сила, а как вспомогательные войска. Выступать против Руси в целом они не смели, и потому правильнее говорить о единой русско-половецкой системе, сменившей бывшее противопоставление. Потому-то русские князья и вступились за половцев в 1223 г., что и вызвало недоумение монголов и последовавший в 1236 г. поход Батые. Поход Игоря в 1185 г. выпадает из общего стиля русско-половецких отношений XII в., и потому, очевидно, он был удостоен особого внимания со стороны авторов Ипатьевской летописи и «Слова»^[138]. О причинах такого повышенного интереса мы скажем в другой связи.

Итак, от падения Хазарского каганата в 965 г. до основания Золотой Орды в 1241 г. никакого степного объединения не существовало и опасности для Русской земли со стороны степи не было. Однако «Слово о полку Игореве» пронизано совершенно иным настроением, и

это наводит на мысль, что автор нашего источника имел в виду что-то такое, о чем он предпочитал прямо не говорить. Это подозрение заставляет нас снова вернуться к тексту и обратить внимание на некоторые ориентализмы, не получившие достаточного объяснения. При этом мы заранее отказываемся от всех предвзятых мнений, чтобы твердо стать на почву несомненных фактов.

Хины

В «Слове» трижды упоминается загадочное название «хин». Д. С. Лихачев определил, что это «какие-то неведомые восточные народы, слухи о которых могли доходить до Византии и от самих восточных народов, устно, и через ученую литературу» (стр. 429). Но народа с таким именем не было!^[539] Больше того, хины упоминаются как соседи Руси. Поражение Игоря «буйство подаста хинови» (стр. 20). Воины двух западнорусских князей – Волынского Романа и Городенского Мстислава – гроза для «хинов» и литовских племен (стр. 23). И наконец, «хиновьския стрелки» в устах Ярославны – образ совершенно ясный для читателей «Слова». Значит, этот термин был хорошо известен на Руси. Единственное слово, соответствующее этим трем цитатам, будет названием чжурчжэньской империи – Кин (современное чтение Цзинь – «золотая») (1115–1234)^[540]. Замена «к» на «х» показывает, что это слово было занесено на Русь монголами, у которых в языке звука «к» нет^[541]. Но тогда возраст этого сведения не XII в., а XIII в., не раньше битвы на Калке в 1223 г., а скорее позже 1234 г., и вот почему.

Империя Кинь претендовала на господство над восточной половиной Великой степи до Алтая и рассматривала находившиеся там племенные державы как своих вассалов. Этот сюзеренитет был отнюдь не фактическим, но юридическим, и племена кераитов, монголов и татар считались политическими подданными империи, т.е. кинами, хотя отнюдь не чжурчжэнями. Такое условное обозначение было в Азии весьма распространено. Так, монголы до Чингисхана назывались татарами, так как племя татар было гегемоном в степи. Потом покоренные Чингисом племена стали называться монголами или, по старой памяти, татарами, причем это название закрепилось за группой поволжских тюрок.

В XIV в. название «хинове» было закреплено за золотоордынскими татарами. В «Задонщине» толково объяснено, что «на восточную сторону жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусорманские. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля сидит невесела...». Темник Мамай назван «хиновином» и, наконец, сказано: «возгремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове»^[542].

Для понимания истории Азии надо твердо усвоить, что национальностей и национальных названий там до XX в. не было. Поэтому, после того как чжурчжэньская империя была завоевана монголами, последних продолжали называть «хины» в политическом, но не этническом смысле слова. Однако это название было вытеснено новыми политическими названиями: Монгол и Юань. Совместно с ними оно могло бытовать, применительно к монголам, только в середине XIII в. Но тогда значит, что под «хинами» надо понимать монгол-татар Золотой Орды и, следовательно, сам сюжет «Слова» не более как зашифровка. Да, такова наша догадка, и в ее же пользу говорит иначе не объяснимое русское название Синей Орды – Золотая Орда. Это буквальный перевод китайского слова «Кинь» (совр. Цзинь)^[543]. И возникло это название, видимо, из-за того, что войска Батые были укомплектованы сдавшимися чжурчжэнями, подобно тому как войска Хубилая пополнялись русскими и половцами. Исходя из этого соображения, можно догадаться, что означает в тексте «Слова» упоминание «хиновьских стрел».

В средние века стрелы были дефицитным оружием. Изготовить хорошую стрелу нелегко, а расходовались они быстро. Поэтому ясно, что, захватив чжурчжэньские арсеналы, монголы на некоторое время обеспечили себя стрелами. Для автора «Слова», так же как и для его читателей, хиновские, т.е. монгольские, стрелы – понятие вполне определенное. В чем секрет?

Стрелы дальневосточных народов отличались тем, что они были иногда отравлены. Этот факт не был никогда отмечен современниками-летописцами, потому что монголы держали военные секреты в тайне. Но анализ фрагментов из «Сокровенного сказания» показывает, что раненых стрелами отпаивали молоком, предварительно отсосав кровь. Видимо, применялся змеиный яд, который не всасывается стенками кишечника, так что его можно без вреда проглатывать. Своевременное отсасывание крови из раны и доставление нескольких глотков молока расценивались как спасение жизни.

Собираясь в поход против меркитов, Джамуха говорит: «Приладил я свои стрелы с зарубинами»^[544]. Для чего на стреле могут быть зарубины? Они весьма усложняют изготовление стрелы и ничуть не увеличивают ее боевых качеств. Назначение зарубин могло быть только одно: возможно дольше удержать стрелу в ране, а это особо важно, если стрела отравлена.

Несколько ниже источник подтверждает нашу догадку. В сражении «Чингисхан получил ранение в шейную артерию. Кровь невозможно было остановить, и его трясла лихорадка (симптом отравления. – Л. Г.). С заходом солнца расположились на ночлег на виду у неприятеля, на месте боя. Джельмэ все время отсасывал запекавшуюся кровь (первое и главное средство против змеиного яда. – Л. Г.). С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полон рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингисхан пришел в себя и говорит: «Пить хочу, совсем пересохла кровь». Тогда Джельмэ сбрасывает с себя все – и шапку, и сапоги, и верхнюю одежду, оставаясь в одних исподниках, он, почти голый, пускается бегом прямо в неприятельский стан напротив. В напрасных поисках кумыса (молоко – противоядие. – Л. Г.) он взбирается на телеги тайджиутов, окруживших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его...»

Принеся рог с кислым молоком, тот же Джельмэ сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану (значит, вода была близко, но все-таки потребовалось достать молока, хотя бы с риском для жизни. – Л. Г.). «Трижды переведя дух, испил он и говорит: „Прозрело мое внутреннее око!“ (Помогло! – Л. Г.). Между тем стало светло, и, осмотревшись, Чингисхан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась от того, что Джельмэ во все стороны отхаркивал *отсосанную кровь* (курсив наш. – Л. Г.). «Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?» – сказал он. Тогда Джельмэ говорит ему: «Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях всяко приходилось: глотать так глотнешь, плевать так плюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо» (Джельмэ намекает на то, что глотал гадость ради хана. – Л. Г.).

«А зачем это ты, – продолжал Чингисхан, – голый побежал к неприятелю, когда я лежал в таком состоянии?» – «Вот что я придумал, – говорит Джельмэ, – вот что я придумал голый, убегая к неприятелю. Если меня поймают, то я им скажу: „Я задумал бежать к вам, но те, наши, догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали стягивать последние штаны, как мне удалось убежать к вам“.

Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли бы к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся лошади? Только так я могу утолить жажду моего государя, подумал я, и в мгновение ока решил» (и опять-таки речь идет не о

жажде, а о противоядии, так как жажда лучше утоляется водой, а не молоком. – Л. Г.). Тогда говорит ему Чингисхан: «Что скажу я тебе?! Некогда, когда нагрянули меркиты, ты в первый раз спас мою жизнь. Теперь ты снова спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую (точнее, выступавшую или умиравшую. – Л. Г.) кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, во мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни (отсасывание крови и несколько глотков молока расценено как спасение жизни и приравнено к неравной героической обороне горы Бурхан. – Л. Г.). Пусть же пребудут в душе моей эти твои заслуги». Так он соизволил сказать»^[545].

Не менее характерен другой эпизод. После боя с кераитами «...Борохул и Огодай. Подъехали. У Борохула по углам рта струится кровь. Оказывается, Огодай ранен стрелой в шейный позвонок, а Борохул все время отсасывал у него кровь, и оттого-то по углам рта его стекала спертая кровь... Чингисхан приказал тотчас же разжечь огонь, прижечь рану и напоить Огодая»^[546]. Ниже описание подвига Борохула повторено, причем подчеркнуто, что своевременным отсасыванием была спасена жизнь Огодая (Угедая).

Я полагаю, что в обоих случаях картина отравления несомненна и даже можно определить, какой яд употреблялся. Известно, что растительные яды-алкалоиды действуют чрезвычайно быстро, а здесь мы имеем медленно действующий яд, против которого действительны отсасывание крови и прижигание. Таков змеиный яд. Его могли доставить гадюки, которыми изобилует Забайкалье. Способ добывания этого яда крайне прост – выдавливание из зубов гадюки на блюдечко. Высушенный яд можно хранить сколько угодно и, растворив в воде, пустить в дело. Поскольку змеиный яд не впитывается желудком, то отсасывать кровь неопасно. Отравлялись, по-видимому, только стрелы, так как Хуилдар мангутский, будучи ранен копьем, умер лишь оттого, что на охоте, во время скачки, открылась рана. О признаках отравления источник не говорит.

В более ранние эпохи у тюрков и уйгуров оружие не отравлялось, так как китайские летописцы, до IX в. вполне осведомленные, чрезвычайно внимательно относившиеся к военной технике соперников, указывают только на один вполне специфический случай. Тюркский каган Сылиби Ли-Сымо, любимец императора Тайцзуна Ли Ши-миня, был в походе на Корею случайно ранен стрелой, и император лично отсасывал ему кровь^[547].

Это последнее указание дает нам возможность проследить, откуда заимствовали степные кочевники употребление яда для стрел. На стороне корейцев сражались мохэ или уги, их северные соседи, обитавшие по берегам Сунгари. Это потомки древних сушеней и предки чжурчжэней. В «Бэй ши» про них сказано: «Употребляют лук длиной в 3 фута, стрелы – в 1, 2 фута. Обыкновенно в седьмой и восьмой луне составляют яды и намазывают стрелы для стрельбы зверей и птиц. Пораненный немедленно умирает»^[548]. Характерно, что лук – небольшой и сильным быть не может, а стрела – не длинная и не тяжелая, так что пробойность ее ничтожна. Весь эффект дает только яд^[549]. Не менее важна другая деталь: яд приготавливался осенью. Сила змеиного яда варьируется в зависимости от времени года; осенью он наиболее опасен.

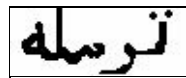
Еще несколько слов

Примером, сходным со словом «хины», является часто встречающееся слово «харлуг», что объясняется комментатором как «булат» (стр. 406). Отмеченная выше монголизация тюркских слов дает право усмотреть здесь слово «каралук» с заменой «к» (тюрк.) на «х» (монг.), т.е. вороненая сталь^[550]. Предлагаемое толкование не противоречит принятому, но обращает на себя

внимание суффикс «луг» вместо «лык». Такое произношение характерно для архаических диалектов тюркского языка домонгольского периода и для XIII в.; например, Кучлук – «сильный», имя найманского царевича^[551]. Суффикс «луг» принят в орхонских надписях^[552] и в тибетском географическом трактате VIII в.^[553].

Подмеченная закономерность фонетической транскрипции позволяет привести еще один довод в пользу большей древности «Слова» сравнительно с «Задонщиной». В «Задонщине» слово «катун» («царица», переносно – «возлюбленная») приводится уже с тюркской огласовкой^[554], по монгольской было бы «хатун». В XIV в. тюркский язык вытеснил в Поволжье монгольский, и русский автор записал слово, как его слышал. А автор «Слова» слышал аналогичные слова от монголов; значит, он писал не позже и не раньше XIII в.

Загадочное слово «Деремела», по утверждению Д. С. Лихачева, неясно (стр. 446). Предложенное А. С. Соловьевым объяснение, что «деремела – вероятно, ятвяжская область и ятвяжское племя Dernen, Derme^[555], представляется слишком большой натяжкой, тем более что ятвяги упомянуты рядом. Но есть монгольское имя «Дармала», частое для эпохи Чингисхана. В персидской записи это будет

, которое с восточными огласовками читается как «тармала», а с западными – «теремелэ», что соответствует искомому. Если допустить, что в числе побежденных Романом и Мстиславом был отряд монгольского баскака по имени Дармала, контролировавшего область, лежавшую между страной ятвягов и половецкой степью, то противоречий с фонетикой и текстом не возникает. У кочевников часто этническое название заменяется именем вождя, как, например, «сельджуки» значит – «сторонники и подчиненные Сельджука». Поэтому можно допустить, что здесь фигурирует не народность, а просто подчиненные Дармале люди и район. Но это опять ведет нас к XIII в., а пока у нас нет полного объяснения отмеченные нами наблюдений, воздержимся от выводов и продолжим поиск.

Троян и Див

В «Слове о полку Игореве» четыре раза упоминается загадочным персонаж «Троян». Литература об этом слове или термине огромна, но, к счастью, сведена академиком Н. С. Державиным в систему, позволяющую ее обозрение^[556]. Н. С. Державин выделил четыре направления толкований слова «Троян»: 1) мифологическое (Буслаев, Квашнин-Самарин, Барсов): Троян – славянское языческое божество; 2) символическое (Полевой, Бодянский, Забелин, Потебня, Костомаров): Троян – философско-литературный образ; 3) историко-литературное (Вяземский, Вс. Миллер, Н. Веселовский, Пыпин): общее в этом направлении – отрицание Трояна как персонажа древнерусской мысли, заимствование образа из византийских и южнославянских преданий либо о Троянской войне, либо просто увлечение «старыми словесами, найденными автором „Слова“ в старых болгарских книжках» (Вс. Миллер); 4) историческое (Дринов, Максимович, Дашкевич и др.): Троян – либо римский император Траян, либо русские князья, персонифицированные в божество. Эта схема представляет интерес для истории вопроса, но для того, чтобы разобраться в самом предмете, она слишком запутанна и аморфна.

Гораздо четче классификация А. Болдура^[557], выделившего три варианта гипотез, бытующих в настоящее время: 1) Троян – римский император Траян; 2) Троян – славянское божество; 3) Троян – русские князья XI-XII вв. (триумвират): киевский, черниговский, переяславский. Последний вариант всерьез рассматривать не стоит.

Критика этих направлений содержится в упомянутой статье А. Болдура, предлагающего свою оригинальную гипотезу: «Троян» – имя императора Траяна, перенесенное на легендарного царя Мидаса южными славянами, у которых бытует сказка, похожая на миф о Мидасе и его ослиных ушах. Не входя в разбор гипотезы в части, касающейся фольклора балканских славян, следует отметить, что она отнюдь не проливает света на упоминания Трояна в контексте «Слова о полку Игореве» ни с учетом исторической обстановки описанного события (похода и разгрома Игоря), ни без него. Достаточно отметить, что с этой точки зрения «земля Трояна» – Румыния, тогда как в «Слове» говорится о том, что «обида вступила на землю Трояню», по поводу контрнабега половцев, когда был сожжен город Римов и осажден Путивль. А «вечи // века Трояновы» неизбежно воспринимаются как литературная метафора без смысловой нагрузки^[558]. Признавая за статьей А. Болдура историографическое значение, следует признать итогом научного исследования исторический комментарий Д. С. Лихачева к изданию «Слова о полку Игореве».

Исчерпывающий разбор Д. С. Лихачева показывает, что под этим именем подразумевалось божество, которое Д. С. Лихачев считает языческим (стр. 385–386). Оно, конечно, не православное, но подождем с выводом. Кроме «Слова» Троян упоминается в «Хождении Богородицы по мухам» (XII в.) в таком контексте:

«...Они (язычники. – Л. Г.) все боги прозваша. Солнце и месяц, землю и воду, звери гады «тосетнею» (!) и человеческие имена та оутриа (именно, греч.): Трояна, Хорса, Велеса, Перуна на боги обратиша, бесом злым вероваша». Текст загадочен, и понимание его было утрачено еще в древние времена, ибо в «Слове на откровении святых апостол» (XVI в.) сентенция о языческих божествах выглядит иначе: «и да быша разумели многие человеци, и в прелесть велику не внидуть, мняще боги многы: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна и иные мнози, ибо человецы были старейшины: Перун в Еллине, Хорс на Кипре. Троян бяше царь в Риме»^[559]. Итак, по мнению автора XVI в., язычество – это обожествление царей, а по мнению автора XII в. – сил природы. Первое толкование можно отбросить как потому, что Д. С. Лихачев доказал, что Троян «Слова о полку Игореве» не имеет касательства к императору Траяну, так и потому, что автор XVI в. проявил непонимание значения им самим подобранных имен божеств и разделил бога грозы Перуна, т.е. Зевса, от его же имени в другом падеже «Дыя»^[560]. Но, приняв текст XII в. за основу, мы сталкиваемся с вопиющим противоречием с теми характеристиками, которые дает Трояну «Слово о полку Игореве».

Разберем тексты. В первом случае последователем Трояна назван Боян (стр. 11, 78), который «рыща в тропу Трояню чрьсь поля на горы». Это последнее выражение объяснено Д. С. Лихачевым как «переносясь воображением через огромные расстояния» (стр.78). Но попробуем понять это буквально, т.е. считать, что источник веры в Трояна лежит на горах за полями. Поля в данном случае – половецкая степь, а горы – или Кавказ, или восточная окраина кипчакской степи Тянь-Шань. Что же, место для обожествленного беса подходящее!

Во втором случае названа «земля Трояна», в которую после поражения «вступила обида» (стр. 17). Считается, что это Русская земля, но скорее здесь Черниговское княжество, которое только и пострадало от контрнабега половцев. И тут возникает вопрос: а почему покровителем православного княжества является «злой бес»? Очевидно, что к Трояну у автора «Хождения Богородицы по мукам» и автора «Слова о полку Игореве» было диаметрально различное отношение. Почему? Тексты ответа не дают. Обратимся к фактам.

В 60-х годах XI в. в Ярославле появились два кудесника, обличавшие женщин, преимущественно богатых, что по их вине произошел голод. При этом они доставали у них из спины либо жито, либо рыбу и забирали имущество убитых себе. Нехитрый фокус имел успех в народе – вокруг кудесников собралось около 300 приверженцев. Боярин Ян Вышатич сумел с 12

отроками разогнать толпу и схватить волхвов. Те потребовали, чтобы их послали на суд князя Святослава Ярославича Черниговского, ибо они были его смердами. Очевидно, они надеялись на заступничество Святослава, но этого же боялся боярин Ян Вышатич и потому отдал их родственникам погубленных женщин. Волхвы были убиты, а трупы их съел медведь. Имеет ли этот эпизод отношение к божеству Трояну? С точки зрения автора «Хождения Богородицы» поразному, да, и виновником безобразия косвенно назван черниговский князь. Но с позиций автора «Слова», безусловно, нет, что явствует из дальнейших упоминаний этого странного божества. Пока отметим, что даже в древней Руси по поводу Трояна не было единомыслия.

В устах певца подвигов Новгород-северского князя, правнука вышеупомянутого Святослава Ярославича, в роли «злого беса» выступает враг Трояна «Див», имя, которым образованные персы именовали божества своих противников – туранских кочевников. В просторечье это слово звучало «Дэв».

Согласно «Слову о полку Игореве», див сначала предупреждает врагов князя Игоря о начавшемся походе (стр. 12), потом вместе с разъяренными половцами вторгается в Русскую землю (стр. 20), т.е. ведет себя, как должен был бы вести Троян, будь он для черниговца языческим божеством. Но к Трояну у автора «Слова» не просто симпатия, а уважение, потому что с ним связана эра, т.е. линейный счет времени, как у мусульман – хиджра. Во-первых, упомянуты «вечи» (т.е. века) Трояновы, предшествовавшие времени Ярослава Мудрого (стр. 15); во-вторых, указано, когда они начались, т.е. откуда ведется отсчет: «На седьмом веке Трояна» Всеслав, полоцкий князь, ударил древком копья о золотой стол Киевский (стр. 25) – сделал попытку захватить престол Руси. Это произошло в 1068 г. Это примерно то время, когда Ян Вышатич расправился с волхвами, смердами черниговского князя. Но вряд ли был прав автор «Хождения Богородицы по мукам», называя Трояна бесом, или, точнее, он и автор «Слова» называли одним именем разные предметы.

А теперь сопоставим черты «Трояна» с теми данными, которые нам известны о центральноазиатских несторианах. Допустим, что «Троян» – буквальный перевод понятия «Троица», но не с греческого языка и не русским переводчиком, а человеком, на родном языке которого отсутствовала категория грамматического рода. То есть это перевод термина «Уч Ыдук», сделанный тюрком на русский язык^[130]. Можно думать, что переводчик не стремился подчеркнуть тождество «Трояна» с «Троицей». Эти понятия для него совпадали не полностью, хотя он понимал, что и то и другое относится к христианству. Но рознь и вражда между несторианством и халкедонитством в XII–XIII вв. были столь велики, что русские князья в 1223 г. убили татарских послов-несториан^[561], после чего несторианские священники отказывали православным в причастии, хотя католиков к евхаристии допускали.

Начало «эры Трояна» падает на эпоху, когда учение Нестория было осуждено на Эфесском соборе 431 г. и снова проклято там же в 449 г. («Эфесский разбой»). Окончательно анафема упорствовавшим несторианам была произнесена на Халкедонском соборе 451 г. От репрессий они могли избавиться лишь путем отречения от своего учителя, в борьбе с которым православные и монофизиты были единомышленны. В 482 г. император Зенон издал эдикт Энотикон, содержащий уступки монофизитам и подтверждение анафемы несторианам, которые были вынуждены эмигрировать в Персию^[562]. В промежутке между Эфесским и Халкедонским соборами лежит дата, от которой шел отсчет «веков Трояна». Такая дата могла иметь значение только для несториан.

Обратимся к выражению «земля Трояна» (стр. 17). Черниговское княжество обособилось от Русской земли после того, как Олег Святославич, князь-изгой, выгнал из Чернигова Владимира Мономаха и обеспечил своей семье право на княжение. При этом он вступил в конфликт не только с князьями Мономаховичами, но и с киевской митрополией^[563]. Для того чтобы

удержаться на престоле, ему нужна была не только военная, но и идеологическая опора. В аналогичном положении полоцкие князья находили опору в языческих традициях, но это было невозможно на юге, так как Киевское и Черниговское княжества были христианизованы^[564]. В этой связи положение Олега Святославича оказалось предельно трудным: его схватили православные хазары, держали в тюрьме православные греки, ограбили и гнали из родного дома православные князья Изяслав и Всеволод, хотел судить митрополит киевский: ему ли было не искать другого варианта христианской веры? И тут его друг («Олега когана хоть», стр. 30) Боян нашел путь «чрес поля на горы» (стр. 11) туда, где жили полноценные христиане и враги врагов Олега. Самое естественное предположить, что черниговский князь этой возможностью не пренебрег, и это обусловило вражду киевлян к его детям Всеволоду и Игорю. Открытого раскола, видимо, не произошло. Дело ограничилось попустительством восточным купцам и, может быть, даже монахам, симпатией к ним, как мы бы сказали – ориентацией на несторианство. Поэтому сведения об уклоне второго по значению на Руси князя в ересь не попали в официальные документы, но ход событий в таком аспекте получает объяснение, равно как и приведенные выше темные фрагменты «Слова».

А теперь сравним черты «Дива»^[565] с описанием монгольской черной веры в восприятии русского человека XIII в. «Чингизаконова мечтаныа скернайа его кровопротыа многиа... приходящая цесари и князи, и вельможе, солнце и луна (т.е. небу) и земли дьяволу и оумершим во аде отцомь их и дедом матерямь (онгонам) водяще около коуста поклонятися им; о скверная прелесть их!»^[566]

Так как мы уже познакомились с монгольскими божествами XIII в., то нам легко идентифицировать их. Понятия, разнящиеся между собой, разделены предлогом «и», но в выражении «земли дьяволу» «и» нет. Очевидно, по современной орфографии должно было бы стоять «земле-дьяволу». А русские люди XIII в. о дьяволе имели достаточное представление и не путали его никогда и ни с кем. В «Слове» – это «див», а отнюдь не «Троян».

Итак, мы подошли к решению. Несторианство было в XIII в. известно на Руси настолько хорошо, что читатели «Слова» не нуждались в подробных разъяснениях, а улавливали мысль автора по намекам. Вместе с тем оно идет в паре с божеством «черной веры», т.е. беглыми мазками воспроизводится идеологическая ситуация Золотой Орды во время Батыя. При Берке она уже изменилась коренным образом. Очевидно, автор «Слова» в теологических вопросах разбирался. Но поскольку нам тоже известна догматика и космология «черной веры», то мы можем попытаться истолковать еще один поэтический образ «Слова» – «мысленно древо».

Мысленно древо

Как мы видели выше, «дерево» в черной вере – это образ «способности общения» с верхним и нижним мирами или «имманентность инобытия». В «Слове» оно упоминается дважды: по нему растекался мыслию вещий Боян, когда собирался сочинять стихи. Иными словами, это – вдохновение, но не только. Тут упоминаются два плана бытия: верхний, где надо летать «шизым орлом под облакы», и средний, где можно передвигаться «серым вълком по земли» (стр. 9). Нижний мир опущен, ибо Бояну чертовщина ни к чему. Само передвижение по вертикали производится «мыслию» (стр. 9) или «скача славлю по мыслену древу, летая умом под облакы» (стр. II), т.е. никак не реальным путем. Славия – птица, в понимании Д. С. Лихачева – соловей. Однако вспомним, что в шаманской символике птица – это душа^[567]. Надо думать, что в XIII в. символ был тот же.

Итак, автор «Слова», приписывая Бояну способность творить, интерпретирует механизм

процесса на манер, принятый в Восточной Сибири и Монголии. Вряд ли тут случайное совпадение. Скорее сам автор и его читатели были хорошо знакомы с дальневосточными символами, которые они могли узнать только у монголов^[568].

Но если все наши замечания или даже хотя бы одно из них правильны, то, значит, автор «Слова», говоря об одном, имел в виду совсем другое. Морочил ли он при этом своих читателей-современников? Вряд ли. «Мысль изреченная есть, конечно, ложь», но в каком смысле? Сознательный обман, или, как теперь принято говорить, дезинформация, – это далеко не то, что поэтические формы иносказания. Скорее всего современники понимали своего поэта, а мы, привыкшие к буквализму, упускаем что-то важное. Это, впрочем, естественно, ибо текст «Слова» был писан не для нас, воспитанных на таких почтенных законодателях стиля, как Брокгауз и Ефрон^[569].

Что же теперь делать? Пожалуй, самое правильное перестать говорить о словах и перейти к анализу событий XII–XIII в., как упомянутых в «Слове о полку Игореве», так и оставшихся вне его.

Каяла и Калка

Итак, наши изыскания привели к тому, что вероятнее датировать «Слово о полку Игореве» XIII в., но приоритет в этой области принадлежит Д. Н. Альшицу, который привел доказательства того, что «Слово» написано позже 1202 г.^[570] Кроме того, можно думать, что автор его был знаком с Ипатьевской летописью, составленной в 1200 г.^[571] При этом Д. Н. Альшиц высказал предположение, что «Слово о полку Игореве» было написано после первого поражения русских князей на Калке, т.е. после 1223 г., «исходя из того, что битвы на Каяле и Калке по ходу событий весьма похожи». С этим следует согласиться, но верхняя дата Д. Н. Альшица – 1237 г., «после которого этот страстный призыв к единению был бы уже бессмысленным», – не может быть принята, так как она мешает ответить на справедливый вопрос, сформулированный М. Д. Приселковым: «Историку нельзя не остановиться на том факте, что только один из эпизодов полуторавековой борьбы Руси с половецкой степью, неудачный поход Игоря в 1185 г., почему-то привлек к себе такое напряженное внимание современников... почему раздался этот призыв? Очевидно, рассказ о военном эпизоде 1185 года... в свое время затронул какие-то значительные и волнующие темы тогдашней жизни. Вскрыть эти темы – главная задача историка»^[572].

Начнем спорить: «бессмысленным» призыв к борьбе со степняками был не после, а до 1237 г. Половцы находились в союзе с русскими, а монголы были связаны войной на Дальнем Востоке, которая закончилась в мае 1234 г., и войной на Ближнем Востоке, затянувшейся до 1261 г. До тех пор пока дальневосточная война связывала монгольские войска, для Руси никакой опасности не было, а предвидеть победу монголов никто не мог. Кроме того, русские не имели представления о делах дальневосточных до того, как стали ездить на поклон в Каракорум. У автора начала XIII в. было еще меньше поводов опасаться степняков, чем у автора XII в., потому что вопрос о походе на Запад был решен на специальном курилтае летом 1235 г.

Зато в 40-х годах призыв к единению князей против восточных соседей был вполне актуален. Две кампании, выигранные монголами в 1237–1238 и 1240 гг., ненамного уменьшили русский военный потенциал^[573]. Например, в Великой Руси пострадали города Рязань, Владимир и маленькие Суздаль, Торжок и Козельск. Прочие города сдались на капитуляцию и были пощажены. Деревенское население разбежалось по лесам и переждало, пока пройдут враги, а ведь число монголов – 300 тыс. – обычное для восточных авторов десятикратное

преувеличение. Столько войск во всей Монголии не было, а Русь для монголов была третьестепенным (после Китая и Ирана) фронтом. Сама переброска столь большого числа людей из Монголии на Волгу за один только год технически неосуществима. Для 300 тыс. всадников требовалось не меньше миллиона коней, которые не могли идти одной линией. Если же предположить, что они двигались эшелонами, то для второго эшелона не нашлось бы подножного корма. Пополняться же в приаральских степях монголы не могли, так как, во-первых, так население редкое, во-вторых, оно было враждебно монголам и, в-третьих, еще в 1229 г. под давлением монголов бежало с Яика на Волгу ^[131]. Половцы и аланы оттянули на себя около четверти монгольской армии – отряд Мункэ, присоединившийся к Батью лишь в 1240 г. под стенами Киева. Кроме того, не все русские княжества подвергались разгрому. Смоленск, Полоцк, Луцк и вся Черная Русь не были затронуты монголами, Новгородская республика тоже. Короче говоря, сил для продолжения войны было сколько угодно, важно было только уговорить князей, которые почему-то на уговоры поддавались плохо.

Наконец, хотя ход событий битв на Каяле и Калке действительно совпадает, но есть разница. Игорь не убивал половецких послов, что сделали князья в 1223 г. При этом очень существенно, что были убиты первые послы, христиане-несториане, а затем послы-язычники были отпущены без вреда. Это обстоятельство в XIII в. было, несомненно, известно, во всяком случае, читателям «Слова о полку Игореве». Если мы принимаем предлагаемую Д. Н. Альшицем концепцию иносказания, то следует учитывать и умолчание, которое подразумевалось как намек. Если автор, говоря о 1185 г., подразумевал первую акцию русских против монголов и призывал к дальнейшей борьбе с ними, значит, убийство несториан он считал правильным, и здесь таится тот скрытый смысл, который был ясен только политикам и воинам XIII в. А в то время это был, пожалуй, самый больной вопрос, потому что монголы объясняли войну против Руси как месть за убийство их послов. И по тем же причинам была предана мечу Венгрия, но не осторожная Никейская империя, где монгольских послов принимали с почетом.

Головокружительный поход Батые от Аральского моря до Адриатического отдал во власть монголов всю Восточную Европу, и можно было думать, что с православием все кончено. Но обстоятельства сложились так, что события потекли по иному руслу.

Во время похода Батый рассорился со своими двоюродными братьями, Гуюком, сыном самого верховного хана Угедея, и Бури, сыном великого хранителя Ясы Чагатая. Отцы стали на сторону Батыя и наказали опалой своих зарвавшихся сынков, но когда умер в 1241 г. Угедей и власть попала в руки матери Гуюка, ханши Туракины, дружины Гуюка и Бури были отозваны – и бедняга Батый оказался властителем огромной страны, имея всего 4 тыс. верных воинов при сверхнатянутых отношениях с центральным правительством. О насильственном удержании завоеванных территорий не могло быть и речи. Возвращение в Монголию означало более или менее жестокую смерть. И тут Батый, человек неглупый и дальновидный, начал политику заигрывания со своими подданными, в частности с русскими князьями Ярославом Всеволодовичем и его сыном Александром. Их земли не были обложены данью ^[574].

Но и Гуюку было не сладко. Против него выступили монгольские ветераны, сподвижники его деда, и несториане, связанные с детьми Толуя. Хотя в 1246 г. Гуюка провозгласили великим ханом, но настоящей опоры у него не было. Гуюк попытался найти ее там же, где и его враг Батый, – среди православного населения завоеванных стран. Он пригласил к себе «священников из Шама (Сирии), Рума (Византии), Осов и Руси» ^{[575][132]} и провозгласил программу, угодную православным, – поход на католическую Европу ^[576].

Гуюку не повезло. Вызванный для переговоров князь Ярослав Всеволодович бы отравлен ханшей Туракиной, особой глупой и властной. Туракина просто не соображала, что она делает. Она поверила доносу боярина Федора Яруновича, находящегося в свите владимирского князя и

интриговавшего против него в своих личных интересах. Сочувствие детей погибшего князя перекачнулось на сторону Батые, и этот последний получил обеспеченный тыл и военную помощь, благодаря чему смог выступить в поход на великого хана. Заигрывания Гуюка с несторианами тоже оказались неудачными. В начале 1248 г. Гуюк внезапно умер, не то от излишеств, не то от отравы. Батый, получивший перевес сил, возвел на престол сына Толуя, Мункэ, вождя несторианской партии, а сторонники Гуюка были казнены в 1251 г.

Сразу же изменилась внешняя политика монгольского улуса. Наступление на католическую Европу было отменено, а взамен начат был «желтый крестовый поход»^[577], в результате которого пал Багдад (1258). Батый, сделавшийся фактическим главой империи, укрепил свое положение, привязал к себе новых подданных и создал условия для превращения Золотой Орды в самостоятельное ханство, что и произошло после смерти Мункэ, когда новая волна смут разорвала на части империю Чингисидов. Несторианство, связанное с царевичами линии Толуя, оказалось за пределами Золотой Орды.

После завоевания Руси Батыем и ссоры Батые с наследником престола, а потом великим ханом Гуюком (1241 г.) русскими делами в Золотой Орде заведовал Сартак, сын Батые. Христианские симпатии Сартака были широко известны, и даже есть данные, что он был крещен, разумеется по несторианскому обряду^[578]. Однако к католикам и православным Сартак не благоволил, делая исключение лишь для своего личного друга – Александра Ярославича Невского. В этих условиях прямые нападки русского писателя на несторианство были опасны, а вместе с тем предмет был настолько общеизвестен, что читатель понимал, о чем идет речь, с полуслова. Например, достаточно было героя повествования, князя Игоря, заставить совершить паломничество к иконе Богородицы Пирогощей, чтобы читатель понял, что этот герой вовсе не друг тех крещеных татар, которые называли Марию «Христородицей», и тем самым определялось отношение к самим татарам. Хотя цензуры в XIII в. не было, но агитация против правительства и тогда была небезопасна, а намек позволял автору высказать свою мысль и остаться живым.

Такое положение продолжалось до смерти Сартака в 1256 г., после чего Берке-хан перешел в ислам, но позволил основать в Сарае епархию в 1261 г. и благоволил православным, опираясь на них в войне с персидскими ильханами, покровителями несторианства. Несторианская тема для русского читателя стала неактуальной.

Вот основания, по которым следует считать XIII в. эпохой, когда интерес к несторианству был наиболее острым и, следовательно, отзвуки его в литературе соседних народов должны были появляться. Они и встречаются у католических, мусульманских и армянских авторов, там, где эти упоминания не могли вызвать осложнений с властью. На Руси они завуалированы, и отыскать их можно лишь путем сложной дедукции.

Следовательно, для русского политического мыслителя несторианская проблема стала актуальной лишь после включения Руси в монгольский улус, и тогда же стало небезопасно поносить религию, пусть не господствующую, но влиятельную. Тогда и возникла необходимость в иносказании и Калка могла превратиться в Каялу, а татары – в половцев^[579]. О послах же лучше было помалкивать – как потому, что монголы считали посла гостем, следовательно, особой неприкосновенной, и никогда не прощали предательского убийства посла, так и потому, что напоминать ханским советникам о религиозной ненависти к ним было рискованно. Об этой вражде мы имеем сведения из зарубежных источников. Венгерские миссионеры указывают со слов беглецов-русских, покинувших Киев после разгрома его Батыем и эмигрировавших в Саксонию, что в татарском войске было много «злочестивейших христиан», т.е. несториан^[580]. В «Слове» этот вопрос завуалирован, хотя есть намеки на то, что его автору несторианское

исповедание было известно. Но ведь «Слово» – литературное произведение, а не историческое.

Ядро и скорлупа

Но если так, то в «Слове» следует искать не прямое описание событий, а образное, путем намека, аллегории, сравнения, подводящее читателя к выводам автора. Этот принцип, широко распространенный в новой литературе, применяли и в средние века – например, в «Песне о Роланде» вместо басков поставлены мавры. Такая подмена не шокировала читателя, который улавливал коллизию, воплощенную в сюжете, и воспринимал намеки, делая при этом необходимый корректив. Любопытно, что современные сектанты именно так читают и воспринимают Ветхий завет. Их совсем не интересуют ассирияне, филистимляне или халдеи, но сюжетные коллизии они применяют к своему личному состоянию и делают из прочитанного любые выводы (как правило, ложные). Несомненно, что читатели «Слова» были более образованны и умели отделить буквальное от аллегорического, но, значит, в тексте произведения сочеталось и то и другое.

Следовательно, в «Слове» мы должны отчленить сюжетное ядро, отражающее действительное положение, интересовавшее автора и читателя, от оболочки образов, которые, как во всяком историческом романе или поэме, не что иное, как вуаль. Однако и в образах есть своя закономерность, подсказанная жанром, и они наряду с сюжетной коллизией позволяют найти ту единственную дату, когда составление такого произведения было актуально.

Призыв, о котором говорилось выше, был адресован главным образом к трем князьям: галицкому, владимирскому и киевскому; во вторую очередь призывались юго-западные князья, но отнюдь не призывались князья Северской земли и новгородцы и проявилось особое отношение к Полоцку, о чем будет сказано ниже. Посмотрим, когда была политическая ситуация, отвечавшая приведенному условию. Только в 1249–1252 гг., ни раньше, ни позже!

В эти годы Даниил Галицкий и Андрей Ярославич Владимирский готовили восстание против Батые и пытались втянуть в союз Александра Ярославича, князя киевского и новгородского. Вспомним также, что К. Маркс предположил, что «Слово» написано непосредственно перед вторжением татар^[581]. Так, но поскольку автор «Слова» не мог предсказать вторжения Батые, то естественнее всего предположить, что он имел в виду вторжение Неврюя 1252 г.^[582], которое за год или два предвидеть было несложно. И вряд ли возможно, чтобы такой патриот, как автор «Слова», в том случае, если наша гипотеза правильна и он действительно был современником этих событий, прошел мимо единственной крупной попытки русских князей скинуть власть татарского хана. Но для проверки предположения обратимся к деталям событий и образам князей. Если мы на правильном пути, то детали и описания «Слова» должны изображать ситуацию не XII, а XIII в. и под масками князей XII в. должны скрываться деятели XIII в. Рассмотрим в этом аспекте обращение к князьям.

Прежде всего Святослав киевский, который отнюдь не был грозным и тем более сильным. Он и на престол-то попал при помощи половцев и литовцев, и владел он только городом Киевом, тогда как земли княжества находились в обладании Рюрика Ростиславича. Зато Александр Невский был и грозен и могуч.

Очень интересен и отнюдь не случаен подбор народов, которые «поют славу Святославию» после победы над представителем степи Кобыком (стр. 18): немцы, венецианцы, греки и чехи-моравы. Тут точно очерчена граница ареала Батыева похода на Запад. Немцы, разбитые при Лигнице, но удержавшие линию сопротивления у Ольмюца, венецианцы, до владений которых дошли передовые отряды татар в 1241 г., греки Никейской империи, при Иоанне Ватаце овладевшие Балканским полуостровом, и, поскольку Болгария пострадала от возвращения

Батыевой армии, также граничившие с разрушенной татарами территорией, и чехи-моравы, победившие татарский отряд при Ольмюце. Все четыре перечисленных народа – потенциальные союзники для борьбы с татарами в 40-х годах XIII в. Не должно смущать исследователя помещение в ряд с тремя католическими государствами Никейской империи, потому что Фридрих II Гогенштауфен и Иоанн Ватац стали союзниками, имея общего врага – папу, и император санкционировал будущий захват Константинополя греками, опять-таки назло папе, считавшемуся покровителем Латинской империи.

И эти четыре народа осуждают Игоря за его поражение. Казалось бы, какое им дело, если бы действительно в поле зрения автора была только стычка на границе. Но если имеется в виду столкновение двух миров – понятно.

Дальше, автор «Слова» считает, что на самой Руси достаточно сил, чтобы сбросить татарское иго. Вспомним, что того же мнения придерживались Андрей Ярославич Владимирский и Даниил Романович Галицкий. Автор перечисляет князей и их силы и опять-таки рисует картину не XII, а XIII в. Во-первых, владимирский князь, якобы Всеволод, а на самом деле Андрей: у него столько войска, что он может «Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти» (стр. 21). Звать на юг Всеволода Большое Гнездо, врага Святослава и Игоря, более чем странно. А звать владимирского князя в 1250 г. к борьбе со степью было вполне актуально, ибо Андрей действительно выступил против татар и был разбит Неврюем, очевидно, уже после написания «Слова». Надо думать, что надежда на успех у Андрея и его сподвижников была.

Дальше идет краткий панегирик смоленским Ростиславичам, союзникам Всеволода Большое Гнездо в 1182 г., с призывом выступить «за обиду сего времени, за землю Русскую» (стр. 22). Смоленск не был разрушен татарами во время нашествия и сохранил свой военный потенциал, и обращаться к смольнянам за помощью в 1249–1250 гг. было вполне целесообразно, тогда как в XII в. они были злейшими врагами черниговских Ольговичей.

Столь же уместно обращение к юго-западным князьям, про которых сказано, что у них «паробцы железные под шеломами латинскими» (стр. 23) и «сулицы ляцкие» (стр. 24). Но из перечисления исключены Ольговичи черниговские (стр. 23), потому что они были в 1246 г. казнены Батыем по проискам владимирских князей^[583], а Черниговское княжество политически разбито. Самым важным в списке является Ярослав Осмомысл, который высоко сидит «на златокованном столе, подпер горы Угорскы... затворив ворота Дуная... отворяши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола салтани за землями» (стр. 22). Ему тоже предлагается автором «Слова» застрелить «Кончака, поганого кощея» (стр. 22).

Если призыв понимать буквально, то это вздор. Ярослав Осмомысл был окружен людьми, которые были сильнее его, – боярами, лишившими его не только власти, но и личной жизни. В 1187 г. бояре сожгли любовницу князя, Настасью, и принудили Ярослава лишиться наследства любимого сына (от Настасьи), а после его смерти, происшедшей тогда же, посадили старшего сына, пьяницу, на галицкий престол. К низовьям Дуная, где в 1185 г. возникло сильное влахо-болгарское царство, Галицкое княжество не имело никакого касательства. Никаких «салтанов» Ярослав не стрелял, а догадка о его участии в третьем крестовом походе (стр. 444) столь фантастична, что не заслуживает дальнейшего разбора. Призывать князя, лишенного власти и влияния и умирающего от нервных травм, к решительным действиям – абсурд, но если мы под именем Ярослава Осмомысла прочтем «Даниил Галицкий», то все станет на свое место. Венгры разбиты под Ярославом в 1249 г. Болгария после смерти Иоанна Асеня (1241) ослабела, и влияние Галицкого княжества простерлось на юг, может быть, доходя до устьев Дуная, где в Добрудже жили остатки печенегов – гагаузы, возможно еще сохранившие кое-какие мусульманские традиции^[584]. Разрушенный Киев был тоже под контролем Даниила, и наконец

его союз с Андреем Владимирским был заключен в 1250 г. и направлен против татар. Сходится все, кроме имени, без сомнения, зашифрованного сознательно.

Так же невероятен в данном контексте Кончак. Почему он «поганный раб»? Чей раб, когда он хан? Почему его называть поганным, если он тесть благоверного русского князя, а его Сын и наследник крещен и наречен Юрием? Кроме того, Кончак в недавнем прошлом привел на золотой стол киевский Святослава, а в 1182 г. был союзником Игоря и Святослава против Всеволода Большое Гнездо и смоленских князей. Допустим, что его так честят за то, что он участвовал в русской усобице, не будучи христианином, но в ней принимали участие литовские язычники на той же стороне, и их за это не осуждает автор «Слова», несмотря на свое уважение к великому князю Всеволоду.

Но если мы на место хана Кончака поставим какого-нибудь татарского баскака, например Куремсу или расшифрованного выше Дармалу, то все станет на место. Он – раб хана, он – приверженец одиозной религии, и в 1249–1250 гг. его, несомненно, следовало стрелять, если стать на позицию автора «Слова». Что же касается литовцев, то с ними можно было повременить, так же как с немцами, венграми и поляками. Насколько правильна была такая позиция – другой вопрос, но и его не обходит автор «Слова», хотя его мнение высказывается сверхосторожно, в связи с темой, не имеющей как будто никакого отношения к походу Игоря и вообще к половецкой степи.

Полоцкая трагедия

Щитом Руси против ударов с Запада был Полоцк. Автор «Слова», много говоря о полоцких князьях, с призывом к ним не обращается. Он скорбит о них. Герой полоцкого раздела «Слова» – Изяслав Василькович – личность загадочная. В летописи он не упомянут, что было бы возможно, если бы он никак себя не показал. Но он, по тексту «Слова», отличился не меньше Игоря Святославича: пал в бою с литовцами, и поражение князя повлекло сдачу города (стр. 95). Какого города? Надо думать, Полоцка, в котором в 1239 г. сидел некий Брячислав, после чего сведения о Полоцком княжестве прекращаются^[585]. Это имя – Брячислав – упомянуто и в «Слове»^[586]. Так назван брат погибшего князя, не пришедший своевременно к нему на помощь. И несколько ниже последнее упоминание земли Полоцкой: «на Немизе^[587] снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не болотом бяхуть посеяни, посеяни костьми русских сынов» (стр. 25). Эта вставка композиционно относится к поражению Всеслава в 1067 г. князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами (стр. 458). Однако приведенный отрывок в «Слове» поставлен не до вступления Всеслава на киевский престол и его бегства, а после, т.е. после 1069 г. Такой перескок не оправдан, если относить резню на Немиге к временам Всеслава, но если считать упоминание о ней ассоциацией писателя, думающего о своем времени, то эта вставка должна относиться ко времени написания «Слова», т.е., по нашим соображениям, к 40–50-м годам XIII в.

А в XIII в. именно такая ситуация и была. Литовцы захватили Полоцкое княжество и простирали свои губительные набеги до Торжка и Бежецка. В 1245 г. Александр Невский нанес им поражение, но в следующем году, когда Ярослав Всеволодович с сыновьями поехал в Монголию, власть во Владимире захватил Михаил Хоробрит Московский и тут же погиб в битве с литовцами. И так же как к мифическому, никогда не существовавшему, Изяславу Васильковичу, к Михаилу не пришли на помощь братья, осуждавшие его узурпацию. Трагедию Полоцка автор «Слова» заключает самым патетическим возгласом: «О стонати Русской земли,

помянувшие пръвую годину и пръвых князей!.. Копия поють!» (стр. 26).

Как это непохоже на 1187 г., когда ни Литва, ни половцы реальной угрозы Руси не представляли. Тогда нужно было не ждать спасения с Запада, а умерять аппетиты галицких и ростовских крамольных бояр, владимирских и новгородских «младших людей» да отдельных особо хищных князей. Но ведь об этом в «Слове» нет ни звука! Автор «Слова» великолепно понимает, что язычники-литовцы его времени – активные враги русских князей и немцев-католиков^[588]. Он и упоминает литовцев, но походя, чтобы не отвлекать внимания читателя от главного врага – степных кочевников, т.е., по нашему мнению, татар. Особенно же он скорбит, что не все князья разделяют его точку зрения, и в этом он был прав.

Наконец, обратим внимание на загадочный фрагмент «Слова»: «поганьи сами победами нарышуще на Русскую землю, емляху дань по беле от двора» (стр. 18). Д. С. Лихачев правильно отмечает, что половцы дани с русских не брали, но пытается объяснить противоречие литературным заимствованием из «Повести временных лет» под 859 г. и рассматривает «дань» в данном контексте как символ подчинения (стр. 421). Однако и подчинения половцам в XII в. не было и быть не могло. А вот обложение татарами Южной Руси после 1241 г. имело место. Согласно закону 1236 г., введенному канцлером Монгольской империи Елюем Чуцаем, налог с китайцев взимали с очага или жилища, а монголы и мусульмане платили подушную подать. Это облегчение для китайцев Елюй Чуцай ввел для того, чтобы восстановить хозяйство территорий, пострадавших от войны^[589], и, как мы видим, льгота была распространена на русские земли, находившиеся в аналогичном положении^[133].

Паломничество князя Игоря

Удалство и легкомыслие Игоря Святославича обошлось Северной земле дорого. Половцы ответили на набег набегом и «взятошася города Посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всем Посемьи и в Новгороде Северском, и по всей волости черниговской, князя изыманы и дружина изымана, избита: города восставахуть и немилу бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрекахуся от душ своих, жалующе по князех своих», – пишет автор Ипатьевской летописи^[590]. А автор «Слова» воспринимает события так: «Солнце светится на небесе – Игорь князь в Русской земли: девицы поют на Дунаи – выются голоси чрез море до Киева. Игорь идет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны ради, гради весели» (стр. 30–31). Разница очевидна.

Кому верить? Конечно, летописи! Там более что согласно православному обычаю Игорь мог обращаться с благодарственной молитвой либо непосредственно к Богу, либо к святому, в честь которого он был назван, либо к св. Георгию, освободителю пленных. Следовательно, обращение к Богородице имело особый смысл, понятный современникам «Слова», но не замеченный позднейшими комментаторами. Напрашивается мысль, что тут выпад против врагов Богородицы, потому что обращение к ней покрывает все прошлые грехи князя Игоря. А врагами этими не могли быть ни христианизирующиеся язычники половцы, ни мусульмане, ставящие на одну доску Ису и Мариам, а только несториане, называвшие Марию «Христородицей», т.е. простой женщиной, родившей человека, а не Бога. Почитание Марии было прямым вызовом несторианству.

И в XII в. поход Игоря, несмотря на его незначительность, был переломным моментом в истории борьбы Ольговичей с Мономаховичами. Игорь Святославич нарушил традицию, установленную его дедом Олегом: дружбу со степью он заменил компромиссом с Мономаховичами, продолжавшимся до 1204 г.^[591] Но припутывать Богородицу к междоусобной

войне русских князей нехоти. Зато, когда Андрей Владимирович и Даниил Галицкий готовили восстание против татар, их противником был не сам Батый, а его сын Сартак, тайный несторианин и явный покровитель несториан, осмеивавший православных – русских и аланов. Именно в войне с Сартаком на знамени повстанцев не только могла, но и должна была оказаться Богородица, обращение к которой расценивалось как участие в восстании. Когда же в 1256 г. Сартак был отравлен за свои несторианские симпатии, то его дядя, Берке, несмотря на переход в ислам, начал оказывать покровительство православным и в 1262 г. начисто порвал с монголо-персидским и монголо-китайским улусами, где еще торжествовали несториане.

Итак, верхней границей написания «Слова» оказывается 1256 г., т.е. смерть Сартака и, следовательно, единственно вероятной ситуацией, стимулировавшей сочинение антикочевнического и антинесторианского направления, остается ситуация 1249–1252 гг. – трехлетия, когда Русь готовилась к восстанию, подавленному Сартаком Батыевичем и воеводой Неврюем.

Поэт и князь

А вот теперь настало время поставить вопрос о жанре изучаемого произведения. Это необходимо для того, чтобы узнать, в каком смысле мы можем использовать его как источник информации об эпохе, нас интересующей. Но проблема жанра всецело относится к филологии, и решающее слово принадлежит представителю этой отрасли знаний.

В статье, приложенной к цитированному изданию «Слова о полку Игореве», Д. С. Лихачев пишет: «Слово» – горячая речь патриота-народолюбца (стр. 249)... Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение (стр. 251)... Если это речь, то она близка к песне; если это песнь, то она близка к речи. К сожалению, ближе определить жанр «Слова» не удастся (стр. 252)».

Это действительно жаль, потому что, несмотря на то, что приведенные цитаты весьма изящны, они не снимают недоумений, с которых мы начали это исследование. Ведь и речь, и песнь, и поэма всегда бывают либо вымыслом, либо простой передачей сведений; либо прославлением и поношением, либо убеждением и т.д. Если наш анализ источника на фоне исторической конъюнктуры середины XIII в. правилен, то «Слово о полку Игореве» не героический эпос, а политический памфлет. Это соображение не противоречит определениям Д. С. Лихачева, а касается стороны вопроса, оставленной им без внимания.

Но мог ли этот вид литературы существовать в XIII в.? А почему бы нет! Он расцветал в древней Греции и Риме, примеров чему столь много, что не стоит их перечислять. Использовался в средневековой Персии, где Низам ул-мульк дал тенденциозное изложение движения Маздака, явно с дидактическими целями. Наконец, «Тайная история монголов» – памятник того же жанра, уцелевший среди многих, похищенных от нас жестоким Хроносом. Почему же русские должны считаться менее одаренными, чем современные им восточные народы? Поскольку есть потребность в жанре и есть талантливые авторы – жанр возникает и находит читателя. А после разгрома 1237–1241 гг. такая потребность была, и Русская земля талантами не оскудела.

Страшное и неожиданное поражение заставило всех мыслящих русских людей задуматься над судьбами своей страны. А вопрос стоял о том, кто хуже: татары или немцы?^{[\[592\]](#)}

Как мы уже видели, автор «Слова» настроен прозападнически. Следовательно, пущенная им литературная стрела направлена в грудь благоверного князя Александра Ярославича Невского, друга Батыева, побратима Сартака и врага рыцарей Тевтонского ордена. Но образа этого князя в тексте нашего памятника нет. Есть другое: отдельные черты, характеризующие деятельность

Александра Невского, а отнюдь не его личность. Почему так – вполне понятно. «Слово» писалось с расчетом на широкий резонанс и, следовательно, должно было прийти и до Александра Невского, а он был крут. Затем, обаяние личности Александра, поразившее даже самого Батю, меньше всего могло стать объектом нападок. Автор «Слова» осуждает не персону князя, а его протатарскую политику. Осуждение же проскальзывает всюду. Опора на степняков осуждена в оценке Олега Гориславича, быстрота в передвижениях и ссоры с новгородцами – в характеристике Всеслава, которому «суда божия не минути» (стр. 26), и, самое главное, индикатор враждебного направления – намеки на дружбу с иноверцами, недругами Богородицы, покровительницы Киева. Но что общего у несторианства с Александром Невским, да притом такого, что было очевидно дружинникам XIII в. без объяснений?

Готовясь к борьбе с Андреем Ярославичем, опиравшимся на католическую Европу, Александр Ярославич поехал за помощью в Орду, но не к самому Батю, а к его сыну Сартаку^[593], покровителю несториан. И победа в 1252 г. была одержана при помощи войск Сартака. Дружба Александра с Сартаком была хорошо известна, и поэтому противоположная партия намекала, и не без оснований, на склонность князя к несторианству, но в плане политическом, а не религиозном.

Но если наша гипотеза правильна, то наследник Олега, князь Игорь, как литературный герой, а не исторический персонаж, должен был выступать на борьбу с православными, а не только с язычниками-половцами. Действительно, див предупреждает все те страны, которым угрожают полки Игоря (стр. 79): «Землю незнаемую» – половецкую степь, Волгу – область христианских хазар, Поморье т.е. берег Черного моря, где в XII в. жили православные готы, Посулие, т.е. берега Сулы, где стоял Переяславль, цитадель русского грекофильства, Сурож, Херсонес и Тьмутаракань – греческие торговые города. Ни прикаспийские хазары, ни черноморские готы и греки никакого вреда Руси не делали, и поэтому версия, что поход Игоря был направлен против них, имеет совершенно иной смысл, нежели принято считать. Для XII в. он был бессмысленным, а для XIII в. – невозможным, так как между Русью и Черным морем находились войска Сартака Батыевича. Очевидно, и здесь не историческое описание событий, а иносказание.

В самом деле, ситуация середины XIII в. и в приведенном отрывке дана четко. Остатки разбитых, но непокоренных половцев, убежавшие от монголов в Венгрию, составили бы лучшие конные части войска, которое можно было двинуть на Золотую Орду. Они были бы надежнейшими союзниками русских, если бы те восстали против монголов. Поэтому див предупреждает не народы, а земли, занятые во время писания памятника народами, лояльными к Орде, но православными, очевидно бродниками и византийцами. Религиозный момент налицо, но половцы здесь не более чем литературная метафора.

В предлагаемом аспекте находит объяснение концовка «Слова». Как самое большое достижение излагается поездка Игоря на богомолье в Киев «к Богородице Пирогощей» (стр. 31). Это чистая дидактика: вот, мол, Ольгович, внук врага киевской митрополии, друга Бояна, «рыскавшего в тропу Трояню» (стр. 11), и тот примирился с Пресвятой Девой Марией, и тогда вся Русская земля возрадовалась. И тебе бы, князь Александр, сделать то же самое – и конец бы поганым! В этом смысл всего гениального произведения, которое стоило писать до того, как Александр решился порвать с Андреем и обратиться за помощью к татарам, т.е. до 1252 г.

Прав ли был автор «Слова» и его друзья Андрей Владимирский и Даниил Галицкий? В чем-то да, а в чем-то нет! Отколоться от Орды совокупными усилиями всех князей было, видимо, можно, но ведь это значило попасть под ярмо феодально-католической Европы. Тогда бы вся Русская земля разделила участь Белоруссии и Галиции. Александр Невский видел дальше своих братьев и идеолога их политической линии, автора «Слова о полку Игореве». Он не поддался на

красивые слова: «лучше потягу быть, неже полонену быть» (стр. 10) и на гневные обличения: «А князья сами на себе крамолу коваху, а поганьи сами победами нарыщуша на Русскую землю, емляху дань по беле от двора» (стр. 18, 421). Дань от двора в 50-х годах татары брали ^[594], но уже в 1262 г. по инициативе того же Александра Невского сборщики дани, присланные центральным правительством хана Хубилая, были перебиты русским населением ^[595].

Самое интересное здесь то, что золотоордынский хан Берке не только не начал карательных мероприятий, но использовал мятеж в свою пользу: он отделился от Центральной Орды и превратил свою область в самостоятельное государство, в котором русский элемент играл не последнюю роль. После 1262 г. были порваны связи Золотой Орды с восточной линией потомков Толуя, обосновавшейся в Пекине и принявшей в 1271 г. китайское название – Юань. По существу, это было освобождение Восточной Европы от монгольского ига, хотя оно совершилось под знаменем ханов, потомков старшего Чингисиды, Джучи, убитого по приказу отца за то, что он первый выдвинул программу примирения с побежденными ^[596]. И не случайно, что тут же началась война Золотой Орды против персидских монголов, активных несториан, продолжавших чингисовскую политику завоеваний. Правительство хана Берке в 1262–1263 гг. еще колебалось, продолжать ли линию монгольских традиций или, уступая силе обстоятельств, возглавить народы, согласившиеся связать свою судьбу с Ордой. Можно думать, что последняя поездка Александра в Сарай, когда он отвел беду от народа, была именно тем подвигом, который определил выбор хана. Это было первое освобождение России ^[134] от монголов – величайшая заслуга Александра Невского.

Итак, толковый князь оказался более прозорлив, нежели талантливый поэт. Но автору «Слова» нельзя отказать ни в искренности, ни в патриотизме, ни в призыве к единению, с той лишь оговоркой, что к единению призывала и противоположная сторона.

У читателя может возникнуть вопрос: а почему почти за два века напряженного изучения памятника никто не наткнулся на предложенную здесь мысль, которая и теперь многим филологам представляется парадоксальным домыслом? Неужели автор этой книги учение и способнее блестящей плеяды славистов?!

Да нет! Дело не в личных способностях, а в подходе. Литературоведы использовали, и бесспорно блестяще, все возможности индуктивного метода, а они ограничены. Конечно, не будь готовой подборки сведений, которую мы называем «прямой информацией», применение дедуктивного метода было бы неосуществимо, но в этом-то и цель данной работы, чтобы найти способ совмещения индукции и дедукции, равно необходимых в высоком ремесле историка.

Разговор с филологом

Что такое история? Наука? Да, бесспорно! Искусство? Конечно, ибо древние греки среди девяти муз чтили Клио. Философия? В этом нет сомнений для всех знакомых с монистическим методом. Но помимо этого история – ремесло, потому что для плодотворных занятий историк должен «набить руку» на ряде чисто технических приемов и способов обработки трудно поддающегося материала. В этом он подобен скульптору или художнику, которые тоже возводят ремесло в ранг мастерства.

В художественных и музыкальных училищах учитывается один момент, которым, к сожалению, часто пренебрегают на гуманитарных факультетах, – легкость овладения техническими приемами. Считается, что научить рисовать или играть на рояле можно любого, но если учение дается трудно, то лучше рекомендовать студенту подыскать себе другое занятие. Это правильно, потому что если трудны азы, то будут недоступны шедевры, которые только и нужны людям. Итак, задача в том, чтобы постижение истории было делом легким.

Эта простая мысль казалась мне долгое время бесспорной, но мне пришлось убедиться в обратном. Вскоре после опубликования части предыдущей главы как статьи [\[597\]](#) я встретился с филологом и вступил с ним в длинный разговор. Среди многих тем возникла одна, имеющая прямое отношение к излагаемому здесь тезису. Филолог сказал, что его занимает сам процесс работы, а не результат, и что венцом исследования он считает хорошо составленную библиографию. По-своему он не грешил против логики, но ставил другую задачу – преодоление трудностей и накопление знаний как самоцель. Исходя из своего принципа, он считал высшим достижением добавление в сокровищницу Науки нового текста, фактической детали или варианта перевода.

Боюсь, что я был резок, когда назвал этот подход спортивным коллекционерством, а «сокровищницу» – антиквариатом. Из этого подхода выпадало то, что я считал самым важным поиск истины. Само собирание материала бывает полезно только до какой-то черты, за которой накопленная информация становится необозримой и, следовательно, теряет смысл для познания.

Простые способы систематизации: по алфавиту, по векам, по странам и т.п. – не дают ничего в смысле понимания, так же как простое арифметическое сложение столбиком не заменяет интеграла. Но если поискать, то выход есть – это соподчиненность сведений и иерархичность информации. В результате такой работы возникает эмпирическое обобщение, которое В. И. Вернадский приравнивал по достоверности к реально наблюдаемому факту [\[598\]](#). По его мнению, возвести здание нашего знания и понимания ввысь можно только путем преемственности, продолжая работу, начатую великими учеными прошлого, но для этого совсем не нужно повторять проделанной ими работы. Гораздо целесообразнее ставить новые задачи, потому что каждое поколение требует от авторов ответов на вопросы, волнующие их самих, а не их далеких предков.

Но как обойти многословие былых авторов, да и свое собственное, необходимое для доказательства того или иного тезиса и ненужное после того, как тезис доказан? Есть способ и для этого: это незаслуженно презируемое слово – схема.

В науках естественных и технических схема является краеугольным камнем любого построения, потому что она рассматривается как прием, облегчающий и создание произведения и его восприятие потребителем, в нашем случае читателем. Схема – целенаправленное

обобщение материала: она позволяет обозреть суть предмета исследования, отбросив затемняющие ее мелочи. Схему усвоить легко – значит, остаются силы на то) чтобы продвинуться дальше, т.е. поставить гипотезы и организовать их проверку. Схема – это скелет работы, без которого она превращается в медузу или головоногого моллюска. Последние тоже находят для себя подходящий ареал, но, увы, он всегда замкнут, и без схематического обобщения стык наук невозможен, а только он дает необходимый корректив для проверки истинности сведений, сообщаемых древними авторами. Что же касается библиографии, то она составлена профессором Дьюлой Моравчиком ^[599], и я отсылаю интересующегося читателя к этой солидной книге.

Но тут мой приятель филолог заметил мне, что хотя мои соображения небезынтересны, но ничем не доказаны. Я сначала весьма удивился, а когда мне удалось понять смысл его речи, увидел, что и тут он был строго последователен. Доказательством он называл только текст, в котором содержалось четко сформулированное сведение, а отнюдь не соображения по поводу затронутого сюжета. Конечно, я не согласился с ним. Ведь тогда мне пришлось бы утверждать, что пресвитер Иоанн правил в «Трех Индиях»! Вместо этого я предложил ему наложить мою, конечно условную, схему на пространственно-временную основу и убедиться, что факты говорят сами за себя. Для наглядности весь необходимый фактический материал сведен в синхроническую таблицу и четыре исторические карты с аннотациями, так что получилась историческая панорама. За эталон принято не первичное сведение, а обобщение первого порядка, полученное ранее в результате кропотливого «мелочеведческого» анализа. Таким образом, соблюдены принцип иерархичности информации и масштабность, обеспечивающая обозрение предмета в целом.

В предлагаемой системе отсчета «доказанным положением» будет считаться не то, которое имеет сноску на аутентичный источник, а то, которое не противоречит строго установленным фактам и логике, как бы парадоксален ни был вывод, базирующийся на таких принципах. Впрочем, именно так и работают все представители естественных наук.

Я надеюсь, что мой приятель филолог не посетует на непривычные для него способы аргументации, и мне даже кажется, что при некоторой доле беспристрастия он убедится в их целесообразности и плодотворности.

Синхроническая таблица

Назначение таблицы – дать наглядное пособие для обозрения событий, описанных в тексте книги на фоне всемирной истории. Для этой цели введены два условных обобщения – временное и пространственное. Разбивка по десятилетиям позволяет получить суммарное представление о ходе и направленности исторических процессов; при большем приближении возникает калейдоскопичность, при меньшем – аморфность восприятия.

Территория Евразийского континента разбита на пять этнокультурных регионов, совпадающих для изучаемой эпохи с географическими районами, с небольшим, но оправданным допуском – учетом завоевательных походов. Отсчет принят с Востока на Запад в таком порядке: Дальний Восток, включающий Китай, Тибет и Маньчжурию, – зона муссонного увлажнения и ареал китайской культуры и буддийской пропаганды. Великая степь – аридная зона, ареал кочевой культуры и несторианства. Ближний Восток – субтропическая зона, ареал мусульманской суперэтнической культуры; Восточная Европа – область распространения византийской культуры в форме православия; Запад – феодальная, католическая, романо-германская культурная целостность в зоне обильного циклонного увлажнения и относительно высокой среднегодовой температуры. Поскольку указанное разделение в средние века считалось

современниками реальным, то для нас оно наиболее удобно. Сравнительно полное перечисление событий в крайних графах несет функцию «привязки» событий малоизвестных к тем событиям) которые знакомы читателю по учебникам средней школы (см. таблицу).

Синхроническая таблица

Десятилетие	Дальний Восток	Великая степь	Ближний Восток	Восточная Европа	Западная Европа
861-870	Восстания в Китае: солдатские и крестьянские.	Война кыргызов с уйгурами.	Турецкие гвардейцы меняют халифов. Захват Восточной Персии Якубом Саффаридом. Восстание зинджей.	Разрыв Византии с папским престолом.	Раздел империи между Карлом Лысым и Людовиком Немецким.
871-880	Восстание Хуан Чао и взятие им обеих столиц Китая: Лояна и Чанъани.	Тангуты основали Ся-го. Шато в Ордосе.	Якуб захватил Хорасан, но отбит от Багдада и умер. Наследовал Амр.	Наступление греков на арабов.	Раздел Германии на три части и образование Арслатского королевства.
881-890	Разгром Хуан Чао шатоскими и тангутскими войсками на службе у династии Тан.	Шато овладели Шаньси (где и окитаились). Кидани покорили татабов и татар (шивэй).	Подавление зинджей.	Греко-болгарская война началась. Печенег вступили в Причерноморье.	Война с норманнами и лишение власти Каролингов. Эд Парижский.
891-900	Упадок династии Тан.	Печенег вытеснили гузов с Эмбы в Туркмению.	Восстание карматов в Бахрейне. Исмаил Самани пленил Амра и завоевал Тараз.	Вторжение венгров в Болгарию. Набег печенегов на венгров.	Переход венгров в Паннонию. Обособление Каталонии и Аквитании.
901-910	Полководец Чжу Вэнь основал дин. Хоу-Лян (в Чанъани), с 907 г. началась «эпоха пяти династий и десяти царств».	Елюй Амбагань объединил восемь племен. Нашествия тюрков на Мавераннахр.	Учреждение чина «эмпр аль-умара» и ограничение власти халифов.	Набеги русов на Царьград и Мазандеран.	Набеги венгров на Германию и Италию.
911-920		Елюй Амбагань пытается покорить дансянов, тогонов и цзубу, но отбит тюрками-шато.	Выступление Бундов.	Нажим болгар на греков, печенегов на Русь, арабов на Грузию.	Образование герцогства Нормандия. Избрание Генриха Птицелова королем Германии.
921-930	Ли Цун-суй основал Хоу-Тан (в Лояне).	Кидани выгнали кыргызов с Орхона и покорили Бохай. Сельджук принял ислам.	Разгром Мекки карматами. Развал халифата.	Обращение волжских болгар в ислам. Победы греков над болгарами и арабами.	«Феодалная революция» против Каролингов.

Десятилетие	Дальний Восток	Великая степь	Ближний Восток	Восточная Европа	Западная Европа
931-940	Ши Кин-тан (шато) основал в союзе с киданями Хоу-Цзинь (в Кайфыне).	Вторжение киданей в Китай. Захват Пекина.	Утрачены халифатом: Самосата, Малатия, Западная Армения.	Победа хазар над аланами, Византией, Русью, печенегами. Преследование евреев в Византии.	Война немцев с датчанами, славянами, венграми.
941-950	Лю Чжи-юань (шато) основал Хоу-Хань и выгнал киданей.	Киданьское царство стало империей Ляо (окиталось).	Взятие Баласагуна языческими тюрками. Шинизм в Мавераннахре и отречение от него Насра. Мятеж и казни при Пухе.	Походы Руси на Византию и Бердаа.	Людовик IV Заморский, король Франции, тщетно борется с феодалами.
951-960	Го Вэй основал Лоу-Чжоу, ставшую в 960 г., после переворота Чжао Куан-иня Сун.	Обращение в ислам карлуков.	Упадок Саманидского эмирата. Буиды в Багдаде.	Крещение Ольги.	Поход германского короля Оттона I в Италию. Разгром венгров немцами на р. Лех.
961-970	Сун начала покорение Южного Китая.	Татары в союзе с Сун. Восстание всех амурских племен против Ляо подавлено.	Захват Египта Фатимидами.	Победа Византии на Крите, в Сирии и в Болгарии. Падение Хазарского каганата.	Поход Оттона I в Италию. Создание Священной Римской империи германской нации.
971-980	Сун закончила покорение Южного Китая и шато в Шаньси.		Основание Газнийского султаната.	Наступление печенегов на Русь, болгар на Византию.	Подчинение Польши Оттону I и война немцев с чехами.
981-990	Кидани (Ляо) бьют китайцев (Сун).	Разгром цзубу киданями. Посольство Сун в Уйгурию, чтобы подарками склонить уйгуров к подчинению Китаю.	Сельджуки селятся около Бухары. Соглашение халифа с несторианским католикосом.	Начало борьбы Руси с латинским Западом. Война с печенегами. Крещение Руси.	На имперском сейме в Вероне решено воевать «против греков и сарацин».
991-1000	Разложение империи Сун (крест, восстания). Изгнание христиан из Китая.	Мятеж цзубу против Ляо; подавлен.	Падение Саманидов.	Победы греков над болгарами и арабами в Сирии.	Крещение Венгрии по латинскому обряду. Рим — столица империи.
1001-1010	Победы Ляо над китайцами, корейцами, уйгурами и татарами.	Татары подчинились киданям.	Война караханидов с Махмудом Газневи.	Упорная война Византии с Болгарией.	Ардуин, маркиграф Иврей, отстаивает Ломбардию от немецких императоров.

Десятилетие	Дальний Восток	Великая степь	Ближний Восток	Восточная Европа	Западная Европа
1011-1020	Корейцы отбили киданей	Восстание цзубу и дансянов против Ляо; замирено.	Карлуки отбили от Яркенда «тюрок Китая» (цзубу).	Покорение Болгарии. Поражение Святополка Окаянного.	Приобретение императорами Ломбардского королевства Генриха II.
1021-1030	Война киданей (Ляо) с тангутами (Ся) из-за Уйгурии.	Восстание цзубу против Ляо.	Ослабление арабов в Сирии и Иране.	Присоединение Армении к Византии. Разделение Руси по Днепру (битва при Листвене)	Смена династии в Германии — Конрад II Франконский побеждает поляков, Эда Шампанского, лютичей и вторгается в Италию, где издает древнейший закон о ленах (в Ронкальской долине).
1031-1040	Усиление Ся (тангутов) и война с Сун. Госрай-царь Тубота.		Победы сельджуков над газневидами.	Победа Руси над печенегами, Византии над арабами.	
1041-1050	Победы киданей (Ляо) над тангутами (Ся) и китайцами (Сун).	Цзубу доставляют коней в Ляо.	Завоевание сельджуками Хорезма и Ирана. Исламизация тюрок кыпчакской степи.	Отложение Болгарии и Сербии от Византии. Вторжение печенегов, теснимых гузами, в Византию.	Победы Германии над поляками, чехами, венграми.
1051-1060	Мир и союз Ляо и Ся.	Племена цзубу и их царь пригнали в Ляо коней и верблюдов.	Победа сельджуков над Бундами и фатимидами.	Разгром печенегов половцами и гузами. Вторжение половцев на Русь. Мир Византии с печенегами.	Раскол церковей. Объединение Нормандии и победа ее над Францией.
1061-1070	Война Китая с Тангутами. Победа Тибетцев над Тангутами.		Завоевание сельджуками Ирана. Разгром Армении и Грузии.	Вторжение половцев на Русь.	Завоевание Англии норманнами.
1071-1080	Продвижение киданей в Шаньси, китайцев — в Амдо.	Восстание цзубу против Ляо. Вождь схвачен.	Покорение сельджуками Сирии, Малой Азии, Тармиза, Никей, Халеба и Мавераннахра. Хасан Саббах в Аламуте.	Изгнание Изяслава и поддержка его императором и папой. Возвращение Изяслава.	Норманны захватили Южную Италию, венгры — Белград. Генрих IV в Каноссе.

Десятилетие	Дальний Восток	Великая степь	Ближний Восток	Восточная Европа	Западная Европа
1081-1090	Тангуты перенесли войну в Китай.	Мир цзубу с Ляо. Могусы признан вождем всех племен цзубу.		Вторжение норманнов в Эпир, печенегов — во Фракию.	Генрих IV воюет с норманнами.
1091-1100	Усиление чжурчжэней. Упадок моши Ляо. Хотанцы напали на тангутов.	Восстание Могусы против Ляо при помощи басмалов и далиди.	Распри в Сельджукском султанате	Победа греков над турками и печенегами. Съезд князей в Любече.	Первый крестовый поход.
1101-1110	Союз тангутов и туботцев и поражение китайцев.	Победа киданей. Подавление остатков сопротивления цзубу. Крещение онгутов.	Исмаилиты в Сирии. Грузины разбили турок у Триалети.	Победа греков над норманнами.	Призыв Боэмунда воевать против греков. Поражение Генриха IV.
1111-1120	Восстание чжурчжэней, захват ими Бохая и Ляодуна.	Последнее восстание цзубу подавлено (нет больше цзубу).	Санджар захватил Газну, Алексей Комнин отвоевал Малую Азию.	Разгром половцами гузов, печенегов и Белой Вежи. Походы русских князей на половцев.	Война императора Генриха V с папами.
1121-1130	Падение Ляо и Сун. Образование Южной Сун и Ци. Чжурчжэни покорили Амдо.	Татары и монголы — вассалы чжурчжэньского царства Кинь (Цзинь).	Наступление исмаилитов. Кашгарский хан разбил кара-китаев Елюя Даши.	Разгром печенегов греками, турок — грузинами; Тифлис — столица Грузии.	Вормсский конкордат папы с императором Сугерий, усиление королевской власти во Франции.
1131-1140	Остановлено наступление чжурчжэней. Ликвидация восстания на оз. Дунтинху и Ци сунцами.	Монголы разбили чжурчжэней. Кара-китай разбили Махмуда под Ходжентом.	Поход Санджара на Хорезм. Восстановление светской власти халифа.	Отвоевание Малой Азии от турок. Распадение Киевской Руси. Мир Руси с половцами.	
1141-1150	Капитуляция Южного Сун и позорный мир. Казни в Кинь.	Мир монголов с Кинь. Катванская битва. Появление найманов.	Завоевана турками Эдесса.	Война Ольговичей с Изяславом II.	Второй крестовый поход. Поход на вендов неудачен.
1151-1160	Разложение в Кинь. Убийство Дигуая и срыв похода на Юг.	Союз монголов с тангутами против чжурчжэней.	Санджар взят в плен гузами, но бежал. Упадок сельджукского султаната.	Победа греков над венграми, норманнами, крестоносцами и сербами.	Походы Барбароссы в Италию. Генрих II Плантагенет стал королем Англии.

Десятилетие	Дальний Восток	Великая степь	Ближний Восток	Восточная Европа	Западная Европа
1161-1170	Война чжурчжэней с монголами и китайцами. Лунсинский мир.	Война татар против монголов. Распадение монгольского родоплеменного союза.	Саладин основал династию Аюбидов в Египте. Гуриды разрушают государство газневидов.	Грузины завоевали Ани. Разгром Киева Андреем Боголюбским.	Походы немцев на полабских славян и на Италию. Война Англии с Францией. Шотландией и покорение ею части Ирландии.
1171-1180	Законы против китаизации в империи Кинь при императоре Улу.	Смуты в кераитском ханстве и в каракиданьском ханстве.	Усиление Хорезма (Текеш).	Разрыв Византии с Венецией и поражение греков сельджуками при Мириокефале.	Разгром Фридриха I при Леньяно и мир его с папой Александром III.
1181-1190	«Эпоха полного спокойствия».	Первое избрание Тэмуджина ханом. Разгром татар монголами.	Разгром крестоносцев при Тивериадском озере и падение Иерусалима.	Убийство Андроника Комнина и основание влахо-болгарского царства.	Уничтожение Фридрихом I бурграфов.
1191-1200	Укрепление северозападной границы империи Кинь.	Интервенция найманов в кераитское ханство.	Третий крестовый поход. Завоевание хорезмшахом Ирака и Сыгнака.	Разгром Византии болгарами и распад империи на части.	Завоевание Гогенштауфенами Неаполя и Сицилии. Война между Ричардом I и Филиппом II Августом.
1201-1210	Война Сун против Кинь; мир. Восстание киданей против чжурчжэней.	Избрание Джамухи гурханом. Разгром кераитов, найманов и меркитов монголами. Великий курилтай.	Хорезмшах Мухаммед покоряет Гур и воюет с каракиданами.	Четвертый крестовый поход — Латинская империя; война с Болгарией и мир. Призыв папы к блокаде Руси.	Покорение Францией Нормандии. Начало альбигойской войны.
1211-1220	Война монголов против Кинь. Падение Пекина.	Кучлук — правитель каракиданей. Разгром и гибель Кучлука.	Крестовый поход венгров и немцев на Египет безрезультатен.	Расцвет Грузии при царице Тамаре.	Победа французов (при Бувине) над немцами, фламандцами и англичанами.
1221-1230	Война чжурчжэней против монголов и китайцев.	Покорение Тангута монголами. Смерть Чингисхана и избрание Угедея.	Война хорезмийцев с монголами и разгром Хорезма. Крестовый поход Фридриха II. Компромисс с мусульманами.	Битва на Калке. Отвоевание Солуни греками Эпира и разгром их болгарами.	Отлучение Фридриха II папой Григорием IX. Тевтонский орден в Пруссии. Конец альбигойской войны; инквизиция.

Десятилетие	Дальний Восток	Великая степь	Ближний Восток	Восточная Европа	Западная Европа
1231-1240	Падение империи Кинь (чжурчжэней). Конфликт монголов с империей Сун.	Реформы Елюя Чуца. Постройка Каракорума.	Завоевание монголами Ирана, Армении и Грузии.	Завоевание монголами Руси, Польши, Венгрии, Болгарии.	Поражение меченосцев в Литве и слияние их с Тевтонским орденом.
1241-1250	Вторжение монголов в Сычуань и Хэнань.	Смерть Угедея, избрание и смерть Гуюка. Усиление Батыя.	Крестовый поход Людовика IX на Египет и разгром его мамлюками, сдача Дамьетты.	Вторжение крестоносцев на Русь; отбито Александром Невским.	
1251-1260	Подчинение монголами Тибета и вторжение их в Аннам.	Избрание и смерть Мункэ. Хубилай провозгласил себя ханом и восстание Ариг-буги.	Мамлюкский переворот в Египте. Людовик IX покинул Палестину. Разгром монголов мамлюками.	Подавление прокатолической партии на Руси.	Война гвельфов и гибеллинов во всей Европе.
1261-1270	Наступление монголов на империю Сун. Перенос монгольской столицы в Пекин и принятие названия — Юань.	Поражение Ариг-буги. Усиление Хайду в Семиречье.	Союз мамлюков и Золотой Орды против ильханов Ирана. Падение Антиохии.	Отвоение греками Константинополя и Мореи.	Разгром гибеллинов Карлом Анжуйским. Гибель Гогенштауфенов
1271-1280	Завоевание империи Суй монголами закончено.	Начало войны Хайду против Хубилая.	Английский принц Эдуард пытался заключить союз с ильханом Абагой. Перемирие крестоносцев с мамлюками.	Покорение Кавказа татаро-русскими войсками. Война Византии с Карлом Анжуйским.	Лионский собор. Разгром Чехии Рудольфом Габсбургом.
1281-1290	Подчинение империей Юань Индокитая и Зондского архипелага.	Восстание и поражение Ная. Несториканство взято под контроль.	Разгром монголов мамлюками. Ликвидация переворота в Иране, произведенного мусульманами.	Татарские походы на Венгрию и Польшу без особых результатов и неудачное нападение на Иран.	Сицилийские вечера. Война Прованса с Арагоном. Усиление Генуи и Флоренции.
1291-1300	Хубилай умер; ему наследовал Тэмур, его внук.	Прибытие Монтекорвино в Пекин. Наступление Хайду до Селенги; отражено онгутскими войсками.	Завоевание мамлюками Акры. Обращение ильхана Гавана в ислам.	Усиление и поражение Ногай. Сближение хана Тохты с ламами.	Война Франции с Англией. Вторжение англичан в Шотландию. Мир Арагона с Карлом II Анжуйским.

Десятилетие	Дальний Восток	Великая степь	Ближний Восток	Восточная Европа	Западная Европа
1301-1310	По жалобе даосов запрещено крещение китайцев. Попытка крестить хана Хайсана.	Умер Хайду. Ослабление Чагатаева улуса. Мир. Фиктивное объединение всех монгольских улусов при фактической розни и вражде.	Поражение монголов мамлюками в Сирии. Иоанниты овладели Родосом.	Русь в составе Золотой Орды.	Конфликт Бонифация VIII с Филиппом Красивым. Авиньонское пленение пап. Арест тамплиеров.
1311-1320	Буддисты отняли у христиан храмы на берегах Янцзы.		Отражение золотоордынцев персидскими монголами. Уничтожение несториан-монголов в Иране.	Обращение Золотой Орды в ислам. Казни буддистов и язычников. Поддержка Москвы против Твери.	Казнь тамплиеров. Разгром англичан шотландцами, а австрийцев — швейцарцами.
1321-1330	Умер Монтекорвино; упадок католической Епископии в Китае. Учрежден в Пекине «русский полк».		Усиление османов; Захват ими Бруссy и Никомидии.	Разгром Твери московско-татарскими войсками Ивана Калиты. Возвышение Москвы.	Поход Людвига Баварского в Рим безрезультатен.
1331-1340	Аланы, жившие в Пекине, просили папу прислать Епископа.		Упадок власти илханов и распадение монголо-персидского ханства.	Усиление Литвы при Гедимине. Сербии — при Стефане Душане.	Вся Италия подчинена только местным правителям. Петрарка — король поэтов. Гуманизм. Начало Столетней войны.
1341-1350	Создание сект «Белый лотос» и «Последователи Майтреи» эмирам. Антимонгольского направления.	Распадение Чагатаева улуса и переход власти к эмирам.	Образование государства Сербадаров (в Хорасане) и Сендов (в Мазандеране).	Поддержка Москвы против Литвы ханом Джанибеком. Захват Галиции поляками.	Битва при Креси.
1351-1360	Восстание «красных повязок» — упадок империи Юань.		Османь овладели Галлиполийским полуостровом.	«Великая замятия» в Золотой Орде; переход власти к темникам. Разрыв союза Москвы и Орды.	Битва при Пуатье. Жакерия. Временный упадок Франции.

Историческая этнография

Наиболее изящная система обобщения данных по этногенезу кочевых народов Центральной Азии – схематические карты, схватывающие либо только Центральную Азию, когда имеется необходимость отметить подробности этнического размещения, либо весь Евразийский континент, если разворот событий в Азии связан с отзвуком их в Европе.

Главная задача предлагаемой схемы в том, чтобы уяснить характер и последовательность этнической трансформации, происшедшей в Средней Азии с VIII по XIV в., и установить роль конфессионального принципа в этнической интеграции на фоне истории Азии. Поэтому карты-схемы, точнее сказать – чертежи, снабжены аннотациями, содержащими необходимые сведения и о народах и о соотношениях эпох, отраженных на картах. Таким образом, историко-этнографическая схема не только иллюстрирует основной текст книги, но дополняет его и расширяет кругозор исследователя, давая ему в руки параллельный аспект, нужный для корректировки выводов, полученных ранее другим путем. Пользоваться картами следует совместно с синхронистической таблицей, так как вместе они составляют ту пространственно-

временную схему, с помощью которой ориентироваться в описанных в книге событиях наиболее просто.

Древний период этногенеза кочевников в предлагаемой схеме не отражен, так как ему посвящены специальные исследования: «Хунну» (М., 1960) и «Хунны в Китае» (М., 1975).

Карта 1 [600]. Племена Великой степи с VIII по X вв. [601]

Общее замечание. В VIII в. господство над Великой степью перешло от тюрков к уйгурам (747 г.) и затем к кыргызам (847 г.), но границы каганатов на карте опущены (см. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967). Внимание уделено расположению мелких племен (курсив), слившихся к X в. в народы (корпус) и образовавших пять крупных государств: Кидань (кит. Ляо), Шато (Кинь), Дансян (впоследствии Тангут, кит. Си-ся), Уйгурия (кит. Хойху) – два самостоятельных княжества, и тибетцы, создавшие впоследствии эфемерное царство Тубот (полужирным).

Условные обозначения:

Рельеф
Ледники
Высогорье
Среднегорье
Плоскогорье
Возвышенности
Равнины
Низменности

В плане этногенеза малочисленные племена заслуживают большого внимания, и потому здесь прилагается их этническая классификация, совмещающая языковые, антропологические и исторические данные.

А. Тюркоязычные племена

I. Европеоидные западносибирские племена

- (1) Кенгересы (кангар, канпой, канглы, печенеги)
- (2) Кыргызы енисейские (Гегу, Хагяс)
- (3) Кыпчаки (Кюй-юе-ше, половцы)
- (4) Чигиль (джикиль)
- (5) Тюргеши (народ, состоявший из двух больших племен: абаров, аборигенов Джунгарии, и мукринов, прикочевавших из Приамурья в III в.)

II. Телесская группа племен, в IV в. распространившаяся из Хэси по всей Великой степи, европеоидная, восходящая к восточной ветви белой расы I порядка

- (1) Уйгуры или токуз-огузы (кит. хойху)
- (2) Япма (кит. Янь-мянь)
- (3) Тонгра (кит. Тундо)
- (4) Бугу (кит. Пугу)
- (5) Курыканы (кит. Гулигань)
- (6) Изгили (кит. Сицзе)
- (7) (кит. Сыцзе)
- (8) Теленгиты (кит. Доланьгэ)
- (9) Байырку (кит. Баегу)
- (10) Эдизы (кит. Адйе)
- (11) (кит. Хусе)
- (12) (кит. Киби)
- (13) (кит. Хунь)
- (14) (кит. Байси)
- (15) (кит. гун-юе), принадлежность их телесцам по происхождению сомнительна

III. Чуйская группа – потомки хуннов, оставшихся в Средней Азии во II в. н.э.

(1) Чуюе

(2) Чуми

(3) Шато – ответвление чуюе

(4) Кимаки (кит. Чумугунь); объединились с кыпчаками и составили народ команов, или половцев

IV. Джунгарская группа

(1) Карлуки

(2) Басмалы

(3) Нешети

(4) Шуниши

(5) Хулуву

объединились с басмалами, приняв их имя

V. Саяно-алтайская группа

(1) Чики – вымерший народ в совр. Туве

(2) Тубалары (кит. Дубо)

(3) Эчжень (кит. Эчжи)

в Западных Саянах

(4) Тюрки после 747 г. (кит. Ту-цзюе // тюркюты) – ветвь кок-тюрок («голубых», или «небесных», тюрок, живших до 747 г. на Орхоне), осевшая в Горном Алтае под названием Телес (племя) и Тодош (кость). В настоящее время слилась с теленгитами. В X–XII вв. была известна как «тикин» (от тюрк. «Тэгинь» – царевич; очевидно, таков был титул их правителя). Завоевана монголами в 1207–1208 гг.

Б. Монголоязычные народы

(1) Кидани, или Хитаи

(2) Татабы (кит. Хи)

(3) Тогоны, или Ту-юй-хунь, – ветвь сяньбийцев в IV в., переселившаяся в Цайдам и завоеванная тибетцами в VII в.

(4) Татары – племенной союз

(5) Монголы в собственном смысле слова

В. Тунгусоязычные племена

(1) Тьеле

(2) Уги

(3) Чжурчжэни

Г. Тибетоязычные племена

(1) Дансяны, или тангуты, потомки древних жунов

(2) Тубо, или тибетцы, потомки древних кянов

Д. Племена, принадлежность коих к этническим группам неясна

- (1) Меркиты – м.б., тюрки, м.б., монголы, м.б., самодийцы

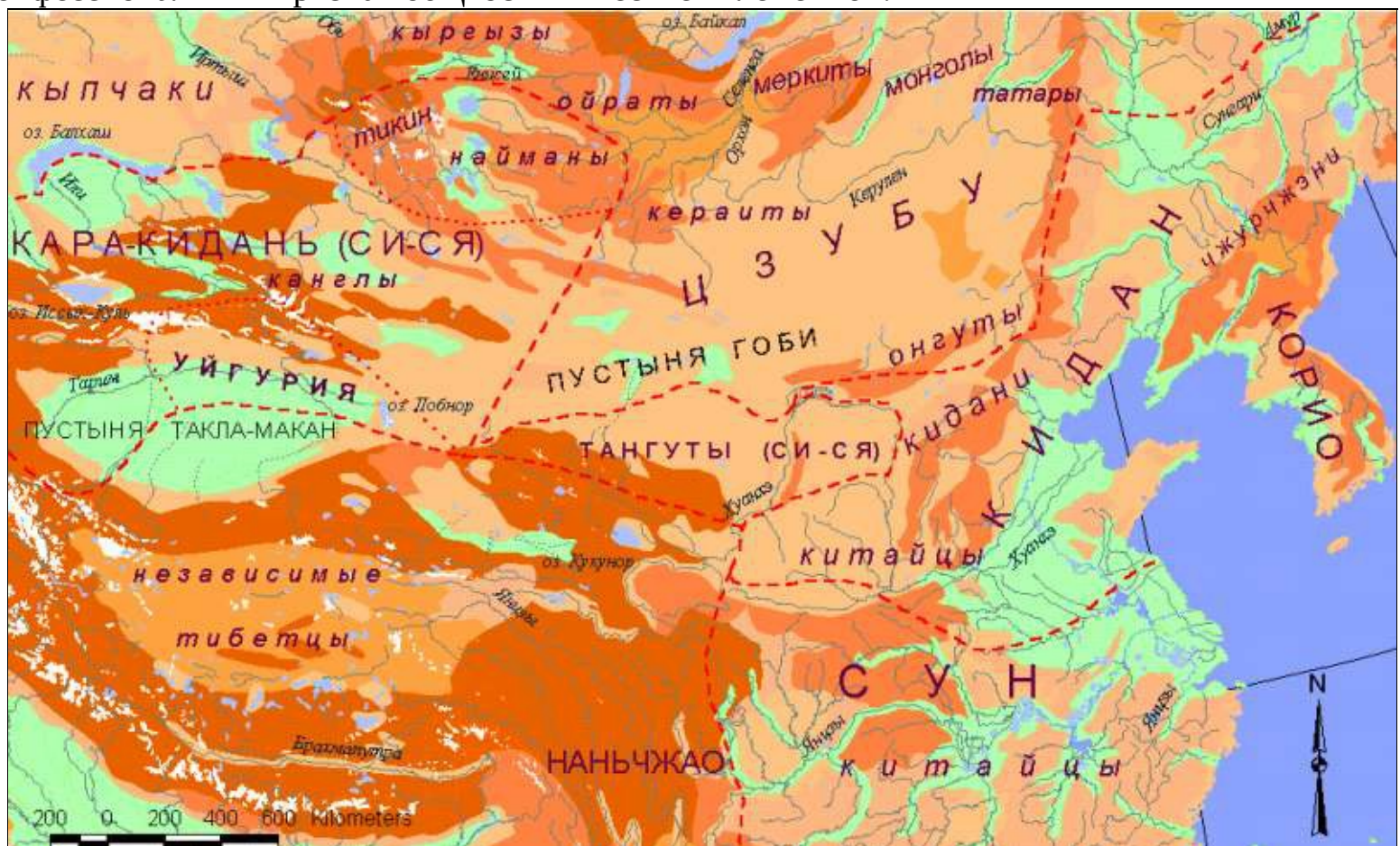
- (2) Азы – м.б., часть кыргызского народа, м.б., просто «малый народец»?

- (3) Гюйлобо – ?!

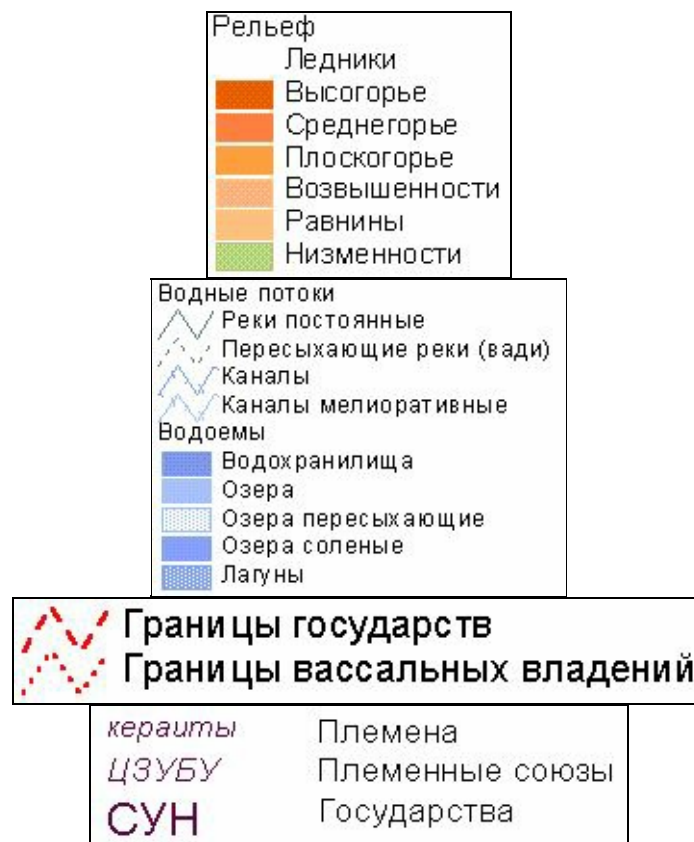
- (4) Хэйчэ – прозвище, буквально – «Черная телега». Китайские географы считали их тающими на границе миров реального и фантастического, где будто бы жили «тюрки с двумя ногами».

Карта 2. Срединная Азия в XII в. [\[602\]](#)

Общее замечание. По сравнению с предыдущей картой бросается в глаза сокращение числа тюркских племен и замещение их несколькими крупными монгольскими, которые и составляют теперь главное наполнение степи. Тюркские племена, за одним исключением, воспринимают либо чжурчжэньскую (онгуты), либо мусульманскую (карлуки, калач, канглы) культуру. Исключение составляют кыпчаки, но и они на западной окраине степи входят в ареал русско-византийской культуры. Подлинно степные племена (цзубу) и кара-кидани ищут самостоятельных путей развития и находят их в принятии несторианства или бона. Постепенно конфессиональный признак общности вытесняет племенной.

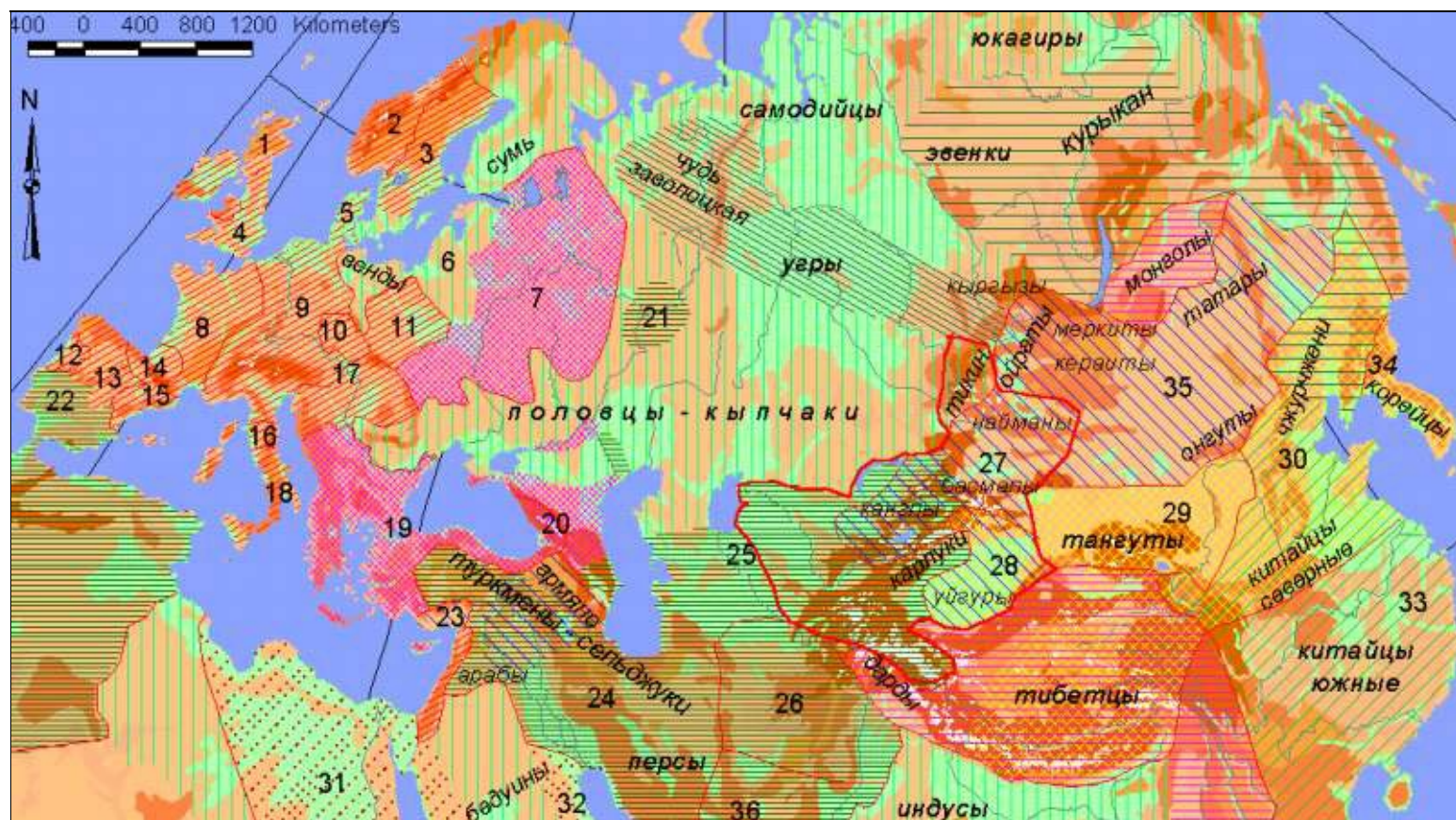

Условные обозначения:

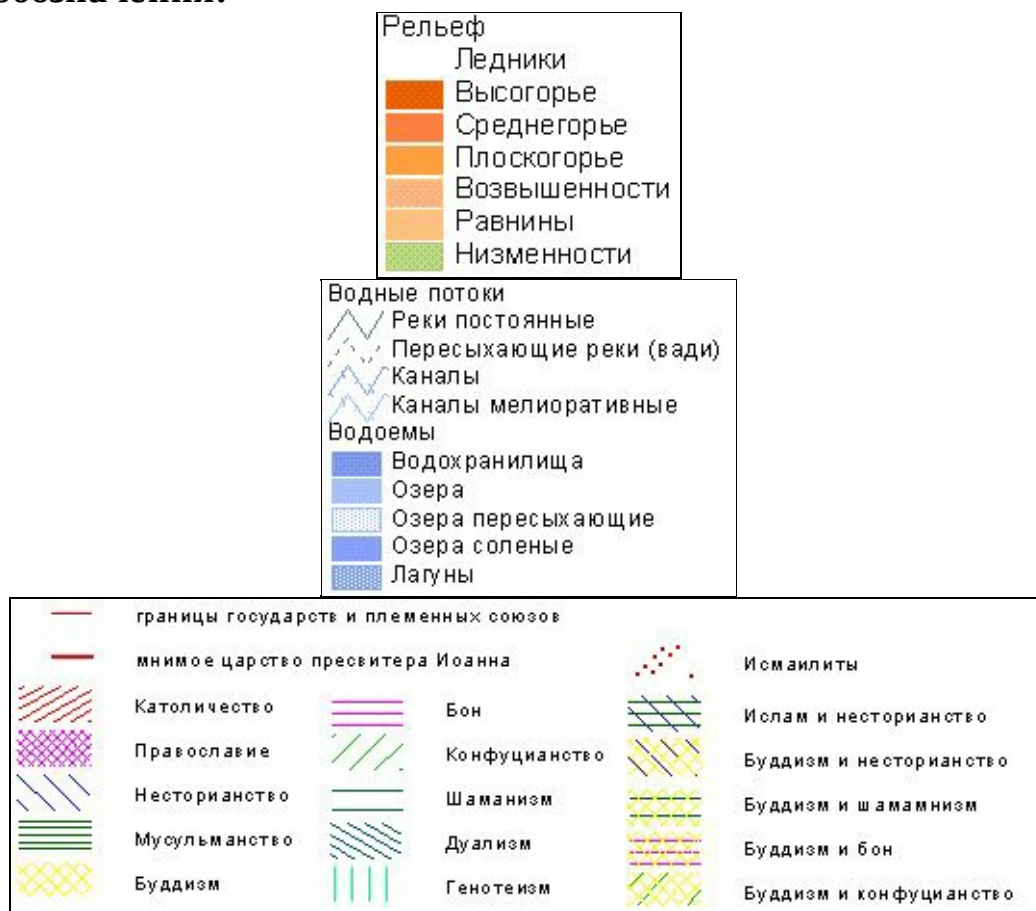

Карта 3. Распространение религий в середине XII в.

Общее замечание. Наряду с политической раздробленностью отчетливо выступает наличие этнокультурных массивов, определенных исповеданиями: римско-католический мир, православные страны и несторианская церковь, объединившаяся с яковитской (монофизитской) в 1142 г., делят христианство на три взаимно враждебных лагеря. Равным образом в странах мусульманских имеется два центра: суннитский халифат Аббасидов в Багдаде и исмаилитский халифат Фатимидов в Каире. Северный Китай охвачен буддизмом, Южный, империя Сун, – конфуцианством. Тибетский бон успешно соперничает с буддизмом и несторианством. В Сибири имеют место две разные религиозные системы; шаманизм у эвенков и дуализм у народов угорских. Былой генотеизм быстро уступает место мировым религиям.

Условные обозначения:

Легенда к карте III. Государства и племенные союзы

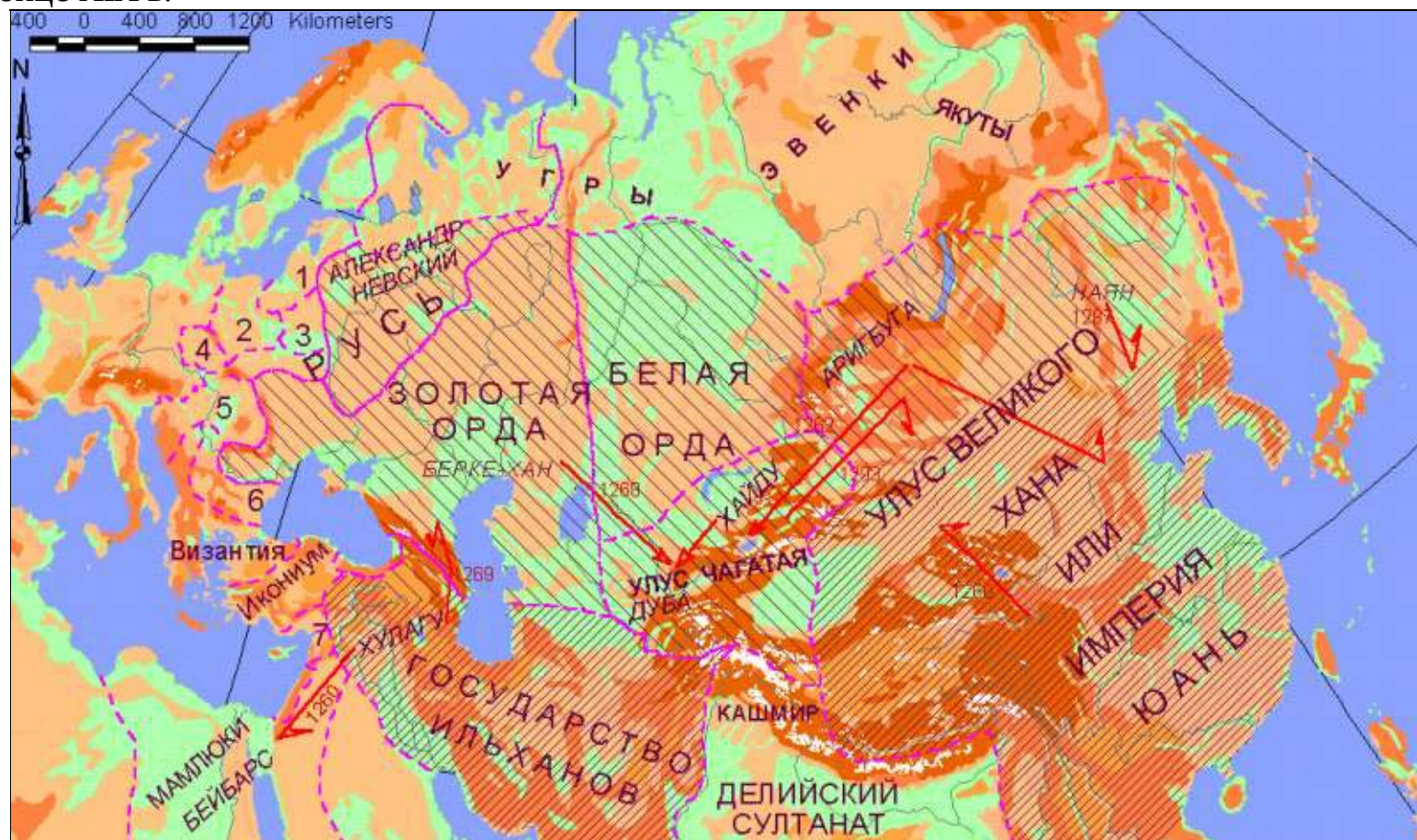
1. Королевство Шотландия
2. Королевство Норвегия
3. Королевство Швеция
4. Королевство Англия
5. Королевство Дания
6. Прибалтийские народы: эсты, ливы, латыши, литва, пруссы
7. Великое княжество Русское
8. Королевство Франции
9. Священная Римская империя германских народов
10. Королевство Богемия
11. Королевство Польша
12. Королевство Португалия
13. Королевство Кастилия
14. Королевство Наварра
15. Королевство Арагон
16. Папская область
17. Королевство Венгрия
18. Королевство Сицилийское
19. Византийская империя
20. Царство Грузия
21. Великий Булгар (ханство)
22. Магриб (до 1147 г. эмират Альморавидов, потом халифат Альмохадов)
23. Царство Малая Армения
24. Султанат Великих Сельджуков
25. Шахство Хорезм
26. Султанат Гуридов
27. Ханство кара-китаев
28. Идыкутство Уйгурия
29. Царство Тангут
30. Империя Кинь (Цзинь)
31. Халифат Фатимидов
32. Племенной союз бедуинов Бахрейна
33. Империя Сун
34. Царство Корио
35. Племенной союз «цзубу»
36. Керман

Карта 4. Распад Монгольского улуса (1260–1300)

Общее замечание. За истекшее столетие мир преобразился. На месте этнокультурных массивов возникли коалиции, основанные на политических коллизиях. В стане Великого хана Хубилая рука об руку сражаются буддисты, христиане всех исповеданий, конфуцианцы, а против них также стоят мусульмане, несториане, последователи «черной веры». Религиозная принадлежность перестает быть индикатором политической ориентации на всем пространстве Монгольской империи, но это процесс медленный, и в частных случаях она стимулирует восстания и карательные походы. Та же картина на западной окраине континента: тамплиеры вступают в контакт с мусульманами против несториан и армян: гибеллины ищут помощи у

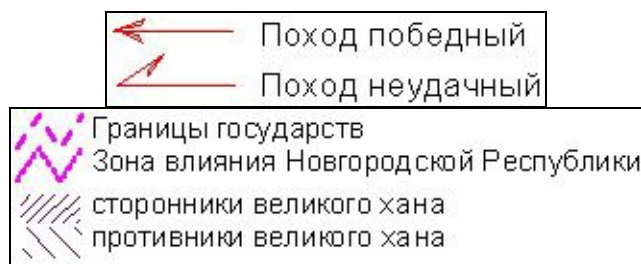
сарацин и греков против папского престола: папы привлекают как союзников литовских язычников против христианской Руси; только Кастилия ведет принципиально свою реконкисту^[135]. хотя тут налицо простое совпадение интересов христианского мира с национальными. На месте разрушающихся конфессиональных целостностей возникают этнические, т.е. происходит медленная кристаллизация национальностей, знаменующая наступление нового времени с собственными ритмами развития.

На территории монгольского улуса не показаны племена, ибо они перестали существовать, будучи поглощены ордami. Впоследствии при распадении орд снова возникнут племенные объединения, но другие. Хотя некоторые из них примут древние имена, но смысл их будет уже иной, относящийся к новому историческому периоду, начавшемуся в XIV в. и закончившемуся в конце XIX в.

Условные обозначения:

Рельеф	
	Ледники
	Высогорье
	Среднегорье
	Плоскогорье
	Возвышенности
	Равнины
	Низменности
Водные потоки	
	Реки постоянные
	Пересыхающие реки (вади)
	Каналы
	Каналы мелиоративные
Водоемы	
	Водохранилища
	Озера
	Озера пересыхающие
	Озера соленые
	Лагуны

Хронология как наука о времени

Обычно при составлении хронологических таблиц принято ограничиваться простым перечислением фактов, выбранных вольно и датированных. Однако при этом неизбежно теряется вектор, т.е. направленность события в той причинно-следственной связи, которую именуют историей. Поэтому, желая подвести итог нашим схемам, мы не только даем точные даты событий, необходимые для запоминания и справок, но и направленность хода истории в тех или иных моментах, стараясь учесть его разнообразные зигзаги. Для социального развития, взятого в широком плане, это не имеет значения, так как отклонения взаимно компенсируются, но при детализации наличие их учитывать необходимо, потому что нас интересует не только генезис кочевого феодализма, а и то, почему «царство пресвитера Иоанна» осталось невоплощенной мечтой и почему Ариг-буга, не скрывавший своих несторианских убеждений, потерял царство и жизнь, хотя народ монгольский стоял за него. До сих пор мы пытались объяснить факты по отдельности, но ведь это только ступень к тому, чтобы дать наглядное обобщение. А дальше, если успех будет нам сопутствовать, можно будет по ставить вопрос: не является ли закономерное чередование исторических событий функцией времени? Но это только намек на пути будущих исследований; пока же можно сказать, что наше предположение верно, то движение времени неравномерно, ибо события, происшедшие в одном регионе, располагаются на хронологической шкале не равномерно, а кучно, В этом убеждает прилагаемая таблица.

Хронологическая таблица

Дата	Событие	Осмысление
861	Уйгуры заняли Турфанский оазис, а карлуки — Кашгар.	Ликвидация экспансии династии Тан.
880	Взятие крестьянскими войсками Хуан Чао Лояна и Чаньани и выступление кочевых племен шато и тангутов на защиту династии Тан.	Расслоение империи Тан на Китай и степную зону.
884	Разгром восстания Хуан Чао и создание тангутского и шатоского княжества на берегах Хуанхэ.	Победа степи над Китаем.
907	Елюй Амбагань объявил себя «небесным императором» киданей. Низвержение династии Тан и война династии Хоу-Лян против шато.	Появление «третьей силы» и трехсторонняя война.
916	Елюй Амбагань объявил благоволение к буддизму, как к некитайской религии.	Гонение в Китае на все иноземное и рост антикитайских настроений в степи.
920	Восстание манихеев в Китае; подавлено.	
923	Низвержение династии Хоу-Лян шатосцами и основание династии Хоу-Тан.	Постепенное окитаивание тюрок-шато.
924	Покорение киданями степей до Орхона.	Усиление Киданьского ханства.
926	Покорение киданями Бохая.	Консолидация антикитайских сил.
936	Низвержение династии Хоу-Тан и установление Хоу-Цзинь под протекторатом киданей.	
946	Кидани покорили Хоу-Цзинь.	
947	Кидань переименовалась в империю Ляо. Шатосцы и китайцы выгнали киданей из Китая и основали династию Хоу-Хань (шатоскую).	Начало окитаивания киданей.
951	Китайцы свергли Хоу-Хань и основали династию Хоу-Чжоу, а шатосцы — Бэй-Хань (в Шаньси) и вошли в союз с Ляо.	Национальная реакция в Китае против кочевников и буддизма.
960	Основание династии Сун.	

Дата	Событие	Осмысление
965–967	Восстание всех приамурских племен против Ляо; подавлено.	
979	Бэй-Хань (шато) завоевана китайцами.	Сопротивление степных и лесных племен китаизации.
982	Восстание тангутов против Китая.	
ок. 1000	Изгнание христиан из Китая.	
1007	Война кочевников (цзубу) с Ляо.	
1008	Война тангутов с уйгурами.	
1009	Крещение кераитов.	
1013/14	«Неверные тюрки» напали на Яркенд; но отражены карлуками.	
1015	Тибетцы выступили против тангутов в союзе с империей Сун.	
1036	Тангуты завоевали Восточную Уйгурию.	Усиление Тангута и создание оригинальной культуры на границе Китая и Великой степи.
1044	Тангуты принудили к миру Китай и отбили нападение киданей.	
1100	Разгром восставших кочевников (цзубу) киданями.	Подавление степняков окитаенными киданями.
1115	Восстание чжурчжэней против Ляо.	
1118	Союз чжурчжэней и китайцев против Ляо.	
1124	Отход Елюя Даши на Орхон.	
1125	Падение Ляо. Война чжурчжэней против Китая (Сун) в союзе с тангутами.	Крах империи Ляо. Подъем местной лесной культуры (самобытной).
1129	Елюй Даши взял Баласагун.	
1131	Покорение чжурчжэнями Северного Китая и Восточного Тибета.	
1135	Война монголов против чжурчжэней.	
1137	Победа Елюя Даши при Ходженте.	
1139	Разгром чжурчжэней монголами у горы Хайлинь. Наступление китайцев на чжурчжэней.	Обновление степной культуры и ее подъем.

Дата	Событие	Осмысление
1141	Разгром сельджуков Елюем Даши на Катванской равнине.	
1142	Объединение несториан и якобитов.	
1143	Отпадение северной окраины каракиданького ханства и образование там ханства найманского.	Усиление позиций восточных христиан.
1145	Появление в Западной Европе слуха о «царстве пресвитера Иоанна»	
1147	Мир монголов с чжурчжэнями при условии выплаты дани чжурчжэнями монголам.	Победа, спасшая Южный Китай (империю Сун).
1161	Возобновление чжурчжэнями истребительной войны против монголов.	Соперничество двух народов, находящихся на подъеме.
1171	Изгнание и возвращение Ванхана кераитского. Распадение монгольского племенного союза.	
1182	Избрание Тэмуджина ханом частью монголов с титулом Чингис.	
1196-98	Изгнание Ванхана найманами и возвращение его при помощи Тэмуджина.	
1200	Объединение против Тэмуджина части монголов, меркитов, найманов, ойратов и татар. Джамуха избран гурханом.	Консолидация «людей длинной воли» против родо-племенных традиций; борьба их между собою.
1202	Разгром войск Джамухи Тэмуджином и Ванханом кераитским.	
1203	Завоевание Тэмуджином кераитского царства.	
1204	Завоевание Тэмуджином найманского ханства.	
1205	Пленение и казнь Джамухи.	
1206	Великий курилтай и новое избрание Тэмуджина Чингисханом.	Победа «людей длинной воли».
1208	Покорение монголами «лесных народов» Сибири.	Создание степной державы.

Дата	Событие	Осмысление
1209	Добровольное подчинение Уйгурии Чингису.	
1210	Начало войны монголов с чжурчжэнями.	Продолжение войны за гегемонию в Восточной Азии.
1211	Кучлук, вождь найманов, захватил власть в ханстве кара-киданей.	
1214	Религиозные гонения против мусульман в кара-киданьском ханстве.	Активизация несториан.
1215	Взятие монголами Пекина и перемирие с Чжурчжэнями.	
1216	Истребление меркитов монголами на реке Ирғиз и столкновение их с хорезмийцами.	Наступление мусульман на степь.
1218	Покорение монголами ханства кара-киданей.	Завершение объединения степи.
1219	Вторжение монголов в Хорезм.	
1220	Взятие Бухары и Самарканда.	
1221	Взятие Гурганджа (близ Ургенча).	Контрнаступление монголов на мусульман.
1223	Разрушение монголами Мерва. Битва на Калке.	
1224	Возвращение Чингисхана в степь.	
1226	Программа Елюй Чуцай одобрена Чингисханом.	Начало борьбы двух течений в монгольской внутренней политике.
1227	Покорение Тангута монголами. Убийство Джучи. Смерть Чингисхана.	
1229	Избрание Угедея ханом.	
1231	Разгром Джелал ад-дина нойоном Чормаганом.	Завершение двух войн.
1235	Завоевание чжурчжэньской империи монголами.	
1236	На курилтае решено выступить в «западный поход». Взятие Булгара. Реформа Елюй Чуцай.	
1237	Падение Рязани.	

Дата	Событие	Осмысление
1238	Взятие Владимира монголами. Ссора Бату с Гуюком.	
1239	Покорение монголами Закавказья.	Продолжение борьбы двух течений в монгольской политике.
1240	Разгром Киева, подчинение Галиции.	
1241	Разгром польско-немецкого войска. Смерть Угедея.	
1242	Разгром Венгрии. Отход монголов из Европы. Заговор Отчигина.	
1243	Покорение монголами Малой Азии. Утверждение ханом Бату Ярослава Суздальского великим князем.	Обострение борьбы между Гуюком и Бату
1245	Михаил Черниговский просил на Лионском соборе помощи против монголов.	Ориентация части русских на католическую Европу.
1246	Избрание Гуюка ханом; его ориентация на православие. Отравление в ханской ставке князя Ярослава по оговору боярина из его свиты. Казнь черниговских князей в Сарае.	
1247	Христианизация Кашгари. Александр Невский и Андрей в Сарае договариваются с Бату.	Ориентация части русских на Золотую Орду,
1248	Выступление Бату против Гуюка. Смерть Гуюка. Бату отказался от престола в пользу Мункэ. Папа предложил русским князьям принять католичество.	Раскол Руси на антитатарскую (Андрей Владимирский и Даниил Галицкий) и антинемецкую (Александр Невский) группировки.
1251	Мункэ избран ханом. Казнь сторонников Гуюка.	
1252	Подавление Неврюем восстания Андрея.	Победа несторианской партии в монгольском улусе.

Дата	Событие	Осмысление
1253	Курилтай на Ононе; решены походы на Южный Китай и против мусульман Ближнего Востока. Булла папы о крестовом походе против монголов. Война Даниила Галицкого против монголов и коронация его папой.	Католики и мусульмане против монголов и армян при нейтралитете православных.
1254	Договор Гетума I с Мункэ-ханом. Византийские и сирийские послы в Каракоруме.	
1256	Мункэ высказался в пользу буддизма, а Ариг-буга — христианства. Умер хан Бату, его сын, Сартак, отравлен мусульманами, его наследник, Улакчи, умер.	
1257	На престол Золотой Орды возведен Берке. Казнь ханши Баракчины.	Самоизоляция Золотой Орды от монгольского улуса.
1258	Взятие Багдада монголами и их покровительство ближневосточным христианам; вторжение в Южный Китай и покровительство буддистам.	Желтый (несторианский) крестовый поход.
1259	Смерть Мункэ. Резня несториан в Самарканде войсками Берке.	
1260	Война за престол между Хубилаем и Ариг-бугой. Поражение Кит-Буки мамлюками при Айн-Джалуде. Крестоносцы и папа против монголов и армян.	
1261	Разрыв Золотой Орды с ильханом. Основание епископии в Сарае.	Распадение монгольского улуса под давлением масс покоренных народов.
1262	Война Золотой Орды с персидскими монголами. Избиение на Руси фискальных чиновников, присланных Хубилаем из Пекина.	
1263	Александр Невский, договорившись с ханом Берке о союзе Руси и Золотой Орды, умер. Капитуляция Ариг-буги.	Фактическое освобождение Руси от монгольской власти.

Дата	Событие	Осмысление
1264	Перенос монгольской столицы из Каракорума в Пекин.	
1267	Выступление Хайду, занявшего Семиречье.	Создание сопротивления монголов хану, ими пренебрегшему.
1269	Ливонские немцы прекратили наступление на Новгород, «зело бо бояхуся и имени татарского».	Последствия союза Великороссии и Золотой Орды.
1271	Хубилай объявил себя «императором Китая династии Юань»	Измена своему народу
1274	Ильхан Абага просил помощи у папы и собора в Лионе против мамлюков, обещая принять католическую веру.	
1275	Хайду начал войну с Хубилаем.	Война народа с армией.
1287	Восстание Ная под знаменем креста	
1293	Монтекорвино прибыл в Китай	Удар в спину несторианцев.
1294	Смерть Хубилая.	
1301	Смерть Хайду.	
1304	Запрещение пропаганды христианства в империи Юань	
1305	Буддисты отняли у христиан храмы на берегу Янцзы	Вмешательство папского престола в дела восточной церкви
1312	Узбек обратил Золотую Орду в ислам.	
1319	Подавление восстания персидских несториан-монголов.	
1330	Русский полк расквартирован около Пекина.	
1357	«Великая заметня» в Золотой Орде. Смерть Джанибека.	Конец монгольской эпохи и несторианской культуры.
1362	Переворот Мамай и разрыв традиционного союза Руси и Золотой Орды.	
1368	Взятие Пекина восставшими китайцами.	

* * *

Теперь как будто можно резюмировать итоги нашей работы, но... все-таки это настолько трудно, что придется перенести «соображения по поводу» в следующую главу.

А что тут не так?

Книга о поисках вымышленного царства написана, и сам автор смотрит на нее с нескрываемым удивлением: сколь многого в ней нет.

Нет, прежде всего, полного подбора источников и их исчерпывающей характеристики. А ведь если бы таковая была, то ни для чего другого не осталось бы места и получилась бы совсем другая книга, которая не ответила бы ни на один из волнующих нас вопросов. Даже зная, кто, что и когда говорил, мы не могли бы указать, кто и где невольно заблуждается, а кто сознательно накидывает вуаль иносказаний. И работа наша пропала бы втуне.

Очень мало использована литература вопроса. Библиография по всем затронутым темам могла бы вылиться в список многих сотен статей и книг. Но из тысяч мышей нельзя сделать одной лошади. Критерий достоверности находится не в словах, а в фактах, т.е. в исторических событиях, в их связи и последовательности, а то и другое в книге есть. Нить исторической закономерности протянулась от тюрков к монголам через три века, до сих пор бывших «белым пятном».

Однако сама история подана крайне неравномерно. Многие драматические страницы ее смазаны. Например, разве не волнует читателя неравная борьба маленького племени тюрк-шато против многомиллионного Китая? Эта борьба велась за право одних жить, оставаясь самими собой, и за стремление других избавить свою страну от неприятных и враждебных иноземцев. Обе стороны по-своему правы, и проблема, как мы видели, оказалась решенной при помощи силы. Об этом одном следовало бы написать целую книгу, а не часть главы. Да, конечно, но тогда пришлось бы забыть о монголах и несторианстве. А кидани?.. Их история перекликается с эпохой Петра Великого, который, подобно Елюю Дэгуану, открыл в свою страну доступ чужеземным идеям и модам. Разумеется, и страна, и народ, и эпохи имеют мало общего с Россией XVIII в., но ведь это-то и интересно, ибо вскрывается роль среды и ситуация. Однако и об этом в книге сказано походя, потому что судьба империи Ляо для нашей темы только фон, и мы смотрели на цветущий Ляодун из перетоптанной ветрами монгольской степи.

То же самое следует сказать о тангутах и уйгурах, о карлуках и кыпчаках (половцах). Их богатые культуры, их страстная история, их неповторимый склад ума в книге не отражены. Есть только абрисы без красок и светотени, общий фон, на котором выпукло выступают древние монголы. И однако это не недостаток книги, а способ обратить внимание читателя на то, что история этих народов не экзотика, не пустое; коллекционирование сведений (своего рода филателия), не калейдоскоп, а составная часть грандиозной трагедии всемирной истории средневековья.

В этом спектакле есть жестокая логика событий, закономерность рождений и гибели народов, ответственность за поступки у отдельных людей и та связь истории человечества с историей биосферы планеты Земля, которая до сих пор ускользала от исследования как гуманитариев, так и естествоиспытателей. Найти и уловить эту связь – вот истинная цель моей работы, и ради этой цели я применил особый способ рассмотрения материала. Может быть, он несовершенен, но другого я не знаю. Книга моя – эксперимент, а он не всегда удается сразу. Но даже если 605 опытов безрезультатны, то шестьсот шестой, успешный, окупает все затраты.

И наконец, самая главная тема – центральноазиатское несторианство – выглядит как-то невесомо, даже призрачно. Верно, но ведь так оно и было. Несмотря на широкое распространение христианского мировоззрения по всей Великой степи, оно не переступило того

порога, после которого возможно историческое воплощение. Несторианство не совершило последнего рывка, не стало исторической целостностью... и захлебнулось. Ну что ж, для историка прерванный процесс – интереснейший вариант исторического развития. Неудача не менее достойный объект исследования, чем успех, тем более что благодаря выявленным деталям удалось прояснить некоторые важные частности, касающиеся не только Монголии, но и древней Руси.

Итак, мы ответили на первый вопрос, поставленный в начале книги: а что было на самом деле?

Но мы нашли ответ и на второй вопрос: как выжать из лжи истину? Принцип оказался простым: каждый автор, стремящийся в чем-то убедить своих современников, должен изложить им несомненные, правдивые сведения, а затем уже сдобрить их приправой тенденциозности. Следовательно, задача историка расчленил эти два компонента, что и называется историческим анализом.

Дальше труднее. Чтобы анализ удался, приходится применять панорамную и стереоскопическую методику, заполнять темные места изолиниями, рассматривать объект с разными степенями приближения, и таким сложным путем можно получить канву достоверных фактов и синтезировать процесс этно-культурного становления, руководствуясь логикой событий. Но и этот результат мы считаем полуфабрикатом. Он нужен лишь для того, чтобы, наложив его на закономерности природы, уяснить себе мировую причинно-следственную связь. Вот тогда это будет уже не просто история народов, а народоведение, или этнология.

Этнология

Хотя термин «этнология» применялся в западноевропейской науке часто, но всегда по разным поводам, в разных значениях и потому остался «вакантным». Поэтому, когда в Географическом обществе Советского Союза начались работы по обобщению проблем палеоэтнографии и исторической географии^[603], было предложено использовать этот термин для названия науки, включающей в себя три взаимосвязанные проблемы: этногенез, этногеографическую классификацию и соотношение этноса с ландшафтом^[604].

Новый аспект отличается от всех смежных с этнологией дисциплин, как, например, от этнографии – науки о несходстве народов друг с другом, от социологии, занимающейся формами общественного движения материи, от истории – науки о событиях в их связи и последовательности, от антропологии, интересующейся физическим типом разных ветвей человечества, т.е. рас, и от эволюционной биологии, рассматривающей человечество как один из видов млекопитающих. Пожалуй, ближе всего к этнологии стоит палеогеография голоцена, т.е. того периода истории Земли, когда на ней отчетливо проявилась человеческая деятельность. В этом аспекте человечество рассматривается как некая оболочка планеты Земля^[605], или как часть биосферы^[606].

Понятие «биосфера» было введено в науку академиком В. И. Вернадским для того, чтобы разграничить «косную» и «живую» формы вещества. Биосфера, по В. И. Вернадскому, состоит из совокупности живых организмов и продуктов их деятельности, например свободного кислорода в атмосфере. То, что живые организмы не находятся в тесном соприкосновении друг с другом, а разделены отрезками косной материи, по В. И. Вернадскому, неважно, ибо даже в самом твердом теле между молекулами есть пустое пространство.

Продолжая мысль В. И. Вернадского и развивая его подход, мы выделяем в биосфере антропосферу, т.е. биомассу всех людей вместе с продуктами их деятельности: техникой,

жилищами, домашними животными и культурными растениями, Однако антропосфера не монолитна, а мозаична. Слишком широкое распространение человечества, населившего почти всю сушу планеты, связано с повышенной по сравнению с другими млекопитающими способностью к адаптации, а это в свою очередь модифицировало вид. Создались коллективы особей, которые при возникновении были связаны с теми или другими природными условиями, хотя в дальнейшем каждый из них имел свою историческую судьбу. Эти коллективы мы называем этносами и изучаем их как специфическую форму существования вида *Homo sapiens* в условиях исторического бытия. Этногенез – это рассмотрение причин возникновения и исчезновения этносов, а этническая классификация – это фиксация большей или меньшей близости этносов между собою, что необходимо для того, чтобы обобщить огромный и разнообразный материал, не имеющий аналогий при гуманитарных методах и аспектах.

Как мы убедились выше, этническая история не подменяет истории социальной, а только дополняет ее, заполняя вакуум, неизбежно образующийся при строгом применении только одного аспекта.

И тут возникает последний вопрос: а зачем нам все это нужно? Пусть этнология находит себе применение в археологии^[607], физической географии^[608], этнографии^[609], даже в почвоведении^[610], – но как она может быть полезна при критике литературных источников, в деле, которым занимается самая гуманитарная на свете наука – филология? На этот разумный вопрос ответить необходимо.

Как мы уже видели, чтение исторических нарративных источников еще не означает понимания их. А без понимания идей и настроений авторов невозможна и критика их построений. Следовательно, мы должны уподобиться тем древним монголам, которые в своих юртах слушали из уст рапсода «Тайную историю» своих отцов и старших братьев. А как этого добиться, как достичь средневекового уровня понимания, если самую лучшую информацию по эпохе мы получаем именно из неясного для нас источника? Тупик, или, вернее, порочный круг.

Ну, а если мы подойдем к чтению источника не как невежды, а с определенным запасом исторических аналогий, общих знаний об эпохе, некоторым, пусть очень приблизительным, представлением о психологии и философии средневековых народов Азии? Тогда у нас будут зацепки для постановки вопросов о степени достоверности источника, и мы сумеем извлечь из него кое-какую, наверняка неполную, информацию. Однако она расширит наш кругозор, уточнит наши представления и позволит снова обратиться к тексту, но уже на высшем уровне. И так далее, круг за кругом, постепенно мы проникаем в те нюансы, которые до сих пор от нас ускользали.

Но если этнология благодаря своей естественноисторической методике может прийти на помощь источниковедению там, где пасует чистая, гуманитарная филология, то и сама она крайне заинтересована в получении достоверных сведений из древних источников. Эти сведения – пища этнологии. Но пища должна быть доброкачественной, а сведения, добытые из источников, – достоверными. Ради этой высокой цели мы и предприняли наше нелегкое путешествие через провалы хронологии и дебри разноречий в версиях авторов. Хочется думать, что затраченный труд пойдет на пользу науке, хотя бы расширив возможности исторической критики. А может быть, можно надеяться на большее – ретроспективное восстановление хода событий путем раскрытия механизма их взаимодействия?

Как палеонтолог по двум-трем костям восстанавливает облик динозавра, как климатолог, имея данные двух-трех метеостанций, дает прогноз погоды, с каждым годом уменьшая величину ошибки, как геолог по нескольким обнажениям или разрезам определяет простираание слоев осадочных пород, так

историк, применяя этнологическую методику, может описать процесс создания и

разрушения великой или малой империи, княжества или вольного города. Теперь он имеет в руках кроме обычной кодификации сведений метод «эмпирического обобщения», который В. И. Вернадский по степени достоверности приравнивал к реально наблюдаемому факту^[611]. Попробуем применить эту методику к нашему материалу.

Опыт рассмотрения

Попробуем вернуться к теме происхождения слуха о «царстве пресвитера Иоанна». Поскольку у нас нет никаких прямых сведений, пойдем путем рассуждений. Кому этот слух был выгоден? Кто его мог пустить и распространить? Кого желали обмануть и зачем?

Естественно, что текстов, содержащих ответы на эти вопросы, мы не найдем. В середине века люди были отнюдь не глупы и компрометирующих себя документов не оставляли. Остается применить способ криминалистики – *суи вопо* (кому от этого польза. – *Лат.*).

Вспомним, что в Германию слух о пресвитере Иоанне пришел из Сирии, от тамошних христиан. Следовательно, можно сразу исключить всю Западную Европу, так как морочили именно ее. Отпадает и весь мусульманский мир, потому что арабам и сельджукам не было никакого смысла провоцировать новые вторжения франков, подкрепляя их надеждами на помощь с Востока. В странах православных рассказ о восточно-христианском царстве не вызывал энтузиазма, хотя бы потому, что несториане были врагами Византии и союзниками арабских халифов. Византийские политики могли взять на учет действительность, как бы она ни была неприятна, но выдумывать кошмары им было незачем. Центральная Азия тоже исключается, ибо там никому и в голову не могло прийти, что кара-киданьское ханство может оказаться гегемоном ближневосточной политики. Остаются только сама Сирия и Иерусалимское королевство.

В 30-х годах XII в. Иерусалимское королевство находилось в таком цветущем состоянии, с которым не могло сравниться ни одно из государств в Европе. Свободная торговля обогащала не только итальянские города, Пизу, Геную, Венецию, но и опору иерусалимского короля – рыцарские ордена иоаннитов и тамплиеров, равно как и антиохийского и эдесского князей.

Постоянная война с мусульманами и греками воспринималась франкскими и нормандскими феодалами как нормальное состояние, вне коего им не было бы места в жизни. Война, особенно малая и постоянная, была их стихией. Конечно, эта война не могла принести решительную победу над исламом, но рыцари к этому не стремились, потому что каждому из них полная победа не принесла бы ничего, кроме небольшой военной добычи. Доходы от пограничной торговли были куда больше.

За пятьдесят лет, истекших после первого крестового похода, рыцари привыкли общаться с мусульманами и стали видеть в них людей, достойных восхищения и подражания. Далекая родина стала представляться им дикой, провинциальной страной, а безграмотные нормандские или франкские бароны – мужланами, докучными и туповатыми. В сравнении с арабскими эмирами – поэтами и воинами – так оно и было^[612].

А в Европе от своего восточного форпоста ждали совсем другого. Французам и немцам казалось, что стоит еще чуть-чуть поднажать – и вся Персия, весь Египет падут под копыта рыцарских коней. Но в 1144 г. грянул гром – турки взяли Эдессу. Святая земля оказалась под угрозой. Надо было идти на выручку. Бернард Клервосский уговорил Людовика VII французского и Конрада III немецкого возложить на себя крест, и второй крестовый поход начал медленно подготавливаться.

Рыцари и бароны в Иерусалиме и Антиохии великолепно понимали, что турки – враги, но не без оснований сомневались в том, что французы и немцы – друзья. Власть принадлежит тому,

кто имеет силу, а если бы французские и немецкие войска появились на берегах Иордана и Оронта, то иерусалимские и антиохийские бароны были бы вынуждены стать послушными слугами. Этого им хотелось меньше всего.

Однако и отказываться от помощи для отражения турок было нецелесообразно. И самый лучший выход для Иерусалимского королевства был в том, чтобы направить крестоносные войска не в Палестину, а непосредственно на Месопотамию, туда, откуда грозила опасность. Но чем можно было соблазнить французского и немецкого королей сменить легкий поход по богатой стране на тяжелую войну в выжженных солнцем пустынях? И вот тогда попал в Европу слух о войске царя-первосвященника, якобы стоявшего на берегу Тигра. Любой полководец понимает, что идти на соединение с союзником и противника в клещи – залог полной и легкой победы. Автор выдумки, талантливо составленной и удачно распространенной, был заинтересован в том, чтобы крестоносные короли миновали Палестину, и принял к тому меры, применив дезинформацию. Не мог же он предвидеть, что два года спустя наступление двух сильнейших монархов католического мира захлебнется еще в Малой Азии (1147 г.) и жалкие остатки рыцарских ополчений будут просить у иерусалимских феодалов пищи и пристанища, а не диктовать им свою волю. Вот объяснение, которое можно предложить как наиболее вероятное, хотя нет уверенности в том, что оно единственно правильное. Но там, где не может быть прямых доказательств, можно либо уклониться от ответа на вопрос, либо сделать вывод по косвенным соображениям. Мы полагаем, что второе честнее.

А теперь в связи с наблюдениями, уже сделанными нами на широком историческом фоне, задумаемся над тем, откуда взялась легенда об исключительной свирепости и жестокости монгольских воинов XIII в. Как мы могли убедиться, она не соответствует действительности, ибо хотя монголов нельзя назвать добродушными, но крестоносцы, мамлюки, хорезмийцы и чжурчжэни отнюдь не уступали им в жестокости. Однако такая легенда бытовала уже в XIII в. и, следовательно, есть возможность заняться поисками если не самого автора, то хотя бы среды, где она возникла, и целей, которые она преследовала.

Китайские историки к тому не причастны. Они сухо и беспристрастно сообщали о чудесах героизма и свирепости равно чжурчжэней и монголов, не высказывая симпатий ни к тем, ни к другим. Война на Дальнем Востоке всегда воспринималась настолько серьезно, что принятие пощады пленным рассматривалось как государственная измена^[613]. На фоне бесконечных войн с хуннами, тюрками, киданями, тангутами и чжурчжэнями монгольская тактика не казалась китайским летописцам чем-то особенным, выходящим из общего ряда событий и обычаев войны. Кроме того, самые жестокие бои монголы выдержали не с сунцами, а с чжурчжэнями, которые только что сами показали китайцам, что такое расправа над мирным населением. Поэтому, несмотря на всеобщую в Китае ненависть к кочевникам, китайцам даже в голову не приходило, что можно поносить нового врага лишь за то, что он одержал больше побед, чем прежний.

На Ближнем Востоке о монголах много писали армяне, но они им сочувствовали как союзникам и потому сохраняли лояльный тон. Русские летописцы относились к монголам отрицательно, но их сочинения не имели в XIII в. широкого резонанса в Западной Европе, и потому занимающая нас сейчас легенда исходила не из русских уст. Кроме того, активизация антитатарских настроений на Руси имела место в XIV в., после перехода ханов Золотой Орды в ислам, и даже не сразу, а тогда, когда Мамай стал блокироваться с католиками против православной Москвы. В XIII же веке существовал военный союз Орды с Русью, и поводов к взаимному ожесточению было гораздо меньше.

Наиболее враждебно к монголам были настроены мусульмане – как в покоренном Иране, так и в победоносном Египте. Мусульман в монголах раздражало все: покровительство ильханов

неисторианству, разорение мечетей, запрещение ритуальных омовений, и, наконец, сказалась традиционная вражда оседлого земледельца к кочевому скотоводу. Каины рассердились, что Авели дали им сдачи. Однако остается странным, почему западные европейцы усвоили точку зрения своих злейших врагов; ведь Германии, Италии и Франции монголы (после смерти Гуюка) не собирались делать ничего плохого. А именно Западная Европа была местом, где монголов возненавидели больше всего.

Когда монгольские кони дошли до лазурной Адриатики, император Священной Римской империи и король Сицилийский Фридрих II высказался, что неплохо было бы использовать их как союзников в борьбе с папским престолом, но монголы в 1241 г. ушли, и затея императора забылась. Однако важен нюанс политической настроенности: антипатия к монголам возникла не в среде гибеллинов. Христианнейший король Европы Людовик IX Святой посылал посольство к Эльчидай-нойону, и в дальнейшем французская корона пыталась наладить связь с ильханами – значит, дело не во французах. Папский престол был всецело поглощен борьбой за существование. В середине XIII в. он уцелел лишь благодаря помощи Карла Анжуйского и затем оказался в зависимости от французской короны; следовательно, говорить о самостоятельных решениях пап в конце XIII в. вряд ли можно. Если даже они принимали в это время ту или иную политическую линию, то, значит, она была им кем-то подсказана, а исключив Германию и Францию, равно как и Англию, Арагон и Кастилию, которых монгольская проблема не интересовала, мы натываемся на последнее влиятельное католическое государство – Иерусалимское королевство, где власть делили тамплиеры и иоанниты. Именно этим паладинам Гроба Господня было крайне необходимо объяснить христианскому миру (т.е. католической Европе), почему они способствовали поражению неисторианского полководца Кит-Буки и тем самым обрекли на гибель от мамлюкских сабель свои собственные крепости – плацдарм христианской агрессии на Ближнем Востоке. Каждый нормальный европейский политик после 1260 г. мог и даже должен был спросить у них: зачем они совершили свое предательство? И вот был выдуман ответ: монголы-де – исчадия ада, гораздо хуже мусульман и вообще кого угодно.

Мы уже видели, с каким легковерием приняла средневековая Европа сказку о «царстве пресвитера Иоанна». А тут интерпретация событий выглядела для обывателя еще более заслуживающей доверия. Польские и венгерские беженцы в 1241–1242 гг. наверняка рассказывали ужасы о судьбах своих стран; русские эмиссары Михаила Черниговского и Даниила Галицкого подливали масла в огонь, а те, кто мог рассказать обратное, например византийцы и киликийские армяне, сами рассматривались в Западной Европе как схизматики и враги «христианства».

Конечно, критически мыслящий и широко информированный беспристрастный историк должен был бы сравнить разгром Багдада или Дамаска с разрушениями, которые крестоносцы совершили в Константинополе, но если бы он даже и проделал такую работу, то никто его бы не поддержал в ее распространении: выслушивать горькую правду о себе в средние века не любили. Кроме того, всем католическим рыцарям было ясно без всяких доказательств, что когда они побеждают нечестивых агарян и греческих схизматиков, то это не злодеяние, а подвиг; делиться же заслугами с монголами, будь они трижды христиане, рыцари даже и помыслить не могли. Поэтому для широкого употребления выбиралась та часть информации, которая укрепляла западный мир в сознании своего превосходства, и вторая сознательная ложь тамплиеров имела успех.

Но тут я слышу протест читателя: «Не может быть! Это авторский домысел! Почему мы не должны верить хорошо осведомленным современникам тамплиерам, а должны верить историку XX в.?» Хорошо, читатель, давай разберемся самым обычным способом – сопоставлением фактов.

В 1287 г. ильхан Аргун в поисках союзников против мамлюков послал несторианского клирика уйгура Сауму в Западную Европу, поручив ему подговорить католических королей на новый крестовый поход. Саума посетил Византию, Неаполь, Рим, Париж и Бордо – домен английского короля. Везде он был принят как почетный, желанный гость. Его водили по храмам и могилам святых, как теперь водят послов по Лувру или Эрмитажу. Филипп IV и Эдуард I, на словах обещая помощь и союз с монголами, пригласили несторианина в церковь, а английский король принял из его рук причастие. Даже папа Николай IV позволил Сауме совершить евхаристию и дал ему в вербное воскресенье причастие из своих рук^[614].

Это было весной 1288 г., а 27 апреля 1289 г. пал Триполис и началась эвакуация европейцев из Палестины^[136]. Тогда же был послан тем же папой в Китай Монтекорвино, и мы уже видели зачем. Совпадение дат говорит само за себя.

Странно было бы полагать, что уцелевшие крестоносцы приняли вину за поражение на себя. Осуждать папу и королей в их положении было бы крайне неостроумно, да и небезопасно. И вот создалась вторая сказка, не менее фантастичная, чем первая, – о попе Иоанне. За два десятилетия (1289–1307), пока тамплиеры гуляли в Европе, она стала привычной и общедоступной версией, в которой перестали сомневаться все.

Но удивительно не столько это, сколько то, что и 700 лет спустя легенда о монгольской исключительности близка интеллекту европейского обывателя, несмотря на то что большинство средневековых представлений пересмотрены, отброшены и ныне воспринимаются как курьезы. Мы улыбаемся, читая о псоглавцах или амазонках, но ведь наивная монголофобия – вымысел того же порядка. И даже еще хуже, ибо искаженное знание о постороннем предмете подменяется отношением к нему, т.е. из сферы науки вопрос переходит в область эмоций, вследствие чего трезвый подход становится невозможным.

Опыт осмысления

Кажется необъяснимым тот факт, что русские летописцы ничего не рассказывают о несторианах при дворах монгольских ханов, в то время как китайцы, мусульмане, армяне-монофизиты и католики пишут об этом обстоятельстве весьма подробно и охотно. Неосведомленность русских исключена. Князь Ярослав Всеволодович и его сын Андрей были в ставке Гуюка в то время, когда там было полно несториан. Александр Невский стал побратимом Сартака, окруженного несторианами. В царствование Мункэ, когда несториане были у власти, русские мастера ездили в Каракорум на заработки. Короче говоря, они не могли не видеть и не знать, что существуют кочевники-христиане.

Впрочем, в некоторых документах есть недвусмысленные оговорки. На Лионском соборе 1245 г. киевский митрополит Петр Акеревич, отвечая на вопросы о татарской вере, сообщил: «Они верят в единого владыку света... (это еще можно понять как митраизм, хотя в равной мере определение может быть отнесено к христианству. – Л. Г.) ...Бог и его сын на небе, а Чирхан на земле! (Тут уже наверняка не митраизм, не бон и не «Черная вера», так как вторая ипостась у всех них – женская. – Л. Г.). Каждое утро возводят к небу руки в честь творца (способ молитвы несториан, тогда как православные складывают руки на груди. – Л. Г.). Если едят, то первый кусок бросают в воздух в честь творца, если пьют – часть льют на землю (это не религиозный, а этнографический обряд. – Л. Г.). Они говорят, что руководитель их святой Иван».

Сомнений, что киевский митрополит знал о несторианах не меньше любого из своих современников, нет, но сведение об этом сохранилось не в русских летописях или житиях, а в *Rerum Britannicarum mediaevi scriptores, or Chronicles and memorials of Great Britain and Ireland*

during the Middle Ages (t. 36, pp. 386–389; t. 70, pp. 272–273)^[615].

Второй текст совсем иного характера. Это ответы митрополии на вопросы сарайского епископа Феогноста, датируемые приблизительно 1269 г. «Въпрос. Подобае ли, свящав трапезу (освятив святыя дары. – Л. Г.), преносити с места на место и на ней литоргисати? (т.е. служить обедню. – Л. Г.). Ответ. Подобае, занеже по нужи ест. Ходящие люди (кочевники. – Л. Г.) не имеют себе упокойна места; но стрещи (беречь – Л. Г.) со страхом и трепетом, в чистом месте поставити ю, и служити на ней»^[616].

Речь идет о способе церковной службы для кочевников. Но для каких? Православные аланы (предки осетин) и бродники (предки казаков) жили оседло; крещеные половцы бежали от монголов в Венгрию и Галицкую землю. Остаются только пришлые монгольские воины, т.е. несториане. Но мог ли православный епископ допускать к евхаристии еретиков? Канонически – нет. Но попробуем заглянуть в историю.

В первой половине XIII в. православные и несториане были врагами, но переворот Берке (1257 г.) и гонения, произведенные им против несториан, сторонников его соперников Сартака и Улакчи, подорвали значение несторианской общины как политической силы. При Менгу-Тимуре обострились отношения между Золотой Ордой и ильханом Хулагу, покровительствовавшим несторианству. Золотоордынские несториане оказались в изоляции и, можно думать, стали посещать православные церкви. Никакой специальной унии не понадобилось. Объединение христиан в пределах Сарайской епархии, видимо, произошло исподволь, как естественный процесс.

А не в этой ли исторической модификации кроется разгадка заговора молчания? Вначале, до 1257 г., когда несториане были в силе, о них хотели писать злобно, но не смели. А потом, когда православная церковь и ханская власть достигли соглашения, а униженные несториане стали неопасны, стало выгоднее привлекать их на свою сторону, нежели напоминать им об Эфесском соборе 431 г., после которого утекло столько воды. Сменилось время – и стали другими отношения людей между собой.

В XIII в. верные татары были нужны каждому, а по понятиям того времени «верные» означало «единоверные». Подобно тому, как торки, черные клобуки и берендеи искали в XII в. покровительства киевских князей, так должны были монгольские христиане лепиться к южной границе Русской земли, замалчивая былую рознь. Если наши общие соображения правильны, то там должны остаться их потомки. И они есть, это так называемые одноворцы, христиане, носящие тюркские фамилии^[137]. Они никогда не были мусульманами, потому что татар, обращенных в христианство из ислама, называют «кряшены», а о татарских богатырях, выходцах из Орды, мы скажем ниже, в другой связи.

В отличие от предыдущей эта, этногенетическая, гипотеза может быть отчасти проверена и уточнена путем этнографических работ, проведенных под определенным углом зрения и подчиненных заранее заданной цели. Чтобы решить любую проблему, надо сначала ее поставить. В этом смысл любой гипотезы.

Опыт обобщения

А теперь, зная реальную историю Центральной Азии, спросим: могло ли в ней создаться в XII–XIII вв. государство, основанное, подобно халифату, на конфессиональном принципе? Да – могло! По своей структуре оно напоминало бы^[617] тюркский и уйгурский каганаты, но, пожалуй, было бы более устойчивым и менее агрессивным. Оно было бы третьим вариантом христианских культур и легко воспринимало бы достижения Европы и Ближнего Востока, находясь в

постоянной оппозиции к Сунскому Китаю. Экономика его базировалась бы на сочетании кочевого скотоводства и оазисного земледелия Уйгурии; в нем процветала бы транзитная караванная торговля, но не возникло бы возможность организации далеких военных походов, потому что «люди длинной воли» не пришли бы к власти, а победили бы их соперники: найманы, кераиты и меркиты.

Кто помешал этому естественному ходу событий? Чингисхан и его монгольские ветераны, поставившие во главу угла не родо-племенную, а военную организацию, которая по своей природе решила все внешнеполитические, культурно-идеологические и социально-экономические проблемы длинным копьем и острой саблей.

Человек он был, бесспорно, способный, и соратники его обладали мужеством, но ясно, что выиграть четыре внешних войны (с половцами, чжурчжэнями, хорезмийскими тюрками и тангутами) монголам удалось не столько из-за личных качеств Чингисхана, сколько из-за глубокого кризиса – точнее, перелома, затронувшего в XIII в. всю Европу, Ближний и Дальний Восток. Характерным для эпохи явлением была потеря психологической и этологической (поведенческой) доминанты, крайне болезненно отразившаяся на проблемах социальных и внешнеполитических. Выразилось это, говоря вообще, в том, что личный интерес стал ставиться выше коллективного, из чего возникли два следствия: инертность и рознь. В разных регионах эта черта проявлялась своеобразно, на фоне местных условий.

В Западной Европе бурно росла экономика и были средства для прокорма избыточного воинственного элемента, который до начала XIII в. сплавляли в «Заморскую землю» (Палестину). В XIII в. рыцари и горожане включились в войну гвельфов и гибеллинов, князей и городов, рыцарей и кондотьеров друг с другом и между собою не ради высоких, пусть иллюзорный, принципов, а ради личной выгоды. Огромные по тому времени силы уравнились внутри самой системы или конструкции, и тогда были потеряны Иерусалимское королевство и Латинская империя, лишённые поддержки из метрополии. Но и победу византийцев задержало соперничество Эпира и Никеи, откол Трапезунда, эгоистическая политика сербов и болгар. Всех их объединяла ненависть к захватчикам-франкам, но война затянулась на лишние полвека, потому что каждый хотел проехаться за счет другого, чем мешал достижению общей цели. Не лучше было положение и на Руси. Его лаконично и точно обрисовал автор «Слова о полку Игореве»: «Тоска разлилася по Русской земли; печать жирна тече средь земли Русские. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуце на Русскую землю...»^[618] И верно, не будь взаимных крамол, не бывать бы татарам во Владимире, немцам в Юрьеве, литовцам в Полоцке! Но никого нельзя уговорить принести себя в жертву ради своей страны. Люди либо это делают, либо нет. А на Руси в XIII в., согласно тому же «Слову о полку Игореве», к розни (эгоизму выгоды) прибавилась инертность (эгоизм лени и равнодушия), которые исчезли только к концу XIV в. Тогда Россия, возродившаяся, как феникс, на месте погибшей Руси, быстро пошла на подъем.

То же самое происходило на Ближнем Востоке, где сунниты, шииты, карматы и измаилиты, а также турки, курды, арабы и персы взаимной войной так ослабили друг друга, что малочисленные армии Чормагана и Хулагу без большого труда захватили Иран и Ирак. А остановили монголов не местные жители, а мамлюки Бейбарса, кыпчаки, купленные на крымских невольничьих базарах, т.е. такие же степняки, как и сами монголы.

В Китае жило примерно 80 млн. трудолюбивых и зажиточных людей, а в восточном монгольском улусе – около миллиона бедных кочевников. Очевидно, что без глубокого внутреннего разложения Китая, о причинах которого говорилось выше, монголы не могли бы одержать полную победу. Победенные в ней были повинны не менее победителей.

Жестокости, совершенные победоносными монголами, конечно, ужасны, но не менее

ужасными были зверства чжурчжэней в Китае, сельджуков в Армении, крестоносцев в Прибалтике и Византии. Такова была эпоха.

Интересно отметить, что все четыре перечисленные войны и пятая – война с Южным Китаем, начавшаяся в 1237 г., т.е. через 10 лет после смерти Чингисхана, с точки зрения самих монголов, были кровной мстью, так как в XIII в. деморализованные феодалы имели обыкновение убивать послов, что простодушным монголам представлялось чудовищным предательством. Именно убийство послов послужило предлогом наступления на китайскую империю Сун, которая пала к 1280 г. Впервые весь Китай оказался покоренным иноземцами.

Несмотря на то что монгольская династия получила китайское название Юань, употребляла китайский язык при управлении многомиллионным населением областей южнее Великой стены и даже продолжала некоторые традиции китайской внешней политики (стремление к подчинению Индокитая, начавшееся еще в эпоху Цинь, т.е. в III в. до н.э.), монголы не слились с китайцами и не образовали единого народа. Их разделяла не только кровь, пролитая в боях, но и глубокая этно-психическая рознь, активное нежелание стать похожими друг на друга.

В интересующем нас аспекте следует поставить монгольскую империю Юань в одном ряду с чжурчжэньской Кинь и тобасской Вэй. Даже причины и характер гибели их аналогичны, что указывает на наличие исторической закономерности. Для удержания порядка в Китае монгольские монархи были вынуждены держать там большие военные силы, а так как войска составлялись из монголов, кыпчаков, аланов и даже русских, то постоянная военная служба оказалась для этих народов тяжелой повинностью. Большая часть мужского населения Монголии пожизненно служила в гарнизонах, стоявших в Китае. В результате этого произошло перемещение населения на юг, и северные области Монголии запустели. Этот совершенно неизбежный процесс совпал с проникновением русских на Дальний Восток^[619]. Древняя Русь, соприкоснувшись с Золотой Ордой, успешно добилась взаимопонимания и установления границы путем ряда договоров, одинаково выгодных для обеих сторон: монголы оставили русским ненужные им лесные территории, русские согласились на присоединение к монгольской армии добровольцев, не уживавшихся с князьями Рюрика дома и предпочитавших военную карьеру в войсках, руководимых баскаками. Там им была открыта дорога к богатству и чинам.

Таньмачи, или баскаки, – офицеры монгольской армии, которым поручалось на вербовать в покоренной стране воинов, составить отряд и выполнять приказания командования^[620]. Само собой разумеется, что монгольский офицер принимал только добровольцев, потому что находился среди своих солдат один и в противном случае сразу был бы убит. Монголы умели привязывать к себе добровольно подчиняющихся. Марко Поло объяснял это так: «...народ видит, что правление хорошее, царь милостив, и шел к нему охотно». ^[621] Может быть, по этой, а может, и по другим причинам монголы находили достаточно людей для пополнения армии во всех областях своего улуса. Берке-хан посылал русских ратников в войска Хубилая ^[622], но, конечно, до их разрыва в 1260 г. Обмен подданными для несения военной службы между уделами Монгольской империи имел место еще в XIV в. Узбек, хан Золотой Орды, как Чингисид, имел в Китае большие земельные владения, с которых получал доход. Зато он поставлял из своего улуса воинов, русских и ясов, в состав императорской гвардии, в Пекин. Там в 1330 г. был сформирован «Охранный полк из русских, прославляющий верность» ^[623]. Полк был расквартирован севернее Пекина, и в мирное время военнопоселенцы поставляли к императорскому столу дичь и рыбу ^[624]. Корпус, называвшийся в Китае «войско асов», отличавшийся мастерством верховой езды и стрельбы, защищал династию Юань от китайских повстанцев еще в 1350 г. ^[625], после чего он не упоминается. Видимо, остатки русских смешались

с восточными монголами и растворились в их среде.

Но кто были те русские, которые запросто покидали родную землю и шли служить завоевателям? Казалось бы, при вечевом строе северных городов и при постоянном наборе в дружины в южных княжествах каждый энергичный юноша мог найти себе место в жизни. Так-то оно так, да не совсем! И в городах и в княжеских усадьбах стояли златоглавые церкви. Священники и монахи строго наблюдали, чтобы лица, почтенные доверием князя, не участвовали в игрищах, не приносили жертв лесным бесам и не колдовали при помощи волхвов. Кроме того, они учитывали посещение служб и выполнение церковных обрядов, так что фактический язычник, лишь числившийся крещеным, не мог надеяться на то, что он продвинется по служебной лестнице ни у князя, ни в вечевом городе.

А монголов исповедание веры не интересовало, за исключением, конечно, тех случаев, когда иноверец принимал участие в политике, руководимой общинами, уже сложившимися в Великой степи. Но там были несториане, буддисты, мусульмане, а православные – русские, осетины, крещенные половцы – были вынуждены держаться хана, кормившего и защищавшего их. Поэтому они умножили экстерриториальную армию Хубилая и его наследников, покорили им Южный Китай, Бирму и Аннам, героически, хотя и неудачно, сражались в Японии и на Яве и обеспечили победу дома Юань в гражданской войне против несторианских монгольских принцев Ариг-буги и Наяна^[626]. Вероятно, среди тропических джунглей они вспоминали родные березовые перелески и степи, покрытые душистой полынью, но возврат на родину был труден, долг и, главное, бесперспективен. Далекая земля поглотила пришельцев, чем оказались развязанными руки у епископов, игуменов и князей, избавившихся от потенциальных, но тем более страшных соперников.

Однако монгольское и немецкое вторжения в русские земли (1231–1242) показали, что для защиты православия княжеских дружин и городских ополчений маловато. Конечно, талантливые полководцы Александр Невский и Даниил Галицкий несколько раз жестоко разбили католических рыцарей, но ведь надо выигрывать не битвы, а войны. И тут на помощь Руси пришла историческая судьба.

Несторианская партия в Восточной Азии потерпела окончательное поражение, и члены ее не могли рассчитывать на милосердие разъяренного врага. Им надо было спастись! Но куда? За границей их ненавидели как монголов, в буддийских и мусульманских областях – как христиан, в самой Монголии – как мятежников. Спрятаться от ханского гнева можно было только среди единоверцев внутри своего государства. Значит, на Руси им нужно было только не говорить, что они не православные. Да их никто за язык и не тянул. И вот начались выходы на Русь татарских богатырей, с детства научившихся стрелять на полном скаку из тугого длинного лука и рубить легкой саблей наискосок, от плеча до пояса^[138].

Для князей и церкви такие специалисты военного дела были находкой. Их принимали с распростертыми объятиями, женили на боярышнях и сразу же давали назначения в войска. Татарину, приехавшему на Москву зимой, жаловали шубу, а прибывшему летом – княжеский титул. Доверять им можно было спокойно. Путь назад им был отрезан, особенно после 1312 г., когда Узбек ввел в Золотой Орде ислам и казнил всех отказавшихся предать веру отцов. С народными движениями у пришельцев не могло возникнуть никаких контактов. Запад был для них стол же чужд, как в Азии – Китай.

А Золотая Орда?.. Она стала слабеть, ибо выпустила из своей орбиты лучших бойцов и лояльных подданных. Узбек, приняв ислам, сделал ставку на купеческий капитал и начал опираться на городское население поволжских городов, за которым закрепилось название «татары». Степняки же на востоке стали называться казахами, а на западе – ногаями. И те и другие самой силой вещей оказались в оппозиции к центральному правительству, которое из

ханства стало заурядным мусульманским султанатом. Инерция былого величия помогла энергичным правителям Узбеку и Джанибеку некоторое время поддерживать порядок, но в 1357 г. Джанибек погиб от руки собственного сына Бердибека, и началась «великая замятня», чехарда возводимых и тут же убиваемых ханов, в результате которой фактическим главой Золотой Орды стал темник Мамай, не принадлежавший к роду Чингисидов. Он возглавлял западные улусы.

Мамай был умный политик. Он понимал, что без союзников и тыла твердое положение создать невозможно. Чингисиды и их сторонники были его естественными врагами, а православная церковь, возглавлявшая в XIV в. русское общественное мнение, стояла на стороне низвергнутой, но законной династии. Генуэзцы же в Крыму нуждались в дружбе Мамаю для беспрепятственной торговли в Восточной Европе. У них были деньги, и за ними стояла растущая мощь католической Западной Европы. Мамай изменил традиционной ордынской политике охраны русских земель от наступавшего католицизма и заключил союз с литовским князем Ягайлом и с крымскими генуэзцами. Победа Дмитрия Донского на Куликовом поле, неожиданная для всего мира, отсрочила решительное наступление литовцев на Москву, а победа Едигея на Ворскле в 1399 г. над Витовтом закрепила успех и позволила московским князьям перейти в контрнаступление против угрозы с Запада, гораздо более опасной, чем столкновения с волжскими и донскими кочевниками, окончательно потерявшими даже тень единства.

Конечно, отношения русских и тюрок в XIII–XIV вв. были не безоблачные, но в эпоху феодальной раздробленности это было неизбежно. Разве меньший вред наносили междукняжеские усобицы, например вражда Москвы с Тверью, или распри степных племен, например ногаев и ордынских татар? Однако это были неполадки внутри единой системы, единой культуры, единой страны. Да если бы было иначе, разве смогли бы русские землепроходцы с ничтожными силами пройти сквозь огромную Сибирь и Дальний Восток!

Несколько слов к читателю

Теперь, вероятно, внимательный читатель с удивлением смотрит на книгу и на автора. Ну кто же так поступает: излагает продуманную конструкцию как афоризм? Ведь это просто неэкономично! Не лучше ли вместо трех «опытов» написать три монографии, снабдить их ссылочным аппаратом, примечаниями, таблицами и украсить себя лаврами библиографической эрудиции? И главное, теперь, когда руководящая мысль сформулирована, надо лишь немного усидчивости да чистой бумаги.

Верно, но тогда пропала бы основная идея, ради которой написана эта небольшая книга. Автор стремился показать, что понимание событий и накопление их – вещи разные. Момент озарения не предшествует изучению проблемы и не венчает ее, а лежит где-то в середине, чуть ближе к началу. Если вспышки воссоединения ученого с материалом не произошло, не может быть синтеза. А поиски в собственном смысле слова начинаются потом, ибо искать стоит лишь тогда, когда знаешь, что ищешь. Обычно творческий момент вуалируется – так гораздо спокойнее, и автор ведет читателя от известного к неизвестному новому путем подбора цитат из древних источников и строгого логического рассуждения. Я и сам до сих пор поступал именно так, но на этот раз, когда я заканчиваю мою «степную трилогию», мне захотелось показать «тайну ремесла», потому что в этой книге больше внимания уделено не легендарному, никогда не существовавшему царству, а способу понимания прекрасной науки – истории.

- Абросов В. Н., Гетерохронность периодов повышенного увлажнения и аридной зон. – «Известия Всесоюзного географического общества», 1962, № 4.
- Адриапова-Перетц В. П., «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», – «Слово о полку Игореве – памятник XII в.», М.–Л., 1962.
- Альшиц Д. Н., О времени написания «Слова о полку Игореве». – «Ответы советских ученых на вопросы IV Международного съезда славистов» в М., 1958.
- Аристов Н., Хрестоматия по русской истории, Варшава, 1890.
- Артамонов М. И., История хазар, Л., 1962.
- Афанасьев А. Н., Колебания гидрометеорологического режима на территории СССР, в особенности в бассейне Байкала, Л., 1967. (Автореф. докт. дис.)
- Банзаров Д., Черная вера, СПб., 1891.
- Бартольд В. В., О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб., 1893.
- Бартольд В. В., Образование империи Чингис-хана. – «Записки Восточного отделения Российского археологического общества», X, 1896.
- Бартольд В. В., Очерки истории Семиречья, СПб. 1898.
- Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1900.
- Бартольд В. В., К вопросу о чингисидах-христианах, – Избранные сочинения, II. М., 1964.
- Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XII века «Слово о погибели Русской земли», М.–Л., 1965.
- Беттани и Дуглас, Великие религии Востока, М., 1899.
- [Бичурин] Иакинф, История первых четырех ханов из Дома Чингисова, СПб., 1829.
- [Бичурин] Иакинф, История Тибета и Хухунора, II, СПб., 1833.
- Бичурин Н. Я., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.–Л., 1950; т. II, М.–Л., 1950; т. III, М.–Л., 1953.
- Бичурин Н. Я., Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии, Чебоксары, 1960.
- Болдур А., Троян «Слова о полку Игореве». – «Труды отделения древнерусской литературы». XV, М.–Л., 1958.
- Васильев В. П., История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, СПб., 1857.
- Васильев В. П., Китайские надписи в орхонских памятниках. – «Сборник трудов Орхонской экспедиции», III, СПб., 1897.
- Вернадский В. И., Биосфера. – Избранные сочинения, т. V, М.–Л., 1960.
- Вернадский В. И., Химическое строение биосферы земли и ее окружения, М., 1965.
- Вернадский Г. В., Были ли монгольские послы 1223 г. христианами? – «Seminarium Kondakovianum», Praha, 3, 1929.
- Вернадский Г. В., Начертание русской истории. Прага, 1927.
- Вернадский Г. В., Опыт истории Евразии, Берлин, 1934.
- Веселовский Н., О религии татар по русским летописям. – «Журнал Министерства народного просвещения», нов. сер., 1916, I (XIX), № 7, отд. 2.
- Викторова Л. Л., К вопросу о найманской теории происхождения литературного языка и письменности (XII–XIII вв.). – «Ученые записки ЛГУ», № 305, сер. востоковед. наук, вып. 12, Л., 1961.
- Викторова Л. Л., Ранний этап этногенеза монголов, Л., 1961. (Автореф. канд. дисс.)

- Виноградов В. В., История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова, Beograd, 1964.
- Владимирцов Б. Я., Турецкие элементы в монгольском языке, – «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1911, XX.
- Владимирцов Б. Я., Общественный строй монголов, Л., 1934.
- Воробьев М. В., О происхождении некоторых обычаев у чжурчжэней, – «Доклады по этнографии Географического общества СССР», вып. 6, 1968.
- Гаадамба М., «Сокровенное сказание монголов» как памятник художественной литературы (XII в.), М., 1961. (Автореф. канд. дисс.)
- Гаель А. Г. и Гумилев Л. Н., Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижение народов за исторический период, – «Известия. АН СССР», сер. геогр., 1966, № 1.
- Галстян А. Г., Армянские источники о монголах, М., 1962.
- Голубовский П., История Северной земли, Киев, 1881.
- Гохман И. И., Среднеазиатская колония в Прибайкалье. – «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.
- Греков Б. Д., Киевская Русь, М., 1953.
- Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю., Золотая Орда и ее падение, М.–Л., 1950.
- Григорьев В. В., Восточный или Китайский Туркестан, СПб., 1873.
- Грумм-Гржимайло Г. Е., Исторический атлас Монголии (рукопись), – «Архив Географического общества СССР».
- Грумм-Гржимайло Г. Е., Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора, СПб., 1903.
- Грумм-Гржимайло Г. Е., Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926.
- Грумм-Гржимайло Г. Е., Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных. – «Известия Русского Географического общества», т. XVI, вып. 2, 1933.
- Грумм-Гржимайло Г. Е., Описание путешествия в Западный Китай, М., 1948.
- Гумилев Л. Н., Эфталиты и их соседи в IV в., – «Вестник древней истории», 1959, № 1.
- Гумилев Л. Н., Алтайская ветвь тюрков-тукю, – «Советская археология», 1959, № 1.
- Гумилев Л. Н., Динлинская проблема. – «Известия Всесоюзного Географического общества СССР», 1959, № 1.
- Гумилев Л. Н., Хунну, М., 1960.
- Гумилев Л. Н., Хазария и Терек. Ландшафт и этнос, II, – «Вестник ЛГУ», 1964, № 24.
- Гумилев Л. Н., По поводу предмета исторической географии. Ландшафт и этнос, III, – «Вестник ЛГУ», 1965, № 18.
- Гумилев Л. Н., Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века, – «Вестник Ленинградского университета», 1966, № 18.
- Гумилев Л. Н., Истоки ритма кочевой культуры, – «Народы Азии и Африки», 1966, № 4.
- Гумилев Л. Н., Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве», – «Доклады отделения этнографии Географического общества», вып. II, Л., 1966.
- Гумилев Л. Н., Открытие Хазарии, М., 1966.
- Гумилев Л. Н., Древние тюрки, М., 1967.
- Гумилев Л. Н., О термине «этнос», – «Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
- Гумилев Л. Н., Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии, – «История СССР», 1967. № 1.
- Гумилев Л. Н., Троецарствие в Китае, – «Доклады Отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 5, 1968.
- Гумилев Л. Н., Этнос и ландшафт, – «Известия Всесоюзного Географического общества»,

1968, № 3.

Гумилев Л. Н., Величие и падение древнего Тибета, – «Страны и народы Востока», VIII, М., 1969.

Гумилев Л. Н., Этнос и категория времени, – «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 15, 1970.

Гумилев Л. Н. и Кузнецов Б. И., Бон, – «Доклады Географического общества СССР», вып. 15, 1970.

Дамдинсүрен Ц., Исторические корни Гэсериады, М., 1957.

Дебец Г. Ф., Палеоантропология СССР, М., 1948.

Державин Н. С., Троян в «Слове о полку Игореве», – «Сборник статей и исследований в области славянской филологии», М.–Л., 1941.

Диль Ш., История Византийской империи, М., 1948.

Думан Л. И., К истории государства Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем, – «Ученые записки Института востоковедения», М., 1955.

Ефремов Ю. К., Ландшафтная сфера нашей планеты, – «Природа», 1966, № 8.

Забелин И., Человечество – для чего оно?, – «Москва», 1966, № 8.

Закиров С., Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом, М., 1966.

«Задонщина», – «Слово о полку Игореве и памятники куликовского цикла», М.–Л., 1966.

Зелинский А. Н., Академик Федор Ипполитович Щербатский и некоторые вопросы культурной истории кушан, – «Страны и народы Востока», М., 1967.

Зимин А. А., Когда было написано «Слово», – «Вопросы литературы», 1962, № 3, стр. 135–152.

Зимин А. А., К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» (опыт исторического анализа), Научно-исследовательский институт при Совете министров Чувашской АССР, «Ученые записки», вып. XXI, Чебоксары, 1966.

Зимин А. А., Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве», – «История СССР», М., 1968, № 6.

И. Н. А., Исторический очерк католической пропаганды в Китае, Казань, 1885.

«История Византии», I, М., 1967.

«История Грузии», Тбилиси, 1946.

«История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в», Л., 1958.

«История Монгольской Народной Республики», М., 1967.

«История Тибета пятого Далай-ламы», Пекин, 1957 (на тиб. яз., пер. фрагментов Б. И. Кузнецова).

Кафаров, см. – Палладий.

Кирпичников А. Н., Русские мечи X–XIII веков. – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. 85, 1961.

Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

«Книга Марко Поло», М., 1956

Козин С. А., Сокровенное сказание, М.–Л., 1941.

Козлов В. П., Научное значение археологических находок П. К. Козлова. – «П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», М., 1948.

Коковцов П. К., Еврейско-хазарская переписка в X в., Л., 1932.

Комарович В. Л., Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. – «Труды отдела древнерусской литературы», XVI, 1960.

Конрад Н. И., Запад и Восток, М., 1966.

Кочетова С. М., Божества светил в живописи Хара-Хото, – «Труды отдела Востока

Государственного Эрмитажа», IV, 1947.

Куглер Б., История крестовых походов, СПб., 1895.

Кулаковский Ю., История Византии, I, Киев, 1913.

Куник А. и Розен В., Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, т. I, СПб., 1878.

Кычанов Е. И., Звучат лишь письма, М., 1965.

Кычанов Е. И., Очерк истории тангутского государства, М., 1968.

«Летописи русской литературы», М., 1861.

Лихачев Д. С., Национальное самосознание древней Руси, М.–Л. 1945.

Лихачев Д. С., Комментарий исторический и географический к «Слову о полку Игореве», М.–Л., 1950.

Лихачев Д. С., Черты подражательности «Задонщины». – «Русская литература», 1964, № 3.

Мавродин В. В., Очерки истории левобережной Украины, Л., 1940.

Магидович И. П., Вступительная статья к «Книге Марко Поло», М., 1956.

Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности, М.–Л., 1951.

Маркс К. и Энгельс Ф., Архив, т. V, Госполитиздат, 1938.

Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XXII, М.–Л., 1931.

Мелиоранский П., Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». – «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. VII, кн. 2, 1902.

Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Чингис-хан и его наследие. – «История СССР», 1962, № 5.

Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, М., 1937.

Мункуев Н. Ц., Китайский источник о первых монгольских ханах, М., 1965.

Мурзаев Э. М., Народная Республика Монголия, М., 1952.

Мюллер А., История ислама, СПб., 1895–1896.

Насонов А. Н., Монголы и Русь, М.–Л., 1940.

Николаев Ю., В поисках за божеством. Очерки по истории гностицизма, СПб., 1913.

«Новгородская летопись по синодальному харатейному списку», изд. Архивной комиссии, СПб., 1888.

«Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», под ред. А. Н. Насонова, М.–Л., 1950.

Обручев В. А., Избранные работы по географии Азии, т. I, М., 1951.

Окладников А. П., Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, М.–Л., 1955.

Окладников А. П., Якутия до присоединения к Русскому государству, М.–Л., 1955.

Окладников А. П., Далекое прошлое Приморья, Владивосток, 1959.

Окладников А. П., Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время, – «Тюркологические исследования», М., 1963.

Палладий [Кафаров], Сиюцзи, или описание путешествия на Запад, – «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», IV, СПб., 1866.

Палладий [Кафаров], Старинное монгольское сказание о Чингизхане (примечания), – «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866.

Палладий [Кафаров], Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам, – «Восточный сборник», I, СПб., 1872.

«Памятники древнерусского канонического права», ч. I, – «Русская историческая библиотека», IV, № 12, СПб., 1908.

Панченко Б. А., Латинский Константинополь и папа Иннокентий III, Одесса, 1914.

Пашуто В. Т., Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, М., 1950.

Петрушевский И. П., Рашид-ад-Дин и его исторический труд, – Рашид-ад-Дин. Сборник

летописей, т. I, М.–Л., 1952.

Петрушевский И. П., К истории христианства в Средней Азии, – «Палестинский сборник», вып. 15 (78), М., 1966.

Пигулевская Н. В., История мар Ябалахи III и раббан Саумы, М., 1958.

Пигулевская Н. В., Мар-Аба I, – «Советское востоковедение», V.

Плетнева С. А., Печенеги, тюрки и половцы в Южнорусских степях, – «Материалы и исследования по археологии СССР», 62. М.–Л., 1958.

«Полное собрание русских летописей», II, 1962 (ПСРЛ).

Приселков М. Д., «Слово о полку Игореве» как исторический источник. – «Историк-марксист», 1938, № 6.

Приселков М. Д., История русского летописания XI–XV вв., Л., 1940.

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957.

Пэрлээ Х., Собственно монгольские племена в период Киданской империи (907–1125), – «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. V, 1962.

Ратцель Ф., Народоведение, II, СПб., 1901.

Рашид-ад-Дин, История монголов, СПб., 1858.

Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, М.–Л., 1952.

Руденко С. И., Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.–Л., 1953.

Руденко С. И., К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. – «Материалы по этнографии Всесоюзного Географического общества», вып. I, Л., 1961.

Руденко С. И., Культура хуннов и Ноинулинские курганы, М.–Л., 1962.

Руденко С. И. и Гумилев Л. Н., Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии, – «Известия Всесоюзного географического общества», 1966, № 3.

Сафаргалиев М. Г., Распад Золотой Орды, Саранск, 1960.

Свенціцкий І., Русь і половці в староукраїнському письменстві, Львів, 1939.

Себеос, История императора Ираклия, СПб., 1862.

Сенигова Т. Н., Вопросы идеологии и культов Семиречья, – «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.

Сергий, архимандрит, Полный месяцеслов Востока, – «Святой Восток», II, М., 1876.

«Сибирские летописи», – «Издание Архивной комиссии», 1907.

Симоновская Л. В., Эренбург Г. В., Юрьев М. Ф., Очерки истории Китая, М., 1956.

«Слово о полку Игореве», Сб. статей, М., 1947.

«Слово о полку Игореве» – памятник XII в., М.–Л., 1962.

Смолин Г. Я., Крестьянское восстание в провинциях Хунань и Хубэй в 1130–1135 гг., М., 1961.

«Сокровенное сказание», См.: Козин С. А.

Соловьев А. В., Политический круг автора «Слова о полку Игореве», – «Исторические записки», М.–Л. 1948. № 25.

Соловьев А. С., Деремела в «Слове о полку Игореве», – «Исторические записки» М.–Л., 1948, № 25.

Соловьев С. М., История России, I, М., 1960.

Тараканова С. А., Древний Псков, М.–Л., 1946.

Тизенгаузен В. Г., Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, М.–Л., 1941.

Толстов С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

Тургенев А. И., Акты исторические, относящиеся к России, I, СПб., 1841 (на лат.яз.).

Усама ибн Мункыз, Книга назидания, М., 1958.

Федоров В. Г., Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла, М., 1956.

Федоров-Давыдов Г. А., Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1966.

Феофилакт Симокатта, История, М., 1957.

Фрезер Д., Фольклор в Ветхом завете, М.–Л., 1931.

Фриш В. А., Жемчужина Южного Забайкалья (Боры в Ононских степях), – «Природа», 1966, № 6.

Хенниг Р., Неведомые земли, т. II, М., 1961; т. III, М., 1962.

Шавкунов Э. В., Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, Л., 1968.

Шан Юэ, Очерки истории Китая, М., 1959.

Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936.

«Юань-чао би-ши (Секретная история монголов)», т. I. М., 1962, (предисл. Б. И. Панкратова).

Якубовский А. Ю., Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX–X вв. – «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», IV, 1947.

Яцунский В. К., Историческая география. М., 1955.

По замыслу автора, книга должна была стать заключительной частью «степной трилогии». На самом же деле в нее входят четыре монументальные работы: «Хунну» (1960) и продолжение этой темы – «Хунны в Китае» (1974; книга о трех веках войны степных народов Евразии с Китаем) и «Древние тюрки» (1967). «Поиски вымышленного царства», или, как сам автор называл книгу – «Поп Иван», должна была «закрыть» тему истории степных народов Восточной Азии – обобщить исследованную автором проблему кочевых обществ от III в. до н.э. по XIII в. н.э.

Таким образом, получилось четыре книги, связанные единством темы, единством метода исследования и единством стилового изложения историко-этнологического материала. В настоящее время специалисты по истории и культуре Евразии проявляют огромный интерес к ставшим библиографическими редкостями первым трем книгам Л. Н. Гумилева, которые в данном собрании сочинений не воспроизводятся.

К началу 70-х гг. сложилась благоприятная ситуация для издания книг и статей Л. Н. Гумилева, длившаяся три года. Ученый был уже широко известным специалистом по средневековой истории и был признан среди специалистов-неисториков как популярный лектор и замечательный полемист, приоткрывавший в душном воздухе академических прений завесу большого пространства и дыхание большой истории для осмысления текущих событий XX в.

Философская антропология, как точнее всего можно назвать научную спецификацию ученого, только складывалась, но в данной книге Гумилев не был скован жесточайшей цензурой и проявил себя, как никогда, свободно, явив всю свою творческую силу воображения. Читатель впервые встретился с такой высочайшей эрудицией и поразительной аргументацией ученого-историка. Пожалуй, это его лучшая книга, написанная к тому же на любимую им тему. В книге он о многом написал, не боясь, пока, обвинений в антимарксизме и антиисторизме и прочих грехах, и рассказал об этногенезе степных народов, о роли кочевников в истории, и особенно о любимых им монголах, не прибегая к терминам «этногенез», «этнос» и «пассионарность». Все это было впереди и, надо сказать, возникло не от хорошей жизни. Но преследования ученого в дальнейшем послужили индикатором ряда его идей, так что потом он и благодарил, как человек ироничный, своих преследователей за то, что ему разрешали дотолковывать «неучам историкам» то, что он хотел сказать. Слушатели и читатели понимали игру ученого, «прикидывавшегося» неразумным, которому дозволено отчитаться на критику «старших» собратьев по научному ведомству.

В этой книге видны следы его давнишней борьбы с учеными, затвердившими для себя и для окружающих, что кочевнический образ жизни – зло, отсталость, которую необходимо преодолеть социальными воздействиями; монголы потому плохи, что они из Азии и враги Китая и России и что, наконец, за всеми событиями в Великой степи XII–XV вв. ничего нет, кроме кроважанных зверств, кровопусканий и безудержного варварства, которому нет места в истории. Потому моральное табу на исследования истории кочевников и особенно истории образования монгольского государства в 1970-е гг. было значительным, но не столь политизированным, как то случилось в конце этого десятилетия. В этот «зазор» Гумилев вписался, со свойственным ему гениальным чутьем историка.

Ученый говорит скупом о некоторых вещах – о татаро-монгольском иге, о несторианстве, о загадке появления монголов на исторической арене, о присущей ханьскому Китаю и последующим династиям агрессивной политике. Он скрывается за маской беспристрастного исследователя письменных источников, но даже и эта источниковедческая по сути работа

принесла ему неудобство и массу врагов. В книге сказался также некий, если угодно, природный авантюризм автора – авантюристический склад мировосприятия: он обожал розыгрыши какой-либо бесперспективной, с точки зрения официальной науки, идеи, теории и добивался поразительных результатов, рассматривая события в разных ракурсах.

Внимание к проблеме этноса и этногенеза заметно и в этой работе, но ученый еще не может в полный голос сказать, что за объект он описывает – не социальные организмы столь неприятных историкам-европоцентристам кочевников, но этносы, народы. Между статьями конца 60-х гг. и книгой «Поиски...» нет прямой связи. Статьи уже «тянут» на разработку теории: всеохватная мысль Гумилева уже в смежных исследованиях. Но автор понимает, что теоретическая оснащенность издаваемой книги терминологией, им рожденной к 1970 г., и понятиями о биосферной зависимости ряда наблюдаемых этнологических явлений, описанных в книге, только помешает ее выходу в свет.

Поэтому в ней, несмотря на применение разных оптик наблюдения автора над объектом: оптика Птичьего полета, Кургана, Мышиной норы и Письменного стола, – нет понятий «этнос», «субэтнос», «консорция», «суперэтнос» и «химера». Нет биосферных обобщений глобального уровня, столь свойственных Гумилеву. Нет и упоминания о силе пассионарности, которой одариваются народы, поднявшиеся в результате игры событий в этносфере на историческую арену.

Книга, изданная в 1970 г., дала автору полную возможность дописать «степную трилогию», высказаться, подвести итоги историографического и источниковедческого, но и аналитического рассмотрения истории кочевников, и поставила точку на традиционном методе анализа материала, привитом ученому на Восточном факультете ЛГУ. Далее на этом пути ему делать было нечего.

Таким образом, книга «Поиски...» фактически является завершением всех его штудий средневековых источников и работ русских и зарубежных ученых. Гумилев «оконтурил» свою территорию – Великую степь, пространство этносферы, земли, им столь любимой, и с этого времени в литературу и разговорный язык вошло обозначение внутренних частей Евразии – Великая степь. Он описал новую цивилизацию, ее классифицировал, сделал наглядной и предоставил другим дальше рассматривать ее во всех иных научных и культурных ипостасях. Довершил описание Великой степи, иначе называемой Татарией, начатое великими наблюдателями – Марко Поло и Плано Карпини в XIII в.

Важно отметить эпохальное значение работы Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства» для дальнейшего развития жанра «исторической книги», исторической хроники, исторического романа в нашей стране. Одновременно с нею в советское общество вошли некоторые книги, послужившие определенным катализатором новых идей и новых взглядов на историю. Научно-популярный жанр стал излюбленным жанром читателя.

Книга оказала влияние на продолжение интенсивного изучения средневековой истории Восточной Европы в университетах Франции, США, Англии, Польши, Чехословакии. Она была издана на польском, чешском, венгерском, английском языках. На нее появились обстоятельные рецензии. Работа Гумилева породила жанр общественно-научной полемики на темы исторической роли кочевников в Азии и Европе. Помимо всего, «Поиски...» заставили обратиться ученые и литературные круги в СССР к теме «Слова о полку Игореве»: ожесточенные дискуссии и ряд работ возникли под влиянием оригинальных и пока никем не опровергнутых взглядов Гумилева на время написания великого эпоса и его авторства. Эта тема даже спустя четверть века не утратила своей злободневности, привлекает интерес нового поколения исследователей.

Книга вышла тиражом 9 с половиной тысяч экземпляров. Это был большой тираж для

такого рода исследования. За минувшие годы читатель как бы «поумнел», успел получить много разнообразной информации, но все равно ряд проблем, затронутых в книге, остаются не освещенными и не проговоренными в научной и популярной литературе. Тема, например, несторианства, ставшая навязчивой для многих читателей, на самом деле ждет продолжения исследования. Восточное христианство, различные направления религиозной мысли первых веков христианства были любимыми темами лекций и разговоров Гумилева, однако полностью написать о конфессиональных проблемах Византии, Европы, Персии и России ему не удалось. Поэтому в этой книге намечены те дальнейшие фрагменты книг, которые, несколько разившись, оказались в поле зрения автора уже во время написания монографии «Древняя Русь и Великая степь».

Итак, было ли средневековое царство «попа» – пресвитера Иоанна? Ответ – не было, но история фантастически интересна, потому что в ней нет прямых ответов – «нет» и «да». Воображаемое царство пресвитера творило чудеса на Ближнем Востоке, точно так же, как средства информации сегодня, создавая превратный облик какого-либо явления, творят тем самым легенды о людях и событиях. Подход автора был таков: как могли обмануться трезвые люди в Европе и Византии, ожидая помощи от кого-то с Востока, в то время как им самим всего-то и нужно было напрячься и выжить? В книге горит дух бывшего лагерника, заключенного – зэка, который никогда бы не «лопухнулся», не доверился бы «роману» или «баланде». Опыт допроса и лагерного сидения помог Гумилеву создать образ исторического вранья, которое никто другой – со специальной языковой или исторической подготовкой – не распознал бы. Не тот угол зрения, не тот опыт, рождающий чутье гумилевское. Чутье его не подвело: ничто не устарело в сюжете о чаяниях массы людей на явление чуда с Востока. Жизнь – не юдоль печали, а люди – не пешки в игре политиков. Не все люди шкурники, – сформулировал кратко свой принцип исповедания историк, защищавший свою книгу от нападок рецензентов. Людям необходимо дать волю и сказать правду, вот и весь смысл истории, сказал на обсуждении «Поисков... «ученый».

Книга произвела ошеломляющее впечатление на читателей. Однако до сих пор не существует второй попытки «взять тему» – описать причину падения восточного христианства на Ближнем Востоке. Гумилев после этой книга прослыл «татаролюбом», но не это главное. Книга о том, как подготавливалось падение христианства на Ближнем Востоке в XIII в. Этот вопрос носил еще более общий характер: что подготовило падение России в 1918–1941 гг.? Сила судьбы, предопределение или фантастические измышления «патриотов» о заговоре 1917 г. или «либералов» о панической необходимости «все переделать, чтобы начать историю с новой страницы, потому что они тогда ошиблись».

Историк анализировал различные события XII–XIII вв. и часто со знанием всех деталей быта прогнозировал заново ситуацию 1261 г., когда случилась роковая битва монголов-христиан с мусульманами Сирии и Египта, исход которой был предрешен – предательством европейцев-крестоносцев. Ученый искренне не понимал, как могло произойти, что воинские и монашеские ордена Европы (некое подобие идеального умонастроения России 1910-х гг.) превратились на Востоке в скопище нуворишей, спекулянтов, сплетников и трусов. Отсюда – из сюжета событий 1261-1291 гг., когда были окончательно изгнаны крестоносцы из Палестины, Иерусалимского королевства, начинает складываться его этическое учение. Этика – область им особенно не обсуждаемая словесно, но она присутствовала во всех построениях исторического процесса. Без этики нет истории, и как всякий верующий человек, Гумилев воспринимал случившееся с христианами в Палестине в XIII в. как собственную трагедию. В его мировосприятии слились вместе этика человека, пережившего лагерь, и стоическая философия, восточное христианство, митраизм, что делает его взгляды предметом интереса историков психологии.

Тема этого исследования – падения крестоносцев в XIII в. – повторилась в небольшой рукописи под названием «Черная легенда» в 1990 г.

Книга о «попе Иване» и сегодня интересна историкам России, потому что в ней содержатся ответы на самые темные два периода сложения русского этноса: конец Киевской Руси и начало сложения нового государства в Московии. Книга интересна востоковедам, которым, исходя из их профессиональной подготовки, никогда не написать подобного исследования конфессиональных и политических проблем целого столетия, поскольку, как правило, они пишут о том, что уже известно, случилось и якобы не могло быть иначе. Гумилев задумывал книгу в условном наклонении: а что было бы, если – и понял, что то, что произошло в XIII столетии, не было заложено в социальной сфере отношений или предопределено самой формацией феодализма, а было следствием поведенческих искажений. А уж почему они случились, на это он и ответил.

Книга, как вспоминают многие свидетели ее выхода, явилась чудом, настолько важные психологические интересы читателей она затронула. Художником книги выступила жена Л. Н. Гумилева – Наталья Викторовна Гумилева, сделавшая макет книги, заставки и рисунки к главам-трилистникам. Книга более не переиздавалась в России.

Предисловие к книге написал Сергей Иванович Руденко, выдающийся ученый, этнограф и географ, крупнейший до Гумилева исследователь кочевников. О нем необходимо сказать особо. С. И. Руденко по случайности, столь характерной для академической среды, не стал членом Академии наук, но он произвел подлинный переворот в исследованиях Центральной Азии как этнограф, археолог, историк культуры и публикатор многочисленных документов по истории материальной культуры кочевых народов. Биография его не написана. Труды его не переиздаются, покоясь в анналах отечественных достижений, которых никто не востребовал.

Руденко оставил фундаментальные исследования, каждое из которых должно было бы стать событием истории, но не стало. Среди них книги: «Культура хуннов и ноинулинские курганы» (1952), «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (1953), «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» (1960). Он первым досконально – этнографически, антропологически, экономически исследовал кочевников России: казахов, калмыков, башкир и других, но слава открытий и исследований досталась другим. Учитель, Сергей Иванович Руденко, и ученик, Лев Николаевич Гумилев, связаны не только общей судьбой, но и общей памятью науки, которая всегда в конце концов знает, кто ее делал, а кто – жил на публикациях, благодаря ее успехам.

Руденко, как и Гумилев, создавал историю ушедших народов, противопоставляя свои концепции авторам «вымышленной» истории, которая обычно довлеет над сознанием людей довольно долго, но потом наступает прозрение, и тогда взыскующие истины читатели начинают думать: почему так долго от них скрывали правду!

И еще об одном. В конце своих «Поисков...» автор делится с читателем «тайной ремесла». Редко кто из исследователей решается на обнародование причин, побудивших написать ту или иную книгу, или на объяснение с читателем по поводу своего непонимания некоторых вещей. Гумилев признается, что «обычно творческий момент вуалируется» и сам он «до сих пор поступал именно так», но, заканчивая «степную трилогию», он захотел посвятить нас в «тайну ремесла», ибо в этой книге больше внимания уделено не легендарному, никогда не существовавшему царству, а способу понимания прекрасной науки – Истории.

Начиная с 1935 г. автор изучал историю кочевников Центральной Азии и ознакомился во время ссылки в Среднюю Азию с этнографией и живыми языками тюрко-персидского Востока. В 1937 г. в Ленинградском отделении АН СССР выступил с докладом на тему «Удельно-лествичная система тюрков в VI–VIII вв.» (опубликован в 1959 г. в журнале «Советская этнография», № 3). Доклад послужил толчком для написания нескольких книг и постановки общей проблемы истории взаимоотношений Древней Руси и Великой удельно-кочевой степи. Книга «Древняя Русь и Великая степь» – итог всей исследовательской деятельности Л. Н. Гумилева – была издана в 1987 г., через 50 лет после первого устного сообщения на эту тему автора.

Второй крестовый поход 1147–1149 гг. начался после падения под натиском восточных кочевников Эдессы, важнейшей крепости крестоносцев в Сирии. Эдесса была воротами в Иерусалимское королевство, образованное крестоносцами после Первого крестового похода 1097–1099 гг.

Франция, Германия, включавшая в себе Северную Италию, а также Иерусалимское королевство, состоявшее из бывших подданных европейских феодалов, были напуганы угрозой с Востока, реальной и потому порождающей многочисленные слухи и предрассудки. Открытие Востока, вылившееся в тесное общение европейцев, арабов, евреев и других наций Средиземноморья в городах Иерусалимского королевства, было для своего времени событием, сопоставимым по значению лишь с открытием Америки. Заимствования из бытового обихода горожан Востока вошли в жизнь европейского средневековья мгновенно. Западные европейцы проявили, как ни странно, интерес первоначально к экзотике Востока – к курению опиума, потреблению конопли (гашиша), отсюда и пошло французское обозначение убийцы, профессионала, идущего на «дело» под влиянием опьянения, – «ассасин». С Востоком, естественно, прежде всего ознакомились рыцари, монахи, девицы «легкого жанра» (как говорили французы) становившиеся при возвращении в Европу разбогатевшими куртизанками и законодательницами моды, моряки и купцы-авантюристы. На столах европейцев появились лимоны и фисташки, фрукты в сахаре, перец, заморские вина, вошла в обиход парфюмерия. Богатые люди нарядились в ткани «муслин» – от названия города в Ираке Мосул, «дама» – от Дамаска. Появились бурнусы, кафтаны, шарфы, береты, а шелк, шелковые ткани оказались панацеей для гигиены мужчин и женщин.

Необходимо также помнить, что в годы Второго крестового похода продолжались географические открытия и ознакомление с арабской и еврейской ученостью. Так, продолжал свои археографические и географические занятия архиепископ Вильгельм Тирский, родившийся в Иерусалиме, в Святой земле, выучивший греческий и арабский языки и изменивший образование любознательных людей, неговорящих и воинов орденов Европы. В своем сочинении «*Historia Rerum in partibus trans marinis Gestarum*» Вильгельм из Тира, своими глазами видевший Константинополь и Рим, христианскую Сирию и древности греко-православной Малой Азии, обосновал представление о Востоке как о мире, наполненном странными событиями, людьми и богами. Он передал предчувствие грозных событий, которое вскоре и проявилось. Конкретно же о том, что происходило, повествует данная книга Л. Н. Гумилева.

Крестоносцы сделали все, чтобы легенда о пресвитере Иоанне стала выглядеть правдоподобной. Они все время плодили слухи о якобы тьмах врагов за Палестиной, за рекой Евфрат, а также о сонмищах новообращенных в христианство жителей Азии, готовых вступить за них. Тем временем шел грабеж Востока крестоносцами. Неистовый норманн Роджер II, король Сицилии и пиратских островов возле Малой Азии, летом 1147 г. напал на Грецию и остров Корфу, разгромил Фивы, центр шелковой индустрий, и лишил Италию выгодной торговли с Персией и Китаем. Византийский император Мануил Комнин начал войну с «турками» – кочевниками Центральной Азии, оказавшимися в самом центре Малой Азии. Но более, чем кочевников-сельджуков, император боялся десанта латинян в своей столице Константинополе и знал о мечтах крестоносцев разграбить столицу ромеев-греков на Босфоре, что и случилось 50 лет спустя, в 1204 г. Важно подчеркнуть: обе стороны – и крестоносцы-европейцы, и греки-византийцы – жаждали иметь в тылу у ненавистных врагов кочевников какого-либо союзника, своеобразный «Второй фронт», пусть и мифический, это мы знаем сейчас, но ими желанный, а значит, мысленно существующий. Все эти подробности следует иметь в виду, чтобы яснее представить историческую ситуацию XII в., поскольку книга Гумилева в свое время была рассчитана исключительно на читателя, подготовленного к средневековой теме и владеющего именами и хронологией.

Нелюбовь византийцев-греков, не испытывавших восторга от встречи с толпами полувизантизированных жителей Западной Европы, по выражению историка Р. Виппера, была обыденностью. Ее на этническом уровне подогревали нувориши итальянских городов, устранявших тем самым конкурентов из Византии, и торговцы-посредники из местечек Центральной Европы, распространявшие небылицы о нравах греков-православных. Потому и смотрело рыцарство Европы накануне войны 1147 г. на Константинополь как на свою добычу. Император Германии Конрад III не мог удержать своих солдат-профессионалов от грабежей в балканской части Византии и в коренной Греции. Людовику VII, королю Франции, епископ Лангрский, вдохновитель нашествия на Восток, предлагал соединиться с норманнами и пиратами, привлечь мусульман, чтобы захватить столицу Византии. Михаил Комнин цезарь Византии, которого в письме пресвитера, так называемого Иоанна называют пренебрежительно князем, спешил быстренько переправить европейское воинство морем, минуя Константинополь, на поля сражений в Малую Азию, дабы битва воинства с мирными жителями старой Византии не началась до того, как крестоносцы увидят врага, ради которого их собрали в Святую землю.

Сузы – столица государства Элам в Двуречье, позднее, в IV–VI вв. до н.э., главная резиденция персидских царей династии Ахеменидов. Сузы – одна из родоначальниц письменности древнего Востока, там найден в XIX в. столб с письменами знаменитого «Закона Хаммурапи».

Жанр средневековой фантастики, так называет его автор, незаметно перетек в утопические сочинения новейшего времени. Но в XII–XV вв. данный жанр был своего рода путеводителем по землям и морям Евразии, практическим землеописанием, предупреждавшим об опасностях, подстерегавших человека в «неизвестных» странах. Так, в описательной части труда Космы Индикоплава «Христианская топография Вселенной» (около 547 г.) рассказывается об азиатских странах Индии, Цейлоне, Китае, в которых мирно сожительствуют звери разных климатических зон: быки-олени, носороги, дельфины, единороги и гиппопотамы, черепахи и обезьяны. Весьма примечательно, что пресвитер Иоанн считал долгом описать свое царство перечнем практически тех же зоологических существ. Удивительно, но в сплав реальности и вымысла верили и спустя 500 лет после Второго крестового похода.

Можно упомянуть, что то же самое происходило с «Письмами Гроба Господня», знаменитыми «*Letires du S.Sepulcre*», о которых уже исследователи XIX в. знали, что никаких писем, адресованных якобы в XII в. европейцам, точнее, вполне определенных документов, хранившихся у Святого Гроба, будто бы сгоревших при штурме Иерусалима войсками «турок» Саладина в II 87 г., не было. Были так называемые ассизы, кодификация норм, юридические акты, перенесенные из Франции в заморскую страну, но писем не было, хотя в их существование верили в XVIII и XIX вв.

В 1885 г. французский писатель-фантаст Жюль Верн, заинтересованный в выяснении фактов и подлинной реальности, попытался собрать воедино все сведения, существовавшие на европейских и в том числе и русском языках, о путешествиях XI–XIII вв. Он рассказал в своей полной простоте книге «История знаменитых путешествий и путешественников» (1885) (новый русский перевод осуществлен в 1992 г.), что путешественники и паломники к Святым местам, люди своего времени, встречались как с реальными фактами, так и с воображаемыми, домысливаемыми событиями, которые в общем-то состояли из канвы рассуждений, принесенных с собой, а рассуждения эти были слепком их собственного невежества или полной фанатичности чувств.

Самые трезвые из наблюдателей XII в. не делали погоды. Например, Вениамин Тудельский, испанский еврей из города Тудела в Наварре, как говорит об этом сам Жюль Верн, посетил все страны мира: Рим, Константинополь, Святую землю и Вифлеем, Вавилон, Самарканд и Туран, Тибет и Цейлон, Египет, Абиссинию и реку Нил за неполные тринадцать лет, с 1160 по 1173 г. Это было как раз время рождения и циркулирования слухов о пресвитере Иоанне. В описании своих хождений у Вениамина, кажется, нет «диких» домыслов. И тем не менее что-то было сильнее фактов. Это «умонастроение эпохи, – как пишет Гумилев в другом сочинении. – Настрой на вымыслы, и как следствие приятие лжи становилось знаменем эпохи». Далее мы приводим фрагмент из неопубликованного текста Гумилева: «На сегодня нет фактически верного ответа, почему так преступно безответственно и равнодушно европейская общественность XII–XIII вв. отнеслась к судьбе христианства на Востоке. И там, где маячила великая цель – просвещение по имя Святой Троицы в степях и равнинах Евразии, вдруг возникла трагическая и безысходная коллизия избиения всех христиан – православных, католиков, несториан и других в целях узковедомственной шкурной политики нескольких орденов рыцарей и небольшой торговой прослойки, обнаглевшей от спекуляции дорогостоящими товарами Востока на жаждавших роскоши дворах Запада. Ублюдочная политика Европы – папы, нотаблей, авантюристов, хищных сторонников вождей-императоров в сто лет между 1187 и 1287 гг., до окончательного падения Святой земли, обетованной земли христианства, – необъяснима исходя из логики эволюционных воззрений, присущих традиционной историографии Европы или России начала XX в. Все тогда вело к катастрофе – изгнанию европейцев с Ближнего Востока. Знали об этом почти все, все политики чувствовали это, но ожидали чуда: что кто-то придет и спасет их. Почему?» (Цит. по рукописи «Черная легенда», стр. 11).

Автор пишет о несторианстве, несколько приглушая тему своей книги, поскольку в 1970 г. говорить о самостоятельной роли конфессии в истории было невозможно. «Тысячелетняя история Азии от Мраморного до Желтого моря» – это история сложения и гибели этноконфессиональной христианской цивилизации, порожденной сторонниками архиепископа Константинопольского Нестория (428–431), возглавившими новое и очень сильное направление в христианстве, просуществовавшее – это показывает далее текст книги Гумилева – тысячелетие как самостоятельная политическая сила.

Сегодня о церкви несторианского толка мало что известно, но в XIX – начале XX в. о ней писали многочисленные исследователи в Германии, Франции и России. Несторианство явилось просветителем Центральной Азии, и процветание Месопотамии в VII–XIII вв., городов Ближнего Востока, Персии было основано на деятельности этой крайне многочисленной общины. В течение нескольких веков несториане при арабском и персидском владычествах занимали высокие государственные и административные посты, служили при дворах эмиров и халифов. Несториане переводили на арабский язык рукописи греческих авторов, собирали библиотеки, разъезжали с различными просветительскими целями по всей Азии, учили в школах студентов, собирали и классифицировали географические и иные сведения. Богатая и просвещенная несторианская церковь развила обширную богословскую и гуманитарную деятельность в разных странах вплоть до Цейлона, Китая, Йемена и Молуккских островов. Во время Второго крестового похода несторианская церковь имела в своем подчинении не менее 20 митрополий. В дальнейшем начался упадок несторианства; часть несториан присоединилась к католической церкви, обосновавшейся благодаря политике Франции в Палестине и Турции. Турецкоподданные несториане постепенно присоединялись к восточной православной церкви, и с 1898 г. подавляющее большинство несториан официально по решению Синода вошло в лоно Русской православной церкви. В иранском Курдистане остаются группы несториан-курдов, называющих себя сиро-халдеями.

Сам основатель религиозного течения, Несторий, столь много сделавший для развития просвещения на Востоке, был заключен в лагерь, в пустыню Египта, его перегоняли из одной ссылки в другую, и он умер в 451 или 452 г. Оставил после себя несколько возвышенных религиозных сочинений, в которых он, не сломленный гонениями, доказывает свою идеологическую правоту и неправоту противоборствующего религиозного течения христианства – арианства, восторжествовавшего в латинских странах и Германии.

Автор имеет в виду время расцвета монгольских улусов, совпадавших границами с нынешней историко-культурной областью Евразии, широко описанной многочисленными хронистами и историками на всех известных нам языках.

О слепом следовании источнику, переводимому с языка на язык, Гумилев пишет во всех книгах, и указанный в тексте тезис оказался одним из наиболее фундаментальных для построения им своей концепции Всемирной истории, наблюдаемой на уровне фактов этногенеза, естественной истории, а не суммированных и переведенных на один язык историографических источников.

Об этом написано в статье «Монголы XIII в. и „Слово о полку Игореве“, помещенной в данном томе работ Л. Н. Гумилева.

Константин Багрянородный (905–959) – император Византии Константин VII Порфирогенет, то есть багрянорожденный в порфирной, или красной палате дворца Константинополя. Византийский император с 913 г. Выдающийся историк и географ Византии, описал политический строй Византии, дипломатию, церемониал двора, а также быт всех соседних с Византией народов, что положило начало составлению византийских энциклопедий. В двух его трактатах «О фемах» (пограничных областях) и «Об управлении империй» содержатся важные сведения по расселению славян и кочевников. Книги Константина VII переизданы в одном томе в 1991 г. в Москве

Ибн Ходдун, или Ибн Хальдун Абдурахман Абу-Зейд (1332–1406) – арабский историк, глава Академии в мусульманском государстве Гранада в Испании. Важнейший труд «Книга примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле», в которой рассматривается циклический по характеру ход развития истории, периодичность возвышения одних народов и угасания других. Считается одним из предшественников этнологии.

Вико Джамбатиста (1668–1744) – итальянский философ истории, создатель теории круговорота в истории обществ. Период детства народа заменяется юностью – героическим периодом, сменяемым зрелостью – человеческим или гуманитарным периодом. Главная его работа «Основания новой науки об общей природе наций», переведена на русский язык в 1940 г. Его концепции близки идеи Н. Данилевского, К. Леонтьева, О. Шпенглера и в определенной мере А. Тойнби.

Оптиматы в древнем Риме – партия, отстаивавшая свои исключительные права занятия важнейших должностей, противостоящая популярам – партии так называемого римского народа. Лангобарды – германское население в Северной Италии и германское королевство. Гибеллины – постоянные противники римского папы и папской политики распространения владычества на население Италии, сторонники немецких императоров. Гвельфы – мощная и хитроумная партия сторонников светской власти папы. Кайситы и кельбиты – два противоборствующих родоплеменных объединения арабов начальной стадии Арабского халифата.

Время 1141–1218 гг., когда вознеслась Монгольская империя и еще не ринулась на северо-западную половину Евразии, в том числе и на Русь, является ключевым во многих исторических сочинениях Л. Н. Гумилева. Эти десятилетия были им изучены досконально, вплоть до мельчайших подробностей каждого года и биографии каждого персонажа на всем пространстве Старого Света. На краеугольном камне исторического и этногенетического рассмотрения вулканообразных движений народов Гумилев и стал в дальнейшем строить свою теорию Всемирной истории и этническую теорию пассионарности.

Широкая практика облавных охот приучила скотоводов к коллективным действиям и дисциплине, и эта вольная жизнь компенсировала обитателю древней Сибири потерю навыков бродячей независимости, по американской традиции именуемой трапперством. Трапперы – первопроходцы, охотники и звероловы прерий Америки, герои американских романов.

Бассейн Хуанхэ, лессовое плато в излучине реки Хуанхэ, называемое также Ордос, неоднократно становилось ареной этногенеза. Об этом работа Л. Н. Гумилева «Хунны в Китае» (М., 1974).

Для этой географической главы важны следующие пояснения. Географические названия, которые далее без дополнительных объяснений будут упоминаться в тексте неоднократно, имеют следующую локализацию. Понятие Внутренняя Азия, как правило, соотносится с географическими границами Великой степи. Евразия в таком случае является целостной системой культур между Восточной Европой и Китаем. Средней Азией традиционно до последнего времени называли республики Средней Азии и отдельно обозначался Казахстан. В англоязычной литературе весь район Средней Азии, Казахстан, Монголия, Иран и северная часть Пакистана и Афганистана называется Центральной Азия. Теперь и бывшая советская часть этой Азии называется Центральной.

В центре Внутренней Азии, или Центральной Азии находятся две пустыни: Алашань и Такла-Макан, по окраинам которых проходит знаменитый транспортный коридор, называемый Великим шелковым путем, или у китайцев – путь на Запад, или Джунгарский коридор, или проход Великих народов. Шаш – средневековое название Ташкента, «каменный город», откуда начиналась туркестанская часть пути на Восток – по Шелковому пути в Китай (северный вариант). Между крайними точками пути располагался оазис Хами, где периодически обосновывались кочевые ханства. На окраине пустыни Алашань, у излучины Хуанхэ как раз и располагался Ордос, лесовое плодородное плато, а рядом существовали, сменяя друг друга, столицы средневекового Китая – Чанъань, Лоян, Сиань и далее в глубь Китая – Кайфын. Монголия была севернее. Четыре района Монголии стали постоянными местобитаниями или месторазвитиями, по терминологии историков Азии П. Савицкого и других, тюрко-монгольских племен. Эти районы: Хангай, самая красивая часть Азии, по выражению Гумилева. Алтай, Тарбагатай, лежащий на границе Казахстана и Джунгарии, и гористые степи возле воспетых монголами рек: Керулен, Онон, Селенга и «монгольский Рейн» – Орхон. Вокруг них – травянистые степи Халки и Барги – два наиболее благодатных места для пополнения сил хуннов, уйгуров и монголов, для выпаса скота и организации облав и военных учений.

Перечисленные имена – авторитеты в геологии, климатологии, географии. Среди них два выдающихся представителя двух различных точек зрения на природу Центральной Азии, академики Российской Академии наук. Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936) – последний представитель русской дореволюционной географической исследовательской школы, десятки лет и полевых условиях исследовавший Китай, Памир, Тянь-Шань, Монголию и Сибирь. Автор капитальных работ: «Описание путешествий в Западный Китай» (в 3-х томах), «Западная Монголия и Урянхайский край» (в 3-х томах, 1914–1930 гг.), «Описание Амурской области» и др. Полевой этнограф, историк, геолог, собрал крупные коллекции по зоологии и ботанике, искусству и археологическим древностям. Все его книги являются, собранные вместе, энциклопедией Евразии, второй по значению после К. Риттера. Гумилев опубликовал ряд статей о вкладе в историю этногенеза Евразии этого ученого, в том числе в 1961 г. статью «Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович как историк Центральной Азии» в трудах Географического общества.

Л. С. Берг (1876–1950) – географ, биолог, создатель учения о географических ландшафтах, внесший крупный вклад в географическую науку, создавший школу русской физической географии. Автор теории органического развития живой природы – теории номогенеза, подвергнутой безжалостной критике в СССР в 1922 г. Несколько лет исследовал Аральское море и пустыни Казахстана, оставив монографию «Аральское море» (1908) – самое подробное до сих пор исследование природы и геотектоники сухих степей Центральной Азии. Президент Географического общества СССР (1940–1950).

Э. М. Мурзаев – современный исследователь Центральной Азии, историк географических открытий в Монголии, Сибири, Китае.

Хронология периодов увлажнения и усыхания степей Евразии (аридная теория) позволила Гумилеву сделать ряд крупных открытий историко-культурного археологического характера. Так им была найдена, точнее, локализована и выявлена культура Хазарии, открытая им во время экспедиции Эрмитажа в 1959 г. на буграх песка в низовьях Волги, а затем и на Тереке. Работа «Открытие Хазарии» вышла в 1966 г., она сделала Гумилева европейски знаменитым ученым, переводы работы и отклики появлялись далее в течение двадцати лет. Хазария послужила для него источником вдохновения: он написал на тему Волжской, или Каспийской Атлантиды много статей, в том числе и популярных, в журналах и газетах. Однако Гумилев не стал археологом, оставив за собой новую, рожденную им на Каспии идею изучения связи миграций кочевников с циклическими колебаниями климата Евразии для построения общей теории развития народов мира.

Династии Сун предшествовала в Китае династия империи Тан (618–907). Столицей был город Чанъань – теперь город Сиань, куда выходил Великий шелковый путь. Вторая столица империи – Лоян. После грандиозной крестьянской войны 874–883 гг. империя Тан распалась. На месте старого Китая возникает «новый Китай» династии Сун, объединившей и 960 г. всю Срединную империю в одних руках. Столица – Кайфын на реке Хуанхэ, в дальнейшем столица была перенесена в город Ханчжоу на юге Китая. Время династии Сун – время, по мнению китаистов, наибольших достижений китайской цивилизации. Империя Сун перестала существовать в 1279 г., когда Китай был завоеван войсками внука Чингисхана Хубилая и на месте Сунского Китая возникла империя Юань.

Академик Н. И. Конрад (1891–1970) – крупный советский востоковед, специалист по истории и культуре Китая и Японии. Большой известностью пользовалась его книга «Запад и Восток» (1966), во многом способствовавшая проявлению интереса многочисленных читателей 60-х годов к Востоку, к искусству и литературе Японии и Китая.

Мэн-цзы (372–289 до н.э.) – философ и моралист, ученик Конфуция, написавший трактат о мудром управлении государством через императора – Сына Неба. Трактат пользовался особым почитанием чиновников-конфуцианцев.

И. Н. Болтин (1735–1792) – русский географ и военный историк, генерал-майор, участник ряда войн. Написал две замечательные работы по истории: «Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка» в 2-х томах и «Критические примечания на первый и второй томы истории князя Щербатова» в 2-х томах (1793–1794). Доказывал историческую аналогичность развития России и Западной Европы и первым описал закономерности воздействия географического фактора на развитие народонаселения, государства, правовых институтов и быта. Заново открыт и оценен как историк в начале XX в.

В. К. Яцунский, на которого ссылается Гумилев, крупнейший российский специалист по исторической географии, автор книги «Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв.» (1955), посвященной новой тогда исторической дисциплине, ставшей с того времени популярной у нас в стране.

Сыма Цянь – самый крупный китайский историк древности (114–86 гг. до н.э.), официальный историограф Китая династии Хань. В 91 г. до н.э. он закончил свой исторический труд «Исторические записки» («Ши цзи») – сводную историю Китая, издаваемую ныне полностью на русском языке. Сам историк называл свой труд «Книга придворного историографа». Репрессирован, позднее реабилитирован. Судьба отличавшегося критицизмом и вольнодумием историка волновала Гумилева.

Бань Гу (32–92 гг. н.э.) – историк, написавший «Историю династии Хань» в духе господствовавшего тогда конфуцианства. Негативно относился к Сыма Цянь и называл его «еретиком». Но оба историка превосходно осознавали национальные задачи Китая и отказывались понимать стремление Китая расширяться за счет «северных территорий».

Четыре величайших державы древнего мира следующие. Рим – это всем понятно. Парфия – ираноязычное государство от Месопотамии до Алтая, являвшееся несколько столетий соперником Рима за господство в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке. Оба государства угасли практически одновременно. Империя Хань (206 г. до н.э.-220 г. н.э.) – современник всех событий, происходивших в Риме и бассейне Средиземноморья. При династии Хань Китай приобрел сильные торговые и культурные отношения со Средней Азией и Ближним Востоком и южными странами – Индией, островами.

Кушанская империя – государство, образованное в результате грандиозных этнических преобразований в Центральной Азии, выходцы из которой создали эту мировую империю на территории Индии, Пакистана, Восточного Ирана и Средней Азии, синтезировавшую в дальнейшем оригинальные цивилизации, соединившие эллинизм, кочевые и иные традиции племен Евразии, буддийское и манихейское наследие в философии и изобразительном искусстве.

Кушаны – тема, ставшая особенно популярной в 1960–1980 гг. после многих сенсационных открытий, совершенных рядом международных организаций на территориях Ирана, Пакистана, Индии, Таджикистана и др.

О «мести» гуннов, аваров и остальных кочевников можно прочитать в работе Гумилева «Хунны в Азии и Европе» в журнале «Вопросы истории» (1989, №№ 6 и 7).

Усуни – выходцы из степей к западу от излучины реки Хуанхэ, европеоидное население, индо-европейской языковой группы. Откочевали в Семиречье, восточный Казахстан, где смешались с ираноязычными саками. Об этом книга Гумилева «Древние тюрки» и ряд принципиальных статей, переведенных за рубежом.

Иньшачь – гористая и увлажненная степная страна на левом «зарубежном» берегу Хуанхэ, место зимних перекочевок и стоянок всех знаменитых кочевых родов Монголии. На эту стратегически важную территорию вели наступление все династии Китая. Великая китайская стена выстроена гораздо южнее этих мест как база для расположения больших гарнизонов против кочевников.

Кочевники возводили не только юрты, но и строили города, крепости, мавзолеи и огромные усыпальницы. Кочевники – и об этом свидетельствует история архитектуры – обожали от природы, от обычая и привычки заниматься организацией больших пространств. Все виды строительства, деятельность военно-административная и архитектурно-строительная были их двухединой страстью. Монголы с помощью иностранных специалистов со всего мира построили свою столицу Каракорум – международный центр на сто лет, пока существовала империя. Монголо-тюркские племена строили города во всех покоренных и пограничных странах: Сарай-Бату в низовьях Волги на 200 тысяч жителей, несколько столиц Великих моголов в Индии; степняки Тамерлана руководили возведением мировой столицы Самарканд; турки, захватившие Константинополь, отстраивали Стамбул; сельджуки – Багдад и многие другие города Ирана, Ирака. Также кочевники, арабы обожали строить большие города и построили их от Кордовы и Гренады в Испании до Каира и Нишапура в иранском Хорасане, в Аравии и Африке.

Гумилев написал предисловие к книге, посвященной архитектурной деятельности монголов и других кочевников, «От кочевий до мобильной архитектуры», вышедшей в Москве в 1980 г.

С. В. Киселев – археолог, историк материальной культуры народов Южной Сибири и Монголии, сделавший ряд открытий в 1940–1950-х гг.

О С. И. Руденко написано в предисловии к данному тому.

П. К. Козлов (1863–1935) – выдающийся исследователь Центральной Азии и Китая, сопровождал П. Пржевальского в нескольких его экспедициях. Руководил монголо-тибетской экспедицией 1899–1901 гг., результаты которой оказали огромное воздействие на научную деятельность российского востоковедения. В 1907–1909 гг. осуществил знаменитую экспедицию в Монголию и Китай, во время которой открыл остатки города Харо-Хото, столицы тангутов, о которых будет идти речь в текстах Гумилева. Козлов открыл и оконтурил тангутскую цивилизацию. Позже, в 1923–1926 гг. он открыл в результате экспедиции в Монголию и Тибет в горах Хэнтэй, в центральной Монголии, остатки культуры хуннов – Ноинулинские курганы, послужившие отправной точкой для дальнейших исследований по проблемам хуннов и других кочевых племен Монголии и Южной Сибири в середине XX в.

Согд, Согдиана – область в среднем течении Амударьи и на Зеравшане, периодически становившаяся самостоятельным, крепким, богатым торговым государством. Начальная фаза его существования – VII–V вв. до н.э. В описываемое время Согд представлял собой торговую и городскую как бы республику, имевшую наподобие Венеции в Италии номинального главу и многочисленные колонии-фактории, разбросанные по всему Великому шелковому пути от Крыма, Судак-Сугдея, это название Согда, до Китая. Центр области – Самарканд. Согдийцы – предки современных таджиков и в некоторой части оседлого древнеземледельческого населения нынешнего Узбекистана.

Династия Суй в Китае правила с 589 по 618 г., когда князь северо-западного Китая Гаоцзу, полутюрк по происхождению, провозгласил создание новой императорской династии Тан.

Сибирские угры – племена финно-угорской языковой группы – ныне в Западной Сибири манси и ханты, пермяки. В эту группу входили частично башкиры, венгры, перекочевавшие в Европу, эсты и другие.

Гиббон Эдуард (1737–1794) – английский историк, автор первой европейской монументальной истории древнего Рима «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1781), в которую вошла и история Византии до 1453 г.

Лебо – французский историк XIX в. либерального направления, французы уничижительно называли Византию Bas-Empire, то есть нижняя Империя, в отличие от Верхней Италийской, иначе – низкой, невзрачной империей, по этому поводу протестовали французский историк А. Терри и русский философ истории К. Леонтьев.

Ф. И. Успенский и Ю. В. Кулаковский – русские византилисты, крупнейшие исследователи истории византийской государственности и церковности конца XIX – начала XX в.

Шарль Диль – крупнейший французский историк Византии, опубликовавший многочисленные работы, ставшие популярными в Росси. Одна из них – «Очерки Византии» – неоднократно переиздавалась.

Иоанн Скотт Эригена (ок. 810–после 877), Нил Сорский (ок. 1433–1508) и нестяжатели – имена, которые будут объяснены Гумилевым и в этой книге, и в работе «Этногенез и биосфера» (2-й том данного Собрания сочинений Л. Н. Гумилева).

Аксум – единственное раннехристианское государство в Африке, на территории современной Абиссинии (Эфиопии), в IV–VI вв. н.э. находилось в оживленном общении со всем евразийским и средиземноморским мирами.

Халкедон, или Халкидон – город напротив Константинополя, на азиатском берегу Босфора, ныне Скутари в Турции, где проходил Четвертый Вселенский собор в 451 г. На нем был принят основной догмат христианской церкви о двух природах Христа. Собор признал учение о православной, то есть ортодоксальной церкви, главой которой стал римский епископ – папа. Халкедонское вероисповедание – доминирующее христианство до разделения церквей в 1054 г. на католическую и восточно-православную.

Трансоксания – область Согда и ряда других государственных образований по реке Амударье, по-гречески Оке. В более широком смысле вся прилегающая к Ирану территория Средней Азии, включая северный Афганистан, французская историография, как правило, Трансоксанией называет все области к востоку от Ирана.

Мерв — огромный богатый средневековый город, ныне в Туркменистане, центр христианского вероисповедания, а также религиозный центр буддийской, манихейской и других общин средневековья. История города известна с X в. до н.э.

Ктесифон – столица Персидской державы эпохи династии Сасанидов 226–651 гг., до завоевания Ирана (Персии) арабами. Находилась на реке Тигр, напротив Селевкии, огромного греко-парфянского города, из-за которого шла долгая война Рима и Парфии. Невдалеке от развалин Ктесифона арабы, разрушившие город, построили новый город Багдад.

Уйгурия, о которой идет речь, располагалась на месте Монголии и столице ее находилась недалеко от будущей столицы Монгольской империи Чингисхана на реке Орхон. Уйгурию не следует путать с Уйгурским ханством, образовавшимся как мусульманское государство на территории Джунгарии и восточного Казахстана. Раскопки, проведенные на месте древней столицы монгольской Уйгурии, привели к открытию Орхонской письменности и памятников культуры. Открытие культуры древних тюрок VII–VIII вв. и Уйгурии произвело переворот в тюркологии и истории Евразии.

Кыргызы – степняки-кочевники Южной Сибири, не путать с будущими жителями нынешнего Кыргызстана, тоже в прошлом кочевниками, но происхождение которых не связано с государством кыргызов Саянского нагорья.

Бируни – Абу-Рейхан-Мухаммед (973–1048) – хорезмский ученый-энциклопедист, писавший на арабском языке. Оставил громадное сочинение «Хронология древних народов», в которой дается описание календарных систем персов, арабов, евреев, индусов, греков.

Хара-Хото – столица Тангутского государства, открытая П. Козловым в 1923–1926 гг. Там были найдены и привезены в Петербург две тысячи старинных рукописей (книг) и большое число уникальных предметов искусства. Благодаря собранию в России возникла исследовательская школа тангутоведения.

Здесь перекличка с неупоминаемым в тексте К. Леонтьевым. Оба великих историка говорят об одной из фаз взаимодействия двух культур – пересадке идейных ценностей, которые не искажают обе стороны, то есть не меняют их динамических восприятий действительности и стереотипов поведения. Подробнее об этом см. «Этногенез и биосфера земли».

До 861 г. доведена история Срединной Азии, впервые подробно и политически ясно изложенная в фундаментальном труде Гумилева «Древние тюрки» (М., 1967). В дальнейшем выходили исследования по истории Уйгурии, Кашгарии, Восточного Туркестана, но общей работы нет до сих пор. В 1986 г. вышла коллективная монография «История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней». Впервые в современной русской историографии после работ Л. Н. Гумилева, но без упоминания его имени, появились в ней главы: «Хунну», «Монголия», «Тюрки», «Тангуты», «Южная Сибирь», «Тибет». До этого в учебниках эти народы отсутствовали, относимые обычно суммарно к Китаю или в целом к Восточной Азии.

Западный край – китайское наименование «всего» запада от коридора Ганьсу, зажатою между двумя пустынями, и до Тянь-Шаня и Тибета. Гумилев подразумевает обычно бассейн Тамира и южную часть его – Кашгарию. Северную часть Западного края он всегда называет Джунгарией. Ныне этот край – Синьцзян-Уйгурский автономный округ Китая, населенный в основном мусульманами.

Кидани – монголоязычный народ, потомки древних сяньби, о которых написано в книге Гумилева «Хунну». В 1979 г. в Москве вышла «История государства киданей (Цидань Го Чжи)» китайского автора Е Лун-ли (XII–XIII вв.). Это самый важный источник по истории киданей, и он только подтверждает, что кидани – не сибирские тунгусы, не смешанный метисный народ, но преемники древнемонгольского населения нынешней провинции Китая – Маньчжурии и Монголии.

Турфан, Карашар, Куча – богатейшие в XI–XIV вв., оазисы на Великом шелковом пути в Кашгарии. В XIX-начале XX в. эти обнищавшие оазисы и их население описали русские путешественники и ориенталисты, собственно, и открывшие для мира застывшие и одичавшие селения, расположенные между окраинами Русского Туркестана и Китая.

Уйгуры – многочисленный народ, мусульмане, ныне населяющие Западный край и Казахстан. Не путать с древними уйгурами Монголии.

С. Е. Малов (1880–1957) – выдающийся русский востоковед, первооткрыватель и лучший знаток древнетюркской рунической и уйгурской письменности в XX в. Из его школы вышли почти все современные тюркологи России, изучающие тюркские реликты Алтая, Тувы, Хакасии, Сибири, Монголии и других районов.

Анри Кордье – крупнейший французский ориенталист начала XX в., специалист по истории Китая. Составил библиографический словарь по истории Китайской империи в 3-х томах, это лучший путеводитель по китайской истории в период 1920–1960-х гг. Жил в Китае. Автор «Всеобщей истории Китая» (Париж. 1920).

Бохай – царство или государство раннеземледельческого характера VIII–XI вв., расположенное в приморской части Дальнего Востока, частично на территории России. Археологию Кохая изучал академик А. Окладников.

Хомар-Дабач – лесистые крутые горы, окаймляющие с юга озеро Байкал, внутреннее монгольское море. Там обитали меркиты, одно из самых воинственных племен, враги в будущем Чингисхана.

Карл Виттфогель – крупнейший немецкий историк Китая, социолог, последователь М. Вебера. Обобщил для применения китайской истории теорию так называемых гидротехнических обществ – обществ рабовладельческого Востока, основанных на принудительном труде по рытью каналов, возведению плотин, оросительных систем. Вместе с китайским ученым Фэн Цзя-шэном разработал социологическую схему истории хозяйства и общества Китая. Был очень популярен в 1940–1960 гг. На бесплодной критике К. Виттфогеля была построена вся советская школа исследования рабовладельческих обществ и «азиатского способа производства».

В. К. Арсеньев (1872–1930) – этнограф, писатель, исследователь природы Тихоокеанского побережья России. Офицер, оставивший военно-топографические обзоры территорий ряда областей России. Романы «Дерсу Узала» (1923), «По Уссурийскому краю» (1921) – образцы прозы, соединявшей превосходное художественное изображение людей и природы с научной точностью и беспристрастностью ученого. Особенно популярен в Японии и США.

Дальневосточный этнокультурный комплекс – это замена понятия «суперэтнический регион», к которому автор обращается в дальнейших книгах после 1970 г.

История Каспия и прикаспийский ареал миграции народов – излюбленная тема Гумилева и наиболее близкий ему по духу природно-географический район исследований. О Каспии, хазарах, тюрках, половцах, русах и персах написаны его книги «Открытие Хазарии» (М., 1966), «Тысячелетие вокруг Каспия» (Баку, 1991) и лекции 1966–1980 гг. «Книга о кровавых путях народов».

На факт затрудненности социального общения между родами кочевников Притяньшанья обратили внимание русские юристы конца XIX в., когда приступили к установлению судебных порядков в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Л. Н. Гумилев применяет транскрипцию И. Мичурина, в настоящее время город называется Сучжоу или Цзюцюань, недалеко от известнейшей местности Дуньхуан, где расположены средневековые монастыри.

Кайфын – старинный пограничный город на Хуанхэ, там, где река часто раздваивалась на два рукава и текла либо в Желтое море, либо в залив севернее полуострова Шань-дун. От реки был защищен дамбами, которые представляли для города постоянную угрозу, особенно во время войн и восстаний. В разные столетия становился столицей.

Шаванн Эдуар (1865–1918) – французский китаевед, член Петербургской АН (1913). В начале XX в. опубликован ряд трудов, среди них наиболее обстоятельное исследование по истории древних тюрок до Л. И. Гумилева. Следует отметить, что русский историк выделяет в качестве авторитетов, работавших на основе документов, Э. Шаванна, П. Пеллио, Л. Кордые.

Здесь речь идет о произведении великого ориенталиста середины XX в. Рене Груссе, который в 1960 г. в Париже издал итоговую работу французской медиевистики по Востоку «Империя степей».

Справочник Хютте – популярный в 1920–1930-е гг. немецкий классический справочник по всем вопросам технологии, машин, механики.

Б. Ф. Поршнев – советский историк, уделявший внимание роли естественных факторов и психологии в истории.

Западной границе кочевого мира посвящена книга Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989).

Держава Саманидов – таджикское государство со столицей в Бухаре, в течение 100 лет сопротивлявшиеся вторжению кочевников с севера. Эмир Исмаил Самани (874–907) – один из наиболее почитаемых правителей Востока. При дворе в Бухаре жили Ибн Сина, Аль-фараби и многие другие великие ученые, писавшие на арабском языке. Держава пала в 999 г. от Караханидов, о которых далее в тексте Л. Н. Гумилева.

Волжские болгары, или Булгары – тюркское государство в бассейне Волги и Камы, считается родоначальником казанско-татарского этноса и нынешнего Татарстана. Леса Биармии – в нормано-викингской традиции – богатая мехами и золотом страна к востоку от берега Волги, от Ярославля. Костромы и до Перми и Оби. Название Пермь – видоизменение северной Биармии.

Данному сюжету посвящена книга Л. Н. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия» (Баку. 1991).

Чахар – ныне китайская провинция, примыкающая с востока к Монгольской республике.

История тангутов и тангутского государства как самостоятельного явления, а не части китайской истории, издавна привлекала внимание русских ориенталистов. По истории тангутов и их литературе и языку существует значительная историография на русском языке.

О культурном самоопределении Гумилев размышлял много, но достаточно цельного сочинения не оставил. Его всегда волновали сюжеты, намеченные еще К. Леонтьевым, о связи сильного культурного влияния со стороны с дальнейшим сохранением культурно-религиозной самобытности народа. Сравнение этнического самоопределения тангутов и киданей продиктовано было, в конечном счете, событиями XX в. и размышлением над судьбами России, оказавшейся в период между XVII и XX вв. несколько раз попеременно в положении то тангутов, то киданей. Сложная концепция взаимодействия этносов на почве культурно-исторического соперничества была рассмотрена в книге «География этноса в исторический период» (Л., 1990).

Падение Западного Тюркского каганата произошло в 661 г. Вместо него образовалась китайская провинция «Западный край». Восточный Тюркский каганат пал в 741 г., на его месте образовался Уйгурский каганат. Хронология событий в приложениях к каждой книге Л. Н. Гумилева. Речь идет об одной из первых попыток вселения тюрок-кочевников в Семиречье и области Саманидов, что в конце концов и случилось. Археология помогает установить, что племена, вселявшиеся в восточную часть Средней Азии, быстро становились оседлыми жителями.

Касан и далее Исфиджаб – богатые города в оазисе, который условно теперь называется Ташкентско-Сырдарьинским. Исключительное географическое положение делало этот оазис центром хозяйственной жизни, но столицы разных государств, как правило, бывали удалены от оазиса – Бухара, Самарканд, Коканд и др.

Потомки парфян – туркмены. Гумилев идентифицирует средневековых парфян, иранцев, говоривших на среднелевантском языке, наследников империи Сасанидов, с частью кочевников Турана, через некоторое время ставших в источниках туркменами. Антропологически потомки парфян и предки современных туркмен близки.

Эта глава – краткий пересказ истории всех народов, оказавшихся в страшных коллизиях в IX–XI вв. Жаль, что Гумилев не написал монографической работы о хронологической смене народов на территории, которую он уклончиво называет Северо-Запад. История Великой «Дешт-и-Кипчак» – по сути история Великой степи, о которой пишет автор, но в данной книге все его исторические описания касательны по отношению к главной теме, занимавшей его, – теме создания русско-тюркского симбиоза в XI–XIX вв., с XV в. в виде будущей Российской империи.

Команы, или куманы – половцы западной части Евразии, вселившиеся в Венгрию и Болгарию. О них существует необъятная литература на всех языках. См. о них в книге «Древняя Русь и Великая степь».

Ононский сосновый бор – родина предков монголов, был предметом пристального топографического интереса Гумилева, как, впрочем, Москва и ее окрестности, Петербург и его пригороды, Норильск и Терек. Автор был прирожденным ландшафтоведом, изучавшим в натуре объекты физической географии, точнее объекты живой этнической истории, а не только мертвого инвентаря – археологические остатки, этнографические предметы.

Урянхаи – предки тувинцев, оседлых жителей прежнего Урянхайского края, затем Тувинской республики. Уги – народ тунгусско-чжурчженьской ветви. Оба народа рассматриваются автором как фон народов Степи.

Крепость Хотунь – пример фортификационного и градостроительного искусства кочевников, которые в дальнейшем начали сооружение больших «имперских» столиц. Важно отметить, что помощниками в подобного рода сооружениях были согдийцы – восточные иранцы, распространившиеся в эти века по всей Великой Степи.

Возвращение к теме несторианства. Концепция вероисповедания, которое понесло поражение в Византии, но восторжествовало в Степи, требовала богословского и историографического обоснования, и этим материалом Гумилев владел полностью. К сожалению, обстоятельства сложились так, что основную аргументацию автор направил на доказательства своей правоты, но не на исторические сюжеты, такие как несторианство или христианство в целом, которые были его стихией.

Один из примеров обобщений историка, которые являются формулами его этнической этики. Историк этногенеза всегда на стороне слабых и всегда с пониманием относится к «малым» этносам, которые, по устоявшейся традиции, идущей с XVIII в., всегда оставались периферией интереса ученых и хронистов. Его волновали судьбы небольшого этноса северян (северцы) (Северская Украина), бродников и поморов, чалдонов Сибири, псковичей, латгальцев, бретонцев, уэльсцев, басков, фризов – это если перечислять только те этносы, о которых он с болью и уважением говорил на лекциях. Именно желание разглядеть в истории Степи людские судьбы, продиктованное условиями 1930–1940-х гг., когда сам ученый был невольником, заключенным, позволило ему написать отсутствующую до него историю этой части человечества, а его оппонентам и недругам посмеяться над его искренним человеческим сочувствием к слабым и угнетенным. Скрытая полемика этих и иных строк такова: хорошо вам, осторожным и яйцеголовым приверженцам режима, пересказывать то, что давно известно, но вы расскажите о людях, которых затравила история, об этносах, которые исчезли с лица земли, потому что фортуна или сила соседей их уничтожила.

Несчастную женщину, по легендам, рассекли заживо стрелами луков.

Вывод о смене доминанты поведения на данном примере доказывает, что автор знает о событиях и их логике противоречий намного больше, чем может уместиться в книге. Так, появление титула «гурхан» на мировой арене, произвольное по отношению к ситуации, стало, по словам автора, высказанным в лекциях в ЛГУ, «вектором, определившим состояние эпохи, и породило новое пространство действий для лиц исторической драмы XII в.».

С появлением чжурчжэней на юге Китая за рекой Хуанхэ начинается новая полоса переселения китайцев в бассейн реки Янцзы. Началась эпоха перестроек в Китае, город Ханчжоу, недалеко от современного Шанхая, превратился в красивейший город Китая. Озеро Дунпшнху находится в центре Китая, на Янцзы.

Бишбалык – город в предгорьях Тянь-Шаня, ключ к Джунгарии, столица западных тюрков, встречается на картах XI–XIV вв., слава его достигала Европы.

Баласагун – город-крепость, крупный торговый центр недалеко от озера Иссык-Куль.

Речь идет о султани Сельджукской империи Санджаре (1118–1157). Гумилев не успел дописать сюжет о создании и распаде Сельджукского султаната, гегемона на Ближнем Востоке, из недр которого вышли создатели Иконийского султаната, Византии и Османской Турции. См. работу академика В. А. Гордлевского «Государство сельджукидов Малой Азии» (М.–Л., 1941). Санджар стал поэтической легендой у огузов, турок и туркмен.

Автор не применяет еще методики исследования пассионарности к данному отрезку истории. В дальнейших трудах он возвращался к теме встречи кочевников и Ближнего Востока, написав самое важное – о несовпадении взрывов и времени протекания этногенезов и о коллизиях, в которые вовлеклись народы благодаря разному возрасту. По теории Л. Н. Гумилева, кидани и чжурчжэни, как и монголы, являют собой полосу взрыва пассионарности в XI–XII вв.

Помимо этого данный сюжет оказывается одним из примеров так называемого «криминалистического» подхода ученого к истории, к ее загадкам. Он дал убедительный ответ на мучивший многих исследователей вопрос: откуда у кара-китаев и у Елюй Даши оказались столь многочисленные силы и столь многочисленные средства.

Это утверждение – принципиальная этическая позиция ученого, который никогда не забывал писать о проигравшей стороне. Проявление столь щепетильного отношения к источникам, восхваляющим победителей, и столь же ясного и безукоризненного отношения к людям и этносам, оказавшимся жертвами истории.

Теория о «кочевом феодализме» была модной в 1920–1950-е гг., и она была идеологическим обоснованием насильственного перевода кочевников в следующую формацию развития – социализм, что повлекло за собой гибель нескольких миллионов бывших кочевников – казахов, монголов, киргизов, ногайцев и многих других. Теория отпала, как только у нас покончили с кочевниками.

В лекциях и в экскурсах к истории завоеваний Тимура (Тамерлана) автор совершенно нетрадиционно осветил и создание Хорезмского султаната.

У Гумилева две версии интерпретации появления имени Иоанн-Иван: ранее им воспроизводился имя «государь Инанч», переводимое с арабского на латынь как Иоанн.

О «людях длинной воли» как о людях «первого Рима», собравшихся во имя своего будущего на семи холмах, как и о первых сподвижниках Мухаммеда или о людях окружения Александра Невского, автор писал многократно. В лекциях по этнологии все эти описания объединены под термином «вспышки этногенезов».

Логика политического анализа историка, посвятившего себя изучению смысла событий в степи в 1182 г. и двум взаимно пересекающимся переворотам у монголов, оказалась неопровержимой и признана сегодня большинством исследователей. Это уже факт науки. Такова же авторская логика и при анализе ситуации вторжения монголов на Русь в 1240 г. и Куликовской битвы в 1380 г., а также при анализе ряда аналогично сложных событий: битвы на Катванской равнине в 1141 г. или при Айн-Джалуте в 1261 г., но специалисты по истории этих государств отрицают доказанность аргументации Л. Н. Гумилева.

Более подробно картина взаимоотношений степных племен рассмотрена в книге «Древняя Русь и Великая степь» в главе «Деяния монголов XII в.».

Мысль о переходе внутриплеменной борьбы к внешнеполитической – за гегемонию не признает ни один исследователь истории «деяний монголов» в XIII в. По укоренившейся традиции не заниматься «мелочью» подробностей быта и «семейных» распрей монгольских племен, историки с первых же шагов видят в Чингисхане завоевателя и «императора степей». Период подготовки становления или созревания вождя, что обычно при рассмотрении биографий Цезаря, Кромвеля или Бонапарта, считается для Востока пока несущественным.

Автор на время упустил из поля зрения империю чжурчжэней Кинь (Цзинь), но только для того, чтобы вернуться к военным действиям, которые послужили причиной всех дальнейших военных походов монголов. Приведу для сравнения цитату из работы академика С. Тихвинского, который, обобщая «проблемы феодализма», выставляет оценку истории XIII–XIV вв.: «Новое монгольское государство (Чингисхана) по сравнению с предыдущими раннефеодальными объединениями носило ярко выраженный феодальный характер... Сложение монгольского феодального государства в начале XIII в. способствовало росту производительных сил и укреплению внутреннего единства монгольского народа и могло бы привести в конечном итоге к значительному экономическому и культурному подъему страны. Однако завоевательная политика монгольских феодалов, превративших народ в воинов, а страну – в военный лагерь, помешала этому. Завоевательные походы Чингисхана и его преемников против народов Дальнего Востока, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Восточной Европы и других стран не только надолго затормозили прогрессивное развитие этих стран, но и привели к задержке подъема производительных сил и культуры самой Монголии...» (см.: С. Л. Тихвинский Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, стр. 3).

Все вроде понятно, но не ясно ничего – таков итог советской официальной историографии за 60 лет творческого изучения XIII в.

Монголы взяли Пекин, столицу чжурчжэней, называвшийся Джунду, и ушли. Столица империи Цзинь, или Кинь перенесена была в Кайфын на Хуанхэ. На месте Пекина в более поздние годы была построена монгольская столица Ханбалык, описанная европейцами.

По поводу местонахождения реки Иргиз мнения историков разделилось. Некоторые подразумевали, что это река в нынешней Самарской области, приток Волги. Все-таки битва произошла при другой реке, тоже Иргиз, но в нынешней Актюбинской области Казахстана. В начале XIII в. река была полноводной, текла в сторону Аральского моря и, возможно, впадала в него, не теряясь в песках. Иргиз – традиционное место водопоя многочисленных стад кыпчаков. Хорезмшах Мухаммед держали этих местах усиленные стражи для предотвращения набегов на Хорезм с севера.

Алмалык – один из наиболее известных городов на Великом шелковом пути в начальной части течения реки Или. Населен был в описываемое время почти исключительно несторианами. Десятки европейцев, персов, арабов, проехавших по Шелковому пути в ставку монгольского хана в этом и следующем столетиях, описали город. Ничего общего с названием Алма-Аты.

Саксин – новое название хазарского города в низовьях Волги. Автор умышленно говорит о нижнем течении Волги или Яика (Урала) потому, что в XIX в. под Саксином иногда подразумевали город Сарайчик, разрушенный казаками в XVI в.

Людовик XIV(1638–1715) – король Франции, в правление которого разгорелись Фронда и религиозные военные распри, походы, названные драгонадами, между католиками и протестантами.

Авантюра с захватом Дамьетты в устье Нила в 1218 г. напоминает такой же внезапный и бессмысленный десант Наполеона Бонапарта против англичан в Египет в 1798 г. Те же места и те же цели – закрепиться в Леванте. В 1218 г., во время Пятого крестового похода, была подготовлена версия или легенда о «помощи», едущей с Востока. Жертвой этой фальсификации пал Людовик IX Святой, попавшийся в плен во время Шестого похода в 1248–1254 гг. О Иерусалиме уже забыли, он был в руках потомков курда Саладина.

Между 1204 г. – взятием крестоносцами Константинополя, и 1261 г. – битвой между мусульманами-мамлюками и монголами за освобождение Иерусалима, приведшей в итоге к уходу католического Запада с Ближнего Востока в 1291 г., лежит, по мнению Гумилева, черта, отделяющая Средневековье от Нового времени. В этой полосе перемен лежит и закономерная изоляция Руси от международных отношений – как проигравшей вместе с Византией страной. Дож Венеции Дондоло – организатор похода на Константинополь.

Гумилев фиксирует внимание на как бы второй стадии интереса к царству Иоанна, уже после разочарования в помощи с его стороны в критические годы Пятого и Шестого крестовых походов. С изменением вероисповедания ханов Золотой Орды после 1260-х гг. и в связи с интересом части монголов к Европе началась целая эпоха путешествий и паломничеств западных миссионеров и разведчиков на Восток. Эта поистине эпопея «Первой Америки» в Евразии отражена в множестве документов, книг, хрестоматий.

Гумилев собирался написать комментарий к запискам двух наиболее прославленных монахов: Плано Карпини и Гильома Рубрука, но все его интересы сосредоточились на «обороне» от врагов, запретивших ему, «монголофилу», печататься с 1976 по 1988 г.

Уже утвердилось название «татары» для всех тюрко-монголов: собственно монголов, найманов, половцев и иных. Этим только подчеркивалось, что этно-политическое единство новой Евразии сложилось, и определение через этноним облегчало всем понимание ситуации как в Восточной Европе, так и на Среднем Востоке.

Цезорея – столица Иерусалимского королевства после утери Иерусалима. В первые века н.э. центр римской провинции Палестина.

Существует большая литература по взаимоотношениям католической церкви и Китая. Успехи миссионеров были минимальны, но они позволили европейцам серьезно изучить жизнь Китая. Россия присоединилась к этой работе в Китае только при Николае I.

Здесь ответ ученого на обвинения в его пристрастии к Азии и нелюбви к европейцам. Гумилева волновали кривые этногенезов, он был наблюдателем, но не моралистом, поэтому так часто он показывал изнанку каждого витка этнической истории.

Одна из самых увлекательных историографических тем – кто был автором «Книги о Великом Хаане» или «Каане», как иногда ее называют. Гумилев мучился этой загадкой, но не разрешал себе заниматься этой достаточно выигрышной темой, так как торопился объяснить содержание этнических коллизий и контактов разных этнокультурных регионов – суперэтносов. Истолкование смысла ошибок в данном тексте «Книги о Великом Хаане» оказалось под силу пока только ему.

Письменность на монгольском языке сложилась в конце XII в. На этом языке написаны «Тайная история монголов» или «Сокровенное сказание» («Нууц Тобчо»), а также «Алтын дептер» («Золотая книга»), что означает включение в название персидского слова «дептер» – тетрадь, книга расходов, просто сочинение. Только в XVII в. неизвестный автор составил сводную летопись «Алтай тобчи», в которой есть дополнения к «Сокровенному сказанию» о событиях создания империи Чингисхана.

Следует привести мнение Гумилева об источниках XIII в.: «Убежден, что „Сокровенное сказание“ принадлежит одному автору, не менее гениальному, чем автор „Слово о полку Игореве“. Автор, судя по всему, примкнул к Чингисхану после 1182 г. Вначале он ведет повествование от третьего лица, а далее говорит „мы“. Полагаю, что фольклора в памятнике нет. Это политический памфлет и симпатии автора обращены к монгольскому войску, к тому времени уже ветеранам, а не лично к Чингисхану. В переводе на венгерский и польский языки, а также в переводе на французский у Пеллио название памятника звучит более адекватно оригиналу – „Тайная история монголов“. „Сокровенное сказание“ – перевод, сделанный в свое время С. Б. Козиным до войны, – и в атмосфере юбилеев „Слова о полку Игореве“, „Витязя в тигровой шкуре“ и остальных „эпосов“.

После смерти Угедея монгольских ветеранов стали оттеснять представители завоеванных стран, включенные в армию, а в 1242 г. ветераны были уничтожены как политическая сила. Написанное в 1240 г. «Сказание» чудом уцелело. Я написал о том, как в исторических памятниках XIII в. у русских и у монголов могли содержаться изложения политических событий» (цит. по: Книга Монголии. Альманах библиофила. Вып. 24. М., 1988, стр. 344).

Гумилев не случайно сопоставляет неизвестного автора «Тайной истории монголов» с известнейшим византийским историком VI в. Прокопием Кесарийским. Придворный историк при императоре Юстиниане написал «Тайную историю», в которой, смешивая злость и сплетни, рассказав, как он думал, наиправдивейшую историю о греках – ромеях, императоре, императрице Феодоре, великом полководце Велизарии, секретарем которого был историк. Гумилев ценил многих прославленных историков, но более всего его внимание привлекали «антиправительственные» историки – будь то Сыма Цянь, Прокопий или Ф. Гизо и О. Тьерри. В их оппозиционности и независимости он находил силы для своих официально неприемлемых версий событий XIII–XIV вв. Прокопий Кесарийский к тому же придерживался идеи цикличности исторических событий.

Гумилев неоднократно указывал, что разным целям может служить цитирование одних и тех же фраз из источника, в зависимости от перевода. К примеру из «Сокровенного сказания», сделанный с китайского языка на русский о.Палладием Кафаровым, русским миссионером в Пекине, гласит: «Отец наш, царь Чингиз, оставил народы еще не завоеванные», и П. Кафаров делает примечание китайские иероглифы «не завоеванные» означают собственно «недоконченные». Дальнейшие интерпретаторы этих текстов прямо говорили, что речь идет о «недобитых» народах и т.д. В переводе же с монгольского оригинала С. А. Козина эта фраза звучит так: «Огадай каан (Угедей)... продолжал военные действия против Халибо-Солтана (халифа), незаконченные при Чингис-хане». Ясно, что речь идет не о «неприконченных» или «недоконченных» народах, а о продолжении незаконченных при Чингисхане военных действий на фронтах.

Автор «Тайной истории» – военный и придерживается антикитайских настроений.

Внимание Л. Н. Гумилева к «ветеранской» традиции в историографии продиктовало ему возможность заинтересованно прочитать практически все мемуары о военных действиях и походах от Александра Македонского до Бабур, Тимура и Наполеона, и восстания в Китае в 1900 г., известного как «боксерское». Гумилев читал мемуары пристрастно, его особенно волновала грань дозволенного в воспоминаниях – насколько то, о чем говорит автор, является фактом его понимания истории, и насколько то, что мы воспринимаем как достоверность, является в воспоминаниях фольклором, вымыслом или на худой конец, беллетризацией. Помощь в такого рода «фольклорных» разысканиях ему оказывал писатель Д. Балашов, сам по профессии ученый-фольклорист, специалист по исторической традиции в письменной литературе.

Тульский Темный Бор – сосновый ареал по реке Тула или Тола, место сбора монголов и место охоты, давнишняя стоянка улуса кераитов недалеко от впадения реки в Орхон. Тола (Тула) означает петляющая, что напоминает о подмосковной Туле. Об этом см. у историков антропонимии и этнонии.

Присутствие кара-кидана Поякина ставило в тупик многих исследователей начальной части степной войны. Гумилев не забывает о несторианских претензиях на верховенство, но его уверенность, что за спиной событий стояли уйгуры-несториане подтверждается не в этой книге, а в других работах.

Симпатии Гумилева все время на стороне «людей длинной воли», условно говоря, лагерников и колодников, отстаивших свою свободу. Джамухе он верит, но его анализ событий позволяет, как бы ставя эксперимент на источниках, проверить, как работает этногенез на персональном уровне.

Гумилев не дал окончательного ответа на вопрос: могло ли стать реальностью царство Иоанна и что было бы, если бы оно возникло в результате поражения Чингисхана? Зная о широком распространении в XIX–XX вв. западного христианства – католичества и протестантизма в Китае, Корее, Японии, и наблюдая протестантских проповедников во всем мире, историк ставил мысленный эксперимент по поводу возможности распространения в Степи несторианства или православия – через Сибирь. В лекциях о народах мира он отвечал на эти вопросы.

См. об этом в статьях Л. Н. Гумилева: Митра и Шэнраб (Л., 1967), Древнемонгольская религия (Л., 1968), Этнос и категория времени (Л., 1970).

Положительный Бог иранского пантеона Ормузд, Ахурамазда по-ирански, олицетворение Солнца и добра. Злым духом, дэвом, был противоположность Ахура-мазды – Ариман.

Шаманизм с конца 1970-х гг. стал важной темой исследований как в России, так и за рубежом. Сделан огромный шаг в понимании этого сложного мировоззрения. Мировую науку заинтересовали особенно сибирские и северные народы и древние тюрки, и из объектов полевых этнографических изучений они превратились сегодня в носителей самой оригинальной мировоззренческой картины мира или верований, без реконструкции которых невозможны дальнейшие открытия в антропологии, этнологии и биологии развития человечества.

Здесь возникают контуры этнической этики Гумилева, и в дальнейшем вся гамма векторов этнического поведения была им распределена как положительные этнические системы (императивы), так и отрицательные – антисистемы. Ложь как принцип поведения – этническая, социальная и культурная мимикрия, предательство и создание утопических антиэкологических концепций были в дальнейшем рассмотрены им в монографии «Этногенез и биосфера Земли». Ученый уделял внимание разным факторам «положительного» и «отрицательного» поведения этнических коллективов, от него не ускользнуло, например, что солдатские императоры Рима и легионеры I–III вв. в империи, которая еще казалась вечным Римом, проникались верованиями митраизма – иранского бога Митры, поскольку клятва именем этого солнечного бога означала верность в бою и честность в отношениях друг с другом. А какую еще религиозную доминанту могли принять солдаты до того времени, пока христианство не стало мировоззрением Запада и Востока?

См. работу Л. Н. Гумилева «Старобурятская живопись» (М., 1975), где дан замечательный очерк истории взаимоотношений шаманизма, митраизма и бона.

«После этого, значит вследствие этого» (лат.).

Эта глава вызвала неистовую полемику, породила многочисленные рецензии, книги, комментарии, на время оказалась темой научно-патриотических сочинений. Книга Гумилева побудила к историографическому пересмотру многих уже ставших канонистическими утверждений науки. В этой связи следует сказать, что после перерыва возникла новая полемика о времени написания «Слова о полку Игореве». Историк А. Зимин, написав книгу, так и не смог ее опубликовать. Академики Б. Рыбаков, С. Тихвинский, В. Пашуто, профессора И. Петрушевский, И. Греков и многие другие подвергли Гумилева уничтожающей критике. Были созданы беллетристические сочинения на тему «унижения Руси», виновником которого оказывался Гумилев. Предлагалось осудить сына белогвардейцев и самого по духу белогвардейца за его книгу и статьи. Подлил масло в огонь Олжас Сулейменов, написавший книгу с подчеркнуто степным кочевническим пафосом «Аз и Я», которую Гумилеву предложили осудить, но ученый не сделал этого, хотя и находил в ней фундаментальные ошибки.

Десять лет (1971–1982) тянулась «пора скандала» вокруг данной главы книги. Вся антигумилевская полемика ушла в песок, не достигнув научного эффекта. Проблема взаимоотношения Орды и Руси осталась открытой, как бы решенной, но не принятой. Время создания «Слова о полку Игореве» перестало обсуждаться. Лишь академик Лихачев в начале 1980 г. положительно отзывался о работах Гумилева.

Гумилев, обнажая все грани историографического невежества, создает справедливую картину общего непонимания того, что же такое огромная территория к востоку от Волги и Каспия. Ведь сложилось стойкое убеждение, что все там, в степях – одно бесконечное перемещение кочевников и их постоянная сплоченность в целях захвата и ограбления окружающих народов. Степь – «вместилище сонма» завоевателей, и эта немецко-французское неприятие Востока сказалось в XIX в. и на восприятии русскими исследователями проблемы монгольских завоеваний, монгольских отступлений из земледельческих стран и многим другим. Даже такой уверенный либерал и демократ, как прославленный историк П. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» (1896–1903), утверждал, что только окончательная ассимиляция малых народов к востоку от Волги и полное их включение в российский этнос будет означать победу над отсталым кочевническим способом производства.

В 1930–1960-х гг. кочевниками по-прежнему занимались как частью феодального общества, и подробности их социальной или национальной жизни никого не интересовали. Сами народы рассматривались как объекты этнографических описаний, перед тем, как они, реликты и исчезающие величины истории, не станут полностью прошлым, то есть историей. Политическую и культурную смысловую сторону динамики развития кочевников, народов тюрко-монгольской и сибирских групп населения, вообще историю Великой степи как целостного организма до Гумилева никто не рассматривал. Великую степь как феномен истории проглядели все – до появления данной книги она была практически «белым пятном».

Гумилев косвенным образом стимулировал изучение «Слова о полку Игореве» как двуязычного памятника письменности, в котором термины, понятия, имена, лексические обороты указывают на понимание автором или переписчиком языка степняков и знание их внутренней жизни.

Гумилев специально изучал «прокормочность», то есть экологическую вмещаемость Прикаспийских, Приаральских, Черноморских степей, Черной земли в Калмыкии, Семиречья и других районов постоянного кочевания степняков. Здесь его наставником был С. Руденко, пожалуй, самый знающий в XX в. исследователь кочевого хозяйства в России. Его работы можно сравнить лишь с всемирно известными трудами французских ученых, изучавших хозяйственный уклад бедуинов и других кочевников в Северной Африке.

Возможность прокормления большой армии в степях Восточной Европы, вблизи лесистых территорий Руси или невозможность прокорма столь больших скоплений кочевников, а также проблема перегона «скопищ» кочевников со стадами через лесостепь и по дорогам из Монголии и Джунгарии на Русь стали теми сугубо материалистическими аргументами историософии Гумилева, которые всерьез пока никто не рассмотрел. Оппоненты не замечают материализма картины, и этнохозяйственная реальность районов кочевания остается вне рассмотрения специалистами по истории России, Европы, Кавказа. Даже самая «материалистическая» – советская историография, которая только и говорила о способе производства и производственных силах, на самом деле выступала, даже по сравнению с английской, американской или французской школами исследований, чересчур идеалистической, легковерной к источникам и спекулятивной.

Шам – традиционное название некоторых областей Сибири, бывших долгое время христианскими. Рум или Ромея – названия православной Византии у мусульманских авторов. Осы – православные осетины. Создание коалиции православных правителей всех указанных областей не осуществилось. Подобное намерение, скорее всего, было тактическим ходом Батыя и «прожектором», под которым не было никакой реальности. События между 1251 и 1256 и 1261 гг. настолько важны для Старого Света, что Гумилев многократно возвращался к этой теме, и к теме возможности коалиции. Об этом работа «Черная легенда», до сих пор полностью не изданная.

Обложение налогом с очага или жилища, характерное для территорий, пострадавших от монгольской войны или необходимых в качестве резерва для будущих военно-политических задач, важнейшая тема истории хозяйства народов монгольских улусов: Китая, Ирана, Малой Азии, Кавказа, Руси, Степи. Однако сводной работы такого рода нет и не предвидится. Попытка сравнительной характеристики ситуации государств, оказавшихся во владении монголов, а затем освободившихся от их власти, была сделана в свое время русскими евразийцами, в особенности П. Савицким.

Автор говорит о первом освобождении России от монголов. Второе, более реализованное, произошло в 1380 г. О Куликовской битве и всех перипетиях борьбы с наследниками Золотой Орды Гумилев написал достаточно много. Это тема и его книги «от Руси к России».

Кастилия вела свою реконкисту... – т.е. свое отвоевание Испании от арабов, хотя несколько столетий эта война не носила национального характера освобождения испанского народа от арабского иноземного владычества. Владычество арабов в Испании и монголов в России носит принципиально разный характер.

В отличие от многих своих современников Гумилев воспринимал падение Триполи и Аккры и уход христиан из Палестины как свою личную беду.

О «второй сказке» – о попе Иоанне, созданной после 1289 г., автор говорил многократно. Его удивляла восприимчивость человеческого сознания к легендам зловредного характера. И потому о трагедии, постигшей Западную Русь, Галицкое княжество и культуру южнорусского населения, он говорит как о естественном последствии обывательской этики нежелания ни во что вникать.

Однодворцы – русские крестьянские семейства, которые не были лично зависимы, то есть крепостными. Полоса их свободных поселений на окраине Степи создала русское односторонство и как следствие – специфическую культуру, не замеченную нашими современниками, но отлично понимаемую, например, Н. Лесковым и И. Буниным. Фамилии Тургеневых, Аксаковых, Чаадаевых и многих других ведут свое происхождение от пункта истории, указанного Гумилевым. В 1970–1980 гг. некоторые исследователи занялись этой проблемой. А. Шенников, один из лучших отечественных этнографов, написал несколько важных работ на эту тему.

Одно из самых выдающихся прозрений великого историка. По поводу «выхода на Русь» ордынских князей и богатырей, их выезда «от татар» в Москву существует огромная литература. Однако она страдает некоторой односторонностью, поскольку сочувствует то одной, то другой стороне. Гумилев впервые провел исторический экскурс в область, казавшуюся совершенно туманной и лишенной какой-либо историографической основы для анализа. Поразительный сравнительный анализ содержания «Тайной истории монголов» и «Слова о полку Игореве» позволил ему взглянуть на протоисторию образования дворянских фамилий России и носителей определенной этики совершенно по-новому и решить долгий и мелочный спор XVIII–XX вв. о том, кто кого благодетельствовал в истории.

Примечания

«Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum, rec. A.Hofmeister» (Hannover-Leipzig, 1913. Р. 365 и след.). Цит.по: Р. Хенниг Неведомые земли.т. II, стр. 441. (Подробное описание всех использованных работ см. в библиографии.)

Там же.

Там же.

Там же.

Литература по проблеме «первосвященника Иоанна» огромна, но уже потеряла значение в связи с тем, что проблема эта решена В. В. Бартольдом (О христианстве в Туркестане..., стр. 25. ср.: И. П. Магидович Вступительная статья к «Книге Марко Поло», стр. 5–11). История вопроса дана у Р. Хеннинга (Неведомые земли, стр. 446–461), но автор в комментарии допускает грубые ошибки в истории Центральной Азии, частично отмеченные редактором (стр. 446–448).

См. подложный текст «письма пресвитера Иоанна» к византийскому императору Мануилу Комнину (1143–1180) (Р. Хенниг, Неведомые земли, стр. 442–443). О мнимой переписке императора Мануила с «пресвитером Иоанном» упоминается также в древнерусской «Повести об индийском царстве» (Ю. К. Бегунов Памятник русской литературы XII века «Слово о погибели Русской земли», стр. 101).

L. N. Gumilev Les Mongols du XIIIe siècle et le Slovo o polku Igoreve, стр. 37–57.

Л. Н. Гумилев Роль климатических колебаний...

И. Забелин. «Человечество – для чего оно?», стр. 172–174.

См.: Л. Н. Гумилев Хунну.

См.: Э. М. Мурзаев Народная Республика Монголия, стр. 184.

Там же, стр. 188.

Там же, стр. 189.

В. Н. Абросов Гетерохронность периодов...; Л. Н. Гумилев, Хазария и Терек; его же, Открытие Хазарии; его же, Роль климатических колебаний...; Les Fluctuations...; его же, New Data...

Цит.по: В. К. Яцунский Историческая география, стр. 274–275.

Л. Н. Гумилев Открытие Хазарии, стр. 146–148.

Л. Н. Гумилев Хазария и Терек, стр. 78.

Л. Н. Гумилев Хунну, стр. 88–89.

Там же, стр. 139–142.

Там же, стр. 4.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений по исторической географии..., стр. 658.

Л. Н. Гумилев Троецарствие в Китае.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 51.

Л. Н. Гумилев Хунну, стр. 86.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 95.

Там же, стр. 94.

E. Chavannes, Les pays d'Occident..., стр. 522–526.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 505.

С. В. Киселев Древняя история южной Сибири, стр. 161; С. И. Руденко Культура населения Горного Алтая в скифское время стр. 229, 232–234, рис. 143, 144, 145, 146.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Исторический атлас Монголии.

С. И. Руденко Культура хуннов и Ноинулинские курганы.

С. И. Руденко, Л. Н. Гумилев Археологические исследования П. К. Козлова..., стр. 241–243.

См.: Вестник древней истории. 1962. № 3, стр. 202–210; ср.: Народы Азии и Африки. 1962. № 3, стр. 196–201.

См.: Н. Я. Бичурин Собрание сведений по исторической географии...стр. 658–662; Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 142–143; R. Grousset L'Empire des steppes, стр. 95–103.

К их числу мы причисляем империи Тан и Ляо (киданей), потерявших связь со степью, но не Юань и Цин, опиравшихся на родные земли вплоть до падения.

М. И. Артамонов История хазар, стр. 133 и сл.

Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 188–197

Необходимо учитывать, что все завоевания империи Тан на западе и на востоке были совершены кочевниками, называвшими фактического основателя этой династии «Табгачский (т.е. Тобасский) хан» (см.: Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 221), так как он происходил из тюркского рода (Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах..., т. I, стр. 355). Но его преемник Гао-цзун (650–683) очень скоро утратил то, чего с таким трудом добился его отец, вернувшись к политике традиционного китайского высокомерия. Последствием этого было создание Второго тюркского каганата (679–745) и потеря Китаем гегемонии в Восточной Азии, оказавшейся эфемерной (Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия...т. II, стр. 218).

Ань Лушань, сын согдийца и тюркской княжны, сделал карьеру в танской армии от солдата до генерала. В 756 г. он возглавил мятеж трех корпусов, укомплектованных кочевниками, составлявшими ударную часть армии. После подавления движения в 763 г. Китай оказался не в состоянии продолжать завоевательную политику и перешел к обороне.

«И ариане и православные обвиняли друг друга в нелогичности; характерным для их спора было обращение к разуму» («История Византии», I, стр. 169).

Христианство проповедовалось в Средней Азии еще до арианских споров, так как первое упоминание епископии города Мерва датируется 334 г. (R.Grousset. Histoire de l'Extreme-orient, vol. I, стр. 353). С 420 г. она стала митрополией.

F. Cumont La propagation...

В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 6, 18.

Н. Пигулевская Мар Абa I.

Феофилакт Симокатта. История, стр. 130–131.

P. Pelliot Chretiens...

См., например: Р.Хенниг. Неведомые земли, стр. 105; P.Y. Saeki. The neslorian documents..., стр. 457.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах...т. I, стр. 274.

В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 9.

R. Grousset Histoire de l'Extreme-Orient, vol. I, стр. 352.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 382.

E. Chavannes et P. Pelliot? Un traite manicheen...Vol.1.

Например, они называли Будду бесом (см. E. Chavanneset et P. Pelliot. Un traite manicheen..., стр. 193) и изображали в кумирнях демона, которому Будда моет ноги (В. П. Васильев Китайские надписи в орхонских памятниках. т. III, стр. 23).

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 428–431. Так, ибн Бахр сообщает, что в середине IX в. в столице уйгуров живут тюрки «зороастрийцы и зиндики», а в X в. манихейский храм в Уйгурии рассматривался как исключительное явление (А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX–X вв, стр. 428, 435).

P. Pelliot? Chretiens...ctp. 624.

J. Marquart, *Guwaini's Bericht...*, стр. 480; E. Chavannes et P. Pelliot *Un traite manicheen...*, стр. 284 и сл.

A. Moule, *Christians in China...*, стр. 76; P. Pelliot *Chrétiens...* p.628.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 308.

С. М. Кочетова Божества светил в живописи Хара-хото, стр. 471–502.

Н. И. Конрад Запад и Восток, стр. 127.

P. Pelliot Chretiens...ctp. 626.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 338–339.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 433–434.

Так назывался в древности бассейн Тарима, южная часть совр. Провинции Синьцзян.

Монголоязычный народ, потомки древних сяньби.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 339.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 362.

С. Е. Малов Памятники древнетюркской письменности, стр. 200–220.

В. В. Бартольд Очерки истории Семиречья, стр. 17–18.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах... т. I, стр. 339.

Н. Cordier, Histoire generale de la Chine, vol. I; Шан Юэ. Очерки истории Китая;
Л. В. Симоновская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев Очерки истории Китая.

Н. И. Конрад Запад и Восток, стр. 119–151.

Здесь мне хочется отступить от академического канона и вместо ссылки на источник попросить читателя прочесть про этот трагический эпизод в прекрасной книге В. Истрина «Ветка ивы» (М., 1957), где автор реконструирует психологию эпохи поистине артистично. Не следует пренебрегать возможностями изящной словесности, когда она сопряжена с эрудицией и талантом.

Н. И. Конрад Запад и Восток, стр. 127, 140.

Там же, стр. 147–148.

Там же, стр. 149.

Китайцы называли шато «черными воронами», а их вождя – «одноглазым драконом».

Ему было 28 лет.

H. Cordier Histoire generale de la Chine, vol.II, стр. 5.

Там же, стр. 8.

Там же, стр. 17.

Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 259.

H. Cordier Histoire generale de la Chine, vol. II. ctp. 14.

Э. В. Шавкунов Государство Бохай..., стр. 51.

К. А. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 398. 574. В книге К. Виттфогеля приведена огромная библиография, которая за истекшие 20 лет увеличилась за счет японских археологических работ, а также русских и европейских исследований. Поскольку специальное изучение истории киданей не входит в нашу задачу, мы ограничимся сокращенным изложением ее в пределах, необходимых для уяснения нашей проблемы – динамики политических и идеологических сил в дочингисовский период. Поэтому материал приводится выборочно и в определенном аспекте, принятом нами для данного периода.

Там же, стр. 528, 575; H. Cordier Histoire generale de la Chine, vol. II.

Цзубу – прозвище, означающее пастухи-кочевники. Общий этноним, под которым подразумевались татарские племена (см. ниже). Под этим годом они упомянуты впервые.

H. Conon von der Gabelentz, Geschichte..., стр. 25.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 371.

Предположение, что кидани вытеснили из степи енисейских кыргызов, не подтверждается ни прямыми данными источников, ни реконструкцией событий. В числе врагов Амбагана кыргызы не названы, и нет указаний на бои, которых не могло не быть, если бы две крупные державы оспаривали друг у друга важную для них территорию. Война киданей с кыргызами – домысел историков XX в., стремившихся заполнить лакуну в хронологии и фактографии.

А. П. Окладников, Далекое прошлое Приморья, стр. 179 и сл.

H. Cordier, Histoire generale de la Chine, vol. II, стр. 24.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки.стр. 101–102.

Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма.

В. П. Васильев История и древности..., стр. 183.

А. П. Окладников Якутия..., стр. 365.

А. Н. Афанасьев Колебания гидрометеорологического режима..., стр. 38.

Л. Н. Гумилев По поводу предмета исторической географии. – Ландшафт и этнос. III. Вестник ЛГУ. № 18, стр. 119.

О наличии засухи в то время см.: Л. Н. Гумилев, Истоки ритма кочевой культуры; его же, Открытие Хазарии, стр. 92.

Его киданьское имя было Окичжи (В. П. Васильев История и древности..., стр. 16).

Дансяны – одно из тибетских племен, в древности живших к югу от Кукунора, но в VII в. переселившихся в предгорья Наньшаня (Западное Ганьсу) и смешавшихся там с остатками хуннов, тюрок и тогонцев (южная ветвь монголов), благодаря чему образовался особый, довольно крупный народ, говоривший на тибетском языке. Г. Е. Грумм-Гржимайло (Материалы по этнологии Амдо..., стр. 16–19) считает в числе их предков народ ди, некогда населявший Западный Китай и истребленный китайцами.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 577

H. Cordier Histoire generale de la Chine, vol. II. ctp. 36.

Тогонцы, дансяны, тюрки, хунь, киби, шато (там же, стр. 37).

Для облегчения текста даются только имена императоров, без посмертных титулов.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, ctp. 4.

В. П. Васильев История и древности..., стр. 181, 44

Л. И. Думан. К истории государств Тоба Вэй и Ляо..., стр. 28.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 291, 293, 579.

H. Cordier Histoire generale de la Chine, vol. II, стр. 48–49.

Там же, стр. 50.

Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 269.

Н. И. Конрад Запад и Восток, стр. 119 и сл.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 175–177.

Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 267 (и только она одна). А что, если всю книгу разобрать?!

Ср.: В. П. Васильев История и древности..., стр. 19.

М. И. Артамонов История хазар, стр. 373–377.

С. М. Соловьев История России, стр. 149–150.

Сам М. И. Артамонов не делает такого вывода (см. с. 382–383), но сопоставление его собственных данных с общей ситуацией середины X в. показывает, что царь Хазарии Иосиф был прав, когда писал, что только его упорная и удачная война с Русью спасает от разграбления все мусульманские земли до Багдада (П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в, стр. 83–84, 102), чем подтверждал наличие союза с мусульманскими правителями на Ближнем Востоке.

[Бичурин] Иакинф. История Тибета... т. II, стр. 28.

Chavannes E. Dix inscriptions chinoises..., стр. 205.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 369.

Ци-юань (на кит. яз.; пер. с тибет. Б. И. Кузнецова).

[Бичурин] Иакинф. История Тибета..., стр. 2.

Там же, стр. 18.

Е. И. Кычанов Очерк истории..., стр. 78.

Е. И. Кычанов Звучат лишь письма, стр. 52.

[Бичурин] Иакинф. История Тибета..., стр. 142.

Е. И. Кычанов Очерк истории..., стр. 148.

Тибетское имя Госрай в китайской передаче звучало как Госыло ([Бичурин] Иакинф. История Тибета...) или при осовременивании произношения – Цзюесыло (Е. И. Кычанов. Очерк истории...). Нам не кажется удачным передавать некитайские имена, т.е. фонемы, в современной транслитерации, так как это только запутывает и без того сложные проблемы ономастики. Е. И. Кычанов считает, что Госыло (Цзюесыло) не имя, а титул, означающий «Сын Будды» (Очерк истории..., стр. 137). Ц. Дамдинсурен (Исторические корни Гэсериады) отождествляет его с легендарным Гэсером, но помимо несовпадения имени, происхождения и биографий эта концепция опровергается сообщением ладакской хроники, что в 950 г. в Ладаке княжили потомки Гэсера (А.Н.Франке. A History of Western Tibet, стр. 47). Сами тибетцы датировали Гэсера IV–V вв. (Ch. Bell The Religion of Tibet, стр. 14), и это наиболее вероятно (см.: Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, стр. 24).

Е. И. Кычанов Очерки истории..., стр. 78.

В. П. Васильев История и древности..., стр. 93.

В. В. Бартольд Туркестан..., стр. 176 (ссылка на Якуби).

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия... стр. 366 (ссылка на Истахри).

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 256.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений... т. III, стр. 300.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 18; Н. Я. Бичурин Собрание сведений... т. III, стр. 300–301.

Цит.по: Г. Ф. Дебец Палеоантропология СССР, стр. 284–285.

J. Marquart, Osteuropasche und ostasiatische Streifzuge, стр. 77.

С. Е. Малов Памятники древнетюркской письменности, стр. 224.

Там же, стр. 302

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия...стр. 57; Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 381.

Л. Н. Гумилев Динлинская проблема.

Цит.по: Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 58.

В. А. Фриш Жемчужина южного Забайкалья..., стр. 74–80.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Когда произошло..., стр. 167–170; Л. Н. Гумилев О термине «этнос», стр. 9–10.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Когда произошло...стр. 169.

С. А. Козин «Сокровенное сказание», § 1; по мнению акад. Ринчена, Тенгис – горная река в Косогольском аймаке, очень трудная для переправы (личное письмо к автору).

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 22.

Л. Я. Штернберг Первобытная религия...

С. А. Козин «Сокровенное сказание», § 21.

Л. Я. Штернберг Первобытная религия...

Скептические тибетцы утверждали, что род Бортэ-Чино прекратился на Добун-Мэргане и, следовательно, к Чингисхану отношения не имеет. Но золотоцветного юношу они признают и предком Чингиса считают солнечный свет (История Тибета..., стр. 119–122. пер. с Тибет. Б. И. Кузнецова).

См.: Г. Ф. Дебец Палеоантропология СССР, стр. 83; Л. Н. Гумилев Динлинская проблема, стр. 25.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений... т. I, стр. 83; Л. Н. Гумилев Хунну, стр. 156.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Описание путешествия..., стр. 211–212.

W. Schott Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, стр. 19, 22.

Х. Пэрлээ Собственномонгольские племена в период Киданьской империи (907–1125), стр. 314.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений..., т. I, стр. 376–377.

H. Cordier Histoire generale de la Chine, vol. II, стр. 73–74.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 581, 583.

Там же, стр. 102.

Там же, стр. 50.

Л. Л. Викторова Ранний этап этногенеза монголов, стр. 12.

Ибн ал-Асир, цит. по: В. В. Григорьев, Восточный или Китайский Туркестан, стр. 282–283.

И. Н. Березин ошибочно прочел «бикин», что дало почву нескольким ошибочным гипотезам. См. Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, 1, стр. 139–140, прим. 2.

Л. Н. Гумилев, Алтайская ветвь тюркок-тугю.

Рашид ад-Дин, История монголов, стр. 4; Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, 1, стр. 75.

«Новгородская летопись по синодальному харатейному списку», стр. 215.

В. П. Васильев, История и древности..., стр. 216.

См.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., т. II, стр. 169.

В. В. Григорьев (Восточный или Китайский Туркестан, стр. 283) ошибочно приписывает это вторжение карлукам, тогда как последние уже в 960 г. приняли ислам и осели в Кашгаре. Ибн ал-Асир называет нападавших «тюрки Китая» (см. там же, прим. 64).

R. Grousset, L'Empire des steppes, стр. 245.

P. Pelliot, *Chrétiens...*, стр. 630; Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, стр. 380–382.

Одно из тюркских племен Тянь-шаня. В. В. Бартольд, О христианстве в Туркестане..., стр. 18–20.

Там же, стр. 25; ср.: Р. Хенниг, Неведомые земли, т. II, стр. 441 (см. прим. ред., стр. 446).

А. П. Окладников, Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время; И. И. Гохман, Среднеазиатская колония в Прибайкалье.

Н. С. Лесков, великий знаток русского православия, в знаменитом рассказе «На краю света» справедливо отмечает, что неудача православных миссий в Сибири была связана с тем, что русские миссионеры не смогли найти в местных языках абстрактных понятий, без которых понимание христианской доктрины невозможно. Несторианские проповедники сумели эту трудность преодолеть.

Восстание всех приамурских племен, против которых была брошена целая армия.

Принятие христианства влекло за собою не столько политическое объединение страны, его принявшей, сколько этническую унификацию, потому что рознь между племенами поддерживалась родовыми культами. При наличии общего исповедания появилась база для координации действий, даже при политической раздробленности этноса, противопоставляющего себя иноверцам. См.: Гумилев Л. Н. По поводу предмета исторической географии, стр. 115.

Имя Уба не встречается ни у тюрок и уйгуров, ни у монголов. Возможно, это христианское имя Увар с характерной для тюрко-монгольской фонетики заменой «в» на «б». Египетский христианин Уар был казнен в 307 г., во время гонений Максимилиана. Мощи его были перенесены в Палестину в 312 г.; память – 19 октября. По времени этот святой – общий для несториан и православных, так как канонизирован до Эфесского собора. См.: Сергей, архимандрит. Полный месяцеслов Востока, стр. 333.

Mailla J.A. Histoire generale..., стр. 188–189.

[Бичурин] Иакинф, История Тибета... т. II, стр. 21.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 588.

К. А. Окладников Далекое прошлое Приморья, стр. 209.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 591.

Ибн Ал-Асир и Абульфедда – см.: В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 22–23.

Тогда император Ляо наложил запрет на продажу железа цзубу и уйгурам (В. Григорьев. Восточный...Туркестан, стр. 276).

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 593.

Е. И. Кычанов Очерки истории..., стр. 219.

В. П. Васильев История и древности..., стр. 174.

А. П. Окладников Далекое прошлое Приморья, стр. 221–225.

В. П. Васильев История и древности..., стр. 175.

В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 11, 19, 23.

Altheim F. Geschichte der Hunnen, стр. 108.

Б. Д. Греков Киевская Русь, стр. 458–459.

М. И. Артамонов История хазар, стр. 443.

Л. Н. Гумилев Открытие Хазарии, стр. 175–177.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 573–657.

Бретшнейдер считает, что это было в 1120 г., но см. исправление Виттфогеля (там же, с. 627).

Е. И. Кычанов Очерк истории..., стр. 228–229.

Современная Хара-мурен. См.: К. А. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, History...стр. 631, прим. 13.

R. Grousset L'Empire des Steppes. стр. 182.

К. А. Wittfogel and Feng Hsia-sheng History..., стр. 632, прим. 3.

Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 36.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 101–102.

Г. Я. Смолин Крестьянское восстание.

В тексте ti-la, но это же, что и tie-lieh. См.:K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, History..., стр. 50.

Wi-ku-li – это урянхай, охотники и рыболовы, называвшиеся до IX в. уги. См.: Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах. т. II, стр. 69–72.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 98.

Рашид ад-Дин. Сборник летописи..., т. I, стр. 193.

Ni-la – нират. Полагаю, что это нирун, наиболее аристократическая группа монгольских племен.

Da-la-Kuai. См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I. 1, стр. 118.

Там же, стр. 77.

Там же, стр. 171.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 635.

Это показывает, что уйгурский идыкут не стал искренним союзником киданьского гурхана. Скорее всего он, преследуя свои торговые и религиозные интересы, хотел использовать киданей как ударный отряд против мусульман и поэтому постарался сделать их возвращение на восток степи невозможным.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 638.

См. там же.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 398.

Л. Н. Гумилев Истоки ритма кочевой культуры, стр. 91–92.

С. И. Руденко К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, стр. 5.

В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 21.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 642.

В. В. Бартольд О христианстве в Туркестане..., стр. 11.

Там же, стр. 26.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 399.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 659.

О новейших археологических находках христианских древностей из этого района см.:
Т. Н. Сенигова Вопросы идеологии и культов Семиречья, стр. 62–67.

Викторова Л. Л. К вопросу о найманской теории..., стр. 137–140.

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 50.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, 1, стр. 135–140.

В. А. Обручев Избранные работы по географии Азии, стр. 386.

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 115–116.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 198.

«...На языке найманов и некоторых монголов букаула называли „кишат“, а монголы говорят „кичат“ (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, II, стр. 124).

Л. И. Думан К истории государств Тоба Вэй и Ляо..., стр. 20–36.

Л. Н. Гумилев Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века, стр. 82.

Л. Н. Гумилев Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии, стр. 92.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, 1, стр. 139. В переводе Березина дано «бикин», но «тикин» предпочтительнее, так как, видимо, это остатки алтайской ветви тюркютов. См.: Л. Н. Гумилев Алтайская ветвь тюркок-тукю, стр. 105 и сл.

В. В. Бартольд Туркестан. т. II, стр. 182–344.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, 1, стр. 130.

«Сокровенное сказание...», стр. 83–84.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных, стр. 169.

В. Бартольд предполагает, что Маркуз был, возможно, современником Елюя Даши (см.: О христианстве в Туркестане..., стр. 25), но погиб он уже после смерти Хабул-хана, жившего в 1147 г.

См.: Рашид ад-Дин, стр. 130; титул «гурхан» указывает, что он был вождем объединения племен, а таким в указанное время был только монгольско-кераитский союз.

Дата установлена Палладием Кафаровым, который ссылается на «исторические записки о Си-Ся (сочинение, появившееся недавно)....», указывая, что хронологические данные этого сочинения «требуют проверки» (Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, стр. 199).

В тексте – Хашин, название, переделанное монголами из китайского слова «Хэ-си» – западнее реки. Так назывались предгорья Алашаня и Наньшаня, лежащие западнее поворота Хуанхэ на север. Эта область с крайне смешанным населением была сердцем государства Тангут (кит. Си-Ся).

Купеческий капитал Генуи, Венеции и Флоренции синхронен и аналогичен такому же явлению в Куче и Турфане. Поэтому данный термин не модернизация.

Иакинф [Бичурин]. История Тибета и Хухунора. т. II, стр. 108–110.

Р. Груссе дает неверную дату этого события (L'Empire..., стр. 259).

См.: Р. Хенниг Неведомые земли, т. II, стр. 446 и сл.

Хронология этих событий не ясна. По Р. Груссе (L'Empire, стр. 259), бегство и возвращение Ванхана происходили в 1194–1196 гг. К. Виттфогель (стр. 648) разбирает этот вариант и предлагает другой – бегство Ванхана в 1196 г. и возвращение – в 1198 г. Второй вариант более убедителен, так как Инанч-хану было нужно время для того, чтобы собрать достаточно сильную армию, от которой Ванхан бежал без боя. Если положить на это полтора года, то все становится на место. И затем, основные события развернулись в год курицы, 1201 г. по второму варианту через три года после возвращения Ванхана, а не через шесть лет – срок слишком длинный для того, чтобы связывать события между собой.

Унаган-богол – чтение Б. Я. Владимирцова, вошедшее в литературу; Н. Ц. Мункуев исправляет чтение на «о т э г у б о г о л».

С. А. Козин «Сокровенное сказание», стр. 54.

См. ниже стр. 289–300. Так как до 1200 г. даты событий рассчитываются по «живой хронологии» рождения и женитьбы Чингиса, то несовпадение наших датировок с общепринятыми доказывається специальным экскурсом.

Р. Груссе (L'Empire des steppes..., стр. 253; L'Empire Mongol, стр. 47), Бойл (статья «Cingiz-Khan» в новом изд. «The Encyclopaedia of Islam», Leiden-London, 1960), П. Кафаров (Старинное монгольское сказание..., стр. 173), В. В. Бартольд (Сочинения. т. I, М., 1963, стр. 447) и другие авторы говорят о разгроме монголов чжурчжэнями. Но Ван Го-вэй (Мэн-гукао. Исследование о монголах, стр. 8 а-б) пишет, что чжурчжэньский правитель Хайлин-ван (1149–1161) только издал прокламацию о своем намерении наказать монголов, а поход не был предпринят. Очевидно, для разгрома монголов оказалось достаточно татар, союзных с чжурчжэнями. Мнение Ван Го-вэя сообщено мне Н. Ц. Мункуевым, которому и приношу искреннюю благодарность.

Л. Н. Гумилев Этнос и категория времени.

«Сокровенное сказание», § 116.

Не следует забывать, что текст написан через 58 лет после произнесения, если таковое было. По одному этому здесь не может быть буквальной точности.

Эту фразу исследователи (филологи и историки) считают поводом к началу военных действий, но переводят очень по-разному. Так, Палладий Кафаров, переведший «Тайную историю» с китайского перевода, дает такой вариант загадочной фразы: «Джамуха сказал: „Ныне, если мы остановимся у горы, то пасущие коней достанут юрты; если подле потока, то пасущие овец и ягнят достанут пищи для горла“» (Палладий. Старинное монгольское сказание..., стр. 59) С. А. Козин, сделавший перевод с подлинника, предлагает другой вариант: «Покочуем-ка возле гор – для наших табунщиков шалаш готов. Покочуем-ка возле рек – для овчаров наших в глотку (еда) готова» («Сокровенное сказание», § 118). Но Л. Лигети, переводя тот же текст, осмысливает его иначе: «У самого подножия гор наши прилежные табунщики пусть найдут загон (вар.: пусть гора им будет загоном). У самого берега реки пусть мы поселимся там, пусть наши овчары найдут там корм» (L.Ligeti. A Mongolok titkos tortenete. стр. 239). Есть и еще варианты, но хватит и приведенных, потому что, не понимая смысла фразы, нельзя сделать верный перевод, а именно смысл-то и неясен. Установив это немаловажное обстоятельство, можно, и даже следует, отказаться от попыток найти в «кочевой загадке Джамухи» как отгадку причин создания Монгольского улуса (ср.: Бартольд В. Образование империи Чингис-хана. – Записки Восточного отделения Российского археологического общества. X. 1896), так и «подчеркнутое равнодушие... скучающего барина» (С. А. Козин Юань-Чао би-ши как памятник литературы. – «Сокровенное сказание», стр. 40). Здесь имеет место литературный прием, разгадать который мы не можем, так как наши эстетические нормы и системы ассоциаций иные, нежели у монголов XIII в., к которым адресована «Тайная история». Слово живет только в момент произнесения, при наличии внятной интонации и определенной обстановки. Перенесенное через века, оно умирает, и «как пчелы в улье опустелом дурно пахнут мертвые слова». А смысл бессмертен, но улавливать его следует иными способами.

«Сокровенное сказание», § 110.

Там же, § 101

Там же, § 118.

R. Grousset L'Empire Mongol, стр. 72–75.

«Сокровенное сказание», § 127.

Там же, §122.

Там же, § 120.

Там же, § 123 (в сокращении).

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, 2, стр. 87–88; по «Сокровенному сказанию», силы были равны. см, § 129.

Источники по этому поводу противоречат друг другу. «Тайная история» излагает события так, как они приведены здесь («Сокровенное сказание», § 129). Рашид ад-Дин (Сборник летописей. т. 1, 2, стр. 88) и Юань-ши (Иакинф [Бичурин], История первых четырех ханов..., стр. 9) утверждают, что победу одержал Чингисхан. О причине разногласий см. ниже.

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 31.

«Сокровенное сказание», § 129.

Буквально: *курень*— кольцевая оборона стойбища на случай нападения врага.

«Сокровенное сказание», § 141, стр. 116.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, стр. 88.

«Сокровенное сказание», § 129.

В отличие от состава батуров, выбиравших Тэмуджина, здесь подчеркнуто, что хана выбирали представители племен, которых только десять. Тайджиуты и татары имели по три представителя, найманы – двух, и особое место занимал сам Джамуха, племя которого, джаджираты, в списке не указано. Шесть племен были монгольскими в полном смысле слова: унгираты, икиресы, горлосы (кураласы), хадагинцы, сальджиуты и тайджиуты, причем три последних были из раздела нирун, т.е. находились в родстве с Чингисханом. Найманы, ойраты, меркиты и татары были, видимо, приглашены как союзники, что показывает на характер войны: она возникла как гражданская, социальная, а не межплеменная. Именно поэтому продолжался раскол внутри племен: горлосский воин известил Чингисхана о сговоре против него, но это не расценено в источнике как предательство: этот воин просто выбрал сторону, на которой хотел сражаться («Сокровенное сказание» § 141). Эта особенность войны подчеркнута ниже, в эпизоде с пленением тайджиутского вождя Таргутая своими воинами. Они его везли к Чингису, но отпустили, чтобы не накладывать рук «на природного государя». За это Чингисхан их похвалил и принял на службу (Там же, § 149). Значит, сами воины, по тогдашним этическим нормам, имели право на выбор знамени, но не на личную нечестность.

Этическая система монголов настолько отличалась от современных им представлений Китая и Европы, что часто возникали конфликты только из-за взаимного непонимания: то, что казалось монголам преступлением, для европейца было нормальным, и наоборот.

«Сокровенное сказание», § 144.

Опять противоречие в источниках. Здесь приведена версия «Тайной истории» («Сокровенное сказание», § 158), а Рашид ад-Дин сообщает, что Буюрук-хая был застигнут на охоте в 1206 г. и убит (Сборник летописей. т. I, 2, стр. 135). Ту же версию приводит «Юань-ши» (Иакинф [Бичурин]). История первых четырех ханов..., стр. 36), но это говорит лишь о том, что китайский и персидский варианты восходят к одному, очевидно, монгольскому источнику.

«Сокровенное сказание», § 164.

Поведение Джамухи в этой и других кампаниях столь странно, что заслуживает особого изучения. Авторы источников как бы не замечают нелогичности поведения одного из главных героев развернувшейся трагедии, а историки XX в. предлагают объяснения явно несостоятельные. Мы разберем этот вопрос отдельно; см. ниже, глава XI.

Перебежчики были на обеих сторонах, но если к Чингисхану бежали пастухи-араты, то у Ванхана группировались благородные нойоны, например Алтай, Хучар и даже брат Чингисхана – Хасар. Отсюда видно, что война между монголами и кераитами была не межплеменной, а скорее социальной, решением спора между «людьми длинной воли», которые после победы стали нойонами, и родовой знатью. Только так можно интерпретировать тезис о «монгольском кочевом феодализме», не входя в противоречие с фактами.

«Сокровенное сказание», § 188.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т.I, 2, стр. 134.

Там же. т. I. 1, стр. 127.

«Сокровенное сказание», § 174.

«Книга Марко Поло». М., 1955, стр. 85–87.

Сибирские летописи, стр. 36; Г. Ф. Миллер История Сибири. т. 1, стр. 190–191. Сводку мнений и толкований см.: М. Г. Сафаргалиев Распад Золотой Орды, стр. 220.

«Сокровенное сказание», § 228.

Там же, § 202.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 60.

В. Г. Тизенгаузен Сборник материалов..., стр. 100, 141.

Сложный вопрос о догматике древнемонгольской религии как сопернице несторианства будет разобран ниже, в главе XII.

«Сокровенное сказание», § 246.

В. В. Бартольд Туркестан..., стр. 382 и сл.

Об этом сообщает хроника знаменитого сирийского врача и полигистора XII в. Бар Гебрея «The Chronography of Gregory Abu'l Faraj, the son of Aaron, the Hebrew Physician commonly known as Bar Hebraeus» (trad. from Siriak by E. A. Wales Budge, London, 1932), но, как водится, все перепутано. Вот текст: «Ун-хан, Иван, царь христиан, правитель хуннских варварских племен, именуемых Крит (Кераит), взял жену из племени одного из китайских народов, называемых каракета (кара-китай). Он покинул веру отцов и стал поклоняться странным богам» (по цит. К. А. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, History..., стр. 653). Бар Гебрей слил в одно лицо Кучлука и Ванхана, смешал найманов и кераитов. Так создавался образ «царя Ивана», а затем «царя Давида». Нет, пожалуй, мы знаем историю лучше, чем авторы аутентичных источников, и целесообразнее опираться не на интерпретации древних авторов, а на бесспорные факты, извлеченные из их сочинений исторической критикой.

К. А. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, History..., стр. 653, прим. 31. Это сомнительно, ибо Рашид ад-Дин сообщает, что, по мнению найманов, «Кучлук обладал такой властью над дивами и пери, что выдаивал их молоко и приготавливал из него кумыс» («Сборник летописей», т. I, 2, стр. 112). Тут скорее неизвестное нам эзотерическое демонопоклонство, чем буддизм.

В. В. Бартольд Туркестан...стр. 403.

Radulphus de Coggeshale. Chronicon Anglicanum ed J. Stevenson, цит. по.: Р. Хеннинг
Неведомые земли. т. III, стр. 28–29.

Spicilegium sive Collectio veterum aliquot scriptorum, qui in Galliae bibiothecis delituerant, Paris, 1723. т. III, стр. 591 и след., цит. по Хенниг Р. Неведомые земли. т. III, стр. 26–27.

Ш. Диль История Византийской империи, стр. 114.

В послании Балдуина Фландрского, ставшего в 1204 г. императором Константинопольским, содержатся следующие характерные выражения: «чудесный успех», «неслыханная добыча» и «беззакония греков у самого Господа вызвали рвоту». Редакция текста приписывается Иоанну, епископу Нуайонскому. См.: Панченко Б. А. Латинский Константинополь и папа Иннокентий III, стр. 5–6.

В булле русским князьям в 1207 г. он писал: «Так как страна греков и их церковь почти полностью вернулись к признанию апостольского креста и подчиняются распоряжениям его, представляется заблуждением, что часть не соглашается с целым и что частное откололось от общего» (А. И. Тургенев Акты исторические..., стр. 4 (на лат.яз.)).

«Новгородская первая летопись...» стр. 77; С. А. Тараханова Древний Псков, стр. 28.

А. И. Тургенев Акты исторические..., стр. 30–31.

Архив Маркса и Энгельса. т. V. М., 1938, стр. 205.

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 108.

P. Pelliot Le nom de Seroctan.

R. Grousset L'Empire des steppes..., стр. 347.

В 1254 г. Рубрук описывает несторианскую службу, где ханши и царевици поклонялись кресту («Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 145–151). Царевич Ариг-буга сказал при Рубруке: «Мы знаем, что Мессия – Бог» (Там же.стр. 167); о христианских взглядах Хубилая сообщает Марко Поло (см.: Книга Марко Поло, стр. 242, 281).

Несториане не причащали православных, но допускали к евхаристии католиков («Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 161, 240), а в 1213 г. на диспуте, происшедшем в Константинополе между кардиналом Пелагием из Альбано и Николаем Месаритом, митрополитом Ефесским, последний сказал: «Ты изгоняешь греческое духовенство за непокорность папским велениям... хотя латиняне терпят в своей среде иудеев и еретиков, армян, несториан, яковитов» (Б. А. Панченко Латинский Константинополь..., стр. 51). Полвека спустя католики расправились с несторианством.

Иакинф [Бичурин]. История четырех первых ханов..., стр. 80.

Мэн Хун, сановник в империи Сун, автор книги «Записки о монголо-татарах», написанной в 1221 г. См: В. П. Васильев История и древности..., стр. 170.

Ван Го-вэй выдвинул мнение, что автором этой книги правильнее считать не генерала Мэн Хуна, а южносунского посла Чжао Хуна, посетившего в 1221 г. Пекин для переговоров с Мухали-нойоном. См.: P. Pelliot L' Edition collective des oeuvres de Wang Kuowei, стр. 166.

В. П. Васильев История и древности..., стр. 227.

В. П. Козлов Научное значение археологических находок П. К. Козлова, стр. 10.

Дата этого события не уточнена, но оно имело место после смерти Чингисхана. См.: «История Тибета пятого Далай-ламы».

См.: Г. Е. Грумм-Гржимайло Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных.

О других причинах отхода монголов.: А. Н. Насонов Монголы и Русь, гл. I.

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 259.

Н. Ц. Мункуев Китайский источник о первых монгольских ханах, стр. 18–22.

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 135.

А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 20–21.

В. Г. Тизенгаузен Сборник материалов..., стр. 21–22.

Там же, стр. 19.

А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 14–16.

«В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто одного с ними рода» (Эль Омари. – В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов..., стр. 325).

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука».

Там же, стр. 41.

Там же, стр. 59–61, 116, 134.

Несториане унаследовали от манихеев учение об изначальном зле и о переселении душ (там же, стр. 171).

Там же, стр. 114 (ср.: А. Г. Галстян Армянские источники о монголах, стр. 110, приведена литература).

Там же, стр. 105, 107, 227.

Там же, стр. 194.

P. Pelliot Les Mongols et la Papauté. стр. 247 (51).

R. Grousset L'Empire des steppes..., стр. 425.

Куглер Б. История крестовых походов, стр. 372.

R. Grousset L'Empire des steppes..., стр. 421.

Там же, стр. 422; P. Pelliot *Les Mongols et la Paraute*, стр. 172, 193; Р. Хенниг *Неведомые земли*. т. III, стр. 50–57.

«Огуль-Гаймыш была женщиной крайне ограниченной. Кроме сделок с купцами, никаких дел больше не было, и Огуль-Гаймыш большую часть времени проводила наедине с шаманами и была занята их бреднями и небылицами... Вследствие разногласий между матерью, сыновьями и другими, противоречивых мнений и распоряжений, дела пришли в беспорядок» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. II, стр. 121–122). За глупость ханша заплатила дорогой ценой – жестокой гибелью, не только своей, но и многих родных и друзей.

Книга Марко Поло, стр. 47, 281.

R. Grousset L'Empire des steppes, стр. 432.

Палладий [Кафаров]. Старинные следы христианства в Китае, стр. 62.

Русские и кыпчаки вместе составляли войско, называвшееся «Алань-асы» (Там же, стр. 47).

R. Grousset L'Empire des steppes, стр. 441.

А. Г. Галстян, Армянские источники о монголах. С.67–70.

Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия..., стр. 474.

R. Grousset L'Empire des steppes, стр. 430.

Куглер Б. История крестовых походов, стр. 391 и сл., Мюллер А. История ислама, стр. 181–183.

Куглер Б. История крестовых походов, стр. 404.

J. Richard Le debut des relations..., стр. 293.

А. Мюллер, История ислама, стр. 259.

История Грузии, стр. 260.

В. Г. Тизенгаузен Сборник материалов..., стр. 245–246.

Закиров С. Дипломатические отношения..., стр. 38–39.

А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 45.

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 324.

Мункэ заподозрил брата в том, что тот хочет добиться популярности, а затем и независимости (см.: Г. Е. Грумм-Гржимайло *Западная Монголия...*, стр. 471).

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 353–354.

А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 51.

Например, Шики-Хутуху, приемный сын Чингисхана, первый монгол, выучивший грамоту, сидевший на пирах Угедея выше самого Мункэ, скончался около 1260 г. в возрасте 82 лет (см.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, стр. 107).

R. Grousset L'Empire des steppes..., стр. 353.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 477.

Ханша Боракчин в 1257 г. вступила в связь с Хулагу для противодействия Берке (см.: В. Г. Тизенгаузен Сборник материалов, стр. 150–151, 378).

«...Тридцать туманов монгольского войска и восемьдесят туманов китайского...» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, стр. 188). Цифры явно завышены, но соотношение их показательно: монголы составляли меньше трети этой армии, несмотря на поголовную мобилизацию населения.

R. Grousset L'Empire des steppes..., стр. 359.

Предлагаю вниманию читателя несколько сводных работ, из коих он может выбрать любую, на том языке, который ему лучше знаком: Н. Н. Howorth History of the Mongols...; C. D'Ohsson Histoire des Mongols de puis Tchinguizkhan...; В. Spuler Die Mongolen in Iran...

Книга Марко Поло, стр. 102.

Палладий [Кафаров]. Сию цзи, или описание путешествия на Запад, стр. 375.

Н. Ц. Мункуев Китайский источник о первых монгольских ханах, стр. 16–17.

R. Grousset L'Empire des steppes..., стр. 342.

Там же, стр. 366.

P. Pelliot Chretiens d'Asie Centrale..., стр. 635.

Там же, стр. 636.

Там же, стр. 637.

Книга Марко Поло, стр. 46–47.

Там же, стр. 281.

Р. Хенниг Неведомые земли, т. III, стр. 150.

Там же, стр. 138.

Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия..., стр. 501.

О названии страны «Тендук» есть много предположений. В данном случае, видимо, имеется в виду степь севернее Ордоса.

Коркуз известен как кераитский князь, наследник Ванхана. П. Пельо предполагает, что он был онгут (P. Pelliot, *Chrétiens d'Asie Central*, стр. 633–635).

Р. Хенниг (Неведомые земли, стр. 155) приводит другие даты: 1299 и 1300 гг.

Le livre du Grant Caan. ctp. 57–72.

Там же; Note preliminaire. стр. 59.

Ханбалык – Пекин, столица империи Юань.

Мюллер История ислама, стр. 277.

Дува умер в 1306 г., его сын, Куньчжек, – в 1308 г.; после недолгой, но кровавой смуты ханом был избран сын Дувы – Эсэнбука (1309–1318). Его сын, Кебек, был убит в 1321 г., и после смуты власть взял его брат, Тармаширин (1326), казненный в 1334 г., затем наступила новая смута, до 1343 г., когда хан Казан попытался восстановить авторитет ханской власти, но пал в битве с эмиром Казаганом, после чего воцарилась анархия.

«Le livre du Grant Caan...» стр. 69–71.

Р. Хенниг Неведомые земли, стр. 139.

В. Т. Пашуто Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства, стр. 209–213; также: A. Remusat *Memoires...*, т. VI, стр. 486 ff; т. VII, стр. 340. ff

А. Мюллер История ислама, стр. 276–277.

И. П. Петрушевский К истории христианства в Средней Азии.

Так францисканский монах Пасхалий из Виттории в письме, написанном на родину в свой монастырь из Алмалыка 10 августа 1338 г., именует несториан. См.: Р. Хенниг Неведомые земли. т. III, стр. 213.

Палладий [Кафаров]. Старинные следы христианства в Китае, стр. 32, 44–45.

Р. Хенниг Неведомые земли, стр. 154.

В. В. Бартольд К вопросу о чингисидах-христианах. т. II, стр. 417–418.

И. Н. А. Исторический очерк католической пропаганды в Китае, стр. 6.

Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин Чингисхан и его наследие, стр. 92.

«Юань-чао би-ши...» стр. 5–6.

С. А. Козин «Сокровенное сказание, стр. 30. Прим.; Палладий [Кафаров]. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане...

P. Pelliot Histoire...; E. Haenisch Die Geheime Geschichte der Mongolen.

Хотя мне представляется второй перевод заглавия более удачным, ссылки в основном даются на перевод С. А. Козина, охарактеризованный в предисловии как «наложный материал» для историка. См.: «Сокровенное сказание, стр. 6.

В. В. Бартольд Образование империи Чингисхана, стр. 111; С. А. Козин «Сокровенное сказание, стр. 38 и сл.: Б. Я. Владимирцов Общественный строй монголов, стр. 7; М. Гаадамба „Сокровенное сказание монголов“ как памятник..., стр. 5–6.

В. В. Бартольд Туркестан... т. II, стр. 43; Г. Е. Грумм-Гржимайло Западная Монголия. т. II, стр. 407–409.

О сборности труда Рашид ад-Дина см.: И. П. Петрушевский История Ирана..., гл. V, стр. 168–169.

В. В. Бартольд Избранные сочинения, стр. 94–95; Абул-Касим Абдаллах Кашани «Арайис ал джавахир ва нафаййис ал атайиб» (Свадебные подарки драгоценных камней и редкости благовоний). Изд. И. Адшар (на перс. яз.). Тегеран, 1346 (1966), стр. 357.

И. П. Петрушевский Рашид ад-Дин..., стр. 25.

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов...

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, 2, стр. 86–88; Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 9.

«Сокровенное сказание», § 129. Далее некоторые параграфы даны в тексте (в скобках).

Там же, § 98 и след. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, стр. 115.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т. I, 1, стр. 191; «Сокровенное сказание», §201.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. т.I, 2, стр. 74. Разбор проблемы с учетом новых данных см.: G. Vernadsky The Mongols and Russia, стр. 20–21. Однако с предлагаемой здесь датой рождения Чингиса – 1167 г. согласиться нельзя, как будет видно из анализа хронологии по возрасту детей Чингиса.

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 137.

История Монгольской Народной Республики, стр. 109.

По Рашид ад-Дину, Тэмуджину было 13 лет (т. I, 2, стр. 76).

А не в 1166 г., ср.: «История Монгольской Народной Республики» (стр. 109), где хронология неточна.

Тэмуджин во время праздника, когда все тайджиуты напились, убежал и спрятался в заводи, оставив над водой только лицо. Его заметил Сорган-Шира, но сказал: «Вот за такую сметливость твою... ненавидят и преследуют тебя... лежи так, я не донесу...» (Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане..., стр. 42; в переводе С. А. Козина: «За то ты и не мил своим братцам, что так хитер, что во взгляде – огонь, а лицо – что заря!.. я не выдам» («Сокровенное сказание», § 82). На следующий день жена и дети Сорган-Ширы спрятали Тэмуджина при обыске, потом дали лошадь, лук и две стрелы, благодаря чему беглец добрался до своих кочевий.

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 285.

Анда — побратим (монг.): *тьма* — 10 тыс. всадников (монг. тумын), но обычно личный состав такого войскового соединения был неполным.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, 2, стр. 120; «Сокровенное сказание», § 153; Р. Груссе ошибочно указывает 1198г. (R. Grousset L'Empire..., стр. 259)

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, 2, стр. 84.

Там же, I, 2, стр. 119.

В. В. Бартольд Образование империи Чингисхана, стр. 111.

Б. Я. Владимирцов Общественный строй монголов, стр. 62, 8.

С. А. Козин «Сокровенное сказание», Титульный лист.

Список новейших работ см.: Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, Чингисхан и его наследие, стр. 92 и сл.

Так перевел Козин (200); у Лигети – «болтуня»; по словам акад. Ринчена – «Женщина, упрямо уговаривающая мужа сделать то, что она хочет, без доказательств, путем „жужжания в уши“ (настырная)».

Наиболее важным разногласием является судьба Буюрук-хана. Согласно Рашид ад-Дину, он убежал от монголов в область Кэм-Кэм-джиут к кыргызам, т.е. в верховья Енисея (Рашид ад-Дин... I, 2, стр. 112), а погиб четыре года спустя, летом 1206 г., будучи захвачен во время охоты «в пределах Улуг-тага, в местности, которую называют река Сокау» (Там же, стр. 150). По «Тайной истории», он был убит там же, но в 1202 г. и Коксеу-Сабрах выступил мстителем за своего хана («Сокровенное сказание», § 158). Оба текста аутентичны, и ни один из них не заслуживает предпочтения. Приходится оставить вопрос открытым до тех пор, пока не будет установлена «логика событий», позволяющая применять внутреннюю критику источников.

«Сокровенное сказание», § 164.

Там же.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, стр. 116.

«Сокровенное сказание», § 165.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, стр. 113.

«Сокровенное сказание», § 160.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, стр. 113.

«Сокровенное сказание», §. 160.

«Сокровенное сказание», § 165.

Праправнук военнопленного раба, принятый в семью хозяев с названием «младший брат» (см.: «Сокровенное сказание», § 180), чем был приравнен к аристократической семье.

У Рашид ад-Дина вместо этих двух названы другие: Тагай-Кулакай из племени мангут и Мукур-Куран из нирун-монголов, т.е. наиболее аристократического их раздела (Рашид ад-Дин. Сборник летописей, стр. 123).

Он вступил на престол фактически весной 1197 г., но был официально провозглашен 3.VIII.1200г. (В. В. Бартольд Туркестан..., стр. 375).

«Сокровенное сказание», § 182.

Там же, § 170.

«Джамуха был завистником и зложелателем Чингисхана и крайне коварен и безнравствен по природе» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей, стр. 122.).

«Сокровенное сказание», § 170.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, стр. 132.

«Сокровенное сказание», § 200, 201: Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т.I, 1, стр. 190–192.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т.I, 1, стр. 191.

В. В. Бартольд Образование империи Чингисхана, стр. 111.

С. А. Козин Введение (см.: «Сокровенное сказание», стр. 39),

Б. Я. Владимирцов Общественный строй монголов, стр. 84–85.

«Сокровенное сказание», § 201.

Там же, § 200.

Там же.

В китайском переводе – «ву» – тот, кто имеет сношение с духами. Прозвище Кокочу было Теб-Тенгри, переводимое на персидский язык как Бут-Тенфи – образ неба. См.: П. Кафаров Старинное монгольское сказание о Чингисхане, стр. 237.

«Сокровенное сказание», § 246.

Д. Банзаров Черная вера.

Там же, стр. 5.

Там же, стр. 37 и др.

Н. Веселовский О религии татар..., стр. 92.

Там же, стр. 94.

Там же, стр. 96.

Д. Банзаров Черная вера, стр. 7, 8, 16.

Там же, стр. 45–46.

«Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 114.

Там же, стр. 173.

Там же, стр. 28.

Там же, стр. 29.

P. Bergeron Voyages fait principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles, par Benjamin de Tudele, Jean du Plan Carpin, N. Ascelin, Guillaume de Rubruquis, Marc Paul Venitien, Hayton, Jean de Mandeville et Ambroise Conlarini accompagnies de sarasins et des tartars, et precedes d'une introduction concemant les voyages et les nouvelles decouvertes des principaux voyageurs, par Pierre Bergeron. t. I, 2. La Haye J. Neaulme, 1735, ctp. 72.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, 2, стр. 232.

Там же, т. I, 2, стр. 209.

Там же, стр. 259.

Там же, стр. 263.

Д. Банзаров Черная вера, стр. 6

«Сокровенное сказание», § 199.

Там же, § 203.

Там же, § 208.

Там же, § 113.

Там же, § 208.

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 31.

Д. Банзаров Черная вера.стр. 16, 18, 19.

«Книга Марко Поло», стр. 90.

Там же, стр. 126.

I. J. Schmidt, Forschungen im Gebiete...

Ф. Ратцель, Народоведение, стр. 758.

E. R. Huc Le Christianisme en Chine, en Tartarie et en Tibet, стр. 139.

Д. Банзаров Черная вера, стр. 11: E. Blochet, Eludes sur l'histoire religieuse de l'Iran, стр. 41.

Д. Банзаров Черная вера, стр. 25.

Палладий (Кафаров). Старинное монгольское сказание о Чингисхане, стр. 183.

Н. Веселовский О религии татар..., стр. 92–93; Иакинф [Бичурин].История первых четырех ханов..., стр. 43.

Д. Банзаров, Черная вера, стр. 25.

Л. Н. Гумилев Древние тюрки, стр. 82.

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 80.

Л. Н. Гумилев Величие и падение древнего Тибета, стр. 156, 157.

Л. Н. Гумилев. Б. И. Кузнецов Бон.

Беттани и Дуглас, Великие религии Востока, стр. 279.

Там же, стр. 293.

F. Cumont, *Les mysteres de Mithra*, стр. 4–6, 8–9.

Ю. Николаев, В поисках за божеством, стр. 47.

Себеос, История императора Ираклия, стр. 39.

R. M. Ghirshman *Les Chionites-Nephthalites*, стр. 120–123; А. Н. Зелинский, Академик Федор Ипполитович Щербатской..., стр. 252–253.

Л. Н. Гумилев, Эфталиты и их соседи в IV в, стр. 137.

F. Cumont, *Les mysteres de Mithra*, стр. 110–117.

Л. Н. Гумилев и Б. И. Кузнецов, Бон.

F. Cumont, Les mysteres de Mithra, стр. 4.

A. H. Francke. A History of Western Tibet.

Ch. Bell, The Religion of Tibet.

B. Laufer Über ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo.

H. Hoffman Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion.

R. A. Stein, La civilisation tibétaine.

Ch. Bell, The Religion of Tibet. ctp. 15.

A. H. Francke. A History of Western Tibet, стр. 53.

R. A. Stein, *La civilisation tibétaine*, стр. 209.

Д. Фрезер, Фольклор в Ветхом завете.

Н. Веселовский О религии татар..., стр. 92.

См.: D'Ohsson, Histoire de mongols..., стр. 93–94.

«Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 30, прим. 1, стр. 149–151.

Н. Веселовский О религии татар..., стр. 81–82.

Л. Я. Штернберг Первобытная религия...

«Сокровенное сказание», § 272.

М. В. Воробьев О происхождении..., стр. 47.

S. M. Shirokogoroff, Social Organisation, стр. 86.

М. В. Воробьев, О происхождении...

K. A. Wittfogel and Feng Hsia-sheng, *History...*, стр. 14.

«Слово о полку Игореве – памятник XII в.», 1962.

A. Mazon Les bylines russes, а также статьи в «Revue des etudes slaves» 1938–1945.

А. А. Зимин Когда было написано «Слово», стр. 135–152.

І. Свенціцький, Русь і половці...; A. Vallant, Les Chants epiques...; В. В. Виноградов История литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова, стр. 77.

См.: «Слово о полку Игореве». 1947, стр. 7–42.

Д. С. Лихачев Черты подражательности «Задонщины».

Слово о полку Игореве». 1950, стр. 352–368. Далее страницы даны в тексте (в скобках).

О христианизации половцев сообщают «Житие черноризца Никона» и «Сказание о пленном половчине». Кроме этого, известны факты: половецкий хан Бастий крестился в 1223 г. для вступления в союз с Русью против татар (ПСРЛ, II, стр. 741; X, стр. 90); половцы, переселившиеся в Венгрию, стали христианами; известно о крещении половецких ханов Амурата в Рязани в 1132 г., Айдара в Киеве в 1168 г. (ПСРЛ. IX, стр. 158, 236). В «Кириковых вопрошениях» записано: «И се ми поведал чернец пискупль Лука Овдоким молитвы оглашенныя творити: болгарину, половчину, чюдину, преди крещения 40 дней поста, ис церкви исходити от оглашенных» (Хрестоматия по русской истории, стр. 858). Цит.по: Г. А. Федоров-Давыдов Кочевники Восточной Европы..., стр. 201.

С. А. Плетнева Печенеги..., стр. 222.

С. М. Соловьев История России, стр. 374.

Там же, стр. 379.

Противоположную точку зрения см.: А. В. Соловьев Политический круг автора «Слова о полку Игореве», стр. 87 и сл.; В. Г. Федоров Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла, стр. 128–144. Наш анализ исторического смысла «Слова» переносит проблему в иную плоскость.

М. Д. Приселков История русского летописания XI–XV вв, стр. 49–52; П. Голубовский История Северной земли, стр. 90.

См. также: А. А. Зимин Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве», стр. 43–64.

Попытка подставить под слово «хин» этноним «хунны»(G. Moravcsik Zur Frage hunnobe..., стр. 69–72; А. В. Соловьев Восемь заметок, стр. 365–369) неприемлема ни с филологической стороны («у» не переходит в «и»), ни с исторической: последние гунны – акациры – были уничтожены болгарскими племенами в 463 г. Кутургуров греческие писатели VI в. еще метафорически называют гуннами, но уже в VII в. это название исчезает. Даже венгров IX в. византийцы фигурально именовали «турками», и тем более название «гунны» не применялось к половцам и другим степнякам XI–XIII вв. Следовательно, в устах автора «Слова» название «хунн» невозможно ни как варваризм, ни как архаизм.

А. Ю. Якубовский, анализируя термин «Золотая Орда», также сопоставил его с названием чжурчжэньской династии и другим путем пришел к тому же выводу (см.: К. Д. Греков, А. Ю. Якубовский Золотая Орда, стр. 60).

Звук «к» есть в западномонгольском, или калмыцком, языке, но этот язык, как и народ, на нем говорящий, образовался во второй половине XIII в. из смешения восточных монголов с местным тюркским населением (Б. Я. Владимирцов Турецкие элементы в монгольском языке, стр. 159; Г. Е. Грумм-Гржимайло Когда произошло и чем вызвано распадение монголов на восточных и западных, стр. 167–177). Это мнение принял А. А. Зимин. См.: А. А. Зимин К вопросу о тюркизмах..., стр. 142.

«Задонщина», стр. 535, 538, 539, 543, 544, 547.

Как не подосадовать на недавно появившуюся манеру давать средневековые китайские слова в современном китайском чтении. Ну пусть уж так обращаются с собственно китайскими терминами, но тюркские и монгольские слова искажаются до неузнаваемости, что путает исследователей. Хин и Цзинь звучат непохоже, но Кинь (Kin) – чтение, принятое в классической востоковедческой литературе и отвечающее фонеме XII–XIII вв., неизбежно вызвало бы у литературоведа нужную ассоциацию. Думается, что целесообразнее облегчать работу коллегам, нежели затруднять ее в угоду мнимой точности.

Равно «хин» не может быть названием Китая – Цинь, принятом издавна на Ближнем Востоке и в Европе. Сами китайцы именовали свою страну либо Чжун-го – Срединное государство, либо, в сношениях с иноземцами, по имени династии, т.е. должно было бы быть либо Сун, либо Кин, что и требовалось доказать.

«Сокровенное сказание», § 106.

Там же, § 145.

Там же, § 173, 214.

Н. Я. Бичурин Собрание сведений о народах...т. I, стр. 262.

Там же. т. II, стр. 70–71.

О применении яда у лесных племен Сибири и Дальнего Востока говорит А. П. Окладников, указывая на уменьшение луков и облегчение наконечников стрел в Глазковское время (А. П. Окладников Неолит..., стр. 72), но в степи до XIII в. эта техника была неизвестна.

П. Мелиоранский Турецкие элементы..., стр. 296 и сл. Есть и другие мнения, которые мы здесь не критикуем: Р. Якобсон производит это слово от *charlug* – «каролингский» (R. Jakobson *The Puzzles of the Igor'Tale*, стр. 61), а А. Зайончковский – от племенного названия «карлук» (A. Zajaczkowski. *Zwiazki jezykowe polowesco-slowenskie*, стр. 52–53; ср.: А. Н. Кирпичников *Русские мечи X–XIII веков*, стр. 24). В качестве курьеза можно добавить мнение З. Стибера, производящего слово «харлужный» от кашубского «*Chariezny*» – ворюга, ср. диалектное «харлить» – оттягивать неправдой чужое, отсюда якобы «харлужный» – захваченный в добычу (Z. Stieber *Vieux russe...*, стр. 130–131).

«Сокровенное сказание», § 145.

С. Е. Малов Памятники древнетюркской письменности.

Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie..., стр. 137–153.

В «Задонщине» говорится: «(татары) ркуче...а катунь своих не трепати» (стр. 547).

А. С. Соловьев Деремела...стр. 100–103.

Н. С. Державин Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 25–44.

А. Болдур Троян «Слова о полку Игореве», стр. 7–35.

Там же, стр. 8–11, 22, 34–35.

И. Срезневский Древние памятники русского письма..., стр. 205; Летописи русской литературы. т. III, кн. 5. М., 1861, ч. II, стр. 5.

Где лежит оумерл Зеоус его же и Дья наричают». См.: Э. М. Шусторович Хроника Иоанна Малалы и античная традиция. Литературные связи древних славян. – Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1968, стр. 65.

Г. В. Вернадский Были ли монгольские послы 1223 г. христианами? стр. 145–148; G. Vemadsky *Kievan Russia*, стр. 237–238. Гипотезу Г. В. Вернадского, построенную на толковании нюансов текста, мы принимаем по следующим основаниям. Столкнувшись с новым противником, Субэтэй-баатур постарался избежать войны и послал для переговоров людей, которые, по его мнению, скорее всего могли достичь взаимопонимания, т.е. христиан. Они были казнены. Казалось бы, ему надлежало поберечь своих людей, но он отправил второе посольство с ультиматумом... и оно вернулось невредимым. Очевидно, между первыми и вторыми послами была существенная разница, и ее-то уловил Г. В. Вернадский при детальном анализе текста летописи. Ведь если бы первых послов убили только как татар, то и второе посольство постигла бы та же участь, тем более что послы апеллировали о справедливости к «небесному богу». Но ведь не всякий монотеизм – христианство, а к язычникам в средние века относились терпимее, чем к еретикам.

Ю. Кулаковский История Византии, стр. 441–447.

С. М. Соловьев История России, стр. 379.

В. Л. Комарович Культ рода и земли..., стр. 84–104.

Упоминание дива в «Задонщине» представляется нам литературным заимствованием из «Слова о полку Игореве».

Ипатьевская летопись под 1250 г. Полное собрание русских летописей, II. М., 1962, стр. 806.

Работая в геологической экспедиции на левом берегу Нижней Тунгуски около впадения в нее р. Летней в 1944 г., я нашел столб из окоренной елки длиной около 3 м. На нем была укрепленa деревянная, вырезанная ножом птица длиной около 20 см. По объяснению кетов, это – шаманский знак души, поставленный для охраны места от злых духов. Вся сила оберега заключалась, по их словам, в птице.

Именно у них, ибо западносибирское язычество отличается от шаманизма принципиально. Угорский колдун «приручает духов, как оленей», а не дружит с ними. Кеты считают, что у них и у эвенков «вера разная» (из личных расспросов автора на Нижней Тунгуске в 1943 г.).

Иносказания в «Слове» в аспекте философской символики искал В. Л. Комарович (черновые записи в рукописном отделе Пушкинского дома), но, по-видимому, объяснение может быть более простым и полным за счет изучения политической конъюнктуры XII–XIII вв.

Д. Н. Альшиц См.: Ответы советских ученых..., стр. 37–41.

М. Д. Приселков История русского летописания XI-XV вв, стр. 52.

М. Д. Приселков «Слово о полку Игореве»..., стр. 112.

А. Н. Насонов Монголы и Русь, гл. I.

Там же, стр. 12, 23.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. II, стр. 121.

Письмо Гуюка к папе, см.: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 59, 220–221

G. Vernadsky The Mongols and Russia..., стр. 72.

А. Г. Галстян Армянские источники о монголах, стр. 110; В. Г. Тизенгаузен Сборник материалов..., стр. 18–19.

Смещение битв на Каяле 1185 г. и Калке 1223 г. автором «Задонщины», рассматривающим битву на Куликовом поле как реванш за Калку, отмечено Д. С. Лихачевым (Национальное самосознание древней Руси. М.–Л., 1945), указавшим, что «Задонщину» следует рассматривать как реплику на «Слово о полку Игореве» (см. также: В. П. Адрианова-Перетц «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». – в кн.: «Слово о полку Игореве» – памятник XII в, стр. 131–169). Замеченные нами детали позволяют лишь предполагать большую древность «Слова» сравнительно с «Задонщиной», так как после 1262 г. несторианская проблема потеряла актуальность.

Theiner. *Vetera Monumenta historia Hungariae illustrantia*, I, Roma, 1857, стр. 86 (цит. по кн.: В. В. Мавродин *Очерки истории левобережной Украины*, стр. 283).

К. Маркс – Ф. Энгельсу, 5.III.1856, – К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 29, стр. 16.

Неврюй, полководец Сартака, сына Батяя, подавил восстание Андрея Ярославича Владимирского, брата и соперника Александра Невского.

А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 26–28. Михаил Черниговский посылал посла на Лионский собор 1245 г. просить помощи против татар, и это объясняет его опалу и казнь.

О распространении мусульманства среди печенегов XI в. сообщает Бакри: «... после 400-го года хиджры случился у них пленный из мусульман, ученый богослов, который и объяснил ислам некоторым из них. Вследствие чего те и приняли его. И намерения их были искренни, и стала распространяться между ними пропаганда ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это, и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только 12 тысяч, а неверных – вдвое больше. И они [мусульмане] убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане, и есть у них ученые и законоведы и чтецы корана» (А. Куник, В. Розен, Известия ал-Бакри и других авторов о Руси и славянах, стр. 58–60). По-видимому, здесь налицо тенденциозное преувеличение, ибо известны факты крещения отдельных печенежских ханов (ПСРЛ, IX, стр. 57, 64) и народных масс при договоре с Константином Мономахом в 1051 г., что было бы невозможно, если бы они уже принадлежали к другой мировой религии; но зерно истины в сообщении Бакри есть (см.: С. П. Толстов По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 262), и наличие в причерноморских степях мусульманских кочевников объясняет легкость обращения в ислам Узбека, хана Золотой Орды (1312 г.), очевидно ориентировавшегося на изрядное число кочевников-мусульман.

С. М. Соловьев История России, стр. 181.

В тексте «Слова» стоит «небысть тут брата Брячислава, ни другого Всеволода». По удачному предложению А. А. Зимина (личное сообщение), вместо «Всеволода» надо поставить «Всеслава» – и тогда ретроспективная композиция обретает смысл: не было второго Всеслава, который сумел бы отстоять Полоцк от врагов, и дальше идет патетическое отступление о Всеславе, князе Полоцком, где события перечислены в обратном хронологическом порядке (с. 24–26).

Немане

В 1251 г. Миндовг взят под опеку св. Петра: «крещение же его льтиво бысть» (ПСРЛ, II, стр. 817).

Иакинф [Бичурин]. История первых четырех ханов..., стр. 264–265.

Действительно, поход 1185 г. повлек за собой политический упадок Северской земли и обеспечил гегемонию на Руси суздальскому княжеству (П. Голубовский История Северской земли, стр. 160 и сл.).

Там же, стр. 170.

История католического наступления на Русь обстоятельно заложена в кн.: В. Т. Пашуто
Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.

С. М. Соловьев История России, стр. 157.

Северо-Восточная Русь была обложена только в 1257 г. См.: А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 12, 22.

Там же, стр. 52.

В. В. Бартольд Туркестан..., стр. 495.

Л. Н. Гумилев Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве».

В. И. Вернадский Биосфера, стр. 19.

Gy. Moravcsik Byzantinoturcica.

Карты выполнены А. Родионовым в 2002 г. на основе комплексных электронных атласов Мира «Наша Земля» (ArcAtlas: Our Earth) и ArcWorld при помощи настольных геоинформационных систем фирмы ESRI (<http://gumilevica.kulichki.net/maps>)

Относится к главам III и IV

К главам V, VI, VII.

См.: Доклады отделения и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967.

Л. Н. Гумилев Этнос и ландшафт.

Ю. К. Ефремов Ландшафтная сфера нашей планеты.

В. И. Вернадский Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. О применении идей В. И. Вернадского к исторической географии см.: Л. Н. Гумилев Хазария и Терек.

L. N. Gumilev, New Data on the History of the Khazars, стр. 61–103.

L. N. Gumilev, *Les Fluctuations...*, стр. 331–336.

Л. Н. Гумилев Истоки ритма кочевой культуры..., стр. 85–94.

А. Г. Гаель, Л. Н. Гумилев Разновозрастные почвы..., стр. 11–20.

В. И. Вернадский Биосфера, стр. 19.

См.:Усама ибн Мункыз. Книга назидания, стр. 208 и сл.

Л. Н. Гумилев Хунну, стр. 136.

Н. В. Пигулевская История мар Ябалахи III и раббан Саумы, стр. 89–93.

Цит. по: В. Т. Пашуто Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 64.

«Памятники древнерусского канонического права», ч. I. – «Русская историческая библиотека», VI. № 12. СПб., 1908; А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 136.

В исторической науке сослагательное наклонение считается недопустимым, что ограничивает ее возможности констатацией фактов. В естественных науках оно общепринято, так как по следствиям выясняются причины. Например, если бы на Солнце не происходило процессов распада, оно бы остыло за столько-то лет. Этнология – наука естественная, и, значит, пользоваться принятой во всех естественных науках методикой нам не зазорно.

Слово о полку Игореве, стр. 18.

О русском ремесленнике в Каракоруме сообщает Рубрук («Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 143).

А. Н. Насонов Монголы и Русь, стр. 16–17.

Книга Марко Поло, стр. 85.

Г. В. Вернадский Начертание русской истории, стр. 82.

Сюань чжун улосы ху вэй цинь цзюань. См.: Г. В. Вернадский Опыт истории Евразии, стр. 96.

G. Vernadsky The Mongols and Russia..., стр. 123.

Шан Юэ. Очерки истории Китая, стр. 348.

Этих людей встретил в Юаньской империи Джованни Мариньолли, легат папы Бенедикта XII, пробывший в Ханбалыке с 1342 по 1346 г. у хана Токалмута (кит. Шунь-ди). Это был последний папский посол, пересекший в те времена Гоби и посетивший последнего «Великого Каана», принявшего его очень ласково. Мариньолли пишет, что «восточными землями империи правят аланы (а их более тридцати тысяч, этих аланов. – Л. Г.) – христиане как истинные (католики. – Л. Г.), так и только по имени (православные и несториане. – Л. Г.), и они называют себя рабами папы и готовы жизнь отдать за франков» (Я. М. Свет После Марко Поло, М., 1968, стр. 196). Но за своего хана они отказались гибнуть и при встрече с войском китайских повстанцев в 1351 г. повернули тыл. Видимо, жизнь на чужбине, в окружении враждебно настроенных аборигенов, не повлияла благотворно на их боевую доблесть. Впрочем, это изменение этнического характера и стереотипа поведения не могло возникнуть только за счет обстановки. Мы знаем многие этносы-изоляты, устойчивые и в менее благоприятных условиях. Но вот раскол в среде самих «аланов», произведенный деятельностью Монтекорвино, безусловно, должен был ослабить их сопротивляемость воздействию среды. Р. Хенниг (Неведомые земли, III, стр. 232) относится к сведениям Мариньолли с нескрываемым неуважением. Он отмечает, что тот много болтает о пустяках, опуская важные вещи. Но именно эта некритичность восприятия папского легата полезна для нас, так как наивная тенденциозность не может сбить с толку современного историка. Даже те скудные сведения о христианах в империи Юань, которые он приводит, показывают, что именно удар в спину, нанесенный Монтекорвино, сделал дальневосточную христианскую общину нежизнеспособной и беззащитной перед буддизмом и исламом, разделившими в конце XIV в. несторианское наследство.